

Монах Лазарь

ДРЕВО ЧУДОТОЧНОЕ

Чудеса Господни
по молитвам Оптинских старцев

Монах Лазарь

ДРЕВО ЧУДОТОЧНОЕ

Чудеса Господни
по молитвам
Оптинских старцев

Русский Хронографъ
2011
Москва

УДК 25
ББК 86.372
А94

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Монах Лазарь. Древо чудоточное. *Чудеса Господни по молитвам Оптинских старцев.* — 2011. М. — 400 с.

Подписано в печать 31.01.11. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «PetersburgC».
Печ. л. 25. Тираж 7000 экз. Заказ № 1645

127337, Москва, Ярославское шоссе, д. 24, к. 2

Отпечатано в ОАО
«Издательско-полиграфический комплекс «Ульяновский Дом Печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Номер Издательского Совета – ИС 10-12-0993

ISBN 5-85134-021-5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО ЕСТЬ ЧУДЕСА И ЗНАМЕНИЯ ГОСПОДНИ?

Словеса святых отцев об этом.

Когда в четвертом веке преподобные Кассиан и Герман прибыли из Сирии в Египет, то их ожидало здесь такое благодатное изобилие старческих аскетических поучений, что они, слушая, едва успевали запоминать и записывать. Впрочем, успели много, — на основе записей впоследствии и составилась знаменитая книга Писаний преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина (русский перевод — епископа Петра (Екатериновского), изданный Афонским Русским Пантелеимоновым монастырем в Москве; первое издание — 1875 года, второе — 1892-го). В нее вошло двадцать четыре «Собеседования Египетских подвижников», которые поражают своей богословской и аскетической глубиной. Эти удивительные словеса мудрых старцев за шестнадцать протекших с того времени веков не устарели ни в чем. Они — духовная пища нетленная, Господом благословленная. Мы здесь обратимся, по нашей теме, к пятнадцатому собеседованию: к одному из двух собеседований аввы Нестероя, которое названо преподобным Кассианом — «О Божественных дарованиях».

Здесь придется довольно много процитировать, потому что старец касался многих вопросов, связанных с чудесами и знамениями, с той способностью чудотворений, которую Господь даёт подвижникам. «После вечернего собрания (т. е. богослужения), — пишет преподобный

Кассиан, — ожидая обещанного рассуждения, мы по обычаю вместе сели на рогожке. Когда мы несколько времени промолчали по уважению к старцу, он нашу стыдливую молчаливость предварил такою речью. «Предыдущее рассуждение по порядку дошло до объяснения причины духовных дарований, которая по преданию старцев бывает троякая. Первою причиною исцелений бывает, во-первых, благодать, производящая чудеса и даруемая избранным и праведным мужам за их святость, как известно об апостолах и многих святых, что они творили знамения и чудеса властью Господа, Который говорил: «Болящия исцеляйте, мертвых воскрешайте, прокаженныя очищайте, бесы изгоняйте; туне приясте, туне дадите» *(Мф. 10, 8).* Вторая причина — назидание Церкви, или вера тех, которые приносят больных для исцеления, или тех самых, которые желают получить исцеление. В сем случае сила исцелений исходит иногда и от недостойных, и от грешников, о которых Спаситель говорит в Евангелии: «Мнози рекут мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас: отыдите от Мене, делающии беззаконие» *(Мф. 7, 22–23).* Напротив, недостаток веры в больных или в приносящих их препятствует обнаружиться силе исцелений и в тех, коим она сообщена. Так Евангелист говорит: «И не можаше Иисус ту ни единыя силы сотворити за неверствие их» *(Мф. 13, 58)*... Исцеления третьего рода бывают по обольщению демонов. Человек, преданный явным порокам, может иногда производить удивительные действия и потому почитаться святым и рабом Божиим. Чрез это увлекаются к подражанию его порокам, и открывается пространный путь к поношению и уничижению святости религии... Демоны, с воплем именуя людей, не имеющих никаких

свойств святости и никаких духовных плодов, показывают вид, будто их святость жжет их и они принуждены бежать от одержимых ими».

«Верх святости, — продолжает авва Нестерой, — и совершенства состоит не в совершении чудес, но в чистоте любви. И справедливо. Ибо чудеса должны прекратиться и уничтожиться, а любовь всегда останется *(1 Кор. 13, 8)*. Посему-то отцы наши никогда, как мы видим, не желали творить чудес, даже и тогда, когда имели сию благодать Св. Духа, они желали обнаруживать ее разве только в случае крайней и неизбежной необходимости. Так, помнится, авва Макарий, первый скитский пустынножитель, воскресил мертвого. Когда один еретик, последователь Евномия, употреблял всё искусство словопрения на то, чтобы ниспровергнуть чистоту православной веры, и уже многих обольстил, тогда правоверные мужи, весьма встревожившись такою опасностью, просили блаженного Макария, чтобы он пришел к ним и весь правоверующий Египет избавил от такой опасности неверия. Макарий пришел, и когда еретик приступил к нему со своим искусством словопрения и хотел привесть его в затруднение аристотелевским хитрословием, которому Макарий не учился, то блаженный апостольскою властью положил конец его многословию, сказав: «Не в словеси Царство Божие, но в силе» *(1 Кор. 4, 20)*. Пойдём к гробам и призовем имя Господне над первым мертвым, какого найдем, и таким образом покажем, как говорит Св. Писание, веру вашу от дел *(Иак. 2, 18)*. Чрез такое свидетельство явно откроется истина веры, т.е. мы докажем ее не пустым словопрением, а чудесами, — сими не ложными доводами. Услышав сие, еретик сначала от стыда пред стоящим народом изъявил притворное согласие на сделанное ему предложение и обещал придти завтра. Но на другой день, когда все, желая быть свидетелями такого чуда, поспешно сте-

клись к назначенному месту, — он, обличаемый совестью в своем неверии, от страха бежал и тогда же совершенно удалился из Египта... Блаженный Макарий, остановившись пред давнишним уже трупом, сказал: «Скажи мне, человек, если бы со мною пришел сюда тот еретик, сын погибельный, и если бы я в его присутствии воззвал к тебе, призывая имя Христа Бога моего, то возстал ли бы ты пред теми, кои введены были им в обольщение?» Мёртвый тотчас возстал и дал желаемый ответ».

«Творец знамений и чудес, — говорил авва Нестерой, — призывая учеников к принятию Своего учения, ясно показывает, чему особенно должны учиться от Него истинные Его последователи. «Приидите, — говорит Он, — и научитеся от Мене...» не тому, чтобы Небесною властью изгонять демонов, очищать прокаженных, давать зрение слепым, воскрешать мертвых; ибо хотя Я творю и эти чудеса чрез некоторых рабов Моих, но человек не должен хвалиться ими; слуга и раб не может иметь никакой части в той славе, которая принадлежит одному Божеству. Вы же, говорит Господь, — «научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» *(Мф. 11, 29)*. Ибо этим добродетелям вообще все могут учиться и приобретать их; совершение же знамений и чудес не всегда необходимо и не для всех доступно. Смирение есть наставник всех добродетелей; оно есть крепчайшее основание Небесного здания; оно есть собственный и великий дар Спасителя. Кто последует кроткому Господу не в явлении высоких знамений, но в добродетели терпения и смирения, тот совершает все чудеса, сотворенные Христом. А кто желает повелевать нечистыми духами, или чудесно подавать здравие болящим, или являть пред народом какое-либо из дивных знамений, тот, хотя призывает имя Христово, но бывает чужд Христа; поелику, надменный гордостью, не следует учителю смирения... Не сказал: «если буде-

те, подобно Мне, творить знамения и чудеса», но говорит: «если будете иметь любовь между собою», которую, как известно, могут сохранять только кроткие и смиренные. Посему-то отцы наши никогда не называли тех монахов добрыми и свободными от заразы тщеславия, которые хотели слыть заклинателями, и для того с величайшею надменностью разглашали о себе, что они уже заслужили или надеются скоро получить эту благодать... Итак, если кто пред нами сделает какое-либо знамение, то мы должны хвалить его не за чрезвычайность знамения, но за его добродетель, и обращать внимание не на то, повинуются ли ему демоны, а на то, имеет ли он те свойства любви, какие описаны апостолом *(1 Кор. 13, 4–8)*.

Истребить в собственной плоти нечистое вожделение, это есть большее чудо, нежели изгнать духов из чужих тел; силою терпения укротить мятежные движения гнева, это есть славнейшее знамение, нежели повелевать князьями, владычествующими в воздухе *(Еф. 2, 2; 6, 12)*; избавить собственное сердце от мучительных недугов уныния, это гораздо важнее, нежели исцелить телесные немощи и болезни другого...»*.

В том же веке великий учитель Церкви святитель Иоанн Златоуст в одном из своих слов говорил: «Бог создал мир не только удивительным и великим, но и тленным и скоропреходящим, и положил в нем много признаков несовершенства. Он с целым миром сделал то же, что сделал с апостолами. Что же он сделал с апостолами? Так как они творили много знамений и чудес великих и удивительных, то Бог попустил им терпеть непрерывно бичевания, гонения, узы и телесные немощи, быть в непрестанных скорбях, чтобы величие их знамений не расположило людей почитать их за богов. Поэто-

* Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892. С. 439–440, 441–442, 444, 445, 446.

му, даровав им столь великую благодать, Он оставил тело их смертным, а у многих и болезненным, и не освободил их от немощей, дабы показать их настоящую природу... Для чего же это было, для чего Бог заключил столь великое сокровище и обилие дарований в смертном и тленном теле? «Да премножество силы будет Божия, а не от нас» *(2 Кор. 4, 7)*. В самом деле, когда увидишь, что апостолы воскрешают мертвых, а сами немоществуют и не в состоянии освободиться от недугов, то ясно уразумеешь, что воскресение мертвого совершилось не силою воскресившего, но действием Духа... Итак, как у апостолов по причине величия их знамений Бог оставил природу немощную и попустил им подвергаться непрестанным искушениям, чтобы их не сочли за богов, — так и в природе сделал Он нечто подобное тому. Он сделал ее прекрасною и великою, а вместе и тленною»*.

В «Толковании на святого Матфея Евангелиста» святитель Иоанн Златоуст писал: «Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов — и всё тобою будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов... Послушай, что говорит Христос: «Не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, но яко имена ваша написана суть на Небесех» *(Лк. 10, 20)*. И прежде в другом месте: «Мнози рекут Мне во он день: не в Твое ли имя пророчествовахом, и бесы изгонихом, и силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас» *(Мф. 7, 22–23)*. Также пред крестным страданием, призвавши учеников, сказал им: «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» *(Ин. 13, 35)*, — а не по-

* Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 1. С. 125–126.

тому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал *(Ин. 17, 23)* — не из того, что они будут воскрешать мертвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят, или доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердого сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставивши зрелище, пошел в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот дивные знамения! Если мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечем к добродетели, и достигнем будущей жизни, — которой да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа»*.

«Что же составляет жизнь нашу? — спрашивает святитель Иоанн Златоуст. — Явление ли чудес или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы чрез них явясь достойным веры и привлекши к Себе людей, ввести в мир добродетель. Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами,

* Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб., 1899. Т. 7. Кн. 1. С. 361.

но то угрожает геенною, то обещает Царствие, то предписывает чу́дные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы соделать нас равными Ангелам. Но что говорить о Христе? Он ли один творит всё с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор — или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе — или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей»*.

Посмотрим, что говорил в седьмом веке знаменитый аскет, автор полезнейших для монахов поучений святой Исаак Сирин. «Кто без нужды осмеливается на сие, — говорит он о чудотворениях, — или молит Бога, и желает, чтобы в руках его были чудеса и силы, тот искушается в уме своем ругателем демоном и оказывается хвастливым и немощным в своей совести... И кто желает сего, тот не действительно праведен... А истинные праведники не только не вожделевают сего, но и отказываются, когда дается им то; и не только пред очами людей, но и втайне сами для себя не желают сего... Если же некоторые из них принимали дарования, то принимали по нужде или по простоте своей»**.

Перенесемся теперь мысленно в одиннадцатый век. Еще раз убедимся, что нет никаких разногласий между святыми православными отцами, а у них со Священным Писанием. Преподобный Симеон Новый Богослов го-

* Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб., 1899. Т. 7. Кн. 2. С. 486.

** Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 154.

ворил о тех чудесах, которые являл Бог в человеке. И являл, и являет всегда, и в течение жизни человека они весьма многообразны, хотя человек может и не видеть их по своей духовной слепоте. Святой Симеон благодарит Господа за блага, которых и не чаял. «Ибо откуда было мне, бедному, узнать, — говорил он, — что Ты таков, благий Владыка наш, чтоб восприять желательное стремление к Тебе? Откуда бы узнал я, что Ты являешь Себя приходящим к Тебе, если они находятся и в мире, чтоб притрудно взыскать — да вижду Тя? Откуда было знать мне, что приемлющие в себя свет благодати Твоей сподобляются получить такую радость и такое утешение? Откуда и как узнал бы я, бедный, что верующие в Тебя получают Святаго Духа Твоего? Я думал, что верую в Тебя совершенно и имею всё, что даруешь Ты боящимся Тебя, тогда как совершенно ничего не имел, как после узнал я самым делом. Откуда было узнать мне, Владыко, что Ты, невидимый и невместимый, видим бываешь и вмещаешься в нас? Как мог я подумать когда-либо, что Ты, Владыко, создавший всяческая и сотворивший человеков, соединяешься с ними и делаешь их богоносными и сынами своими — чтоб придти в пламенное возжелание того, взыскать и получить то и себе? Откуда было узнать мне, Господи, такого Бога, такого Владыку, такого заступника, отца, брата и царя — Тебя, ради меня обнищавшего и приявшего зрак раба? Воистину, Владыка мой, Человеколюбче, совсем не знал я ничего такого. Хотя и случалось мне читать Божественные Писания о сем, но я думал, что там говорится о других лицах и вещах, а не об этом, и был безчувствен ко всему написанному, и не мог никогда войти в смысл того. Слыша, что взывал и говорил Апостол Твой Павел: «Ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» *(1 Кор. 2, 9)*, — я думал, что в созерцание та-

ких благ невозможно придти человеку, находящемуся еще в теле, и заключил, что Ты ему только показал их, по особенной к нему милости, — не зная, бедный, что это дается от Тебя всем любящим Тебя. И откуда и как мог я знать, что всякий верующий в Тебя бывает членом Твоим и сияет Божеством, по благодати Твоей? И кто бы поверил сему и стал блаженным, не сделавшись воистину блаженным членом Тебя, блаженного Бога? Откуда было знать мне, что Ты вместо чувственной пищи бываешь безсмертным и нетленным хлебом, ненасытно вкушаемым теми, кои алчут и неудержимо желают Тебя, — источником безсмертным для тех, кои жаждут Тебя, и одеждою пресветлою для тех, кои ради Тебя носят смиренные и нищенские одеяния? Слыша же, как это говорили проповедники Твои, я думал, что и это будет лишь в будущем веке и после общего воскресения, но не знал, что всё сие бывает и теперь для нас, крайнюю в том имеющих нужду»*.

О значении снов сказал святой Симеон следующее: «У тех только бывают истинные во сне видения (их не следует называть снами, а видениями), — которых ум благодатью Святаго Духа сделался прост и свободен от всякого давления со стороны страстей и от рабства им, — у которых вся забота и попечение о Божественном и всё помышление о будущих наградах и воздаяниях, — которых жизнь выше жизни живущих, безпопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, Небесного ведения и других плодов благих, возделываемых в них Духом Святым; у тех же, кои не таковы, сны ложны и безпорядочны, и всё в них обман и прелесть явная»**.

---

* Слова преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1890. Т. 2. С. 483–484.

** Слова преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1890. Т. 2. С. 566–567.

Наконец, обратимся к беседе святителя Игнатия (Брянчанинова) «О чудесах и знамениях». Он еще раз напоминает о том, что фарисеи требовали от Господа таких знамений, которые приняты будут в свое время от антихриста его приверженцами, Это «плотское мудрование о чудесах». «Чудеса Христовы были осязательны, — говорит святитель Игнатий, — они были ясны для самых простых людей; ничего в них не было загадочного, всякий мог удобно разсмотреть их, — для сомнения и недоумения, чудо ли это или только представление чуда, не было места. Мертвые воскресали, неисцелимые средствами человеческими недуги исцелялись, прокаженные очищались, слепорожденные прозирали, немые начинали говорить, умножалась пища мгновенно для нуждавшихся в ней, волны моря и ветры утихали по одному повелительному слову... Чудеса Богочеловека имели множество свидетелей, из которых большая часть были или враждебны Ему, или невнимательны, или искали от Него одного телесного вспоможения. Чудеса были неопровержимы. Самые злейшие враги Господа не отвергали их, старались только уничижить их богохульным претолкованием... В чудесах Господа не было никакой суетности, никакого эффекта; ни одного чуда не сделано напоказ человекам; все чудеса прикрывались покровом Божественного смирения. Они составляют собою цепь благодеяний страждущему человечеству. Вместе с тем они выразили со всею удовлетворительностью власть Творца над вещественною тварью и над сотворенными духами... В помощь слову Божию даны Божии чудеса. Чтоб человеки поняли и приняли духовный дар, усматриваемый одними душевными очами, Господь присоединил к духовному, вечному дару, подобный ему дар временный: исцеление телесных болезней человеческих. Грех служит причиною всех недугов в человеке, и душевных и телесных, служит причиною временной и веч-

ной смерти. Господь, явив Свою власть над последствиями греха в телах человеческих, явил этим власть Свою над грехом вообще. Плотское мудрование не видит ни душевных недугов, ни вечной смерти, но недуги телесные и смерть тела оно видит, оно признаёт их, они очень действуют на него, озабочивают его. Господь, исцеляя единым словом, единым повелением всех больных, воскрешая мертвых, повелевая нечистым духам, явил власть Свою, явил власть Бога над человеком, над грехом, над падшими духами...

Не нужны там знамения, где приемлется слово... Знамения — снисхождение к немощи человеческой. Иначе действует слово, а иначе знамение. Слово действует непосредственно на ум и сердце; знамения действуют на ум и сердце посредством телесных чувств. Последствия подействовавшего слова сильнее, определеннее, нежели последствия от действия знамений. Когда действуют вместе и слово и знамение, когда действие знамений остается как бы непримеченным, по причине обильного действия от слова. Это с ясностью усматривается из поведания Евангелия. На Никодима подействовали знамения, и он признал в Господе лишь учителя, посланного от Бога *(Ин. 3, 2)*. На апостола Петра подействовало слово, и он исповедал Господа Христом, Сыном Божиим. «Глаголы живота вечнаго имаши», — сказал он Богочеловеку, — «и мы веровахом и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога Живаго» *(Ин. 6, 68–69)*. Святый Петр был очевидцем многих чудес Господа: умножение пяти хлебов и насыщение ими многочисленного собрания людей только что совершилось, — но при исповедании своем апостол умалчивает о чудесах, говорит единственно о силе и действии слова.

Достойны сожаления оставляющие слово, ищущие убеждения от чудес. Этою потребностью обнаруживается особенное преобладание плотского мудрования, гру-

бое невежество, жительство, принесенное в жертву тлению и греху, отсутствие упражнения в изучении Закона Божия и в боголюбезных добродетелях, неспособность души сочувствовать Святому Духу, ощутить присутствие и действие Его в слове. Знамения были наиболее предназначены для убеждения и приведения к вере людей чувственных, занятых попечениями мира. Погруженные в житейские заботы, постоянно пригвожденные душою к земле и делам ее малоспособны оценить достоинство слова: милосердое Слово привлекало их к спасению, даруемому словом, посредством видимых знамений, которые, составляя собою вещественное убеждение, действовавшее чрез чувства, приводили немощную душу к всемогущему спасительному Слову. Уверовавшие по причине знамений составляли низший разряд верующих во Христа. Когда им предложено было духовное, возвышеннейшее, всесвятое учение, тогда многие из них истолковали его по своим понятиям, не захотели испросить объяснения Божию слову у Бога, осудили слово, которое было «Дух и жизнь» *(Ин. 6, 63)*, обличили этим свою поверхностную веру, свой поверхностный залог сердечный, «и мнози от ученик Его», видевших многие знамения, — «идоша вспять, и ктому не хождаху с Ним» *(Ин. 6, 66)*...

Стремление, встречающееся в современном христианском обществе, видеть чудеса и даже творить чудеса не должно быть оставленным без внимания, это стремление нуждается в тщательном разсмотрении. Стремление к совершению чудес очень порицается святыми отцами: таким стремлением обнаруживается живущее в душе и овладевшее душою самообольщение, основанное на самомнении и тщеславии... Желающие совершать знамения, желают этого по плотскому разгорячению, по увлечению непонимаемыми ими страстями, хотя, может быть, и представляется им, что они руководствуются

ревностью к делу Божию. В таком же состоянии самообольщения и разгорячения находятся и те, которые хотят видеть знамения. Искушать Бога, нарушать благоговение к Нему воспрещается во всяком случае; дозволяется просить помощи Божией в крайней нужде, когда не имеется собственных средств, чтоб выйти из нее, но избрание средств к вспоможению должно предоставить Богу, предавая себя Его воле и милости. Господь всегда ниспосылает средство вспоможения душеполезное: оно доставляет нам и помощь, в которой нуждаемся, и в самой этой помощи преподает святое вкушение смирения. Помощь не бывает соединена с наружным блеском, как желалось бы того плотскому мудрованию, чтоб душа не повредилась от удовлетворения тщеславию ее. И в деле Божием, в самом служении Церкви, должно непрестанно призывать благословение Божие и помощь Божию, должно веровать, что единственно способы Божественные, духовные могут быть полезны для веры и благочестия, а отнюдь не способы, предлагаемые плотским мудрованием»*.

Далее святитель Игнатий говорит о том, как старцы, имевшие дар чудотворений, тщательно оберегались от греха гордости, сопряженного с таким даром, как стремились скрывать его, прикрывать, как, исцеляя других — они страдали сами неисцельными недугами. При этом вспоминаются и преподобные Оптинские старцы, — и они совершали чудотворения прикровенно, всегда — по крайней необходимости, и они чаще всего находились в телесной немощи, в недугах... Господь творил через них чудеса именно потому, что они достигали высокого духовного устроения, были верны Ему безраздельно во всём. Они научались от Господа Его смирению и кротости.

* Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1905. Т. 4. С. 293–314.

«В четвертом веке жил в Египте святой старец, — говорил в этой беседе далее святитель Игнатий, — имевший особенный дар чудотворения и по причине его громкую славу между человеками. Вскоре он заметил, что гордость стала овладевать им, и что он не в состоянии победить ее собственными усилиями. Старец прибег к Богу с теплейшими молитвами, чтоб попущено ему было для смирения беснование. Бог исполнил смиренномудрое прошение раба Своего, и попустил сатане войти в него. Старец подвергался всем припадкам беснующегося в течение пяти месяцев; принуждены были надеть на него цепи; народ, стекавшийся к нему во множестве, прославлявший его великим святым, оставил его, разгласив, что он лишился рассудка, а старец, избавившись от славы человеческой и от зарождавшейся в нем гордости по поводу этой славы, возблагодарил Бога, спасшего его от погибели. Спасение совершилось посредством незначительного томления и безчестия пред плотскими людьми, которые не понимали, что по причине знамений дьявол устраивал старцу бедствие, а посредством открытого беснования старец возвращен на безопасный путь дивным милосердием Божиим. После этого делается ясным, почему великие отцы — Сисой, Пимен и другие, имея обильнейший дар исцелений, старались скрывать его: они не доверяли себе, они знали способность человека удобно изменяться, и ограждали себя смирением от душевного бедствия...

Духовный разум научает, что недуги и другие скорби, которые Бог посылает человекам, посылаются по особенному Божию милосердию; как горькие целительные врачевания больным, они содействуют нашему спасению, нашему вечному благополучию гораздо вернее, нежели чудесные исцеления. Часто, весьма часто недуг бывает бо́льшим благодеянием, нежели исцеление, если б оно последовало. Недуг бывает благодеянием столько

существенным, что отъятие его исцелением было бы отъятием величайшего блага, несравнимого с тем временным благом, которое доставляется исцелением телесного недуга. Нищий, больной Лазарь, упоминаемый в Евангелии, не был исцелен от тяжкой болезни своей, не был избавлен от нищеты, скончался в том положении, в котором томился долгое время, но за терпение свое вознесен Ангелами на лоно Авраама. Священное Писание на всем пространстве своём свидетельствует, что Бог посылает различные скорби, а между ними и телесные недуги тем человекам, которых Он возлюбил *(Евр. 12, 6)*. Священное Писание утверждает, что все без исключения святые Божии совершили земное странствование по пути узкому и тернистому, исполненному разнообразных скорбей и лишений *(Евр. 11, 33–38)*. Основываясь на таком понятии о скорбях, истинные служители Бога вели себя по отношению к постигавшим их скорбям с величайшим благоразумием и самоотвержением. Приходившую им скорбь, какая бы она ни была, они встречали как свою принадлежность, веруя от всей души, что скорбь не пришла бы, если б не была попущена правосудным и всеблагим Богом соответственно потребности человека. Первым делом их, при пришествии скорби, было сознание, что они достойны ее. Они искали и всегда находили в себе причину скорби. Потом, если усматривали, что скорбь препятствует им к Богоугождению, то обращались с молитвою к Богу о избавлении от скорби, предоставляя исполнение и неисполнение прошения воле Божией, отнюдь не признавая правильным своего понятия о скорби. Оно и не может быть вполне правильным: суждение ограниченного, хотя и святого человека, не обнимает и не усматривает всех причин скорби, как обнимает и усматривает их всевидящее око Бога, попускающего скорби рабам и возлюбленным Своим. Святый апостол Павел трижды обращался с молитвою к

Богу о том, чтоб ангел сатанин, препятствовавший апостолу в проповеди христианства, был устранен. Павел не был услышан: суд Божий об этом предмете был иной, нежели боговдохновенного апостола *(2 Кор. 12, 7–10)*...

В Египетском Ските, где пребывали величайшие святые иноки, жил преподобный Вениамин. За добродетельную жизнь его Бог даровал ему обильный дар исцеления недугов. Имея этот дар, он сам подвергся тяжкой и продолжительной водяной болезни. Он отек необыкновенно. Принуждены были вынести его из собственной келлии в другую, более поместительную. Для этого должно было в его келлии вынуть двери и с косяками. В новом помещении устроили для него особенное сидение, потому что он не мог лежать на постели. Находясь в таком положении, преподобный продолжал исцелять других, а тех, которые, видя его страдания, соболезновали ему, увещевал, чтоб они молились о душе его, не заботясь о теле. «Когда мое тело здраво, — говорил он, — тогда мне нет особенной пользы от него. Ныне же, подвергшись болезни, оно не приносит мне никакого вреда *(Алфавитный патерик)*.

Авва Петр сказывал, что он, посетив однажды преподобного Исаию Отшельника, и нашедши его страждущим от сильной болезни, выразил сожаление. На это преподобный сказал: «Столько удрученный болезнью, я едва могу содержать в памяти грозное время (смерти и суда Божия). Если б тело мое было здраво: то воспоминание о этом времени было бы совершенно чуждым для меня. Когда тело бывает здраво, тогда оно наклоннее к возбуждению враждебных действий против Бога. Скорби служат нам пособием к сохранению заповедей Божиих» *(Прп. Исаия Отшельник. Слово 27)*. Святые отцы при постигавших их болезнях и других скорбях вопервых сами старались явить зависевшее от них терпение, — они прибегали к самоукорению и самоосужде-

нию, насилуя ими сердце и принуждая его к терпению *(Прп. Авва Дорофей. Поучение 7)*: они воспоминали смерть, суд Божий, вечные муки, при воспоминании которых слабеет значение и ощущение земных скорбей *(Мф. 10. 28–31)*; они возносили мысль к Промыслу Божию, напоминали себе обетование Сына Божия неотступно пребывать с последователями своими и хранить их, этим призывали сердце к благодушию и мужеству *(Мф. 28, 20)*; они принуждали себя славословить и благодарить Бога за скорбь, принуждали себя к сознанию своей греховности, требующей наказания и вразумления по причине правосудия Божия, по причине самой благости Божией. К посильному собственному труду стяжать терпение, они учащали прилежные молитвы к Богу о даровании духовного дара — благодатного терпения, неразлучного с другим духовным даром — благодатным смирением, служащего вместе с ним верным залогом спасения и вечного блаженства. Великие знаменоносные отцы не преподавали исцеления, столько для них удобного, ученикам своим, подвергавшимся болезни по попущению или Промыслу Божию, чтоб не лишить их духовного преуспеяния, которое непременно должно доставиться болезнью, переносимою по нравственному преданию Церкви. Игумен газского общежития, преподобный Серид, ученик Великого Варсонофия, был долго болен. Некоторые из старших братий просили Великого о исцелении игумена. Святый Варсонофий отвечал: «О здравии сына моего могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых, о чем я известил его, чтоб он не был болен ни одного дня; но тогда он не получил бы плодов терпения. Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения» *(Ответ 130)*...»*.

* Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1905. Т. 4. С. 313–326.

Преподобный Амвросий, великий старец Оптинский, так предостерегал своё духовное чадо от искания чудес: «В письме от 29 сентября писала ты, что на девятый день по отправке прежнего твоего письма ты, стоя в Лавре, за обедней, почувствовала, что письмо твоё дошло до меня. Чувство твоё обмануло тебя: письма твои от 5 августа я получил 13-го числа, а от 23 августа — 29-го числа; значит, не на девятый день. Ты всё отыскиваешь чудесное в твоей жизни, и очень этим погрешаешь. Писала ты, что, находясь в тоске, ты молилась Матери Божией послать тебе издалека кого из рабов Своих из какой-либо дальней пустыни. Хотя после вышло, как будто молитва твоя исполнилась, но такая молитва весьма погрешительна, безрассудна и дерзновенна, и ведет к самообольщению. Вперед отнюдь не молись подобным образом, а молись просто, чтоб Господь и Матерь Божия помогли тебе имиже ведят судьбами. Более же всего остерегайся верить твоим снам и сновидениям, старайся забывать их, и не приписывай им никакого значения. В древности и великий старец (которого читаем параклис) чрез доверие снам попал в обольщение вражие. И теперь у меня перед глазами есть некий пример, как человек может повредиться, доверяя снам... Преподобный Марк Подвижник пишет: "Иное действие есть благодати, младенцу (духовному) неведомое, и иное действие злобы, истине уподобляемое. Добро же есть на таковая не взирати прелести ради, ниже проклинати истины ради, но вся упованием приносити Богови: Той бо весть обою полезное"»*.

Что можно сказать после всех этих мудрых и духоносных отеческих словес? Единственно, — обдумать хорошо всё это, уяснить себе самую суть и затем правильно относиться к понятию «чуда», «знамения». То есть в

* Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. III. Письма к монашествующим. М., 1995. С. 98.

каждом случае не восторгаться бездумно, а с помощью Божией постараться понять духовным смысл происшедшего. Вот перед вами книга — собрание чудесных событий, произведенных Господом в Оптиной Пустыни через старцев и простых монахов, а также разных чудесных событий, происшедших в монастыре. Не просто читайте, а думайте над прочитанным, — тогда получите духовную пользу. Если вы внимательно прочитали эту нашу первую главу, то поймете, почему старец Амвросий, без сомнения имевший великий дар исцеления болезней, оставлял в столь большой немощи, а иногда и на краю смерти своего келейника, который после его кончины стал старцем и также преподобным, и тоже имевшим дары от Господа, те же, что и у его наставника, — мы говорим о преподобном Иосифе. Понятно станет и положение самого старца Амвросия, великого молитвенника, наставника и чудотворца, который с молодости и до кончины нёс тяжкий крест неисцельных недугов (осматривавшие его изредка доктора давали ему срок жизни, исчислявшийся буквально днями, а то и часами, а он после того жил еще годы). Поймете также, почему, вынужденные избавить кого-нибудь от недуга, старцы прикрывали это юродством или отсылали на святые источники, в иные монастыри и т. п. Эти прикрытия чудотворений были у них многообразны. Старец не отшельник, — он не мог просто отказаться от чудотворений, никого не принимать, а заниматься лишь делом спасения своей души. Господь ставил их на высокие свещницы, чтоб светили всем. И вот они несли необыкновенно тяжелые кресты. И что удивительно, — сохраняли с Божией помощью мир души, смирение (старец Амвросий говаривал: «Я всё чужие крыши покрывал, а своя осталась раскрытой!»).

Скажем еще и следующее. Если мы выделяем из монастырской жизни какой-то круг чудесных событий, то

это не значит, что за его пределами чудес больше нет. Наоборот — там их гораздо больше, чем вы найдете в этой книге. Во-первых, не все чудесные исцеления тела и души, пророчества, разные предсказания, указания старцев или других монахов нам известны (мы знаем только то, что вошло в их жития, в разные документы, связанные с жизнью монастыря). То же и чудесные события, в том числе и благодатные сны, видения и даже чудесные явления — большая часть сведений об этом до нас, без сомнения, не дошла. Во-вторых — в жизни монастыря, в жизни монаха даже и «простые» события, кажущиеся не чудесными, — чудесны и творятся Господом через людей. Мы уж не говорим о богослужении — о чуде водосвятия, чуде Евхаристии, о семи таинствах церковных... Ведь эти чудеса Господь творит ежедневно, и если мы так сказать привыкаем к ним, как к делам будничным, — это наша беда. В-третьих — таинственно и чудесно устроен и весь мир, пронизывающий и окружающий монастырь. Что же из этого следует? Именно то, что Господь создал всё, всем промышляет и во всём находится. Слава Ему!

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАБ БОЖИЙ ОГОРОДНИК АВРААМИЙ

Нет исторических известий о том, когда основана была Оптина Пустынь. Первые письменные упоминания о ней относятся ко времени царствования Бориса Годунова, то есть к XVI веку, но тогда обитель уже существовала. Предположения о гораздо более древнем ее возникновении были. Иеромонах Ераст (Вытропский), автор «Исторического описания Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева Скита» (1902 г., переиздано в 1998-м) предполага-

Вид Оптиной Пустыни со стороны северных врат

ет, что Оптина появилась еще в домонгольский период, где-то в середине или конце века XIII. Может быть это и так. Важно отметить другое, — что с конца XVI до конца XVIII века Оптина Пустынь, подобно христолюбивому человеку, идущему к спасению узким путем, переживала тяжелые времена и не однажды была на краю гибели. В ней был один Введенский храм, сначала деревянный, потом каменный, келлий и прочих построек было немного, и то всё было ветхое, деревянное, не существовало даже ограды вокруг монастыря, в котором часто оставалось два-три насельника, живших в большой бедности. Как ни старались местные бояре, вкладывая средства, — их было недостаточно. Царь Петр издал ряд указов, утесняющих, а то и вовсе разоряющих православные монастыри. Императрица Екатерина Вторая едва и вовсе не угасила в России монастырскую жизнь. Указом Синода 1724 года, еще при Петре, Оптина была упразднена, имущество было передано в Спасо-Преображенский Белёвский монастырь, братия переселена туда же. О. Ераст писал: «Что касается братии Оптинского монастыря, то должно полагать, что они, согласно монашеским обетам, переносили разгром Пустыни с покорностью воле Божией. Хотя исполнители предначертаний Петра I и требовали, чтобы звания Оптиной Пустыни нигде и никогда не упоминалось, но братия не падала духом и терпеливо ждала лучших времен для своей Обители».

Вот как будто всё кончено... Однако прошло всего два года, и Господь чудесно возродил Оптину Пустынь: Петр I умер в январе 1725 года, — царствовавшая после него всего два года Императрица Екатерина I (скончавшаяся в мае 1727 года) успела совершить немало добрых дел. Уже 8 июня 1726 года Синод рассмотрел прошение Козельского стольника Андрея Шепелева «с товарищи» о восстановлении монастыря и постановил «Оптину мо-

настырю быть по прежнему». Молитвы братии и прихожан обители были услышаны. Имущество братии не было возвращено (за исключением необходимых богослужебных книг и утвари), всё пришлось начинать сначала. Оставался только Введенский собор, да он пришел в ветхость. Это не привело братию в уныние, но трудностей на пути возрождения обители было много, — оно длилось еще долго, почти две трети XVIII века, до тех пор, пока не привел Господь на берег Жиздры митрополита Платона (Лёвшина), московского владыку, в ведении которого тогда находились и калужские церкви, и монастыри. Это было в 1796 году.

Что он увидел на другом берегу реки? Бедный монастырь с тремя престарелыми монахами (и один из них слепой), с трудом поддерживавшими в нем молитвенную жизнь. Мудрый владыка окинул взглядом местоположение обители, осмотрел постройки, и всё это привело его в глубокое раздумье... Он видел за этой неустроенностью и бедностью что-то другое. Он молился при этом, — а сколь сильна и благодатна была молитва митрополита Платона, воспитателя Императора Павла I, московского «златоуста», знали многие его современники. Вероятно, наитием Духа Святаго он тогда, на берегах Жиздры, провидел будущую славу Оптиной Пустыни. Во всяком случае, возвратившись в Москву, он начал решительные действия. Он призвал к себе настоятеля Николаевского Пешношского монастыря архимандрита Макария и попросил его найти способного и дельного монаха, которого можно было бы послать в Оптину Пустынь для должного ее устроения. «Да у меня нет таких, владыко, — отвечал о. Макарий, — а вот разве дать тебе огородника Авраамия?» После сего, как ни пытался этот Авраамий отказаться от назначения, но послушание есть послушание. Он прибыл в Оптину, причем о. Макарий послал с ним несколько пешношских братий и помог

материально. О. Авраамий был действительно человек дельный, притом великий молитвенник и совершенный безсребренник. Монастырь стал укрепляться, количество братии увеличивалось, медленно, но постоянно возводились в нем строения. Как всё это происходило — можно прочесть во многих подробностях в книгах Ераста (Вытропского) и архимандрита Леонида (Кавелина) — «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни» (первое издание 1847 года, затем с дополнениями еще несколько, есть и репринт 1990-х годов, — издание Оптиной Пустыни, год не указан).

«Невозможное у человек, возможно у Бога *(Лк. 18, 27)*, — писал архимандрит Леонид, — а помощь Его близка ко всем призывающим Его во истине. По прибытии в Оптину Пустынь о. Авраамия в несколько лет всё изменилось в ней к лучшему: препобеждая трудности терпением, он с помощью благочестивых людей быстро воздвиг обитель от ее падения и постепенно приготовил к настоящему благолепию».

Мы обратимся лишь к некоторым событиям настоятельства о. Авраамия. Одно из самых ярких и таинственных — появление в Оптиной чудотворной Казанской иконы Божией Матери и построение собора в честь этой иконы. «Во время обновления Оптиной Пустыни, — пишет архимандрит Леонид, — приснопамятным настоятелем ее о. Авраамием, когда разбирали старую деревянную ограду, в числе прочей братии находился на этой работе и иеромонах Макарий, бывший впоследствии архимандритом Малоярославецкого Черноостровского монастыря. Он имел несчастье упасть с верху ограды на том самом месте, где ныне утвержден фундамент Казанской церкви, и ушибся смертельно. Во время своей жестокой болезни благочестивый инок молил Пречистую Богородицу, да продлит ему лета живота. И вот в сонном видении увидел он себя в доме помещицы Козельского

уезда села Фроловского Елены Семеновны Сабуровой, слезно молящегося пред Казанскою иконою Божией Матери, ей принадлежащей. Проснувшись после сего благодатного видения, о. Макарий почувствовал облегчение от болезни и в то же время дал от полноты благодарного сердца обет — по совершенном выздоровлении ехать в дом госпожи Сабуровой и отслужить там молебен виденному им во сне образу Богоматери. При исполнении этого обета о. Макарием, госпожа Сабурова в разговоре объявила ему, что она имеет намерение построить в одном из своих сел храм во имя сего образа, прибавив притом: «А если согласитесь устроить его в Оптиной Пустыни, то я с радостью отдам эту икону вам в обитель и сверх того пожертвую деньгами на постройку». Иеромонах Макарий, возвратясь в обитель, передал желание госпожи Сабуровой о. игумену Авраамию, который, приняв это известие за знак особой милости Божией к его обители, немедленно решился устроить, на месте происшествия, послужившего поводом к предложению госпожи Сабуровой, теплую церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Исполняя обещание, госпожа Сабурова вместе с упомянутою иконою прислала о. Авраамию значительную сумму денег на церковное строение, а иеромонах Макарий, по усердию своему, ездил за сбором подаяния на окончательную отделку храма.

Сооружение Казанской церкви начато в 1805, а окончено в 1811 году; освящена настоящая того же 1811 года Евлампием, епископом Калужским и Боровским, октября 23, а приделы — в 1815: Воздвиженский, — преосвященным епископом Калужским Евгением, а Георгиевский — Новоспасского монастыря архимандритом Амвросием»*. Теперь это самый большой храм в Оптиной Пустыни, — в нем проводятся воскресные и праздничные богослуже-

* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1875. С. 127–128.

ния. В нем находятся гробницы настоятелей монастыря — это схиархимандрит Моисей и брат его схиигумен Антоний, архимандрит Досифей, схиархимандрит Исаакий и архимандрит Ксенофонт. Что касается игумена Авраамия, то он погребен был в правом приделе Введенского собора (он скончался в 1817 году), где и находилась прикрепленной к стене серебряная пластина со следующей надписью: «На сем месте погребено тело игумена Авраамия, приснопамятного возстановителя Обители сей. Он родом из граждан города Рузы. Поступил начально в Пешношский Николаевский общежительный монастырь в 1789 г., где и пострижен в монашество в 1791 году апреля 6 дня. Из онаго определен настоятелем сей Оптиной Пустыни. 1796 г. — во иеромонашеском сане, а в 1801 г. произведен во игумена. Был благочинным монастырей. Как инок он был спасительным образом христианской жизни, за что стяжал нелицемерную любовь от собранного им братства и окрестных жителей. После 30-летних неусыпных трудов в настоятельской должности почил о Господе с миром 24 числа генваря 1817 года на 58 г. от рождения своего»*.

В книге архимандрита Леонида Казанская икона Божией Матери, находящаяся в Оптиной Пустыни, описана следующим образом: «Образ Казанския Божия Матери, храмовой. Икона эта местночтимая, принадлежала прежде Козельской помещице Елисавете Семеновне Сабуровой; пожертвована ею в обитель в 1808 году. К сему образу окрестные жители притекают с верою и усердием для поклонения и испрошения Покрова и помощи Божией Матери в различных своих скорбях; служат молебны и по вере пользуются благодатною помощью. Икона старинного московского письма, мерою и подобием точная копия с чудотворной; на ней убрус и риза низаны мелким, средним и местами крупным жемчугом; на жемчужном убрусе

* Чулкова Н. Г. «Некрополь Оптиной Пустыни». Рукопись. С. 114.

звезда из роз, белых мелких камней; на ризе две звездочки из разных камешков простых, оправлены все три в серебре. Вокруг лика Божией Матери убрано в один ряд большими простыми камешками, оправлены тоже в серебре. Поля, оплечики и венец серебряные, позолоченные. На венце корона и узоры устроены из простых разноцветных камней и с мелкою бирюзою, а сияние из белых камней; все камни оправлены в серебре. Внизу на поле надпись финифтяной работы. Оный образ врезан в большую дску, на коей изображение вверху Бога в Троице, по сторонам событий, относящихся к явлению чудотворной иконы, а внизу встречи при перенесении ее из Казани в Москву; писано иконным писанием, по золотому полю, тверскими иконописцами в 1811 году. У иконы привесу: малый серебряный образок Ахтырския Божия Матери и два средней величины сребропозлащенные четвероконечные креста, один с частицами св. мощей. Икона помещена за правым клиросом»*.

К 1876 году относится одно чудесное событие, связанное с приснопамятным игуменом Авраамием. Вот что гласит Летопись Скита Оптиной Пустыни в день 14 января сего года: «День кончины Оптинского игумена Авраамия (†1817). Сказывают, что в прежнее время, в дни его памяти, правили бдения; а впоследствии оставили. Почивший игумен являлся в сновидении старцу батюшке о. Амвросию и как бы с сетованием говорил: «Меня совсем позабыли, по всем старцам бдения бывают, а по мне хотя бы полиелей правили». С того времени в дни памяти его и Ангела 1-го августа стали править полиелей»**.

Не так долго жил о. Авраамий, всего 58 лет, но при неустанной деятельности — и настоятельской и монашеской — нёс он крест постоянных недугов. Уже когда

---

* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1875. С. 157–158.

** Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

было ему лет пятьдесят с небольшим, он написал Духовную грамоту, завещание, так как в очередной раз по воле Божией был близ смерти. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь, — писал он. — Се аз многогрешный игумен Авраамий, слушая гласа Господа моего во Святом Евангелии глаголющаго: будите готови, яко в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет; не весте бо, когда Господь приидет: в вечер или в полунощь или в куроглашение, или утро, да не пришед внезапу, обрящет вы спящия; того гласа Господня слушая и боясь, а к тому же частым недугованием одержим бываю, и день ото дня изнемогаю телом, и чаю на всякое время онаго Господом глаголаннаго нечаяннаго часа смертнаго, и по силе приуготовляюся ко исходу от сея жизни. Сею духовною грамотою моею вестно сотворити всякому, иже восхощет по кончине моей взыскивати имения моего келейнаго, во еже бы не трудитися ему вотще и не истязовати служивших мне Бога ради; да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моея не собирах; сие не тщеславяся реку, но да искателям моего по мне имения вестно сотворю: отнележе бо приях святый иноческий образ и постригохся в Московской епархии в Николаевском Пешношском монастыре, в тридесять третие лето возраста моего, и обещах Богови нищету изволенную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу, не стяжевах имения и не лихоимствовах; кроме святых книг, и сорочек с карманными платками не собирах, злата и сребра не изволях имети, излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужных, и то для служения: две ряски, теплая и холодная, и один подрясник; но нестяжание и нищету иноческую духом и самым делом, по возможности моей, соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагая на Промысл Божий, иже никогда же мя остави; входящия же в руце мои от благодетелей святыя обители сея подаяния, и тыя истощевах на монастырския

Иоанно-Предтеченский скит. Святые врата

нужды для братии и разные постройки, также иждивах на нужды нуждавшихся, идеже Бог повеле, а о имении моем никто же убо потрудится по смерти моей, испытуя или взыскуя каковаго-либо келейнаго моего собрания, ибо ниже на погребение что оставлено, ни на поминовение, да нищета иноческая наипаче по кончине явится Богу, веруя бо яко приятнее Ему будет, аще ни едина цата по мне не останется, нежели егда бы многое было раздаваемо...»*.

Недаром о. Авраамий явился в сонном видении именно старцу Амвросию, — тот также нес тяжкий крест недугов, также с любовью соблюдал обет нищеты иноческой. Однако, на игумене Авраамии кончилась череда старцев и настоятелей Оптиной — незнаменитых, иногда известных лишь по имени. Но каждое такое имя надо поминать с любовью, — их дела знает Господь. После него, немногим более чем через десятилетие, появились в Оптиной старец иеросхимонах Лев и уже умудрившиеся в духовной жизни братья-монахи отцы Моисей (вскоре настоятель обители) и Антоний, скитоначальник. Через четыре года после кончины о. Авраамия близ Оптиной чудесным образом возник Иоанно-Предтеченский Скит — «вертоград старчества»...

* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1875. С. 85–87.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТАРЕЦ ЛЕОНИД, НАСТАВНИК И МУДРЕЦ

Молодой мещанин города Карачева Орловской губернии Лев Данилович Наголкин (он родился в 1768 году), как пишется в его Житии, – «оставил многомятежную и суетную жизнь мира сего и первоначально поступил в Оптину Введенскую пустынь Калужской епархии. Настоятелем монастыря в то время был игумен Авраамий, первый восстановитель и возобновитель совсем было пришедшей в упадок сей пустыни. Ревностно принялся молодой послушник за труды монастырской жизни и своею богатырскою силою по временам удивлял сожителей своих»*. Послушник Лев все свои недюжинные силы отдавал трудам и по благоустройству монастыря, и по духовному образованию своей души. Но ему предлежал путь, преисполненный неожиданных перемен и поворотов. Через два

Св. преподобный Леонид Оптинский

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 5.

года он перешел в Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, где был настоятелем иеромонах Василий (Кишкин), старец высокой духовной жизни, подвизавшийся до этого на Святой Афонской горе. В 1801 году Лев пострижен был в монашество, в ближайшие годы удостоился рукоположения в иеродиакона и потом в иеромонаха, а в 1804 году братия избрала его на должность настоятеля монастыря. Такое быстрое продвижение говорит о весьма высоких духовных дарованиях будущего старца. Не будем здесь пересказывать всех событии, изложенных в «Житии...», кратко отметим лишь, что духовным отцом о. Леонида был старец Феодор (Перехватов), ученик преподобного Паисия Молдавского, и что о. Леонид подвизался вместе с ним на Валааме в скиту Всех Святых и потом, с 1817 года, в Александро-Свирском монастыре, а после кончины о. Феодора — в Богородицкой Площанской пустыни.

С 6 октября 1828 года по апрель 1829-го о. Леонид находился в Площанской пустыни, где встретился со своим будущим сотаинником и также будущим Оптинским старцем иеромонахом Макарием (Ивановым). В апреле 1829 года о. Леонид со своими учениками поселился в Иоанно-Предтеченском Скиту Оптиной Пустыни (о. Макарий присоединился к нему в Оптиной в апреле 1834 года). Келлия была отведена о. Леониду на скитской пасеке, и потому не в самом Скиту, чтобы все, кто хотел бы получить от него духовный совет или наставление, как монашествующие, так и миряне могли приходить к нему свободно, так как в Скит доступ для посторонних был сильно ограничен, а для женщин и вовсе запрещен. К этому времени о. Леонид имел уже славу духоносного и прозорливого наставника. Настоятель Оптиной пустыни о. Моисей немедленно поручил ему

для духовного окормления всю монастырскую и скитскую братию, не исключая и самого себя.

Что касается внутренней жизни старца Леонида, то, как говорится в его Житии, она «была особенно неуловима и, хотя он проводил дни свои открыто в толпе народной, осталась тайною даже для ближайших наблюдателей и присных его учеников... Обращаясь по внешности с людьми, он внутренне непрестанно пребывал с Богом. Зрелище великих человеческих страстей и бедствий, которых он был всегдашним слушателем и в которых он принимал искреннее христианское участие, извлекало у него глубокие вздохи и слёзы, потрясая всю внутренность. И тогда обращенный ко Господу вздох или взор к иконе Божией Матери, пред которой у него теплилась неугасимая лампада, — сии простые знаки сердечного чувства были выражением его духовной любви к ближним, а вместе и молитвенного настроения его души. Когда же посетителей было очень мало, старец нередко так углублялся во внутреннюю молитву, что не замечал происходившего около него. Один из приближенных учеников о. Леонида рассказывал, что когда приходилось ему быть при нем без народа, старец, погруженный в молитву, совсем забывал о нем, не слыхал его объяснения и несколько раз заставлял повторять одно и то же»*.

Старец имел истинно евангельскую любовь к ближним. Ради этой любви терпел большие скорби. Послушников своих называл как чадолюбивый отец «деточками», для него все были равны. Даже родную сестру свою, пришедшую в Оптину, он встретил наравне с другими паломниками, не оказав ей никакого предпочтения.

---

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 56–57.

Имел он разумную строгость. «Если спрашивать меня, — говорил он, — так и слушать, а если не слушать, так и не ходить ко мне!» Обладая великим смирением, он называл себя «многогрешным мнимым старцем», что не было простым смиренномудрием. Его никто не видел в раздражении, гневе, унынии. Но при случае он смело исповедовал свои убеждения, не боясь никаких гонений. О. Феодор называл его «смиренным львом».

Он имел дар прозорливости. Через его учеников известно, что он читал в душе каждого из них, иногда обличая их в невысказанных помыслах, напоминая забытые или скрытые исповедующимся грехи, прибавляя: «А этого-то что же не говоришь?» Был у старца и дар исцелений, — он лечил так называемой «горькой водой», которая после его кончины перестала помогать больным. Иных посылал к мощам святителя Митрофана Воронежского (после 1832 года) и помазывал болящих и бесноватых елеем из неугасимой лампады, теплившейся в его келлии перед Владимирской иконой Богоматери, которой благословил его старец Феодор (а того в свое время преподобный Паисий). Даже давал этот елей пить. «Было очень много поразительных случаев исцелений», — говорится в Житии старца*.

В письмах своих о. Леонид всегда ссылался на святоотеческий опыт, — эта традиция после него неуклонно продолжалась в Оптиной. Например, он так писал духовному чаду своему: «Книги же для чтения советую проходить приличные нашему намерению, как то: св. Иоанна Лествичника, св. аввы Дорофея, св. Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Марка Подвижника, Кассиана Римля-

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 70.

нина и прочие отеческие книги, которые учат нас побеждать злобу и исправлять добродетели не наружно только, но внутренне»*.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем духовном диалоге «О монашестве», где, как бы беседуют двое — Мирянин и Монах, — сказал: «В Калужской епархии, близ города Козельска, находится общежительная Оптина Пустынь. Туда, в 1829 году, прибыл на жительство известный по знанию деятельной монашеской жизни иеросхимонах Леонид. Впоследствии присоединился к нему ближайший ученик его, иеросхимонах Макарий. Оба старца были напитаны чтением отеческих писаний о монашеской жизни, сами руководствовались этими писаниями, руководствовали ими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Такой род жительства и поведения они заимствовали от своих наставников; он начался с первых иноков, достиг по преемству до нашего времени, составляет драгоценное наследство и достояние монахов, достойных своего имени и назначения, братство Оптиной Пустыни начало немедленно умножаться в значительном размере и совершенствоваться в нравственном отношении. Ревностным брати-ям старцы объясняли правильный и удобный способ подвижничества; колеблющихся они поддержали и ободрили; слабых укрепили; впавших в согрешения и греховные навыки привели к покаянию и исцелили. К смиренным хижинам схимонахов стали стекаться во множестве светские лица всех сословий, обнажали пред ними страдания души, искали врачевания, утешения, укрепления. Тысячи обязаны им благочестивым направлением своим

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 368.

и сердечным миром. С состраданием смотрели они на страждущее человечество»*.

У о. Леонида была поговорка: «Душу спасти — не лапоть сплести». Прозрев однажды помысел пришедшего брата о том, что от о. Леонида что-то не видно чудес, о которых он много слышал, — старец, преподав ему благословение, сказал: «А это разве не чудо, чтобы обтесать такой базарный пень, из которого со временем выйдет что-нибудь хорошее и годное! (старец имел в виду этого брата, который впоследствии был духовником Киево-Печерской Лавры)»**.

Известность старца Леонида за пределами монастыря быстро возрастала. Всех сословий миряне, а также монашествующие направлялись в Оптинский Скит из всё более и более дальних мест России. Многие духовники, посылали к о. Леониду своих духовных чад. Люди находили в беседе со старцем и умиротворение, и решение разных трудных духовных и житейских вопросов. В деревнях, окружавших обитель, крестьяне на вопрос, знают ли они старца Леонида, отвечали: «Как нам не знать о. Леонида? Да он для нас, бедных, неразумных, пуще отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые».

Вся деятельность старца Леонида — чудо, Господне чудо. Посмотрим теперь, в каких деяниях старца воля Божия творила чудеса, — в тех, о которых дошел до нас слух. Так, например, еще в 1817 году, приехав с острова Валаама в Петербург для встречи с митрополитом Амвросием, дабы испросить его дозволения ему, о. Леониду, и жившим с ним старцам покинуть Валаамский мона-

* Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1905. Т. 1. С. 484.

** Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 82.

стырь, о. Леонид среди других людей, приходивших к нему на беседу как со старцем, познакомился с полковницей Акилиной Ивановной Черкасовой, вдовой. «Этой Акилине Ивановне, — говорится в Житии старца, — о. Леонид оказал великую помощь... Она сильно тосковала о своем сожителе, так что желала бы хоть тень его видеть. К удивлению скорбевшей супруги желание ее не осталось тщетным. Она не только могла видеть своего покойного мужа, но даже и разговаривать с ним... Как раз к этому времени прибыл в Петербург о. Леонид. Узнавши о прелестном состоянии Черкасовой, он сумел, при помощи Божией, раскрыть заблуждение ее и восстановить в ней правую веру относительно душ отшедших от мира сего людей; и мечтание тотчас исчезло...

А еще случай с тою же госпожею уже указывает на благодатный дар прозорливости в о. Леониде. У упомянутого диакона освободилась на дворе квартира. Он и стал предлагать Черкасовой, чтобы она из находившегося в саду флигеля перебралась к нему на двор. Но она отказалась, сказав, что ей и здесь хорошо. Не прошло после того и четверти часа, как является к ней о. Леонид в сопровождении о. Иоанникия. Хозяйка квартиры передала им предложение о. диакона. На это о. Леонид и говорит: «А я за тем и пришел к тебе. Сейчас перебирайся на новую квартиру. Позвать о. диакона!» Черкасова просила было отложить это дело хоть до завтра, но о. Леонид настойчиво сказал: «Нет, сейчас же перебирайся, или никогда». С приглашенным о. диаконом немедленно согласились. Взяли рабочих, которые и перенесли вещи из садовой квартиры в новую на двор; а хозяин запер во флигеле ставни и двери. Но вот утром приходит о. диакон к Черкасовым и говорит: «Откуда это Бог послал вам Ангела-Хранителя?» — «А что такое?» — возражают ему. — «Да если бы вы остались на ночь в старой квартире, — продолжал диакон, — не быть бы вам жи-

выми. Там, оказалось, дверь и ставни в окне спальни сломаны, и потому вас непременно бы убили». Вскорости сделалось известным, что во главе злоумышленников был прежний добрый слуга Черкасовых, ибо все они пойманы были в другом месте в подобном деле и при допросе сами признались в своем злом умысле. А предводитель их при поимке и жизни лишился от нанесенного ему тяжелого удара. Но это еще не было известно. При свидании же и разговоре Черкасовой с о. Леонидом коснулась речь хорошего и верного когда-то их слуги. О. Леонид промолвил: «Э! поминай как звали». – «Но ведь он еще жив?» – спросила Акилина Ивановна. – «Нет, уже кровь прияла суд; остается молиться за него». – Через несколько дней жена покойника при личном свидании с Черкасовыми подробно всё описанное рассказала»*. Позднее, когда о. Леонид находился уже в Оптиной Пустыни, мать и дочь Черкасовы приехали к нему и при его содействии поступили в Калужский женский монастырь.

В 1820 году о. Леонид с о. Феодором предсказали о. настоятелю Александро-Свирского монастыря приезд в эту обитель Государя Императора Александра I. Тот путешествовал по России. «Путь его пролегал вблизи Александро-Свирского монастыря, – говорится в Житии о. Леонида. – Жившие там старцы, о. Феодор и о. Леонид почтительно предложили своему настоятелю, о. архимандриту, приготовиться к встрече Государя, хотя в маршруте монастырь этот не был означен. О. настоятель принял это предложение и в часы, назначенные для проезда Императора, ожидал его у ворот. Между тем Государь на пути, по своему обыкновению, расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков, иногда сам, а ино-

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 24–27.

гда через кучера Илью, неизменного своего возницу. Приближаясь к дороге, где поставлен был крест, в знак близости монастыря и для указания к нему пути, Государь спросил: "Что это за крест?" Узнав же, что недалеко Свирский монастырь, он велел туда ехать. При этом он начал расспрашивать, — каково в монастыре и каковы братия. Ямщик, нередко туда ходивший, отвечал, что ныне стало лучше прежнего. "Отчего?" — спросил Государь. — "Недавно поселились там старцы, о. Феодор и о. Леонид; теперь и на клиросе поют получше, и во всем как будто более порядка". Государь, слыхавший от кн. Голицына эти имена, пожелал со старцами познакомиться. Между тем, ожидавшие Царя-посетителя испытанные скорбями старцы сотворили между собою краткое совещание — как поступить, если Государю угодно будет обратить на них внимание. "Если из-за князя Голицына было нам искушение, — сказал о. Феодор, — то что будет из-за Государя? Потому, о. Леонид, не будь велеречив, а всячески помалчивай и не выставляйся".

Подъезжая к монастырским воротам, высокий посетитель удивился нечаянной встрече настоятеля и тотчас спросил: «Разве ждали меня?» О. архимандрит не приписал себе одному такую готовность, а сказал, что по совету старцев вышел в сретение возлюбленного Монарха. Вошедши в церковь и приложившись к мощам прп. Александра, при которых гробовым был один из старцев, Государь, по своему смирению, пожелал принять благословение у иеромонахов с приказанием, чтобы не отнимали рук, когда он будет целовать их. При этом он спросил: «А где здесь о. Феодор и о. Леонид?» Старцы несколько выдались, но на все вопросы Императора отвечали елико можно сдержанно и отрывисто. Государь, как видно, сам это заметил и прекратил вопросы, считая, может быть, и неуместным предлагать их в храме Божием. Наконец, подошедши к о. Феодору, он просил у

него благословения. «Я монах непосвященный, — сказал смиренный старец, — я просто мужик». Государь вежливо откланялся и поехал в дальнейший путь»*.

Выйдя из этого монастыря после кончины о. Феодора, о. Леонид не сразу направился в Площанскую пустынь, а совершил поездку к святыням Киево-Печерской Лавры, куда за ним поехали и некоторые из его учеников. Там они посещали богослужения и поклонялись цельбоносным мощам угодников Божиих, почивающих в пещерах. Несколько раз слушал о. Леонид раннюю Божественную Литургию в храме Дальних пещер. И вот однажды случилось там следующее событие. Некий раскольник, улучив удобный момент, похитил руку от мощей преподобного Вениамина. Начали доискиваться, расспрашивать всех богомольцев, которые в это время посещали Дальние пещеры. Обратились и к о. Леониду, спросили, не имеет ли он подозрения на кого-нибудь. Старец сразу описал приметы человека, которого и задержали. Святыня была возвращена на место свое. А между тем о. Леонид не видел того, как и кем совершалось похищение. Бог открыл ему.

По своему ли желанию о. Леонид появился в Оптиной Пустыни? Конечно, нет, хотя оно и могло у него быть. В жизнеописании настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Моисея автор его, архимандрит тогда, а позднее и архиепископ Литовский, Ювеналий (Половцев), писал об о. Моисее: «Смеем думать, что он и много и усердно молился о сем Богу», — то есть о том, чтобы Господь послал в обитель духовно опытного старца. «Этому предположению смело можно придать силу действительности, — говорится в Житии о. Леонида. — Ибо если принять во внимание, что духовные мужи и во всех

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 28–30.

случаях жизни обращаются с усердною молитвою ко Господу, — то в таком важном деле, как введение старчества в обители, нельзя и сомневаться, что о. игумен Моисей, — прибавим только к сему — вместе с братом своим, скитоначальником иеромонахом Антонием, горячо молились Богу об исполнении их пламенного желания. И тем более должно так думать, что они, как исполнители заповедей евангельских, имели для сего прямую заповедь Спасителя: "Молитеся убо Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву Свою" *(Мф. 9, 38)*... И вот, наконец, водимый Промыслом Божиим, старец прибыл и принят был оптинцами с великою радостью, как особенный дар Небесный»*.

В Житии о. Леонида приводятся воспоминания Оптинского старожила о. игумена Марка, скончавшегося в 1909 году, — он уже был в Оптинской братии в то время, когда начал свою старческую деятельность о. Леонид. "Старец о. Леонид, — вспоминал он, — как имевший дар прозорливости, вникал во всё. В то время назначение послушаний, келлии и т.п., всё делалось большею частью по указаниям старца. Старец же решал вопрос о том, где жить новоначальному, — в монастыре или в Скиту. Духовное общение от этого между настоятелем и старцем не страдало. Старец заправлял не только внутреннею, духовною, но и внешнею стороною братства обители"»**.

Иеромонах Иларий, скончавшийся в 1872 году, рассказывал: «Ещё до поступления моего в число братий пришел я однажды из Козельска в Оптину Пустынь, желая приобщиться Св. Таин. Но, исповедавшись у монастырского духовника, почувствовал в душе какое-то

---

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 53.

** Там же. С. 55.

безотчетное смущение и безпокойство и пред самой Литургией пошел объяснить об этом старцу о. Леониду. Старец сказал мне: "Смущение, вероятно, происходит в тебе от того, что ты не всё открыл духовнику на исповеди, что следовало бы". И потом в несколько минут сам искусно напомнил мне о неисповеданных мною согрешениях, говоря так: "Может быть, не сделал ли того-то и того-то?" — Когда я сознался, что действительно виноват в том, на что намекал мне старец, смущение во мне исчезло, я совершенно успокоился и, по совету же старца, открывши неисповеданные мною грехи духовнику, у которого прежде исповедался, и, получив от него разрешение, уже в мирном душевном устроении приобщился Св. Христовых Таин»*.

Киево-Печерский духовник иеросхимонах Антоний, бывший в свое время мирянином Александром, рассказывал, как он пришел в Оптину Пустынь, в Скит, к о. Леониду и вскоре стал его духовным чадом. «На первый раз я стеснялся рассказать ему, что мог слышать в Валаамской гостинице от двух странников из Оптиной Пустыни, — рассказывал он, — о Ските и о батюшке, а в другое и третье свидание он сам высказал мне всё следующим порядком: "Ну что же ты в странствии полезного для себя приобрел?" — так начал он. "Полезного? — говорить стал я ему в ответ, — был я, батюшка, во многих монастырях и совершенно убедился, что в мир мне уже не возвращаться". — "А где же тебе более нравится?" — "На Валааме мне очень понравилось". — "Я и сам там жил, да вот сюда и попал и, как Филипп, тут и прилип. А вот говорят странники и пройдохи, что я толст. Это правда. Посмотри-ка, какой я пузан!" — Думаю: "Это как раз правда, как мне странники гово-

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 66.

рили". — "А деньги-то, — продолжал старец, — как их не любить? С ними и святым нашего времени хорошо. А вот тебе-то теперь без них приходится плохо, как остался в кармане кукиш. Да и дома-то что тебя ждет? Это теперь у тебя с ума нейдет. Впрочем, не бойся, всё будет хорошо, только возвращайся скорей. К нам ты возвратишься с годовым паспортом, и об этом не заботься, — это дело Баркова. Вот и богатых как не любить? Ведь и они люди, да еще какие из них бывают! Ох, брат, тебе ли о сем рассуждать? Подумай-ка лучше о себе. Ты вот и много о себе говорить хотел, да вот и онемел". Поражен я был старческим обличением во многом, что знала только душа моя да Бог. Ибо я никому о сем не говорил, но вдруг вижу зрителя таин души моей. Что это такое? Отколе взялся мгновенно пот по всему моему телу! — "Небойсь, небойсь, Саша-Алексаша (так впоследствии называл меня старец, особенно когда вера моя к нему колебалась), небойсь, — я ведь не волшебник и не знахарь и не обманщик, как ты наслушался..."»*.

Монах С. (имя его в Житии старца не раскрыто) рассказал о двух поразительных случаях предвидения, проявленного старцем Леонидом. Этот монах, еще послушником, хотел уйти из Оптиной навсегда, но старцу сказал, что только наведаться к родным. На уговоры старца остаться не соглашался. Тот и сказал ему: «Ступай, брат, с Богом! Прибежишь сюда бегом, когда не хочешь оставаться теперь». Тот пошел. И вот его там обвинили в убийстве человека, судили и едва не упекли на каторгу, да спасло его то, что виновный нашелся и сознался во всем... Монах С. и «прибежал» в Оптину без оглядки, с намерением остаться тут уж навсегда. В другой раз старец сам послал его в деревню к родным, — от-

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 107–108.

правлял срочно, а тот не хотел идти. Идти всё же пришлось, и что же вышло? Крестьяне как раз собирались послать за ним, так как брат его помешался в уме от пьянства, и семья его бедствовала. По совету старца монах С. повез брата к мощам святителя Митрофана Воронежского и привез его оттуда совершенно здоровым, чему немало удивлялись однодеревенцы крестьяне*.

Иеросхимонах Феодот (скончавшийся в 1870-х годах) рассказывал: «Бывши еще послушником, однажды, стоя с другими на коленях пред старцем о. Леонидом, я увлекся помыслами и стал размышлять, что вот такой-то монах, который хорошо понимал экономическую часть, годился бы в настоятели. Только что я это подумал, как вдруг старец довольно сильно ударил меня по щеке со словами: «Не в свое дело лезешь! Ты не знаешь, что это за человек»». Нужно заметить, что монах, о котором так подумал о. Феодот, впоследствии вышел из Оптиной Пустыни, переменил много монастырей, а в настоятели всё-таки не попал**.

Происходили поистине удивительные истории, которые открывали изумленным свидетелям великую силу прозрения, дарованную о. Леониду от Господа. Вот в некотором роде житейская история, в которую вынужден был окунуться един монах. У него не было увольнения от общества, необходимого для поступления в монастырь. Он попросил благословения старца идти в деревню за этим, тот его благословил, но монах раздумал. А дело все же снова возникло, и он опять пришел к старцу, и уже с раскаянием, что в первый раз не пошел, и стал плакать. Старец сказал ему, чтоб он утешился, и что в этот раз всё будет даже лучше, чем если бы было

---

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 132–133.

** Там же. С. 140.

в первый. Ему надо было продать свой дом, чтобы уплатить за увольнение, а его дядя, выдавший замуж его сестру, требовал денег и дом этот хотел присвоить и продать для себя. Стало быть и денег на увольнительную бумагу уже негде было бы взять... Но Господь устроил всё к лучшему. Дяде пришлось на день-другой срочно отъехать по делам, а в это время нашелся покупатель, которому монах и продал дом за наличные деньги, которые немедленно и внес в контору. Приехавший на другой день дядя, надеявшийся обмануть монаха, от расстройства даже волосы на себе стал рвать. Но монах-то был прав, — простился он с сестрой и зятем и поехал с бумагой в Оптину, как он говорил «к моему святому и прозорливому старцу, который встретил меня такими словами: “Во! наш Титов (старец звал этого монаха по фамилии, — *Сост.*) уже слетал да браво отхватал”. С тех пор я не мог иначе смотреть на своего старца, как на великого угодника Божия»*.

Старец духовно окормлял множество монахов, но из них были у него некоторые более близкие к нему, особенно те, с которыми он пришел в Скит. К рассказу о чудесных дарах старца мы потом вернемся, а теперь коснемся личности его ближайшего ученика и секретаря Павла Петровича Тамбовцева, уроженца Курской губернии, происходившего из семьи белгородских купцов. Это был очень внимательный к старческому слову монах, ведший строгую молитвенную жизнь. Когда ему было всего 25 лет, его постигли большие скорби (это было в 1834–1835 годах), — отец его, купец, разорился и, не зная как поправить дело, запил и покончил свою жизнь самоубийством. Это так потрясло его сына Павла, что он заболел. К тому же старший его брат, на которого

---

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 149–150.

легла вся забота о довольно большой семье, также начал пить, сначала с горя, потом уже втянувшись в этот порок. Павел, по благословению старцев Леонида и Макария, ездил на родину, увещевал брата, вёл из дома переписку со старцами, и, наконец, не добившись положительного результата, вернулся в Оптину, в Скит, и вскоре слёг в чахотке. Он скончался на 26 году. В свое время записаны были двадцать два вопроса и ответа — беседа о. Павла со старцем Леонидом, которая весьма содержательна и раскрывает многие аскетические вопросы. А незадолго до несчастья с его отцом о. Павел видел сон, совершенно необыкновенный, сон благодатный (по определению старца), который он по благословению о. Леонида записал в подробностях. Это, конечно, одно из чудесных событий того времени, происшедших в Оптиной Пустыни.

«Вижу я внезапно свет, — писал о. Павел, — столь лучезарный, что он много превышал свет солнечный. Из этого лучезарного сияния выходил голос громкий и нежный, приказывавший как бы подчиненным существам: "Возьмите его (т.е. меня) на крест". С сими словами (не знаю кто) меня взяли и, сняв одежды, повлекли как бы умственно на крест, который мне живо представлялся и, казалось мне, был сделан из приятного желтого строевого дерева, достаточный, чтобы меня на оном крестообразно распростерть. Но кто со мною так поступал? Смотря на все стороны, ничего другого я не мог приметить, как только шум и самую скорую деятельность. Когда меня подняли на крест, то действующие говорили тихо, но внятно: "Подавайте гвозди". Предложены были четыре гвоздя, каждый не менее как в четверть аршина (около 18 см. — *Сост.*); и тогда начали мне прибивать одним из них правую руку ко кресту. Здесь я ощущал величайшую боль, хотя и желал в душе своей быть распятым. Имея такие желания сердца, от боли я, однако,

поколебался в духе и едва не выразил голосом ощущаемого страдания, но с помощью Божиею, не знаю как-то, удержался. Когда же мне вонзен был гвоздь, то спустя несколько минут я почувствовал облегчение боли, и потом уже почти не ощущал ее. Затем подали другой гвоздь, подобный первому, и начали вбивать его в левую мою руку. Здесь хотя я и ощущал боль, только несравненно легчайшую первой. Подали третий гвоздь, которым назначено было прибить ко кресту правую мою ногу. Видя, как этот гвоздь был устремлен на меня, я поколебался в духе и хотел воскликнуть: "Помилуйте!" Но, будучи удержан изнеможением собственного духа, ощутив свой недостаток в терпении, за коим, однако ж, следовало в сердце большее первого желание претерпеть, я обратился умом своим ко Всемогущему Богу, имея в душе неизъяснимую уверенность в том, что Он мне поможет. С такою надеждою я мысленно просил Бога об укреплении; трепетал, желал претерпеть и боялся неустойки, сообразной слабости непостоянного моего духа. Действительно, милосердый Господь хотя и дал мне ощутить ужасную боль во всем моем составе, но по милосердию Своему удивительно укрепил меня. Вонзили гвоздь. В духе я весьма ослабел, однако ж, невольно вынесши боль, я скоро начал чувствовать облегчение, потом умеренную болезнь или лучше — одну слабость. Подали четвертый гвоздь и с необыкновенным стремлением вонзили мне в левую ногу, так что я не успел ни вообразить, ни подумать что-либо. Полагаю, что от ощущаемой слабости. Но боль в то время была средняя, так что, казалось, можно бы стерпеть. Несколько времени спустя вторично возгремел от превыспреннего света громкий голос, гораздо яснее первого, но всё сопровождаемый духом любви, нежности и благоволения: "Вонзите ему (как бы указуя на меня духовным перстом) в самое сердце гвоздь!" Услышав такое определение и зная

свою слабость, я крайне возмутился. Решительность моя поколебалась; тучи страшных мыслей отяготели надо мною. Мое сердце то горело желанием, то приходило от страха в оцепенение. Наконец, решительность посвятить себя на терпение взяла перевес. Все смутные мысли рассеялись, и ум мой воспарил к Богу с молитвою о помощи. После сего, как бы ощутив в своем сердце обещание от Господа подать мне помощь, с некоторым трепетом, но вместе с любовью и признательностью к сильному имени Сердцеведца, Который "болий есть сердца и весть вся", приготовился выдержать действие страшного приговора, излетевшего из недр невидимого гласа. (Всё это делалось так скоро, что нужно более времени не только описать, но и пересказать словами). Подали пятый гвоздь, который прямо приближался против моего сердца. Судя по величине, он мог насквозь пронзить меня, и, кажется, еще осталось бы с обеих сторон более полуаршина. Пока гвоздь еще приближался к моей груди, я находился готовым в надежде на силу Божию. А как только совершенно приблизился, то я вдруг изменил свое намерение и хотел было воскликнуть: "Помилуйте! за что это?" Мне казалось, что, как только исполнится определение, я лишусь жизни от безмерной болезни. Начали забивать гвоздь против самого сердца как будто молотами. Я почувствовал необыкновенную, столь нестерпимую боль, что дух мой был сражен совершенно. Душа, как будто собрав в себя пораженные слабые силы, оставила меня без чувств на кресте и, излетев из тела, держима была несколько минут каким-то невидимым и неизъяснимым существом. Глаза мои и омертвели и закатились. Голова склонилась, не упомню на какую сторону. Ужасное было зрелище! Душа была во мне, но, казалось, вне тела. Вскоре, впрочем, начало и мне казаться, что я только чрезмерно изнемог, но душа моя во мне. Болезнь стала умеряться, и вдруг не стало слышно и

следов ее. Мгновенно открылись глаза мои, но я ничего более не ощущал, кроме того, что я на кресте. Сердце мое бедное восхищено было и преисполнено толикою сладостью, что того неизобразимого веселья ни тысяща великих умов, ни сам я, испытавший, выразить не в состоянии. Сладость эта, думаю, есть чаша предложения сладостей премирных, от пресладкого Мироправителя, Господа нашего Иисуса Христа. Ему только свойственно иметь такого рода стамну манны, и по непостижимой тайне милосердия Его даровать смертным. Но что я начинаю говорить, безумный, о том, что выразить всей жизни моей недостаточно! Простите! Возвеселилось сердце мое неизреченно, и тогда пламенеющие в мирном духе глаза мои опустились вниз. Я видел себя всего в крови, пригвожденного на кресте. Сладость восхитила мой дух, в сердце остались следы какого-то изумления, которое меня и пробудило от сна»*.

Старец Леонид сказал о. Павлу: «Крест, виденный тобою во сне, предзнаменует величайшую какую-либо скорбь, а сладость — заступление». Еще сказал он, что хотя сатана может преображаться как бы во ангела светлого, но Креста Господня представить не может, «не могий взирати на силу его».

В феврале 1836 года о. Леонид был по приказанию правящего епископа переведен из Скита в монастырь. Произошло это вследствие жалоб людей, не понимавших дел старчества, не принимавших его, — среди таких людей были и монахи. К сожалению, тогда, ввиду долголетних утеснений монашества от властей, внутреннее монашеское делание, откровение помыслов духовно опытным старцам, нравственное воспитание внутреннего человека были почти забыты. Немногочисленные

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 176–180.

старцы, последователи преподобного Паисия, начинали возрождать забытое, для многих оказавшееся новым. Отсюда и противление старчеству от монахов, шедших путем внешнего делания, суровой жизни в посте, труде и молитве. Старец Леонид, однако, с полным смирением воспринимал такие перемены, относящиеся к его местонахождению, — Оптиной-то он не лишался. В обители, где доступ мирян к нему был ограничен, он продолжал духовно окормлять всех, кто вручал ему свою волю. Дар чудотворений проявлялся в нем, как и прежде, изобильно, укрепляя людей в вере Христовой, направляя на тесный путь спасения.

Многие чудеса совершались так, как будто это обыкновенное, будничное течение жизни... Вот излечил о. Леонид монаха от холеры, бывшей у того в полном разгаре, дав ему выпить ложечку елея от лампады у иконы Божией Матери*. Иеромонаху Моисею предсказал его настоятельство в Тихоновой пустыни, что и исполнилось спустя 18 лет**. Иеромонах Пахомий (скончавшийся в 1895 году) рассказал, как обличил его старец: «Когда он в первый раз приехал в Оптину Пустынь и пришел к старцу Леониду, — говорится в Житии старца, — то, увидев его тучность, соблазнился и, остановившись у дверей его келлии, подумал: "Что ж это за схимник?" — Заметив его, прозорливый старец встал и, ударяя руками по своему животу, громко, через весь окружавший его народ, сказал: "Что, Копцев? Видно, славны бубны за горами, а близко подойдешь, — как лукошко. Смотрика, брат, какое у меня пузенько". На приезжего напал страх, — он со старцем Леонидом знаком был только по переписке, а лично до сего времени с ним не видался

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 240.

** Там же. С. 245.

и, приехавши в Оптину, ни к кому не заходя, прямо пошел к старцу, — как же старец, никогда его не видавший, называет его по фамилии? Как он мог узнать тайный его помысл? — С невольным трепетом пришлец пал к ногам о. Леонида, который тут же при всех обличил его, как он на дороге поссорился с извозчиком»*.

В Белёвском Крестовоздвиженском монастыре многие монахини были духовными чадами старца Леонида. Одна из новопостриженных, не имевшая еще своей келлии (в большинстве женских монастырей келлии насельницы ставили себе сами, за свои счет, а кто не имел средств для этого, те жили в услужении у других), решила таковую построить, так как ее отец давал ей средства на это, но о. Леонид, которого чадом она была, велел повременить в течение года. Что было делать? Хотелось ей построиться, но и слово старца было страшно нарушить. По простоте своей и прибегла к хитрости, — уговорила отца своего построить ей келлию как бы по своему желанию, от себя. Когда монахиня изложила это как бы желание ее отца старцу, тот ответил: «Он желает потому, что ты его об этом просила. Ну, пожалуй, сруб можете поставить, а печку до года не класть! Перейдешь в келлию в будущем году». И опять матушка эта нарушила слово старца, — печь поставили, а о. Леониду она опять сказала, что это всё отец ее по своей воле сделал. «Ну смотри, — сказал старец, — не на пользу будет тебе твоя келлия, не утешишься ею». А дальше вот что вышло: переселилась монахиня в свой домик, а покоя в душе нет, и всё больше и больше. Дошло до того, что постигло ее расстройство ума. Три года мучилась, не могла придти в себя... Наконец обратилась к старцу с глубоким покаянием. «Говорил я тебе, — сказал о. Леонид, — что

---

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 246.

не на пользу будет тебе твоя келлия. Вот ты пострадала за свое ослушание и лукавство, и еще должна пострадать. Теперь тебе одно спасение, — продай келлию, без этого исцелиться не можешь». Келлия была продана и монахиня получила душевное облегчение, и дала себе слово ни в чем старца не ослушиваться. Только после кончины о. Леонида старец Макарий разрешил ей приобрести себе келлию, сказав, что время испытания прошло. В дальнейшем тридцать лет прожила эта монахиня в своей келлии, ведя очень внимательную жизнь, боясь малейшего лукавства или какой-нибудь шаткости в своих чувствах и намерениях, во всем следуя советам старца*.

Одна купеческая вдова просила у о. Леонида благословения для своей дочери на замужество. Он велел привезти ее, а когда увидел, то сказал, что не надо ее выдавать замуж, что скоро у нее будет лучший жених, а пока благословил ее пожить в Белевском девичьем монастыре. Прошло совсем немного времени, и девица там скончалась. Жених ее был Сам Христос...

История другой девицы не так коротка, — она пожелала жить в монастыре, когда ей было 12 лет. Родители не согласились. Через три года она с отцом и родной теткой приехала в Оптину Пустынь, где они явились к о. Леониду. «Он, никогда не знавши нас, — вспоминала она, — назвал всех нас по имени и сказал, что давно ожидает таких гостей. При такой неожиданной встрече мы все стали в тупик, не зная, что ответить. Потом мы поодиночке входили в его келлийку, и тут батюшка всем по устроению говорил настоящее, прошедшее и будущее. Меня впустили к нему после всех. В ожидании той минуты, когда мне нужно было к нему идти, я находилась в большом страхе, а вышла из его келлийки покойною и

---

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 248–250.

с большим утешением душевным. Он меня благословил прямо в Борисовскую пустынь, и за его молитвы родитель мой уже более не удерживал меня; но обезпечения денежного мне никакого не дал. А когда старца спросили, как я буду жить, его ответ был такой: "Она будет жить лучше лучших". Слова батюшки о. Леонида во всем сбылись»*.

У оптинских послушников братьев Труновых была младшая сестра, которая еще в отрочестве решила не выходить замуж. Она побывала у о. Леонида, но он не сказал ей ничего решительного, а потом сказал ее братьям, что она через год будет в монастыре. Этот год был для отроковицы трудным, полным смущений и недоумений, много пришлось ей и поплакать. Дважды видела она во сне старца Леонида. В первый раз он дал ей кусок хлеба без соли, а во второй — то же самое, но уже посолив. Через год приехала она в Оптину и только было хотела рассказать старцу о своих снах, как он опередил ее, сказав: «Ну, что? скорбела и плакала? Ведь я дал тебе кусок хлеба без соли, и ты съела, а теперь посолил». При этом о. Леонид благословил девицу поступать в Борисовскую женскую пустынь. Эта девица стала монахиней. Она, прежде чем поступить в монастырь, какое-то время оставалась в Оптиной, ходила на службы, посещала старца. Ей запомнилось несколько случаев, когда Господь проявлял через старца свою чудесную волю. Это был, например, случай с одним послушником, который ходил к старцу, а тот, заслыша его у дверей, всегда спрашивал: «Кто там?» «Послушник ваш», — бывал ответ. А старец прибавлял: «Какой послушник? Помещик!» — и тот действительно вышел из обители и женился. А еще поразил ее случай с бесно-

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 250–251.

ватой, которую притащили шесть человек. Как только она увидела старца, то упала и закричала: «Вот этот-то седой меня выгонит! Был я в Киеве, Москве, Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду». Старец помазал ее елеем из лампады от иконы Божией Матери, помолился, и она утихла, а вскоре совсем успокоилась. И потом ежегодно приезжала к старцу. После его кончины брала земельку с его могилы и пользовала ею других больных*.

Другая бесноватая, крестьянка, во время припадков говорила что-то на иностранных языках. Ее трижды приводили к о. Леониду, и он помазывал ее тем же елеем из лампадки, и давал ей пить его, и она исцелилась. Тогда еще жив был о. Павел (Тамбовцев). Он и попросил как-то, полушутя, эту крестьянку поговорить, как в прежние разы, по-иностранному. «И, батюшка! — отвечала она. — Я и по-своему-то едва говорю... Слава Богу, что болезнь-то прошла»**.

Монахиня Назарета из Севского монастыря болела раком груди. Когда страдания ее усилились до крайней степени, она едва не отчаялась. И вот, — это было под праздник Введения во храм Божией Матери, — видит она, что входят к ней как бы наяву в келлию два старца. Один из них (это был о. Леонид) сказал: «Приезжай в Оптину, помолись там Богу, и получишь исцеление». Собравшись с силами, она и поехала. Едва она расположилась в номере монастырской гостиницы, как пришли к ней два старца, те же самые. Они посадили ее на стул посреди комнаты, сами подсели к ней и начали расспрашивать ее о разных относящихся к ее духовной жизни вещах. Второй старец был о. Макарий. Монахиня, чтобы

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 252–258.

** Там же. С. 257.

поглядеть на них, встала со стула, но о. Леонид усадил ее, сказав: «Когда к нам приехала, нечего глазеть, садись да слушай». На следующий день утром пришел к ней один о. Леонид с елеем и помазал ей больное место. К вечеру прошла боль, а затем она почувствовала себя совершенно здоровой. Врачи до этого назначали ей срок жизни едва ли не в несколько дней, а она прожила после той поездки в Оптину более двадцати лет*.

И это был не единственный случай излечения старцем такой болезни.

Иеросхимонах Антоний (Киево-Печерский духовник, начинавший монашескую жизнь в Оптиной Пустыни) рассказал следующее: «Два мценских компаньона отправили барки с хлебом, который они надеялись продать или в Коломне или, во всяком случае, в Москве. По принятому ими обычаю они заехали в Оптину получить от старца о. Леонида напутственное благословение. Увидев их, старец спросил: "Ну что, господа, как хлебные дела?" — "Да пока вяло, — ответили купцы, — благословите, едем". Старец: "Нет, я думаю, завтра поедете". — Купцы: "Батюшка, благословите сегодня". Но батюшка решительно сказал: "Нет, нет, сказано — завтра, что тут еще спорить?" А завтра еще прождали до вечера. "Ну, теперь с Богом", — сказал, прощаясь с ними, старец. Таким образом купцы в пути своем просрочили около трех дней. А в это время цены на хлеб возвысились, и они от продажи хлеба получили хорошие барыши. Это одно. А затем последовало еще вот что. Получивши за хлеб порядочную сумму денег, означенные купцы должны были везти домой деньги при себе. На обратном пути они опять заехали в Оптину, и лишь только вошли в келлию к батюшке, он поздравил их с

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 256–257.

получением большого прибытка: “А что, купцы-молодцы? Немножко пождали, да много пожали. А если еще послушаете, то хорошо и сладко покушаете”. И батюшка удержал их в Оптиной на целые сутки. Затем они благополучно возвратились в Мценск. Что же оказалось? Когда купцы получали за хлеб деньги, они были замечены и преследованы мошенниками, которые взяли номер для квартирования в соседстве с ними, в одной гостинице, вошли в дружеский разговор и сказали, что едут по одной с ними дороге до г. Белёва. Намерение же злоумышленников было ограбить купцов на дороге и даже лишить их жизни. И достигли бы они этой цели, если бы старец не задержал их в Оптиной. Об этом своем злом намерении и неудаче сами злодеи после письменно известили чудесно избавленных от угрожавшей им опасности. Событие это всех жителей г. Мценска расположило к безусловному повиновению старцу о. Леониду, а после и к его преемникам — о. Макарию и о. Амвросию»*.

Приехал в Оптину некий помещик, которого привлекло более любопытство, чем нужда. Пришел он в Скит и, увидев о. Леонида, подумал: «Что же это говорят, что он необыкновенный человек? Такой же, как и прочие, необыкновенного ничего не видно». Старец же и говорит ему: «Тебе бы всё дома строить: здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо вот такое-то». Поражен был помещик прозорливостью старца, — в самом деле, когда ехал он из Калуги, то увидел прекрасное место, и стал думать, что хорошо бы купить здесь землю и построить дом, — столько-то окон, такое-то крыльцо... Решил он поисповедаться у старца и тот напомнил ему грех, забытый им, но важный... Вот и признал помещик

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 263–264.

о. Леонида именно за «необыкновенного» человека*. Недалеко от Оптиной жил другой барин. Жил близко, но монастыря не посещал. Но вот он собрался посетить старца и похвастал, что, как только взглянет на о. Леонида, так его всего насквозь и увидит... Ростом барин был высок, да и тучен. Вот входит он в келлию старца, а тот, завидев его, приложил ладонь над глазами ко лбу в виде козырька, словно рассматривая что-то в ярком свете, и сказал: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Леонида, а сам, шельма, семнадцать лет не был на исповеди и у святого Причастия!» Барин был так поражен, что его затрясло. Вот и не ушел он без исповеди, и поплакал вдоволь, так как действительно не причащался 17 лет**.

Однажды исцелена была о. Леонидом от страсти винопития жена купца. А потом исцелен был их сын 18-ти лет, от «каменной болезни»***.

Незадолго до кончины о. Леонида побывал в Оптиной Пустыни постриженник Афонской горы инок Парфений, впоследствии настоятель созданного им Гуслицкого монастыря в Московской епархии. «Я нетерпеливо желал, — писал он, — сходить к о. Леониду, с надеждою получить себе утешение и, расспросив о келлии его, пошел к нему немедленно. И пришедши в его сени, убоялся: ово от радости, что сподоблюсь видеть такого великого отца, ово от мысли, как я, недостойный, явлюсь пред такого великого старца, и долго стоя в сенях, опасался отворить дверь. Потом вышел его ученик. Я спросил: "Можно войти к старцу?" Он ответил: "Можно". Потом я взошел к нему в келлию, но там еще более убо-

* Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994. С. 266–267.

** Там же. С. 267.

*** Там же. С. 271.

ялся и вострепетал. Ибо почти полная келлия была людей разного звания: господ, купцов и простых; и все стоят на коленях со страхом и трепетом, как пред грозным судиею, и каждый ожидает себе ответа и наставления: и я также, позади всех, пал на колена. Старец же сидит на кроватке и плетет пояс: это было его рукоделие (плести пояски и давать посетителям на благословение). Потом старец возгласил: "А ты, афонский отец, почто пал на колена? или ты хочешь, чтобы и я стал на колена?" Я устрашился от того, что никогда он меня не видал и не знал, в одежде же я был простой, а назвал меня отцом афонским. Я отвечал: "Прости меня, отче святый, Господа ради, — я повинуюсь обычаю: вижу, что все стоят на коленах, и я пал на колена". Он же сказал: "Те люди мирские, да еще и виновные; пусть они постоят; а ты монах, да еще афонский, встань и подойди ко мне". Вставши, я подошел к нему. Он же, благословивши меня, приказал сесть с ним на кровати и много меня расспрашивал о Св. горе Афонской, и о иноческой уединенной жизни, и о монастырской общежительной, и о прочих афонских уставах и обычаях, а сам руками безпрестанно плел пояс. Я всё подробно рассказал, он же от радости плакал, а я прославлял Господа Бога, что еще много у Него есть верных рабов... Когда мы беседовали, привели к нему три женщины одну больную, ума и рассудка лишившуюся, и все три плакали, и просили отца о больной помолиться. Он же надел на себя епитрахиль, положил на главу болящей конец епитрахили и свои руки, и прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестил, и приказал отвести ее на гостиницу. Сие делал он сидя; а потому он сидел, что уже не мог встать, что был болен и доживал последние дни. Потом приходили к нему ученики, монастырские братия и открывали ему свою совесть и свои душевные язвы. Он же всех врачевал и давал им наставления. Потом говорил им, что при-

ближается к нему кончина, и сказал: “Доколе вы, чада моя, не будете мудры яко змия и цели яко голубие? Доколе вы будете изнемогать? Доколе вы будете учиться? Уже пора вам и самим быть мудрыми и учителями, а вы сами ежедневно еще изнемогаете и падаете. Как вы будете жить без меня? Я доживаю последние дни, и должен оставить вас и отдать долг естеству своему, и отойти ко Господу моему”. Ученики, слышавши сие, горько плакали. Потом всех отпустил, и меня также.

На другой день я паки пришел к нему, и он паки принял меня с любовью и много со мной беседовал. Потом пришли вчерашние женщины, и больная была с ними, но уже не больная, а совершенно здоровая: они пришли благодарить старца. Видевши сие, я удивился и сказал старцу; “Отче святый, как вы дерзаете творить такие дела? Вы славою человеческою можете погубить все свои труды и подвиги”. Он же в ответ сказал мне: “Отец афонский! я сие сотворил не своею властью, но это сделалось по вере приходящих, и действовала благодать Святаго Духа, данная мне при рукоположении, а сам я человек грешный”. Слышавши сие, я весьма воспользовался его благим рассуждением, верою и смирением»*.

Старец несколько раз предсказывал время своей кончины и указал место, где будет похоронен. 11 октября 1841 года о. Леонид почил о Господе.

В начале декабря 1858 года скитской летописец записал: «Батюшка о. Макарий получил письмо от архимандрита Никодима (Демутье, настоятеля Малоярославецкого монастыря. — *Сост.*) следующего содержания: «На праздник Знамения Божией Матери я видел знаменательный сон, который и вручаю вашему рассуждению. Вышедши из утреннего бдения очень изнемогшим, я повалился как мертвый и вижу, что иду по до-

---

* «Неизвестная Оптина». СПб., 1998. С. 117–120.

роге с каким-то незнакомым человеком, на пути остановил нас закрытый гроб, вынутый из могилы, которая была близ, и сейчас же возвестилось мне, что в нем лежат мощи старца нашего Леонида, чему я очень обрадовался и пожелал, во-первых, гроб опустить в могилу, которая была не глубока, и посмотреть есть ли что в гробу, потому что гроб не имел никакой тяжести и был как бы пустой. Товарищ мой держал гроб за голову, а я за ножки, и таким образом поставил на место. В это время я дерзнул приподнять немного с ног крышку и увидел к радости моей старцевы ножки в башмаках и далее немного корпуса его, и очень возрадовался, и когда приложился с благоговением к мощам его, вдруг крышка вся сдвинулась с места и легла возле гроба, и я к большой моей радости увидел всего его; волосы и лице белые, а самого покрытым белейшею и тончайшею тканью, и в то же мгновенье отец наш, распахнувши это покрывало и держа его в руках, поднялся, приблизился ко мне до того, что взял меня за плечи и, с необыкновенно приятным лицем и улыбкою смотря на меня, сказал: «Скоро, скоро здесь будешь!» — в это время я нашелся покрытый его покрывалом и проснулся. Радость моя была неописанна, которой достало и на другой день, и теперь при воспоминании сего видения невольно весело на сердце»*. (Архимандрит Никодим скончался 7 февраля 1864 года).

---

* Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

БРАТЬЯ-СОТАИННИКИ ПРЕПОДОБНЫЕ МОИСЕЙ И АНТОНИЙ ОПТИНСКИЕ

Св. преподобный Моисей Оптинский

Меньшей известностью, чем другие Оптинские старцы, до сих пор пользуются преподобные Моисей и Антоний, братья Путиловы. Это, конечно, потому, что они по должностям своим старцами не были, — о. Моисей — настоятель Оптиной Пустыни, о. Антоний — начальник Скита Оптиной Пустыни и потом настоятель Николаевского Малоярославецкого монастыря (конец жизни проведший на покое в родной Оптиной). Есть и еще причина не столь большой их популярности, — имея в полноте те же дары, что и благодатные Оптинские старцы, они всячески скрывали их, ограничиваясь по возможности окормлением только своих духовных чад, а их забота о духовном устроении братии монастыря была хотя и весьма существенной, но более шла только от примера их личной жизни. Оба они добровольно находились в духовном подчинении у старцев, не предпринимая без их благословения почти буквально ничего даже по своим должностям.

Св. преподобный Антоний Оптинский

Но какой высокой жизни были эти монахи! Начало своему монашеству они положили в ранней юности и долгое время проводили молитвенную жизнь в лесах возле старца-отшельника. Всякие трудности преодолевали они там — и холод, и голод, и тревогу, когда поднималась буря и валила вековые деревья едва не прямо на их келлию. Там закалились они духовно. Трудами этих братьев-монахов по благословению владыки Филарета (Амфитеатрова), впоследствии митрополита Киевского, возле Оптиной устроен был Иоанно-Предтеченский Скит, которого начальником был сначала о. Моисей, потом — о. Антоний. Возле них собралась немногочисленная братия скитян. Постепенно благоустраиваясь уже трудами всей братии, Скит принял вскоре тот вид, как он был при старцах Льве и Макарии. Слава его разнеслась далеко по Руси. Сюда, к жившим здесь старцам, начал устремляться ищущий духовного врачевания народ всех сословий.

Устроение Скита было делом чудесным, Божиим, — главным двигателем в его устроении была молитва братии. При о. Моисее тут появились в новопостроенном храме две чудотворные иконы — Знамения Божией Матери и св. Иоанна Предтечи. Но здесь мы отсылаем тебя, читатель, к более подробным книгам по истории Скита — это частично Жития преподобных отцов Моисея (написано архимандритом, впоследствии архиепископом, Ювеналием (Половцевым)) и Антония (написано иеромонахом Климентом (Зедергольмом)), а также к изданной Оптиной Пустынью в 2000 году книге «По об-

разу древних. Оптина Пустынь. Иоанно-Предтеченский Скит».

Преподобному Моисею было 43 года, когда он, в сане иеромонаха, назначен был настоятелем Оптиной Пустыни. Это произошло в 1826 году. Выбор епископа Филарета был безошибочен, — лучшего настоятеля нельзя было и пожелать. Как писал о. Ювеналий, — «когда о. Моисей сделался настоятелем, из зданий, ныне украшающих Оптину Пустынь, существовали в теперешнем виде: одна церковь (Казанская), колокольня, старое здание трапезы, настоятельский корпус, два братских корпуса деревянных и два каменных одноэтажных. Был собор Введенский, но очень тесный. Была и больничная церковь в память явления Владимирской иконы Божией Матери, но без притвора и без пристроек. В настоятельство о. Моисея Введенский собор распространен и устроены два боковых придела с крытыми папертями; к больничной церкви сделана пристройка; в старой братской трапезе устроена церковь во имя преподобной Марии Египетской; построена кладбищенская церковь. Над двумя одноэтажными каменными корпусами надстроены верхние этажи; вновь построено семь братских корпусов внутри монастыря; каменная ограда с семью башнями, новый большой корпус для братской трапезы, библиотека, гостиницы (семь корпусов с тремя флигелями для богомольцев различных сословий); два конных двора с братскими келлиями, скотный двор, заводы кирпичный и черепичный; мельница близ монастыря выстроена вновь; новое братское кладбище, весь Скит с его церковью, келлиями и службами — всё это возникло при о. Моисее»*. Мы приводим эти сведения о строительстве ввиду того, что совершалось это всё главным

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992.

образом по молитвам о. Моисея, многое — чудесным образом, что мы далее и увидим.

О. Ювеналий продолжает перечень дел о. Моисея, отмечает, что при нем устроены были рыбные ловли, хутора, улучшенные огороды, фруктовые сады, покосы, пасека, приобретено было довольно много земли и леса, заведен прекрасный скот. Великолепной библиотеке Оптиной Пустыни положил начало тоже о. Моисей, вместе с братом о. Антонием, — они оба были собирателями духовных книг и рукописей, келейные их библиотеки составили более шести тысяч томов. Все эти книги при их жизни еще отданы были в монастырскую библиотеку, которую братия продолжали усердно пополнять. Затем о. Ювеналий пишет о благоукрашении храмов росписью и иконами, обогащении ризницы облачениями, утварью. Словом — даже при беглом описании видно, сколь плодотворна была деятельность о. Моисея как настоятеля.

«Его строго монашеское или, точнее, истинно христианское направление и внутреннего и внешнего человека, — пишет об о. Моисее о. Ювеналий, — выражалось в период его настоятельства и в отношениях его к начальству, и в управлении братией, в обращении его с рабочими людьми и с посетителями монастыря, как бедными, так и богатыми, наконец, и в келейной его жизни»*. О. Моисей избегал брать на себя наставничество. «Многие и не подозревают, что тот, которого они считали только хорошим хозяином и мудрым настоятелем, был вместе с тем и мужем поистине духовным в полном значении этого слова. Другие, хотя и знали это, но не могли подвигнуть его оставить любимое свое молчание, и только изредка, по просьбе немногих лиц, соглашался он

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 99.

объяснить то или другое неудобопонятное место из Св. Писания или побеседовать о чем-либо духовном, и тогда все заслушивались мудрых его слов. Однажды особенный случай заставил о. архимандрита сделать некоторым лицам в обители наставление в присутствии о. Макария. Из уст старца-настоятеля так и полились речи, исполненные мудрости и силы духовной. Все с изумлением слушали его, изумляясь и тому, как он говорит, и еще более тому, как он всегда молчит, имея такие дарования»*. Он был, прежде всего, монахом.

Расскажем теперь о некоторых чудесных случаях, бывших с о. Моисеем, всегда негромких, как бы пригашенных его смирением. Вот, например, много искушался иеромонах Вассиан, поместившийся в Оптину на покой из московского Данилова монастыря, на о. Моисея за то, что о нем среди некоторых братий ходили неблагоприятные толки. Кто-то в чем-то о. Моисея порицал, и о. Вассиану желалось узнать, правда ли то, что говорят. Несколько раз он ходил к о. Моисею, намереваясь прямо у него спросить, правда ли то и то, но встречал такой радушный прием и ласку, что вся его решимость пропадала. Но однажды сам старец навел разговор на эту тему: вот, мол, говорят обо мне то и это, и в немногих словах разсеял все недоумения пришедшего, который не успел и высказать ничего. Отпустил же он о. Вассиана, даже не намекнув, что понял цель его прихода**.

Монах Порфирий в своих келейных записках писал: «Часто страдая желудком, я не мог постоянно ходить в трапезу, хотя очень старался об этом, а в такое болезненное время из трех кушаньев выбирал одно или два полегче и обедал в келлии. А архимандрит, встречая меня

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 100.

** Там же. С. 118.

несущего кушанье, благословлял, не делая никакого замечания. Но однажды говорит: “Что, в келлийку?” Я объяснил причину. Он сказал на это: “Если с верою ходить в трапезу, то это может исцелять болезни, — и, немного помолчав, прибавил, — не только телесные, но и душевные” (я же в то время был сильно отягчен разными помыслами). По слову о. архимандрита я начал ходить в трапезу обедать; с того времени в течение лет пяти или шести я мог ежедневно обедать в трапезе без вреда для желудка. Ужинать же я не начал ходить в то же время, впоследствии же, когда пожелал приучить себя и ужинать в трапезе, то не мог, и должен был брать по-прежнему вместо двух одно кушанье полегче. Насколько я тотчас оказал послушание, настолько получил и пользы»*. Этот монах описал и второй случай, пожалуй, еще более тонкий. «Я заметил, — писал он, — по некоторым сделанным мне намекам, что в монастыре распространилось обо мне несправедливое мнение. Я сильно огорчился этим и смутился мыслями, старцу медлил сказать об этом, вместо того я пробовал объясниться с двумя из более близких ко мне братий, но один из них уклонился от объяснений, а другой старался только успокоить меня. В это время мне случилось быть у о. архимандрита; говоря о чем-то, он коснулся в разговоре предмета, подобного мнению обо мне, и пристально взглянул мне в глаза; при этом предложил вопрос, не касавшийся меня лично, я ответил, — он в это время еще взглянул на меня. После этого лице его из задумчивого сделалось совершенно спокойным; то же спокойствие выразилось и в его голосе. Из этого я заключил, что о. архимандрит отвергнул подозрение против меня; это было первым укреплением для страдающей тогда души

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 129.

моей, и после этого я не замечал ни малого подозрения против меня. Слегка коснуться предмета и двух взглядов для о. архимандрита было достаточно, чтобы отвергнуть подозрение или сомнение. Когда я бывал отягчен помыслами, то в последние годы жизни о. архимандрита от одного благословения его мне случалось получить облегчение помыслов»*.

Часть средств для монастырского строения доставляли посылавшиеся о. Моисеем монахи-сборщики. Он советовал им, входя в какой-нибудь дом, читать молитву «Отче наш», это, во-первых, а если есть время, и другие. Один из этих сборщиков рассказывал, что в Туле пришел он в дом купца Молчанова. Войдя в переднюю, он встретил кого-то из прислужников, который ему грубовато сказал, что никого нет, и сам ушел. «А я стою и думаю, — рассказывал сборщик, — идти ли мне, чтобы не случилось еще какой-нибудь неприятности, а другая мысль говорит: да исполни же слова о. игумена, прочитай сперва “Отче наш”. Я и начал читать мысленно эту молитву. Не успел еще окончить ее, как из боковой двери вышла дама хорошо одетая и спросила меня: “Батюшка, что вам угодно?” — “Я собираю на обитель с книгою”. — “Подождите немного”, — и вошла опять в ту же дверь. Слышу, что она громко говорит кому-то: “Там монах пришел за сбором”. “Ну, подай ему”, — отвечал другой голос. Щелкнул замок от ящика. “Да тут мелких нет, только десять рублей”. — “Ну, отдай их ему”. Дама эта и вынесла мне, вовсе ей незнакомому, десять рублей. Это для сборщика немалая редкость и радость, а уйди я, не исполнив слова о. игумена, ничего бы и не получил. Такова была сила его слов!»**

---

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 129–130.

** Там же. С. 130–131.

При переездах через реки, особенно в распутицу, о. Моисей советовал в случае опасности призывать святителя Николая. Вот один оптинский сборщик-монах едет в такое время по затопленному водой мосту, да оказалось, что вода высоко поднялась, он было совсем погрузился в нее с повозкой, но вспомнил совет о. Моисея и призвал на помощь Николая Чудотворца. Лошади рванулись и вынесли повозку на берег*.

Брат о. Моисея о. Антоний рассказывал: «В голодное время копаюсь я раз на огороде. Гляжу, к перевозу подъехал обоз, а у нас тут мимо монастыря идет проезжая дорога, поворачивает на киевский тракт, я и думал, что обоз идет мимо. Обоз большой, подвод пятнадцать, на каждой подводе по три мешка, в каждом мешке по девяти пудов. Переехали перевоз извозчики и остановились около монастыря. Я подошел к ним и спрашиваю: кого им надобно? Дорогу что ли объездную желаете узнать? — Нет, говорят, — мы только до этого места едем. Что же, говорю, накладная есть? Есть, говорят, и накладная и письмо к настоятелю. От кого же? — Не велено сказывать, с тем и присланы. — Повел я переднего извозчика к покойному в келлию. Извозчик подал ему письмо, подал и накладную. Покойник, как прочитал письмо, перекрестился, а у самого в три ручья слёзы! — "Верую, — сказал он, — Господи, что не ради меня недостойного, а ради сих убогих и сирых призрел Ты милостию Своею на нас". Что же оказалось? Какой-то благодетель прислал этот обоз Обители в дар, а у нас в то время уж так туго пришлось, что ни хлеба не было, ни денег. Велика была милость Господня через верного раба Его и к нам, грешным»**.

---

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 131.

** Там же. С. 144–145.

Далее о. Антоний рассказал, как чудесным образом совершались в Оптиной постройки. «Иной во сто лет не сделает, что он сделал в 37, — писал он. — А как строился-то? Всегда без денег. Видишь, бывало, что и то нужно, и другое нужно, а он задумал постройку, тогда как денег нет. Скажешь, бывало, ему: "Начинаете вы, батюшка, такую большую постройку, а есть ли у вас деньги?" — "Есть, — скажет, — есть", — и вынет бумажник, а в бумажнике рублей 15–20. "Да ведь это, — скажешь ему, — всё равно, что ничего, постройка ведь тысячная". А он только улыбнется, бывало, да и скажет: "А про Бога-то ты забыл. У меня нет, так у Него есть". И точно — Бог посылал ему. Так сильна была у него вера в Бога. Иной не решился бы и подумать начинать без денег постройку, а он так был уверен в помощи Божией и так тверд был в этом, что нисколько, бывало, и не задумывался. И действительно вера не посрамляла его. И рабочие-то привыкли ему верить. Если понадобятся им деньги, а он скажет: "Повремените, братцы, день-другой", — рабочие, бывало, уже и знают, что денег у батюшки действительно стало быть нет, и не ропщут. "Ну, — скажут, — ему Бог на нашу долю пошлет". И точно посылал. Помолится, бывало, старец, глядишь — с почты и везут деньги. И сам же первый, бывало, придет на работу и скажет рабочим: "Ну, братия, — он всех братиями называл по своей любви и смирению, — мне на вашу долю Господь послал, давайте поделимся", — и сейчас же раздаст кому сколько нужно. Помню, строили трапезную. Рабочие кончили своё дело и наутро собирались расходиться по домам. С вечера подрядчик приходит к покойнику и говорит, что рабочие завтра уходят и просят расчет. Старец конечно и сам знал, что работа окончена, и надобно расчесть рабочих, но денег-то не было ни гроша! "Хорошо, — говорит, — пусть ночуют, завтра отпущу". А между тем, чтобы выиграть время,

пока закупщик съездит на почту и узнает, нет ли откуда-нибудь какой-либо присылки, да и рабочих не отпустить без хлеба и соли, как водится, когда оканчивается большая постройка, покойник велел приготовить дли них на утро обед. Рабочие узнали, что готовится обед, и остались без ропота ждать до половины дня, а между тем закупщик привез с почты, вовсе неожиданно, больше того, сколько нужно было для расчета рабочих. Так Господь во всем утешал Своего праведника!»*.

Был и еще совсем подобный случай**, — он также приведен в Житии преподобного. Но там сказано, что «подобных случаев было немало». Причем о. Моисей, заботясь о добротности и благолепии построек, редко умел наперёд рассчитать стоимость их. В Житии говорится: «Иногда о. архимандрит сам посмеивался над собою, говоря: “Вот в Евангелии о мудром строителе сказано: «Кто от вас, хотяй столп создати, не прежде ли разчтет имение, аще имать, еже есть на совершение» *(Лк. 14, 28),* — а я — немудрый строитель. Начал, например, строить здание для новой трапезы и думал, что выстрою на пять тысяч, а оно стало в пятнадцать тысяч”»***.

О. Моисей всегда был спокоен, не пытаясь противостоять возникающим обстоятельствам, так как знал, что всем руководит Бог. Он и скорби посылает, — хватало и их у преподобного. «Всё это за грехи наши, — говорил он. — Должно о всём благодарить Господа... Скорби не могли бы постигнуть нас без попущения Божия... Скорби охраняют нас от других искушений».

Во время тяжелой предсмертной болезни, когда о. Моисей лежал один на постели, он подозвал келей-

---

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 145–146.

** Там же. С. 146–147.

*** Там же. С. 148.

ника и спросил: «Что это за женщина? Что ей нужно? Зачем она меня безпокоит?» Тот не видел никакой женщины и подумал было, что это не бред ли, и, ничего не узнав, просто постарался больного успокоить. А после оказалось, что и в самом деле стояла на крыльце настоятельского корпуса женщина, которая уже получила от о. Моисея образок, как и многие другие, и ушла было, но решила остаться, чтобы попросить такой же образок от о. Моисея и для своего сына. Когда узнал это преподобный, он благословил образок и велел келейнику вынести его ожидавшей. И тогда сказал: «Вот я теперь спокоен». В день его кончины, 16 июня 1862 года, о. Моисей сильно томился, причастился лежа Св. Таин, потом успокоился. Ночью, вдруг видят, рука его поднимается и благословляет бывших у его постели, потом, когда всех благословил, он продолжал благословлять на воздух — кого-то из отсутствующих. «В это самое время, — говорится в Житии, — как узнали после из письма, полученного в обители, одно преданное старцу лицо в С.-Петербурге видело в тонком и необыкновенно светлом сне о. архимандрита, лежащего на одре и благословляющего поочередно каждого из членов его семейства»*.

Брат о. Моисея схиигумен Антоний очень горевал о смерти брата, но почти сразу после кончины его стал видеть его во сне. «Он постоянно ощущал около себя его присутствие и близость, — говорится в Житии о. Антония, — души их таинственно беседовали между собою, и почти не проходило дня, чтобы почивший во сне не являлся о. Антонию. Некоторые из сновидений были весьма замечательны. О. архимандрит и с того света духовно утешал и подкреплял брата, и подавал ему свое

* Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 189.

решение в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других»*.

В 1863 году был случай, когда на скотном дворе Оптиной Пустыни послушница по имени Надежда упала в котел с кипятком и обварилась. Она еще два дня была жива, терпела невыносимую боль, исповедалась, причастилась и отошла ко Господу с мирным духом. О. Антоний писал, что «Надежда великомученица без крику и вопля переносила своё ужасное страдание». Далее о. Антоний пишет: «К сему еще скажу чудное событие: в тот самый день, когда это случилось, отец М. приходит из утрени в свою келлию, и прилег, и вздремнувши видит в тонком сне отца архимандрита (то есть преподобного Моисея, — *Сост.*), приказывающего ему, М., чтобы он немедленно бежал на скотный двор, где нужно быть поскорее; о. М., зараз проснувшись, с удивлением побежал на скотную, и там его встретили с печальною вестью. А из сего можете вы заключить, что батюшка о. архимандрит Моисей и по кончине своей заботливо печется обо всем»**. А перед погребением Надежды одна скотница в тонком сне также видела о. Моисея в мантии и с посохом, идущего в храм, где стоял гроб покойной. Приняв благословение, она спросила: «Куда вы, батюшка, так спешите?» Он отвечал: «Иду Надежду проводить»***.

Преподобный Антоний с 1826 по 1839 год был начальником Иоанно-Предтеченского Скита, много потрудился по его благоустроению, с особенной любовью и внима-

---

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992.

** Письма к разным лицам игумена Антония. Репринтное воспроизведение издания 1869 года. Оптина Пустынь, 1991. С. 168–169.

*** Там же.

нием следя за правильностью богослужения. У него болели ноги, иногда так, что он с трудом мог выйти из келлии (он страдал болезнью ног до конца жизни). Однако, благодать Божия в изобилии почила на нем, — он был великий молитвенник, самоотверженнейший аскет. Всегда мирный духом, он проявлял и нелицемерную любовь о Христе к братии, ко всякому ближнему. Обладая настоящим монашеским смирением, он имел большую начитанность в духовной литературе и дар рассуждения. Никак не выделяясь из общей монашеской среды, убегая всякого излишнего внимания к себе, он, тем не менее, невольно привлекал к себе ищущих духовного окормления людей, монахов и мирян. Редко он отзывался на просьбы о принятии кого бы то ни было в свои духовные чада, но со временем их у него собралось довольно значительное число. Его все любили. Старцы нередко прибегали в некоторых делах и к его совету. Словом — о. Антоний, хотя не в официальном смысле, но был старцем, как и брат его, о. Моисей. И как он ни скрывал свои дары, любя святое смирение, но Господь открывал их для зрения прочих. Таким образом, многое запомнилось и в отношении чудесных случаев, бывших по воле Божией с преподобным.

В 1839 году по благословению правящего епископа о. Антоний, был переведен из Оптиной в Малоярославецкий Николаевский монастырь настоятелем, с возведением в сан игумена. Он этого не желал, да и не имел физических сил, так как едва передвигался. Больно было ему отрываться и от родного Скита. Тем не менее — данное послушание он принял и исполнил. При нем Малоярославецкий монастырь был превосходно благоустроен, в жизни братии также наведен был порядок. Преодолевая свою немощь, иногда неделями не покидая келлии, он трудился и в отношении экономической части, и в отношении духовной. Однако очень грустил об

Оптиной и несколько раз просил Калужского владыку отпустить его туда. Но отпущен он был только в 1852 году, когда вернулся в Оптину «на покой» и поселился рядом с братом, о. Моисеем.

Среди его писем к Оптинским старцам есть одно, где он описывает свой чудесный сон, бывший после его прибытия на новое место. «Если св. апостол Павел повелевает о всем благодарить Бога, — писал он, — то и я, недостойный, должен о себе благодарить Бога и доношу вам, отцы мои, что я в третий день декабря, благодарение Господу Богу, чрез молитвы архипастыря, принял посвящение во игумена, и от десницы его принял игуменский посох, купно и вериги, т.е. всю тягость ига сего, с коими и прибыл в обитель свою накануне праздника св. Николая, за полчаса до вечерни, где вся братия, во святых вратах, встретила меня со святым крестом, купно и крест мой встретил меня, который я со слезами и облобызал. Вот это первая мне честь. После чего, спустя несколько дней, сильно уны во мне дух мой, и, воздремавшись, вижу в тонком сне лик отцев, и един из них якобы первосвятитель, благословляя меня, сказал: “Ведь ты был в раю, знаешь его; а теперь трудись, молись и не ленись!” И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи, даруй мне конец благий!»*

О. Антоний не раз приезжал в Оптину, и в одно из этих посещений имел беседу со старцем Леонидом о виденном им сне. Старец сказал, что виденный им святитель есть Митрофан Воронежский. О. Антоний поехал на богомолье в Воронеж и поклонился мощам этого угодника Божия, и потом всегда чувствовал, что тот не оставляет его своей помощью. О. Антоний думал, что и года не сможет по телесной немощи пробыть на такой

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 44–45.

должности, но пробыл более 12 лет! Где-то на середине этого срока, когда еще не оставляли его помыслы об уходе на покой и связанное с ними уныние, он получил от брата из Оптиной икону Спасителя. А брата своего, о. Моисея, он с юности считал своим старцем и имел всегда к нему безпрекословное послушание, — этот подарок произвел весьма благотворное действие на его душу, если не сказать — чудесное: от сего исчезло из души его уныние и не возвращалось более. Как ни страдал он от болезни ног, но благодушие уже не покидало его. Икону эту он чтил, берег и часто молился перед нею*.

Силы о. Антония чудесным образом укреплялись. Так, например, в 1848 году, когда в России была повсюду холера, посетила она и город Малоярославец. По просьбе жителей о. Антоний с братией несколько раз совершил крестный ход вокруг города, с литиями, молебнами, окроплением святою водой. Каждый раз крестный ход длился не менее семи часов. Для ног о. Антония, казалось, невероятно было вынести такие подвиги, но Господь умножал его силы ради блага жителей — холера в городе утихла.

Возвратившись в Оптину, о. Антоний, несмотря на свою немощь, участвовал в богослужениях, принимал своих чад духовных, переписывался с ними, ревностно исполнял свое келейное правило. «Все, которые видели о. игумена Антония совершающим богослужение, — говорится в его Житии, — помнят необыкновенное выражение лица его, особенно во время Божественной Литургии, когда он выходил с потиром; это было лице человека, преисполненного благодати. Случалось, что от одного взгляда на него в это время у некоторых происходил в душе нравственный перево-

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 58.

рот. Были основательные причины утверждать, что о. Антоний имел великое дерзновение в молитве к Богу и сподоблялся духовных видений и других благодатных посещений. Вот что поведал нам послушник Оптиной Пустыни П., духовный сын о. игумена Антония: "8 ноября 1862 года, на память св. Архистратига Михаила, перед самою утренею слышал я во сне неизвестно чей голос, говоривший мне: «Старец твой о. Антоний — человек святой жизни и великий старец Божий». Вслед за тем раздался звонок будильщика, и потому все слова таинственного голоса ясно напечатлелись в моей памяти. Размышляя о слышанном, пошел я к утрене. Не доходя до корпуса, где жил старец и мимо которого надобно мне было идти, вижу: над молитвенною его келлиею, неизвестно откуда, явилось светлое, белое, огненное облако, длиною около сажени, шириною аршина в два, тихо и медленно поднималось оно от самой крыши, шло кверху и скрылось в небесном пространстве воздуха. Явление это меня поразило; и потому, пришедши от утрени, я пожелал записать о сем себе для памяти. Объявить же о сем видении старцу не осмелился, а счел оное за вразумление мне, недостойному, иметь веру, преданность и послушание к своему старцу, и за явное свидетельство его чистой, пламенной и богоприятной молитвы"»*.

В Житии отмечен и необыкновенный дар памяти, имевшийся у преподобного. «Старец сам говорил, что за 5 лет он помнил и мог бы рассказать в точности всё, день за днем, что как было, кто его посещал, что говорили — до последних мелочей; а что было поважнее, сохранялось в его памяти ясно и неизгладимо с самого детства. Особенно читанное им, хотя за 30 лет, мог передать с изуми-

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 76.

тельною подробностью»*. Был у него еще и своеобразный, во многом чудесный дар вести с людьми духовную беседу. «Никогда он не старался насильно убедить когонибудь, — говорится в его Житии, — назидания свои предлагал не в виде заповеди, а более намёком или в виде дружелюбного совета, а если кто сделает возражение, то старец сейчас же и замолчит. На вопросы посетителей своих почти никогда не отвечал прямо и даже избегал таких вопросов, через которые бы открыто возлагалось на него значение и ответственность наставника, а между тем искусно направлял общую беседу, так что в течение ее, говоря в третьем лице, или рассказывая как будто про себя, он как бы мимоходом и обличал, и наставлял своих собеседников. Часто случалось, что только по выходе от старца посетитель, опомнясь, понимал, что какое-нибудь, как будто к слову сказанное замечание прямо относилось к нему, к сокровенным его недоумениям и недостаткам, разрешало вопросы, которых старец не дал выговорить; а иному даже открывало и то, чего тот сам в себе прежде не замечал. Если кто некстати высказывал, что понимает мысль и намерение старца, то он тотчас заминал беседу и вёл уже разговор о предметах житейских; вообще весьма боялся обнаружить духовные свои дарования и очень с немногими любил беседовать о предметах чисто духовных. Впрочем, с великою опытностью и мудростью умел различать, кому как говорить... Некоторым посетителям о. Антоний говорил об их обстоятельствах намеками, а людям простым, которые принимали его слова в простоте сердца и с верою, он говорил прямо и просто... Бывало и то, что он некоторым из относившихся к нему напоминал о случаях, о которых они не только никогда ему не открывали,

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 80.

но и сами забыли, или заповедовал молиться о какомнибудь грехе, которого они не сознавали в себе, и даже вовсе не понимали или не считали за грех, и уже по времени, при внимательном испытании своей жизни, открывали в себе с удивлением указанное старцем... О. Антоний обладал даром какого-то естественного красноречия или даже сладкоречия: слово его всегда было растворено духовною солью; даже и в шутливой форме оно содержало высокое назидание и отличалось особенною меткостью и своеобразной выразительностью. Всеми чувствовалось, что в красноречии о. Антония крылась какая-то духовная сила, и сила эта заключалась, конечно, в том, что старец поучал не от книг, а от дел, что все слова его проистекали от искреннего доброжелательства к вопрошавшим его и всегда предварялись и сопровождались усердною молитвою о них ко Господу... Под духовным влиянием о. Антония и по глубокой его отеческой заботливости люди, увлекавшиеся вольнодумством и светскою жизнью, делались искренними, ревностными и послушными чадами Св. Церкви»*.

Некая девица, беседуя со старцем, шутя попросила его помолиться, чтобы Господь помог ей выйти замуж. «Да ведь вы не хотите идти замуж!» — заметил о. Антоний. Она настаивала: «Хочу». Прошло некоторое время, — она снова появилась в Оптиной и пришла к о. Антонию. «Зачем вы меня обманываете? — сказал он. — Я по вашему слову три раза принимался молиться о том и три раза слышал голос: «Не то ей нужно!» — Зачем вы меня обманываете?»**

«Другая особа, — написано в Житии о. Антония, — когда однажды о. Антоний устремил на нее испытую-

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 84–87.

** Там же. С. 93.

щий проницательный свой взор, чистосердечно объяснила ему, что она боится, когда он так на нее смотрит. “Вы видите все мои грехи”, — прибавила она. “Напрасно вы так думаете, — возразил старец. — О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, то я и знаю; а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю”»*. Прозорливость преподобного была очень тонкой. Вот однажды духовное чадо старца Макария, в его отсутствие благословленное обращаться к о. Антонию, — это был монах Ан. (так сокращенно он назван в Житии), — пожелало открыть ему всю свою жизнь, то есть принести генеральную исповедь. Он только так помыслил и, еще ничего не сказав о. Антонию, пришел к нему и хотел встать на колени, но о. Антоний подхватил его и не дал ему стать на колени, сказав, что скоро о. Макарий приедет, не становитесь на колени, — и не дал слова сказать, хотя уже несколько раз выслушивал помыслы от этого монаха**. «В один вечер, — так сообщает занимавшийся у о. Антония письмоводительством послушник, — застал я старца за перевязкою его больных ног, на которые без содрогания и постороннему зрителю нельзя было смотреть. Сочувствуя старцу в его страданиях, сердце мое согревалось любовью к нему, и мыслил я так: вот старец и не предполагает совсем и не знает, как я его сердечно люблю. Только что успел я это про себя подумать, он мне и говорит: “Вот я знаю, что П. П. очень меня любит”, — и спрашивает меня: “Верно ли я это говорю?” На что я ему и отвечал: “Вы, батюшка, справедливо изволите говорить, что я вас очень сильно и сердечно люблю”»***.

---

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 93.

** Там же. С. 94–95.

*** Там же. С. 95.

Одна монахиня пришла к о. Антонию, боримая разными помыслами. Старец был не один, и она не смогла открыть ему помыслов и внутренне сокрушалась об этом. Когда все уходили, пришлось уходить и ей, и тут о. Антоний положил ей руку на плечо и сказал: «Не грусти! Промысл Божий устроит всё к лучшему, положись на Него!» Монахиня была поражена. «И всё отлетело, — вспоминала она об этом случае, — я почувствовала неизъяснимое спокойствие духа и не высказавши того, что хотела. Видимо, что старец и сам узнал, что у меня на душе. Еще раз я была поражена его прозорливостью. Была я у него с братом моим и сестрою; беседа началась и продолжалась о посторонних предметах, не интересных для меня. Я пороптала сначала на брата, что он с таким старцем говорит о таких пустяках и мучит больного старца; но, видя, что и батюшка не переменяет разговора, я осмелилась пороптать и на самого старца. "Что это? — помышляла я, — батюшка ведь знает, что мы здесь ненадолго, хоть бы сказал что на пользу, а то что в этих беседах?" Когда мы стали прощаться, батюшка благословил всех, а когда я подошла и поклонилась ему, батюшка сказал: "Уж вы меня простите, ведь я всё не дело говорю". Я была поражена этими словами, но он с ласкою прибавил: «Приходи ко мне после вечерни». Да, много было случаев его прозорливости: иногда хочешь что спросить, да не знаешь, как, а он сам, бывало, об этом и начнет и прямо скажет на невысказанные мысли»*.

Один пожилой человек, отставной моряк, вспоминал, как по благословению о. Антония удалось ему почти без средств построить дом для своей семьи. Он же вспоминал, как по молитвам преподобного исцелился он от тяжелой болезни, карбункула на спине (от такой же болез-

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 97–98.

ни скончался преподобный Моисей, брат о. Антония)*. Собрался этот человек с семьей на богомолье в Воронеж к мощам святителя Тихона и святителя Митрофана, и написал о. Антонию, спрашивая, можно ли ехать им всем, оставить дом на время без присмотра (в тех местах случались тогда грабежи). О. Антоний ответил: «Поезжайте все». И поездка прошла благополучно. В другой раз попал этот человек, ехавший на повозке, в снежную пургу и едва не замерз, но стал молиться Господу, чтоб ради молитв о. Антония спас его. И тут появились люди, которые указали ему дорогу, а люди эти были разбойники, только что ограбившие кого-то в селе. И еще несколько случаев молитвенной помощи о. Антония приводит этот человек**.

Некая девица Р. подверглась преследованию некоего чародея. Не имея представления о духовной жизни, она не знала что делать, но тут непостижимым образом сначала во сне, а потом и наяву появился о. Антоний, который, как говорится в его Житии, — «без приглашения посетил это семейство, хотя прежде не был с ним знаком. Это посещение очень важно. В нем ясно выказались и Промысл Божий о сем семействе, и явное действие бесов, бессознательно многими ныне отвергаемое, и духовная сила самого о. Антония. Вот что заподлинно о сем известно. При вступлении в дом целая толпа бесов видимо напала на о. Антония, с бранью и угрозами воспрещая ему вход, но старец не убоялся угрозы врагов рода человеческого, со смирением призвал в помощь имя Божие, и Бог разогнал их. Когда он вошел, всеми было замечено, что мертвенная бледность покрывала лице его. Служанка же, увидавши его, узнала, что имен-

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 99.

** Там же. С. 98–107.

но его видела во сне. Девица Р. с первого взгляда почувствовала к о. Антонию полное духовное расположение и доверие и решилась письменно открыть ему историю всей своей жизни. Старец понял, что одно спасение для этой девицы — удалиться в монастырь, но об этом родные ее и слышать не хотели... Девица Р. вступила в Т-ской монастырь. Она стала духовным чадом о. Антония, который помогал ей в ее духовных затруднениях»*. В письме уже к монахине о. Антоний писал: «Припомню вам прошедшее. Не напрасно я уже давно — когда еще и не был знаком с вами — желал знать о вас. Когда же пришел час воли Божией быть мне у вас, то вначале целую толпу бесов встретил я, с бранью воспрещавших вход, но Господь разогнал их; и хотя я сам многогрешен есмь и несмь достоин спасать других, но Господь Бог, по велицей милости Своей к вам, избрал меня, недостойного, орудием к тому быть, чтобы поспешить ко изведению вас из глубокой пропасти (что было предварительно открыто во сне служанке вашей), и когда бы отсрочили исход ваш еще до году или более, то Бог весть, чего бы не встретили? Мне история ваша последних двух лет пребывания вашего в родительском доме столь много и ясно раскрыта, что без сердечного содрогания вообразить не могу! Не зная прежде оной, не напрасно советовал я вам молиться св. мученице Иустине девице, ибо тогдашнее положение ваше много было похоже на ее, о чем недавно я узнал, я от всей души благодарил Бога со слезами, что святая душа ваша избавися от сети ловящих ее»**.

«О. Антоний подавал высокий пример смирения, — говорится в его Житии, — которое привлекало к нему

---

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 108–110.

** Письма к разным лицам игумена Антония... С. 380–381.

сердца всех. “Вот, — говаривал старец, — меня очень многие любят, а за что, я и сам не знаю, и очень тому удивляюсь. Считают меня за святого, тогда как этот святой совсем протух и грешнее всех”. А иной раз выражался так: “У меня нет недоброжелателей, я всех люблю и все меня любят”. Действительно, не было человека в обители, который при одном виде о. Антония не ощущал бы особенного утешения; все от мала до велика воздавали ему должную дань почтения и любви. Почивший в 1860 году старец иеросхимонах о. Макарий имел с ним духовное содружество, и назидательно было видеть, как они друг перед другом смирялись»*.

Преподобный Антоний скончался семидесяти лет. Умирая в тяжелых страданиях, он не терял благодушия, и были случаи проявления его прозорливости. Один брат, узнав, что умирающий с некоторыми беседует, пришел к нему с мыслью «потолковать», а старец, увидев его, благословил и сказал прямо на его помысел: «Бог тебя благословит! А потолковать не могу». 7 августа 1865 года отошла душа преподобного ко Господу. Погребение совершено было 10 августа и, как отмечено в Житии о. Антония, — «над его могилою много, много было пролито теплых слёз сердечной горести о разлуке со смиренномудрым и любвеобильным отцем, который в продолжение 49-летней подвижнической жизни жил не для себя, а для Бога и для других... Он всею своею жизнью доказал, что и в наше время истинное монашество возможно, и заповеди Христовы тяжки не суть; что и в наше слабое себялюбивое и маловерное время возможны великие суровые подвиги, подобные тем, о которых читаем в Четьих-Минеях и в Патериках»**.

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 120.

** Там же. С. 140–142.

В следующем после кончины о. Антония году, в 1866-м, его духовная дочь помещица Е. С., переезжая реку Протву на пароме, опрокинулась вместе с экипажем и лошадьми в воду, и вода хлынула через рот в ее внутренность. Теряя сознание, она успела подумать об о. Антонии с мыслью: «Батюшка! я тебя всегда просила о христианской кончине, а теперь я умираю без покаяния». Сознание ее покинуло, а один крестьянин, поспешивший на помощь, отыскал в воде экипаж, но барыни там уже не было. Он стал шарить багром, нашел ее и вытащил на берег, и она не подавала никаких признаков жизни. Вода была очень холодная, ведь это случилось в октябре месяце. На берегу одежда на ней обледенела. Уже в доме пришлось одежду разрезать. Приглашены были два врача и священник, который на всякий случай обратился к утопленнице с вопросом: «Не желаете ли, Е.С., сообщиться Св. Таин?» К удивлению всех она открыла глаза и сказала: «Желаю». Тотчас она была исповедана, и священник причастил ее. С помощью докторов она в скором времени совсем поправилась. Без сомнения, выжила она по молитвам покойного о. Антония ко Господу*.

---

* Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992. С. 213–214.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ, МОЛИТВЕННИК И ЧУДОТВОРЕЦ

Св. преподобный Макарий Оптинский

Сотаинник и ученик преподобного Леонида иеромонах Макарий имел недолгое общение со своим учителем в Площанской пустыни, но за это время возникло и укрепилось их духовное родство. Через пять лет после того, как о. Леонид поселился в Скиту Оптиной Пустыни, прибыл туда и о. Макарий. Это было в 1834 году, при скитоначальнике о. Антонии и настоятеле монастыря о. Моисее. Так, волей Божией, собралось в Оптиной четыре старца, которые сообща и положили прочное основание подлинной духовной жизни в этой обители, направляемой в дальнейшем их последователями по старчеству.

О. Макарию было тогда 45 лет. Многие знали о его опытности и умудренности в духовной жизни и желали стать его духовными чадами. Он же, имея подлинное монашеское смирение, старался ничем не выделяться из братии. Слово его было «да, да» и «ни, ни», — и только в самых необходимых случаях и по благословению стар-

ца своего решался он преподать наставление кому-либо, с любовью и кротостью. Он ходил к старцу с братией на вечернее правило, пользовался всегда общей братской трапезой, в одежде был крайне прост. О. Леонид стал привлекать его к письмоводительской работе, в основном писать письма, и старец Леонид часто подписывал их двумя именами — своим и о. Макария. В 1836 году указом Святейшего Синода о. Макарий был назначен духовником обители. Когда о. Леонид был переведен в монастырь, то о. Макарий продолжал посещать его, писать письма и на всё брать благословение. Он очень скорбел на то, что старец был так утеснен и вынужден был ограничить прием мирян. Став в 1839 году скитоначальником, о. Макарий и тут нисколько не изменил своего отношения к о. Леониду, оставался верным его послушником.

Живя в монастыре, о. Леонид посещал Скит. По субботам и воскресеньям он, исключая дни, когда очень уж его утруждали недуги, бывал на службах в Предтеченском храме. После обедни заходил в келлию к о. Макарию, куда собирались и многие из насельников Скита, — для духовной беседы со своим любимым наставником. Начиная с 1836 года, о. Леонид нередко благословлял ищущих у него духовного совета обращаться к о. Макарию. Иной раз, когда спрашивали о чем-нибудь о. Макария, он не давал окончательного решения без старца Леонида. А тот, когда к нему обращались с вопросом, бывало, говорил: «Подождем... Придет о. Макарий, вместе поговорим». «Бывало, — рассказывала духовная дочь о. Леонида и о. Макария, бывшая впоследствии настоятельницей Белевского женского монастыря, игуменья Павлина, — бывало, говоришь с о. Леонидом, входит о. Макарий. О. Леонид говорит ему: “Батюшка, поговори-ка с ней, ей нужно тебе кое-что объяснить». Или, бывало, сидят они как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и

двум открываем свои души, как бы одному. И никогда не разделяли их... Поистине в них «бе сердце и душа едина” *(Деян. 4, 32)»*.

Как скитоначальник о. Макарий был для насельников Скита любящим отцом. Он не только определял для них послушания, то есть, кому какие работы делать, не только принимал своих духовных чад у себя в келлии, но и посещал их самих и всегда во благовремении. Он духом знал, к кому и когда нужно пойти, чтобы утешить, ободрить, поддержать падающего, вразумить... Он же назначал каждому духовное чтение, предлагая новоначальным инокам книгу поучений аввы Дорофея, которую называл монашеской азбукой. Помогал освоить какое-нибудь из им же заведенных в Скиту рукоделий — токарное по дереву, ложечное, футлярное и переплетное.

После кончины о. Леонида старец Макарий принимал мирян, не только подавая им духовные советы, благословляя и исповедуя, но и по благодати Божией, данной ему, часто исцеляя от духовных и телесных недугов. У него были духовные чада во многих женских монастырях, — он посещал эти монастыри, но в основном вел переписку. Об этом более подробно, как и о книгоиздательской деятельности старца, пишется в капитальном Жизнеописании старца, составленном архимандритом Агапитом (Беловидовым), которое было издано спустя много лет, в 1997 году (в дальнейшем мы будем пользоваться этим изданием при рассказе о чудесах, которые Господь творил через преподобного).

Имея сам в душе своей тишину и мир, старец Макарий наставлял и других искать его, уча, что всякое смущение — от дьявола. Конечно, искание это сопряжено со многими трудностями и требует усердия в молитве и во всем духовном делании. Но бывали случаи, когда он прямо передавал мир смущенному каким-то неустройством человеку. После беседы с одной монахинею он

именно так и поступил, сказав ей: «Да благословит тебя Господь тем миром, которым Он благословил святых Своих апостолов!». «После того, — передавала эта монахиня, — я ощущала такой невозмутимый мир и такую духовную в сердце сладость, что в продолжение целой недели я не знала, где находилась — на земле или на Небе. Мир этот неземной и после продолжался еще с месяц, но только в меньшей мере»*. Какая благодать пожить и такое малое время в неземном мире! На многие годы вперед может дать поддержку и одно воспоминание о нем.

«По временам, — пишет архимандрит Агапит, — старец приходил в состояние духовного восторга, особенно при размышлении или беседе о неизреченных судьбах Промысла Божия, о Его великой и присносущной силе и Божестве. Тогда он, если был в келлии один, запевал какую-либо из своих любимых церковных песней, как, например: “Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок и содержай вся, Тя поет солнце, Тя славит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех во веки” (трипеснец в Великий Четверг, на повечерии, песнь 8); или — песнь, в которой с особенною силою и вместе краткостью выражено таинство Св. Троицы: “Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся...” (славник на «Господи, воззвах...» в праздник Пятидесятницы); или один из догматиков, в коих воспевается неизреченное и недоуменное таинство воплощения Сына Божия и послужившая оному таинству чистая Матерь Еммануилова, как, например: “Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево...”, “Царь Небесный...” и пр. А иногда в летнее время, вышедши из келлии с костылем в руках, несмотря на окружавший его народ, прохаживался по скитским усаженным цветами дорож-

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 55–56.

кам и, переходя от цветка к цветку, погружался в созерцание премудрости Творца, от творений познаваемого, что-то тихо напевая про себя. Так же и в то время, когда находило на душу его облако печали или являлось чувство томности в духе — ибо, как известно, и совершенные в жизни духовной мужи не могут быть всегда в неизменном душевном устроении, — старец любил утешать себя во время сей духовной брани пением церковных песен»*.

Архимандрит Агапит пишет, что Господь щедро одарил старца Макария. «Всем и каждому видно было, — пишет он, — что сообщены были от Господа старцу Макарию и дарования исцелений, и прозрения будущего и вообще сокровенного. Каковые дары, по замечанию Вышенского затворника епископа Феофана, суть дары апостольские, выше коих на земле уже ничего нет»**.

Среди даров — памяти смертной, духовного рассуждения... имел преподобный и такой, — прекрасную память. «Память у старца Макария была изумительная и, очевидно, промыслительно дарованная ему для вспоможения в деле служения ближним. Сказывали его современники монахи, что когда он предлагал какому-либо брату для пользы его душевной прочитать какое-либо место из творений св. отцев, то указывал по памяти даже страницу книги, где можно было отыскать это место. Еще: если кто раз был у него на исповеди или откровении, то он долго помнил все главные касавшиеся его обстоятельства. Можно себе представить радость какой-либо бедной старушки, которая после многих лет первого личного свидания со старцем, придя к нему в другой только раз в своей жизни, бывала встречаема от него приветствием вроде следующего: “А, здравствуй,

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 56–57.

** Там же. С. 62–63.

Дарья! Что детки? Здоровы ли? Как Иринушка твоя поживает? Ведь она, кажется, у тебя уж года три будет как отдана замуж?.." И вот, изумленная таким неожиданным вниманием и памятованием о ней святого отца, старушка уже и забыла вполовину то горе, которое привело ее в обитель, а вместе исчезла и робость, с которой она шла к старцу, раздумывая: "Как-то я, грешница, покажусь ему, как расскажу ему — что есть на душе?" И легко и свободно изливает она пред ним свою душу, черпая в то же время утешение в словах благоглаголивых его уст»*.

Что касается дара предвидения, то о. Макарий хорошо знал, например, кем и какое значение в Оптиной будет впоследствии иметь еще молодой тогда иеромонах Амвросий, помогавший ему в духовном окормлении братии, которому он поручал писать ответы на письма своих духовных чад. Монахине, которая как-то пожаловалась старцу на о. Амвросия, он сказал: «Молчи, молчи! Если бы ты знала, кто будет Амвросий!» А игумену Марку, который сокрушался о том, что старчество после о. Макария прекратится, отвечал: «Ничего. Лучше меня еще будут»**.

Однажды приехал к молодому скитянину брат, повидать его, и побывал у старца Макария. К его удивлению старец начал говорить о политике, о разных событиях в Европе... Потом он спросил брата: «Разве у вас получаются газеты?» — «Почему ты думаешь?» — «Да вот о. Макарий говорил со мной о самых новейших событиях во Франции». — «Да ты, верно, читал газету, когда ехал сюда?» — «Читал. Так что же?» — «Так старец Макарий говорил тебе то самое, о чем ты думал. Он читал твои мысли. Мы к этому привыкли. Он очень часто

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 64–65.

** Там же. С. 99.

не спрашивает тех, кто к нему приходит, зачем они пришли, а прямо говорит, что надо делать, чтобы помочь горю».

Тот же приезжавший к брату мирянин рассказал еще случай. Один крестьянин привел к о. Макарию бесноватого сына, который часто падал на землю в судорогах. Еще ничего не спросив, старец сказал крестьянину: «А ты зачем его проклинал?» — «Да это было давно», — отвечал тот. «То-то давно», — сказал о. Макарий*.

О. Платон (один из монахов, сотрудников старца Макария по оптинскому книгоизданию) рассказывал, что однажды он шел к старцу, а ум его одолевала музыка. Он раньше хорошо играл на скрипке. «Всю дорогу воображением я наигрывал разные увертюры, вариации и т.п., — говорил он, — когда же вошел в келлию к батюшке, он, как старец прозорливый, встретил меня такими словами: "Что ты всё играешь? Какие там польки, вальсы, мазурки? А по-нашему вот как...". И так как старец в миру сам был скрипач, то начал тут же руками представлять игру на скрипке, копируя Павла Степановича (т. е. о. Платона, — *Сост.*) и вместе с тем приговаривая: "Барыня, барыня...". Старец действовал руками с проворством и искусством артиста и принял такую позу отчаянного скрипичного игрока, что Павел Степанович, удивленный этим явлением, рассмеялся и совершенно растерялся. "Вот как по-нашему! — прибавил батюшка, живо выпрямившись и приняв обычное свое, но веселое положение, — а то что там по-французски... завывает, завывает". Рассмешив меня этим до крайности и вполне утешив, батюшка меня отпустил. Но в то самое время мне и в ум не пришло, для чего старец это сделал; а после, когда уже я ушел от него, сообразил, что этим батюшка обличил мое внутреннее недугование. А что еще

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 101.

удивительнее для меня было, так это то, что вот уже более десяти лет живу я в Скиту, а прежние скрипичные грёзы уже не беспокоят меня»*.

Один из главных помощников преподобного Макария по изданию духовных книг, славянофил, православный философ Иван Васильевич Киреевский был его духовным чадом вместе со своей супругой Натальей Петровной. Они оба помогали Оптиной не только в книгоиздании, но и в бытовом отношении, то есть много жертвовали хлеба и других продуктов от своего имения возле Белёва, вносили свой вклад и в храмоздание. Сначала духовным чадом о. Макария стала Наталья Петровна, которая и способствовала знакомству Ивана Васильевича со старцем. При начале их общения был удивительный случай. В октябре 1846 года Иван Васильевич сказал жене: «Я писал к батюшке, сделал ему много вопросов особенно для меня важных, но нарочно не сказал тебе прежде, боясь, чтобы по любви твоей к нему ты как-нибудь чего не написала бы ему. Мне будет любопытно получить его ответ. Сознаюсь, что ему трудно будет отвечать мне». Письмо было запечатано и еще не отправлено. Прошел час времени, и вот с почты приносят два конверта — письма от старца Макария, одно Наталье Петровне, другое Ивану Васильевичу. Иван Васильевич был изумлен, — что это значит? Старец первым ему пишет... А потом прочел письмо и воскликнул: «Удивительно! Поразительно!.. Как так? В этом письме — ответы на все мои вопросы, которых он еще не получил!»

При жизни старца Макария Оптиной Пустынью издано было шестнадцать святоотеческих книг. Дело это задумано было старцем потому, что ощущался острый недостаток для монахов в учительных аскетических

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 105–106.

писаниях таких отцов, как Исаак Сирин, авва Дорофей, Иоанн Лествичиик, Ефрем Сирин и других. Старые издания были неисправны. Но были замечательные переводы преподобного Паисия (Величковского), перенесенные в виде рукописных книг в Россию его учениками. Святитель Филарет, митрополит Московский, помог оптинцам, поддержал их, благословил. Денег же было нужно на расходы очень много. Киреевские большую часть своих средств вкладывали в оптинское книгоиздание, были и другие доброхоты. Изданные книги не приносили дохода, так как старцы Макарий и Моисей рассылали их безплатно во все концы России — епископам, в Духовные академии и семинарии, разным лицам. Это было настоящее духовное просвещение народа. И вот, когда уже изданы были почти все эти шестнадцать книг, отец Макарий просмотрел все счета, квитанции и прочие бумаги и пришел в изумление — откуда собралась такая большая сумма денег, до 15 000 рублей, израсходованных на печатание! «Он мог только выразить свои чувства слезами благодарности к Щедродавцу Богу, воскликнув: "Дивны дела Твои, Господи!"»*.

Монахиня Татьяна (Иванова) рассказывала, как приходили к старцу Макарию крестьяне, он благословлял их не торопясь, а между тем назидал и высказывал обличения — как бы в общем, но они относились к конкретным лицам, которые с удивлением и прислушивались к ним. Та же монахиня рассказывала, как о. Макарий трижды ее исцелил. «С детства я жила с теткой, — писала она. — Меня никуда не пускали. Но один раз, когда я была почти уже взрослая, меня отпустили на вечеринку к моему крестному отцу. Там мне вдруг стало очень тяжело. Я почувствовала, что у меня начали

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 126.

дергаться лицо и руки. Спустя немного и всю меня стало дергать, и потому вскоре отвезли меня домой... Я была в жалком положении. С трудом могла говорить. Рот кривился... Тётка поехала к батюшке, который, узнав о случившемся со мною, недоволен был тем, что меня отпускали на вечеринку. По его словам у меня была Виттова болезнь. К доктору не велел обращаться, сказав: “Не надо; вы не понимаете; это не докторская болезнь, и если будете лечить, вы ее совсем изувечите”. Он дал тетке масла из лампады пред иконою Знамения Божией Матери, которая находится в их скитской церкви, и велел влить его в лампаду пред чудотворной Калужской иконой Божией Матери, которая была у нас дома, и зажечь ее на шесть недель. Каждый вечер велел он давать мне по ложке масла из этой лампады, а утром чтобы я клала по три поклона и пила богоявленскую воду, а если не могу поклоны класть, то пусть за меня кладет их тетка. Я стала так делать. Мне сделалось легче, а потом я и совсем выздоровела.

Года через четыре болезнь моя опять вернулась. Меня привезли к батюшке, а он и говорит: “Ты, верно, возгордилась, осуждала людей; вот тебе и попустилось опять заболеть”. Я сказала, что не осуждала, а смеялась над другими. “Всё равно, — сказал он, — это всё то же, вот за это и заболела опять”. И в этот раз батюшка лечил меня так же. Болезнь прошла и более не возвращалась. И в первый раз, по выздоровлении, батюшка благословил свозить меня в Троице-Сергиеву Лавру, а во второй раз — в Воронеж и Задонск. А когда тетка моя стала благодарить батюшку, что за его святыми молитвами я выздоровела, он сказал: “Ты мне это не приписывай, это — Божие, не мое. Вот пообещайся съездить к св. угодникам, Господь и поможет”. И всегда батюшка очень недоволен бывал, когда я исцеление приписывала ему, даже и оскорблялся. “Это, — скажет, — у тебя вражие,

что ты мне не мое прикладываешь. За это Господь накажет, болезнь опять вернется".

В третий раз я простудилась, когда ехала в Оптину. У меня открылась лихорадка... Батюшка не пустил меня с гостиницы домой до следующего дня. Все от меня ушли за батюшкой на другую гостиницу, а я одна сидела у окна. Это было днем. Но мне вдруг стало страшно. Я оглянулась и увидела, что вся комната, где я сидела, наполнилась бесами. Они ехали на конях, рубились. Все стены и всё было усеяно ими. Только на стоявшей в комнате иконе, на лике Спасителя ничего не было. Я пришла в ужас и стала кричать. Позвали тетку, но и при ней я продолжала видеть то же. Тогда пришел батюшка, прочитал псалом "Живый в помощи Вышняго...", окропил меня и всё вокруг богоявленской водою и велел тетке читать надо мною этот псалом до тех пор, пока всё исчезнет. Виденное мною, таким образом, стало делаться бледнее и, наконец, совсем исчезло. Но после я проболела недель шесть горячкой. Батюшка сам удивлялся этому моему видению и говорил, что так бывает с человеком только в предсмертные минуты, но, видно, Господу угодно особенно посетить таким искушением эту девочку.

Батюшка часто обличал меня. Придет, бывало, отведет меня в сторону и прямо сам скажет, что я сделала и подумала. А иногда захочет испытать — ждет, пока сама скажу. Утаить было нельзя. Сейчас скажет, что лгу. А если запрусь, скажет: "Что ж не говоришь? Ты за это болезнью поплатишься". Все мои помыслы — всё он знал. Посоветовал как-то мне батюшка воздерживаться понемногу в пище. Приехала я домой, дня два поела поумереннее, а потом и думаю: "Это батюшка так себе сказал, ведь надо же ему что-нибудь говорить", — и стала опять вволю есть. Приехала затем в Оптину, а батюшка меня и обличил — сказал: "Ему делать нечего, он так себе и скажет".

Вообще батюшка был очень ласков, но бывали случаи, когда и очень сурово взыскивал. Помню, раз, отправляя меня одну домой, он строго приказал, чтобы я немедленно села на воз и не смела идти пешком. А я заговорилась со знакомым мне монахом. Он проводил меня через паром. Сначала я спокойно шла и разговаривала с ним, а потом его навязчивость очень испугала меня, и я едва отвязалась от него и уехала. Когда же мы приехали к батюшке в следующий раз, он пришел к нам на гостиницу, а на меня и не смотрит, и ни разу не благословил меня. Когда он стал уходить, я побежала за ним и стала просить у него прощения. Сначала батюшка сделал вид, что и не знает моей вины. А когда я чистосердечно раскаялась в преступлении его заповеди, он мне сказал: "Помни! Последний раз прощаю; больше прощения тебе не будет. Хочешь ко мне относиться — слушайся! А не хочешь слушаться, лучше не безпокой меня, не ходи ко мне и времени не отнимай"...

Однажды бешеный волк в нашей местности искусал несколько человек крестьян, в том числе и двух мужиков моей барыни. Как раз в это время приехал к нам батюшка. Искусанных крестьян отправляли в больницу, а крестьян моей барыни старец не благословил туда отвозить. Их позвали к батюшке. Он их благословил, окропил их раны святою водой и утешил надеждою на милосердие Божие, так как они очень скучали и боялись взбеситься. Затем велел им полагать но три поклона, молиться Царице Небесной и св. Николаю Чудотворцу и пить но утрам богоявленскую воду. Они так делали и остались живы и здоровы, а все прочие, отправленные в больницу, умерли»*.

Монахиня Алевтина рассказывала: «Помню, один раз я с матерью своею, дожидаясь батюшку о. Макария, раз-

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 182–185.

говорилась о том, что меня, как проходил слух, хотели постричь в рясофор. Только что мы об этом поговорили, смотрим — идет батюшка и, обратившись прямо ко мне, говорит: «Постригаться собираешься, а смиряться не смиряешься». На меня батюшка ни постов, ни каких-либо особенных правил не налагал, а всё требовал от меня смирения... Моя родная сестра, Мария Павловна Полунина, страдала припадками беснования. Мать наша приехала с ней в монастырь... Еще перед тем в нашей церкви она сильно безпокоилась, а дорогой всё бранила меня, что у меня рука проклятая, на руке же у меня были надеты батюшкины четки. Когда мы пришли в Оптину, то сели дожидаться батюшку на дорожке около Скита. Вдруг сестра закричала: "Вон идет седой!" — и забилась. Действительно, из Скита вышел батюшка, подошел к нам и каким-то пояском опоясал больную. Она перегнулась назад, как бы переломилась, и как будто оцепенела. Потом, как оправилась, батюшка послал нас на могилку батюшки о. Леонида. Он всегда прикрывал чем-нибудь свои исцеления. Там мы помолились и взяли песочку с его могилки. Сестра успокоилась. На другой день была у обедни. Батюшка давал ей антидору, и она принимала спокойно. После того прежних припадков с нею уже никогда не было»*.

«Монахиню мою, у которой я была келейницей, — рассказывала монахиня Флавиана, — батюшка перевел из Великолуцкого монастыря в Белёвский; находил жить там для нее непомерным, потому что близко к ней были ее родные. Она и меня привезла с собою туда же; но я стала очень скучать на новом месте. Ей стало жалко смотреть на меня. Вот она и говорит старцу: "Батюшка! Я хочу Аннушку назад отправить — она всё плачет". А батюшка ответил: "А ты с кем поедешь?" Она удиви-

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 185–186.

лась этому, так как никуда не собиралась ехать. Но чрез несколько лет ее назначили игуменьей в другой монастырь. Ей и пришлось со мной ехать. А перед этим батюшка еще раз прямо сказал ей: "Ты игуменья будешь". "Ну, батюшка, куда таких дураков в игуменьи ставить?" — ответила она на его слова. "Хоть дура, да игуменья", — подтвердил он. Однажды она сказала старцу: "Батюшка! Какая счастливая м. Макария Сомова, что вместе с вами именинница!" "И ты вместе будешь", — ответил он. Уже после кончины батюшки ее постригли в мантию и назвали Макарией... Про келейника своего о. Илариона, который впоследствии был скитоначальником и старцем, батюшка говаривал как бы шутя: "Вот этот старец лучше меня проберет вас". Скитскому иеромонаху о. Исаакию говорил, что он должен быть настоятелем в Оптиной Пустыни, а о. Флавиану — казначеем. Всё это в своё время и исполнилось»*.

Монахиня Матрона (Косторнова) вспоминала: «Я жила келейницей у м. Макарии Сомовой. Приехал однажды батюшка в Белёв и пришел к нам обедать. Покушавши, он помолился Богу и говорит: "А теперь надо игуменье поклониться", — и поклонился м. Макарии в ноги. Смутившись этим поступком старца, она только произнесла: "Батюшка! Что вы делаете?" А он опять говорит: "Нет, нет; игуменье надо поклониться". Вечером в тот же день батюшка позвал ее пойти с ним к матушке игуменье, настоятельнице обители; надел на нее свою камилавку, а в руки дал костыль свой, да так и повел. Привел и говорит: "Игуменья! Я к тебе игуменью Макарию привел". Года через два после этого м. Макарию поставили игуменьей в Каширский монастырь»**.

---

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 187–188.

** Там же. С. 189.

Вспоминала монахиня Мария Добровольская: «Бывши как-то раз в Оптиной Пустыни, я с другой монахиней остановилась поговорить с одним иеромонахом. В это время проехал мимо нас батюшка на гостиницу. Мы поклонились ему и пошли вслед за ним. Я и говорю своей спутнице, что, верно, батюшке не понравилось, что мы стояли и разговаривали. “Он, наверно, ничего не видел”, — ответила она. Подходим к гостинице, а батюшка выходит из экипажа. Стали мы помогать ему взойти на лестницу, а он и говорит: “Да, да, девочки, ведите меня; а то я слеп, ничего не вижу”. Перед кончиною батюшки о. Макария, когда, по прибытии в Оптину, мы с товаркою узнали, что он опасно болен, пошли было с ним проститься, но немного опоздали. Подходим к Скиту, а наша матушка игуменья, уже побывавшая у старца, встречает нас на дороге и говорит, что батюшка изнемог и не принимает больше. Мы поскорбели, но делать нечего, повернулись и пошли на гостиницу. Вдруг слышим, нас зовут назад; потому что прозорливый батюшка, хотя ему и не докладывали о нас, сам велел нас позвать к нему. Мы пришли и простились с ним»*.

«Я поступила в монастырь без всяких средств, — вспоминала монахиня Клеопатра, — так что мне казалось невозможным иметь когда-либо свою келлию. Когда же стала проситься в монастырь еще моя сестра, я стала говорить батюшке о. Макарию, не благословит ли он ей поступить в какой-либо общежительный монастырь, а то что мы, обе такие бедные, будем делать в своекоштном монастыре? Но батюшка не благословил, сказав, что у нас будет своя келлия, что сестра нужна будет м. игуменье. Стал он сам пробовать ее голос, она запела дискантом, а он хвалит, что у нее хороший бас. В нашей обители в то время были певчие с такими

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 190.

хорошими голосами, что я подумала на батюшкины слова: вряд ли в моей сестре будут нуждаться. Однако ее приняли в нашу обитель и определили ей клиросное послушание. Через несколько лет ее голос перешел в бас, и в ней стали очень нуждаться на клиросе; потому что некоторые из певчих с хорошими голосами перешли в другой монастырь. За молитвами батюшки Господь послал нам и свою келлию. Когда батюшка в последний раз приезжал к нам в монастырь, мы с сестрой стали проситься у него поехать на родину. Меня он отпустил, а ее ни за что не хотел отпустить, хотя она очень просилась. Я уехала, а батюшка без меня скончался. Сестра в то время и нужна была здесь, потому что певчие наши ездили в Оптину на похороны батюшки»*.

«Приехала я однажды в Оптину, – рассказывала схимонахиня Анатолия из Борисовской Тихвинской женской пустыни, – и по обычаю остановилась на монастырской гостинице. Увидела из окна своего номера, что на гостином дворе появился батюшка о. Макарий, и бросилась впопыхах принять от него благословение, забыв при этом и запереть свой номер, где лежало несколько моих денег для путевых расходов. Увидев меня, прозорливый старец тотчас сделал мне замечание: "А что же номер бросила распертым? Иди, иди, запри. У нас тут не всегда бывает благополучно". Отошедши от старца, я остановилась было на несколько минут еще издали посмотреть на него, но он погрозился на меня пальцем, чтобы я шла в свое место; что, конечно, я и исполнила. В другой раз, приехавши в Оптину, я вместе со своими спутницами-монахинями и с одной мирской девицей пришла в Скит к батюшке о. Макарию. Он ласково принял нас и угостил чаем. Поблагодарив

---

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 191–192.

старца за угощение, мы отправились на гостиницу. Дорогой не понимавшая старца и монашеской жизни мирянка с самодовольством говорила: “Ах! Как батюшка был нам рад! Как мы его утешили!” И так всю дорогу проахала. Но лишь только мы успели войти в свой номер, как тотчас же вошел к нам старец и повел обличительную речь: “Я пришел поблагодарить вас. Как вы меня утешили! Как я вам был рад!” Сконфузившись от этих слов, мы в оправдание себя стали указывать на мирскую, что это она так говорила. Но батюшка продолжал свое обличение: “Так вот потому-то я и пришел поблагодарить вас, что вы меня уж очень утешили, и я был очень рад вам”. Еще случай. Шла однажды я в своем монастыре по дорожке мимо сада. На дороге валялось яблоко. Помысл смущал меня поднять яблоко и съесть. Но, одумавшись, я сочла это за искушение; потому подняла яблоко и бросила в сад. Чрез несколько времени, приехавши в Оптину, я пришла к батюшке, который встретил меня такими словами: “А яблочко-то бросила в сад”. Я уже и забыла об этом. “Какое, батюшка, яблочко?” — спросила я. “А мимо сада-то шла, помнишь? На дороге валялось яблочко, а ты взяла его и бросила в сад”. Тут уже и мне этот случай пришел на память»*.

Та же монахиня рассказала, как о. Макарий исцелил пятилетнюю девочку, страдавшую от болезни желудка, — он посадил ее рядом с собою есть из одной с ним тарелки уху, а потом дал ей на второе от своей порции половину жареного карася. Девочка стала плакать, зная, что после этого у нее будет рвота, но старец заставил ее всё съесть, и она совершенно выздоровела**.

---

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 190.

** Там же. С. 194.

«Трогательная картина представлялась очам наблюдателя, когда он, смиренный и благостный старец, проходил но дорожке из Скита на гостиницу. “Батюшка, родной! — так вопияла, например, больная крестьянка, — столько-то годов я больна, рук ни к чему не могу приложить, а наше дело деревенское, работы много; помоги ты мне Христа ради!” И, емлясь за ноги старца, она обливала их слезами, подобно жене хананейской. Что же отвечал ей смиренный старец, на которого в эту минуту обращались сотни взоров сопровождавших его посетителей? “Что ты делаешь, матушка? — говорил он. — Господь с тобой! Встань, Бога ради, встань. Я человек грешный, ничего не знаю, ничего не могу. На это есть доктора, а я что?” “Батюшка ты мой! — продолжала вопить больная, не отступая от старца, — не отойду от тебя. Помолись за меня, грешную. Бог услышит тебя. Прикажи вынесть маслица аль водицы святой. Ты вот помог же такой-то. Не отринь и меня, грешную”. Старец отзывает ее в сторону, преподает духовное наставление, благословляет, а затем, если он еще не отошел далеко от своей келлии, приказывает келейнику дать ей святой воды или масла из лампады, неугасимо теплившейся пред келейною его Владимирскою иконою Божией Матери. И благотворно всегда действовал этот елей по милости Того, Кто вложил в сердце болящей обратиться с такою живою верою к смиренному рабу Его.

Или так рассказывал скитский иеромонах о. Леонид (Кавелин): «Возвращался я однажды из монастыря в Скит. На дороге и спрашивает меня старая деревенская женщина, прошедшая верст триста с больною дочерью: “Батюшка, отец духовный! Как бы мне увидать отца Макария-то? Бога ради скажи ему, родненький. Вот с самой ранней обедни жду-не дождусь его”. Старец, как известно было, ходил по гостиницам часов с двух попо-

лудни. “Да на что он тебе, матушка?” — спросил я ее. “Дочка больна, батюшка ты мой, -- отвечала она. — Вот третий годок, как замуж отдала на сторону. Бог благословил: муж хорош попался, любит, бережет — нечего Бога гневить, — а вот сохнет да вянет невесть от чего. И лекарям-то пробовали, показывали, и на богомолье ходили — не даёт Бог способу... Не поможет ли чем кормилец, батюшка Макар-то? Наши летось были у него. Что ж? Кто пошел с горем, вернулся с радостью, больные оздоровели. Ступай, говорят мне, Степанида. Он сердобольный такой — всякого принимает, всякому рад помочь. Вот я и поплелась, кормилец мой, с дочкой-то своей. Скажи ему, родненький, о нас, сделай такую милость”. “Да ты бы, — говорю, — на гостинице подождала”. “Ох, отец мой, — отвечала со скорбью старушка, — там народу-то пропасть, с утра с самого ждут. Боюсь, не пробьешься. Иные дня по три ждут”. И точно, некоторые жили на гостинице не только по три дня, а и по целым неделям, ожидая возможности побеседовать со старцем несколько часов. Несомненно известно, что все, с верою принимавшие и исполнявшие советы старца, который имел благодатный дар духовного разсуждения, получали чрез него не только душевную пользу, но и здравие телесное и благопоспешество в житейских делах своих. Примеров тому в своё время было великое множество, из коих некоторые уже приведены были выше, а об некоторых сказано будет далее»*.

Схимонахиня Шамординского монастыря Юлия (Гурьева) рассказывала о том, как она еще мирской девушкой приехала со своим отцом в Оптину Пустынь и на дорожке из Скита в обитель встретила старца Макария. «Батюшка о. Макарий, — пишет она, — обернулся к

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 198–109.

моему отцу и, спросив, в каком номере мы остановились, пристально взглянул на меня, стоявшую за отцом, и так же торопливо и резко, строго спросил: "Ты романы читаешь?" Я покраснела до корня волос и ответила: "Нет". Только перед отъездом в Оптину, утащив у отца ключ от его библиотеки, я вытащила какой-то старинный роман, украдкой прочла его от доски до доски и назад положила ему. Оттого так сильно и покраснела я пред испытующим взглядом старца. "Смотри, — продолжал он, погрозившись на меня пальцем, как на ребенка, — ты романы не читай, тебе это не полезно". Тут рядом со мной стояла какая-то московская барышня лет 17-ти, как видно было, очень бойкая и светская особа. Она сказала: "А я вот, батюшка, всегда читаю романы", — и хотела что-то добавить. Но старец, прервав ее, сказал: "Я без тебя знаю, что ты читаешь, тебя и не спрашиваю, а вот той говорю не читать". "А вот, — сказал мой отец, — и мой меньшой сын", — указывая на стоявшего с нами мальчика. Тогда этому моему брату всего было 9 лет. Он был толстенький мальчик, белый, розовый, особенно полны были у него щеки. Батюшка о. Макарий ухватился за них и, слегка тряся его, приговаривал: "А ты смотри, молодой человек, не женись без благословения маменьки". И всегда в последующие разы, встречая моего брата, батюшка повторял ему одно и то же. Конечно, тогда казалось это странным. Мой брат был еще ребенок. Но через 16 лет после того нам с матерью пришлось вспомнить слова старца батюшки Макария. Мой брат 25 лет женился, не по желанию и благословению матери, на девушке, хотя и образованной, но не из своей среды, и был с нею несчастлив — что как бы и сократило его век». Далее матушка Юлия передала один короткий, но выразительный эпизод. Старец Макарий в гостинице разговаривал с ее матерью, а она, девушка, как она писала — «пристально устремила на него свои полудетские глаза с во-

просом: идти ли мне в монастырь. Думала я с верой, что если старец действительно прозорлив, как говорили — то и на мой мысленный вопрос ответит, что мне надо. По вере и было мне. Старец вдруг обернулся в мою сторону, проведя глазами вокруг моей головы, он торопливо и довольно громко сказал: “Мы еще сначала выйдем замуж, да и за того, за кого не ожидаем”. Затем и продолжал свой рассказ. Никто, кроме меня, и не заметил вставленных им слов. Мне же они попали прямо в сердце и всё перевернули во мне. “Ну, уж этого, — подумалось мне, — никогда не будет; не любя я не пойду замуж; как это так?” И я, смущенная, вышла из комнаты». Тогда же побывала будущая схимонахиня в монастырской больнице у парализованного много лет иеродиакона Мефодия, он был прозорливец, и к нему ходило много народу. Кроме слов «Господи, помилуй!» он не говорил ничего. Впрочем, вот ее рассказ: «Когда мы взошли, народ стоял и в коридоре, и в его келлии. Протиснуться сквозь толпу было трудно; но мы всё-таки прошли. Я же подумала в себе: если я его увижу издалека и он покажется мне страшным — то уйду, и собралась было бежать. Не успела я это подумать, как раздался хохот больного, и он приподнялся с войлока, на котором лежал на полу. В его келлии не было ни койки, ни даже скамейки, он тогда лежал на полу уже 26 лет. Плаксивым голосам закричал о. Мефодий: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!” — и, показав правой рукой, чтобы раздвинулась толпа, громко смеясь, показывал пальцем здоровой правой руки на меня. Другая рука и нога были у него парализованы. Это продолжалось до той поры, пока меня, рабу Божию, чуть не силком подвели к нему. Я, перепугавшись, опустилась перед ним на колени. Он правой рукой обнял мою голову и, смеясь, поцеловал в лоб. Затем, говоря “Господи, помилуй!”, выслал всю толпу народа вон и велел запереть дверь, оставив меня с моей

знакомой подле себя. Весело смеясь, он приказал подать себе стоявший у него на окне букет роз. И когда моя знакомая подала их ему, он выдернул несколько белых роз, сунул их мне в руку, и, взяв мою руку и моей знакомой, прикрыл их, не помню, или полой халатика своего, или манатейкой, и, поя "Господи, помилуй!", обвел наши руки три раза. Ясно было, что он указывал мне на венчание. Затем он, весело смеясь, показывал мне, что я буду счастлива в семейной жизни. Трудно передать, почему я его понимала. Потом он, сделав серьезный вид, показывал мне одну привычку моего мужа, когда он, бывало, задумается, и которая тогда только бросилась мне в глаза, когда я близко его узнала. Невольно мне вспоминался тогда уже умерший о. Мефодий. После того болящий весь как-то преобразился. Лицо его сделалось серьезно-благоговейно. Взглянув на образ Спасителя, стоявший в углу его келлии — единственное ее украшение, — он как-то строго, не то молитвенно указал мне на Спасителя и, предавшись весь молитве, снял с руки своей четки и надел их на мою левую руку, поя совсем уже другим тоном: "Господи, помилуй!" Я поняла, что под конец моей жизни случится со мной что-то иное, и я должна буду кончить монастырем. Наконец, хлопнув меня рукой но голове, он опять с серьезным выражением лица взял четки свои назад и, указав на дверь, тотчас отпустил нас. Мы же, поцеловав в первый и последний раз его ручку, ушли. Больше я его не видала, равно как и батюшку о. Макария»*. Все предсказанное исполнилось.

Вся XIX глава «Жизнеописания преподобного старца Макария» посвящена автором, архимандритом Агапитом, чудесам, и название ее звучит так: «Чудесные действия благодати Божией по молитвам старца Макария,

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 209–241.

во избавление обращавшихся к нему с верою за помощью от недугов душевных и телесных, и Божии наказания за непочитание старца, прославлявшегося Самим Господом». Приводим ее целиком.

«Следующие рассказы покойного скитоначальника Оптиной Пустыни иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова), вначале жившего в монастыре во время старчествования о. Макария, будут пополнением описанных выше чудес Божиих, совершавшихся в свое время смиренным старцем, подвижником, истинным рабом Божиим.

Имея от Господа дар исцелять болезни душевные и телесные, сам старец всевозможно заботился о том, чтобы не подать людям повода считать его человеком святым и приписывать его молитвам исцеление от той или другой болезни. Когда приводили к нему разного рода больных и бесноватых, он, не придавая себе никакого значения, посылал их в церковь отслужить молебен какому-либо святому, сам оставаясь таким образом как бы в стороне. Между тем, просившие его молитвенной помощи получали ее, оздоравливали и отходили от него с великой благодарностью.

В иное время, как говорено было выше, старец давал страждущим разными, не всегда понятными болезнями освященный елей от неугасимой лампады, горевшей в его келлии пред особенно чтимой им Владимирской иконой Божией Матери, Единой Свидетельницы сокровенных подвигов верного раба Ее, или воды святой. И рассказы об исцелениях от сего, по-видимому, простого действия были многочисленны. Передаваясь от одних другим, они умножали и число посетителей старца. Во всех же случаях старец всячески старался укрывать присущую ему благодать исцелений.

Представим несколько сему примеров.

Брянского женского монастыря монахиня Макария (бывшая Аполлинария) начала подвизаться по своему

разумению, самочинно, и впала в бесовскую прелесть. Однако, по милости Божией, она еще могла, хотя отчасти, видеть свое душевное повреждение. И потому, когда услыхала о святости и мудрости старца Макария, решилась искать его помощи и для сего прибыла в Оптину Пустынь. Остановившись на гостинице, она пошла в Скит. Но на полдороге среди леса вдруг явился перед нею бес в ужаснейшем и отвратительнейшем виде, чего она и в воображении своем представить не могла. Изрыгая хулы на старца и на шедшую монахиню, он с яростью говорил ей: "Ты куда идешь? К безумному старцу? Воротись. Или я сейчас же удавлю тебя вот на этом дереве". Монахиня от ужаса оцепенела. Однако ж, призвав в помощь имя Божие, она пересилила страх свой и быстро побежала в Скит. Но когда вышел к ней старец, она упала пред ним без чувств. Желая скрыть от посторонних людей истинную причину припадка пришедшей монахини, старец обратился к своему келейнику: "Иларион, Иларион! Воды, воды! Холодной воды!" И начал ее опрыскивать, показывая вид, что с нею случилась обычная дурнота. Когда же она пришла в чувство, старец начал ее расспрашивать о ее жизни и подвигах. Но услышав, что она оставила чтение отеческих книг и даже Св. Писания, а упражняется в молитве Иисусовой, он велел ей тут же при себе прочитать одну кафизму из Псалтири. Напрасно усиливалась получившая хорошее образование монахиня сделать то, что легко делали недоучки. Смущение и страх совершенно сбивали ее с толку, и она оставила Псалтирь, отозвавшись решительною невозможностью читать. Тут м. Макария уже окончательно убедилась в своем повреждении и просила старца не оставлять ее руководствовать к жизни духовной. По приезде же в свой монастырь она долгом сочла письменно благодарить старца за его милости и попечение о ней и, между прочим, написала следующее: "Когда я в пер-

вый раз увидела вас, какой-то блестящий и жгучий луч поразил глаза мои, и я упала наземь без чувств". Так вот что было истинной причиной упомянутого выше припадка м. Макарии. Но когда помогавший старцу в письмоводстве иеромонах Гавриил, прочитывая для него ее письмо, прочитал и эти строки, старец, обращая это в шуточную сторону, повторил несколько раз скороговоркой: "Ишь ты, баба дура! Поверь, поверь ей! Ишь, какую чушь несет!" Между прочим, не сразу м. Макария избавилась от прелести; и по этой причине долгое время велась у ней со старцем переписка. В конце же концов она совершенно оздоровела и душевно благодарила своего духовного врача за исцеление.

Другая м. Макария, Домогацкая, монахиня Севского монастыря, рассказывала следующее: "Съехалось нас однажды в Оптину на богомолье с разных сторон много. Между нами случилась какая-то странница, которую я несколько раз видала, но всё поодаль батюшки. Заметив, что она сторонится старца, я однажды сказала ей; "Что ты вместе с нами не подходишь к батюшке под благословение?" Она созналась, что ее что-то не допускает к старцу, и она страшится его, хотя внутренне и не желала бы этого. Получив такой ответ, я при первом же свидании со старцем сказала ему об этом. Он тут же подозвал ее к себе, обласкал и затем сказал: "Мы с тобой после еще увидимся и поговорим". На другой день после ранней обедни мы опять пришли к старцу, и странница с нами. Была Пасха. Батюшка повел всех нас в скитскую церковь. Тут было несколько монахинь и светских дам, которых привел иеродиакон Исаия. Старец показывал нам ризницу и некоторые достопримечательности, а странница в это время сидела в Предтеченской церкви на лавочке возле печки, по входе в церковь на левой стороне. После того батюшка повел нас вон из церкви. Но лишь только поравнялся он с сидевшею около печи

странницею, она в то же мгновение ударилась об пол и начала самым ужасным образом метаться и кричать: "Вот тебе, напал на своего! Вот тебе, напал-то! Осьмнадцать лет меня никто не видал. Осьмнадцать лет я жил спокойно — никто не знал меня. А теперь напал на своего! Напал!.. Беда нам от тебя, Макарий! Гонишь ты нас, Макарий!" Уклоняясь от беснующейся, батюшка с поспешностью обращается к нам: "Теперь в трапезу! В трапезу! Тут всё осмотрели". И с этими словами он вышел из церкви. Мы все пошли за ним в трапезу. Потянулась за нами и странница. Когда же при осмотре трапезы случилось батюшке опять проходить мимо бесноватой, она опять ударилась об пол с прежними странными припадками, говоря: "Горе нам от тебя, Макарий! Гонишь ты нас, Макарий! Нет нам места от тебя, Макарий!" Старец, опять повернувшись, предлагает нам: "Не угодно ли теперь посмотреть и подвал под трапезой?" И тотчас спустился с нами вниз, оставив странницу в жестоком припадке. Когда же при осмотре запасов подошли мы к квасным бочкам, батюшка предложил желающим откушать скитского квасу. Тут пришла некоторым из нас мысль попросить старца, чтобы он благословил стакан квасу, дабы им напоить бесноватую. Мы твердо были уверены, что старец может исцелить ее, но уклоняется от сего единственно по смирению. Теперь мы вздумали воспользоваться хотя таким благословением, веруя, что и этого достаточно будет для исцеления страждущей. Шепнули об этом нашем общем желании о. Исаии. Он налил стакан квасу и поднес его к батюшке, прося его благословения. Уразумев, для чего о. Исаия просил благословить квас, старец просто сказал: "Хорошо, напойте ее". Но о. Исаия опять попросил: "Нет, батюшка, вы благословите квас". Старец ответил: "Всё равно; ведь я благословил; отнесите ей". О. Исаия продолжал настаивать на своем. Тут и мы приложили общую просьбу. Тогда

батюшка, как бы против воли, перекрестил квас, и его тотчас понесли к страдалице. Увидев это, она еще с большим безпокойством и ожесточением начала метаться и стиснула зубы. С трудом разняли их и насильно влили ей в рот квасу. Страдалица тут же опомнилась, успокоилась и, оправившись, стала совершенно здоровою. Дня три после того видала я ее. Она уже не боялась старца, а, напротив, изыскивала случая видеть его и получить от него благословение и наставление. После она мне созналась: "Во всю мою жизнь я не чувствовала такого жестокого терзания от припадка, как при свидании со старцем в скитской церкви и трапезе; я едва осталась жива; зато теперь уже не чувствую ни малейшего признака прежнего мучительного состояния духа ни в присутствии старца, ни без него; и так хорошо я никогда себя не чувствовала". Действительно, никто из нас уже не видал в ней ничего похожего на прежнюю ее болезнь. Она была спокойна в духе и здорова.

Алексей Васильевич Говоров, сын помещика Ливенского уезда Орловской губернии, в бытность свою в Оптиной Пустыни 16 сентября 1863 года, в келлиях старца иеросхимонаха Амвросия, сказывал о себе следующее: "Издавна я подвержен был пьянству в сильнейшей степени. Бывало, как придет время запить, никакая сила не в состоянии удержать меня от этой слабости. Этим я совершенно расстроил и свое состояние, и семейство. Люди советовали жене моей обратиться к некоторым лицам, в надежде получить от них исцеление недуга моего; но дело почему-то не ладилось. Посоветовали мне, наконец, побывать в Оптиной у о. Макария. Вот мы с женой и отправились. По приезде же, когда мы объяснили старцу о моей немощи, он только шутя ударил слегка три раза по моей голове рукою; и затем велел готовиться к причащению Св. Таин. Но когда я стал подходить к Св. Тайнам, меня всего так начало ломать, что

я сам не в силах был подойти. Самого ломает и трясет; а злой помысл-то и твердит: "Зачем идешь? Что, тебе поможет причащение? Всё это пустяки. Оставь! Ступай прочь!" И какая-то невидимая сила как будто отталкивала меня. Однако жена уговорами и силою помогла мне подойти к Св. Дарам. Тотчас же после причащения почувствовал я облегчение, которое по времени всё более и более усиливалось во мне. Когда же, наконец, я совсем успокоился, во мне родилось такое отвращение ко всем спиртным напиткам, что я и запаха их не мог терпеть. И вот уже шесть лет я ни меду, ни пива, ни шампанского не могу даже отведать. Не могу есть хлеба, если он поставлен был на винных или пивных дрожжах". К сему Говоров прибавил: "По кончине о. Макария, при вести о сем, мы очень возскорбели, и в особенности жена моя. Ночью он и является ей во сне, точь-в-точь как она видала его живым, в той же одежде, только видом гораздо светлее, и говорит: "Не скорби! Продолжайте ездить в Оптину. Вы и от праха моего получите то же, что получали от меня живого. Я всё тот же!" Когда же мы недоумевали, ехать ли и как ехать, старец опять явился во сне и говорит: "Что же вы не едете в Оптину? Я сказал, что я тот же; и вы получите такую же пользу от праха моего, как и от меня живого". И мы более не смели сомневаться".

Дочь орловского помещика г. Матвеева, Наталья, 11-ти лет от роду, отличавшаяся особенным благочестивым настроением, получила исцеление во время сна по молитвам старца Макария от неизлечимой болезни, называемой "Виттова пляска". Родители отроковицы знали старца, приезжали иногда к нему, хотя далеко не понимали его так, как узнали после. Вот как они рассказывали об исцелении своей дочери: "Наташа страдала около двух лет. Мы перепробовали всех окружных врачей, возили ее в Москву и долго там прожили, много средств

употребляли, но ничего не помогало. Получив, наконец, от лучших московских докторов окончательное решение о невозможности излечения, мы отправились назад. И мать с больной Наташей поехала прямо домой, а я (отец) в Оптину, чтобы испросить у старца о. Макария совета — что делать с больной дочерью. Он посоветовал мне поехать с нею на богомолье в Воронеж к мощам святителя Митрофана, а оттуда заехать в Задонск к святителю Тихону. С таким решением я возвратился домой, где жене моей уже натолковали о каком-то бывшем в Орле магнетизере. Жене хотелось испытать это средство; а я настаивал исполнить совет старца. При таком взаимном разногласии решились мы опять спросить его о сем, но он опять дал нам прежний совет. Тогда уже мы окончательно вознамерились исполнить его в точности. И в ту же ночь совершилось с больною нашей дочерью чудо. Кому известна "Виттова пляска", тот знает, как тяжело болеть и как жалко смотреть на страдающую этою болезнью. Больная непрестанно день и ночь то вздергивала членами, то поднимала и опускала их, то перекидывала. Ни сна не было, ни бодрствования. И потому для нее была отдельная комната и неотлучно находившиеся при ней две девушки сиделки. Когда мы решились ехать в Воронеж, Наташа почувствовала себя поспокойнее. Настала ночь, и больная, к удивлению находившихся при ней девушек, заснула спокойно. Заметив это, одна из сиделок сказала подруге; "Барышня крепко заснула; теперь можно и нам обеим уснуть". Но все-таки, желая удостовериться, действительно ли больная спит, они поднесли к лицу ее горевшую свечу. В это самое время Наташа поднимается, свешивает с постели ножки и протягивает правую ручку, как бы желая что-то принять. Девушки, думая, что она требует их помощи, взяли ее за ручку и спрашивают: "Что вам угодно, барышня?" А та взаимно их спрашивает: "Где же батюшка о.

Макарий?” Они отвечают, что никого здесь кроме них не было. Наташа утвердительно говорит: “Как не было? Сейчас был вот здесь батюшка о. Макарий и сказал мне: вставай, Наташа, и приезжай ко мне в Оптину. И я протянула к нему руку, чтобы он благословил меня”. Изумленные девушки не знали, как и подумать о таком обстоятельстве. Между тем больная слезла с постели и начала без всякой посторонней помощи ходить по комнате. Обрадованные таким явлением, девушки сиделки забыли уже и о сне в ожидании нашего пробуждения. Проснувшись в пять часов утра, и мы с женой увидели такое чудо, какого не смели и ожидать. После такого радостного события принуждены мы были опять утруждать старца вопросом: “Куда же нам теперь ехать?” Он опять ответил: “К святым Митрофану и Тихону”. А дочке приказывал — в Оптину. И мы с величайшею радостью исполнили и то, и другое. А Наташа получила совершенное оздравление и осталась всё такою же набожною, как и прежде была.

Доживавший в Оптиной Пустыни последние годы своей жизни отставной генерал-майор Андрей Андреевич Петровский, духовный сын покойного старца Макария, бывши в мае 1862 года в келлии старца Амвросия, поведал о себе следующее: “Когда я перешел, — говорил он, — на постоянное жительство с ваших гостиниц в монастырь (это было около 1859 года), напала на меня такая душевная тягота, что я потерял аппетит, ночи проводил без сна, читать ничего не мог; а о молитве и говорить нечего. Помыслы день ото дня более и более внушали смущенной душе моей, что у меня потеряна надежда ко спасению, что я живу в монастыре, сам не зная для чего, что в моих преклонных летах болезни, немощи и скорби съедят меня. Я не знал, что мне делать и к кому обратиться, когда уж и молиться не мог. Изнемогши духом и телом, я, наконец, из глубины сердца возопил: “Го-

споди! За молитвы отца моего духовного, старца Макария, помози мне". И что же? Не успел я проговорить эти слова, как случилось со мною то, что как будто невидимая рука в один миг сняла с меня всю тяжесть. Я обновился духом и в ту же минуту решился при первом свидании со старцем батюшкой о. Макарием объяснить ему это обстоятельство. Заметить должно, что старец, если когда захаживал ко мне, то всегда это бывало после ранней обедни, когда я поуберусь и займусь с часок каким-либо делом. Но на этот раз, то есть на другой же день после рассказанного мною обстоятельства, он пришел ко мне, застав меня еще в постели. Едва я успел кое-как принять его, как он сверх всякого моего ожидания и прежнего обыкновения спросил о здоровье, повернулся и тотчас ушел, оставив меня в недоумении и не дав объяснить причину скорого моего выздоровления; в чем он всегда принимал живое участие. Этим я, однако, не удовлетворился, пошел к нему на исповедь и объяснил причину моего выздоровления. Старец всё как-то уклонялся положительно выразуметь смысл моих слов. Но когда я сказал ему ясно и определенно, что получил исцеление именно чрез призвание его имени, он только заметил: "Можно и это делать; святые отцы не запрещают, но только как можно реже".

Еще сказывал тот же генерал Петровский: "Долгое время не мог я найти себе по сердцу книги для чтения. Хотя и читал св. отцов, но всё это не вполне соответствовало моему желанию. Назначая мне для чтения то ту, то другую книгу, старец всегда приговаривал: "Есть у меня книга; уж та, верно, вам понравится, но подожите". Действительно, приносит он мне однажды рукописную книгу, озаглавленную "Ставрофилия", и говорит: "Ну, вот вам и обещанная книга. Эта будет вам по сердцу. Бог благословит вам читать и списывать ее до самой смерти". Когда я стал ее читать, оторваться не мог. Во всю

мою жизнь ни одна книга из всех возможных назидательных книг не нравилась мне столько, как "Ставрофилия". Так полно она удовлетворяла всем тонкостям моего желания. Вот уже четвертый год, несмотря на немощи моего 80-летнего возраста и слабость глаз, постоянно копирую ее, списываю восьмой экземпляр. И вообразить не могу, чтобы дело это когда-нибудь мне показалось тяжелым. И надеюсь, за молитвами старца, продолжить это занятие до самой смерти без опасения наскучить им". Списываемые экземпляры генерал рассылал разным своим родственникам мирским.

Следующие за сим рассказы передаются иеромонахом (впоследствии архимандритом) о. Леонидом.

"Многие из нас, — писал он в свое время, — помнят одну бесноватую женщину, которая, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в Скит, поносила старца, говоря между прочим: "Скоро ли умрет этот Макарий? Он измутил весь мир. Ох! Горе мне..." и т.п. Привлеченная к старцу по вере ее мужа, женщина эта, несколько лет страдавшая беснованием, после употребления данного ей старцем освященного елея выздоровела совершенно. Впоследствии она разрешилась от бремени ребенком, который кричал без умолку непрестанно. Когда же принесли его к старцу, который осенил его во имя Божие благословением, младенец успокоился, и деннонощные, ужасавшие его родителей вопли с тех пор, по милости Божией, прекратились.

Был и еще замечательный случай. Один из людей образованного круга имел несчастье подвергнуться припадкам беснования. Родные его обратились за помощью к искуснейшим докторам. Те долго лечили больного дома; наконец послали его за границу к водам; но облегчения не было, Признаки беснования были очевидны; ибо припадки болезни совпадали с днями нарочитых церковных праздников; а конвульсии усиливались

от прикосновения священных предметов: Св. Креста, Евангелия, богоявленской воды. В заключение всего больной не в состоянии был добровольно приступать к таинствам покаяния и причащения Св. Таин. Несмотря на то, родные его боялись или не хотели назвать болезнь страдальца своим именем. Видя безпомощное состояние больного, один из близких к нему людей из сострадания взял на себя труд свозить его в Оптину Пустынь с намерением попросить совета у старца Макария, которого он знал лично, — что делать с непонятною болезнью приятеля. Успел ли он уговорить больного или привез его в монастырь, употребив для сего какую-либо хитрость, неизвестно. Только по приезде, остановившись в гостинице, он тотчас послал просить к себе в номер старца, не упоминая о приехавшем с ним приятеле и приятелю ничего не говоря о сем. Несмотря на это, больной в то же самое время начал обнаруживать сильное безпокойство — признак приближавшегося припадка, и говорил: "Макарий идет, Макарий идет!" Старец, действительно, пришел, но едва вошел в занимаемые гостями покои, как больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова, и, прежде чем успели удержать его, заушил старца. Зная, кто управлял в этом деле рукою несчастного, смиренный старец употребил против него сильнейшее оружие. По заповеди Христовой, он тотчас же подставил ему другую ланиту, произнося слова Господа: "Аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую" *(Мф. 5, 39)*. Опаленный смирением старца бес тотчас же оставил страдальца, который упал без чувств к ногам благодатного посетителя и пролежал долгое время в совершенном оцепенении, но потом, очнувшись, встал уже здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был только лишь орудием.

Кроме здесь описанных и подобных им случаев благодатных исцелений по мотивам старца батюшки о. Макария, были и другие, так сказать, наказательно-вразумительные случаи, когда некоторые за непочитание старца подвергались наказанию Божию, а вследствие раскаяния получали от премилосердого Господа и помилование.

Так, один купец, не раз приезжавший к старцу за советами по поводу своих торговых дел, не исполнив старческого наставления, клонившегося к примирению с Богом его совести, и видя увеличивающееся расстройство своего имения, приехал опять попросить у старца совета, что ему предпринять. Приезд свой купец приурочил к одному из двунадесятых праздников, когда число посетителей обители и всегда значительно увеличивается, а при жизни старца Макария увеличивалось особенно. Старец едва успевал удовлетворять духовные нужды обращавшихся к нему с разными вопросами, давая на них краткие ответы. Прошло три дня, а старцу не было возможности заняться с упомянутым купцом. Скучая от нетерпения, сей последний стал роптать, давши место презорливым мыслям: “Уеду, — думал он. — Да и в самом деле, чего я жду? Такой же человек, как и все мы, грешные. Целый день в народе. Добро бы, затворник какой был...” и т. п. Сложившись с такими мыслями, коими враг, очевидно, хотел отвлечь его от принятия душеполезного старческого совета, он пришел в монастырскую церковь к ранней обедне. Борьба помыслов продолжалась и тут. Вдруг почувствовал он, как сам после рассказывал, головокружение. Относя это к тому, что был тепло одет, купец снял с себя шубу. Но вот ему представилось, что церковь колеблется, своды ее рушатся и грозят своим падением задавить его. Позабыв о шубе и без шапки, несмотря на бывший сильный мороз, купец стремительно выбегает из церкви и бежит без оглядки в

Скит. Дорогой ему кажется, что растущие по обеим ее сторонам вековые деревья валятся на него. И потому он бежал с громким криком, как будто преследуемый свирепым зверем. Было рано. Упомянутый выше скитянин о. Леонид (Кавелин) читал в это время Псалтирь по благодетелям и братиям, живым и усопшим. Слыша необыкновенные и учащенные восклицания, он остановился на той мысли, что, вероятно, это один из бесноватых, которых иногда насильно приводили к старцу сострадательные родные. После уже он узнал о случившемся от келейников старца Макария. Вбежав на крыльцо старцевой келлии, купец упал на колени пред запертою изнутри дверью. В это время читались для старца келейниками его положенные Св. Церковью часы.

На доносившийся с крыльца крик вышел один из келейников, о. Иларион. Увидев бледного и трепещущего всеми членами человека и по возможности успокоив его, он спросил: "Что вам угодно?" "Батюшку, батюшку отца Макария, Бога ради!" — проговорил он, задыхаясь от усталости и испуга. Недоумевая, что случилось с ним, о. Иларион доложил старцу, который и вышел навстречу пришедшему. Увидев старца, купец упал ему в ноги и, обливаясь слезами, говорил: "Простите, батюшка, простите! Бога ради, простите! Я подумал, что вы такой же грешный человек, как и мы". "Да ваше мнение и правильно, — говорил, успокаивая его, смиренный старец, — я не только такой же грешный человек, но еще и хуже всех грешников, по слову: "От них же первый есмь аз"". Успокоенный любовью старца и получив от него благословение и разрешение своих недоумений, купец оставил его келлию утешенный и в совершенно здоровом состоянии. После сего он остался в обители еще на некоторое время, говел, причастился Св. Христовых Тайн и уехал, славя Бога и смиренного раба Божия, научась явным наказанием не уничижать смиренных, о них же

благоволит Господь, сказавший: "Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом спасет". И: "Уши Его в молитву их" *(Пс. 33, 19; 16).*

Еще наказательно-вразумительный случай, записанный иеросхимонахом Анатолием (Зерцаловым).

Белобережской общежительной пустыни некий послушник Адриан по поступлении в эту обитель начал проходить путь жизни подвижнической хотя усердно, но самочинно. Ищущий же погибели душ христианских лукавый враг внушил ему мысль ради спасения души своей принимать к себе странников и успокаивать их. Около семи лет подвизался так Адриан в своей обители. В это время в Оптиной Пустыни старчествовал описываемый здесь высокой духовной жизни старец Макарий. Как истинный пастырь, собственным опытом изведавший пользу старческого пути, он всячески оберегал врученное ему стадо Христово, отлучая тех вновь поступивших послушников, которые не хотели следовать этим путем. Другие же из них и сами оставляли Оптину Пустынь и переходили в иные монастыри или обращались в праздношатающихся странников. Послушник Адриан вместе с другими странниками принимал и этих оптинских выходцев, которые наносили на старца Макария много клеветы. Таким образом, Адриан, хотя старца никогда не видал, но составил о нем понятие самое невыгодное. Старец представлялся ему человеком нрава жестокого, самовольно и пристрастно распоряжавшимся братиями. За год до кончины старца Макария Адриан вместе с другими пятью послушниками представлен был своим настоятелем к постригу в рясофор. Но в то время как он подписался к пострижению, видит ночью во сне, что входит к нему в келлию их настоятель и за ним неизвестный старец в мантии, камилавке и с двумя крестами на шее. Когда они подошли к Адриану, неизвестный старец, обратившись к о. настоятелю, говорит:

“Вы представили в числе других к рясофору и Адриана, а я вам говорю, что Адриан недостоин сего. Другие пусть будут пострижены, а его должно оставить — он недостоин”. Настоятель будто стал оправдывать его, объясняя старцу, что Адриан давно живет в обители, что исправен в послушаниях и вообще хорошо ведет себя. Но старец уже с гневом опять начал говорить настоятелю: “Я вам говорю, что он живет дурно; он недостоин жить в обители, его должно изгнать; он сделает вот то-то, и еще... и... и если вы не выгоните его, то стены его выгонят”. Настоятель будто после этого поклонился старцу и вышел. Адриан в то же время проснулся и видит, что подле него уже в действительности стоит виденный им во сне старец. При виде сего нежданного посетителя послушник вспыхнул от гнева, вскочил с кровати и, сжав правую руку в кулак, спросил: “Кто ты такой, что пришел возмущать против меня настоятеля?” Незнакомец ответил: “Я старец, настоятель Оптинского Скита Макарий”. При последнем слове, припомнив всё прежде о нем слышанное от странников худое, Адриан еще большим закипел гневом. “Что же тебе нужно? — вскрикнул он. — Из своего монастыря ты всех разогнал и пришел еще чужую обитель возмущать? Блажени миротворцы. А ты у себя всех разогнал, и отсюда выгонять хочешь?” “Я прогнал из своей обители, — ответил старец, — таких же негодных и недостойных, как ты. Ты недостоин пострижения. Ты сделаешь вот то-то, и еще... и... Тебя непременно должно изгнать из обители. Если настоятель тебя не выгонит, то камни выгонят тебя. Три года ты будешь всеми гоним и нигде не найдешь покоя”. Слова эти довели Адриана до крайней степени гнева. Он обругал старца и со словами: “Вот Бог, а вот тебе порог”, — с яростью устремился на него. Но явившийся старец стал невидим. На другой день после этого Адриан почувствовал в душе безпокойство. На него возстали некоторые из старших

братий. И сколько настоятель ни защищал Адриана, они принудили сего последнего выйти вон из обители.

Оставив Белобережскую пустынь, Адриан действительно в продолжение трех лет нигде не мог найти себе покоя или пристанища. В некоторых монастырях он и желал было остаться и даже получал на это от настоятелей соизволение, но вдруг с какой-либо другой стороны встречал препятствие, и желание его оставалось безуспешным. Иногда дело об определении Адриана в монастырь доходило до утверждения архиерея, но владыка, никогда не видавший и ничего о нем не знавший, сверх всякого чаяния отказывал настоятелю в просьбе о его определении. В продолжение этого трехлетнего странствования Адриан, по предсказанию явившегося ему старца Макария, действительно сделал что-то, по-видимому, укоризненное, и еще... и... Между прочим, он так был ожесточен против старца, что после полутора года своего бродяжничества, проходя в г. Козельск, нарочно миновал Оптину Пустынь, отвернув даже лицо свое от монастыря. Но когда стало к концу приходить роковое трехлетие, сердце Адриана начало смягчаться. И он в мае 1862 года, вопреки своему намеренному пути, сделал 200 верст крюку, чтобы только побывать в Оптиной Пустыни. Когда он прибыл в эту обитель, уже почти два года минуло с тех пор, как старец Макарий скончался. Тогда он обратился за советом к преемнику покойного, старцу Амвросию, — что ему предпринять и как быть и жить. Старец Амвросий посоветовал ему предварительно сходить на могилу старца Макария и испросить у него прощения. Исполнив этот совет, Адриан возвратился к старцу Амвросию и объявил ему, что после поклонения могиле почившего сердце его успокоилось и как бы подсказало ему, что он прощен. Еще месяц оставался до окончания назначенной старцем Макарием виновному трехлетней эпитимии по изгнании его из своей

обители, но по совету старца Амвросия он уже отправился прямо на жительство в свое прежнее место — Белобережскую пустынь.

Здесь приведены примеры скорой помощи Божией нуждавшимся в оной, по молитвам старца Макария, в свое время бывшие общеизвестными. А сколько было еще таких, которые остались известными только Единому Господу и тем людям, которые обращались к старцу за помощью! Сколько можно было ежедневно насчитать исцеленных душевно! Одни уходили от него утешенными в скорбях, другие возбуждены были им от греховного оцепенения, иные разрешены от уз отчаяния и тому подобного. "Прославляющия Мя прославляю" *(1 Цар. 2, 30)*, — сказал Господь. Слова эти вполне можно отнести к описываемому здесь блаженной памяти старцу Макарию. Господу угодно было открыть некоторым, какой славы сподоблял Он смиренного старца еще при жизни его. Приводятся здесь по этому поводу два записанных иеросхимонахом Анатолием замечательных случая.

Один благочестивый посетитель Оптиной Пустыни рассказывал следующее: "Еще до знакомства моего с Оптиной раз представилось мне в сонном видении внутреннее устройство ее храма, сооруженного в честь святой Казанской иконы Божией Матери, точно в таком виде, как оно было в действительности (после внутри стены Казанского храма расписаны были вновь, также и иконостас поставлен новый). Стоял я, будто, среди церкви во время какого-то торжественного богослужения. Царские врата были отворены, и в алтаре по обе стороны св. престола стояли в два ряда иеромонахи в полном священническом облачении. Чинное их стояние и благоговение мне очень понравилось, и я утешался, глядя на них. Только один из стоявших в алтаре иеромонахов показался мне исключением из этого сонма смиренных

иноков; и я, признаться сказать, немножко блазнился им. Но вот слышу, какой-то голос говорит мне: “Не соблазняйся и этим монахом. Он так держит себя от простоты, и ты напрасно им соблазняешься. А вот, если хочешь, посмотри вон там (при этом как бы кто-то указывал мне на придельный алтарь с южной стороны), вон там есть мудрёная простота. Вон там уж есть что посмотреть”. С этими словами будто кто-то взял меня за руку и повел в южный алтарь во имя Воздвижения Креста Господня. Вошедши туда, я увидел стоявшего на южной стороне св. престола по виду смиренного, но очень святолепного старца. “Вот это мудрёная простота!” — сказал мне тот же голос. Впоследствии, когда Бог привел мне побывать в Оптиной Пустыни и в самой Казанской церкви, я чрезвычайно удивился тому, что, никогда прежде не бывши в этой обители, увидел всё здесь совершенно мне знакомым. В особенности же поразил меня вид никогда прежде не виданного мною старца Макария, совершенно сходный с тем, который года два тому назад представлялся мне в сонном видении”.

Старец Макарий, когда приходил в монастырь к обедне, действительно, в Казанском храме всегда становился на том месте, где видел его в сонном видении упомянутый здесь богомолец.

А вот еще случай прославления Господом Богом смиренного старца Макария, когда он еще был жив.

Вышеупомянутая Севского монастыря монахиня м. Макария Домогацкая 27 мая 1862 года в присутствии многих лиц в хибарке старца Амвросия рассказала следующее: “Это было, — так говорила она, — еще при жизни батюшки Макария. В июне или июле 1860 года нашего (Севского) монастыря послушница Елисавета вместе с другими двумя монахинями приехала в Оптину к батюшке о. Макарию. Все они, по обычаю, поместились в монастырской гостинице, определенной соб-

ственно для приезжих монахинь. Нелишне заметить здесь, что послушница Елисавета в особенности замечательна была простотою нрава и множеством понесенных ею скорбей по причине бедности после мирской жизни в довольстве. Из окон келлий остановившихся в них монахинь был вид на гостиный двор и на дорожку, пролегавшую через лес из Скита на гостиницу. В один день, около восьми часов утра, сидела Елисавета в одной из этих келлий и смотрела в окно на скитскую дорожку и вдруг услыхала доносившиеся оттуда звуки удивительно приятного пения. Смотрит: идет старец Макарий, и по сторонам его двенадцать мужей, которые одеты были в белые одежды, а сверху имели схимы. На головах у них были схимнические кукули, также белые и блестящие. Какое-то странное внутреннее чувство подсказало ей, что это были св. апостолы. Двое из них вели старца под руки, а некоторые шли впереди и несли подсвечники с возжженными свечами. Между тем, простодушная послушница не придала этому видению особенного значения. Ей вообразилось, что, вероятно, в Оптиной Пустыни установился обычай с такою торжественностью носить Св. Дары для приобщения больных; а в гостинице в то время была больная. Должно быть, Елисавета в самозабвении и не подумала о том, что видела св. апостолов. Старец действительно в конце ранней обедни приходил из Скита на гостиницу; но только кроме Елисаветы никто не видал сопровождавших его мужей. Когда же послушница эта пошла в церковь к поздней обедне, она случайно встретила на гостином дворе возвращавшегося в Скит старца. Приняв от него по обычаю благословение, она пошла с ним по одной дорожке; а другие, сопровождавшие старца, шли сзади их. Прошедши несколько шагов, старец, обратившись к ней, спросил: “А кого ты, Лиза, ныне видела?” Послушница и вообразить не могла, чтобы старец знал о виден-

ном ею; но, опомнившись и всё еще хорошо не понимая смысл старцева вопроса, ответила: “Я видела, батюшка, апостолов”. “А кого они вели?” —продолжал старец спрашивать с улыбкою. Пораженная такою нечаянностью и открытием ее тайны — так как до сего времени никто об этом не знал, — Елисавета вскрикнула: “Ах, батюшка, да ведь вели-то они вас!” При этом старец строго запретил ей открывать это кому бы то ни было до самой его кончины”.

Видению этому мы верим несомненно, как действительному событию. Ибо если Сам Господь, Царь Небесный, был в свое время среди учеников Своих, “яко служай”, когда умывал ноги их на Тайной Вечери, подав чрез это им образ глубочайшего Своего смирения и вместе с тем вложив в стопы их Свою Божественную силу, дабы они непреткновенно могли идти во весь мир с проповедью евангельскою, то ничего нет дивного в том, если и ближайшие ученики Господа, св. апостолы, по примеру своего Учителя Бога, своими мощными молитвами, как бы руками, поддерживали и подкрепляли верного раба Божия, старца Макария, ведя его к определенной Промыслом Божиим цели, сиречь к продолжению трудов апостольских, дабы таким образом целить многоразличные недуги в людях и светом учения Христова просвещать омраченные грехами души»*.

В 1859 или 1860 году старец Макарий писал: «Спаси вас, Господи, за любезное писание ваше, от 17 февраля посланное, и при оном описание Тихвинской обители, с изображением образа Владычицы нашея Богородицы Тихвинския и описание исцеления мещанки Боровиковой. Дивны чудеса Матери Божией, и в наши убогие времена являются в заступлении православных христиан. И недавнишнее чудо о исцелении валдайского крестья-

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. Глава XIX.

нина, о коем вы пишете, должно бы поразить сердца неверующих или маловерующих и привести к познанию истинныя православныя нашея веры. Да еще также недавно было исцеление пораженной параличом с младенчества девицы Черниговской губернии Новозыбковского уезда в селе Брахлове; правая рука была сведена и нога, и глаз поврежден. Эта девица Екатерина до 27 лет была в таком положении; и так как хатка ее была близ церкви, только чрез улицу, то она ползала на левом боку в церковь к службе. 1859 года июня 14 числа, в воскресный день, она не могла быть в церкви по сильной боли, молилась дома на коленах, — в это время пришла к ней Госпожа, весьма пригоже одета, в белом, волосы на голове светло-русые; она села на скамейку и сказала ей: "Екатерина, вот ты сегодня по болезни хотя и не в церкви, но всё же в доме помолилась, зачем же других людей на Литургии очень мало бывает? Все за работами, им некогда в святые дни помолиться; а что имеют они лишнего от таких неугомонных работ своих? Все бедны, ничто у них не споро; потому Бог и наказывает их неурожаем, скотским падежем, холерою и войною; но они всё не каются в грехах своих. Если еще будут пренебрегать наказаниями и не покаются, то и еще больших наказаний должны ожидать; уже и Я не могу умолить Бога о помиловании их. Ползи ты к священнику и скажи ему, чтобы он увещевал людей, чтобы каялись во грехах, в праздничные дни оставили бы работы, ходили в церковь, молились, праздновали по-христиански". В эту минуту болезнь ее утихла. Екатерина, бывшая за несколько минут калека, одноглазая, не владевшая ногами и левою рукой крестившаяся вместо правой, 19-го июня входит к священнику в комнату, совершенно здоровою, на ногах, без костылей и палки, крестяся правою рукою свободно, смотрит обоими глазами, читает молитву Иисусову внятно и говорит твердыми и выразительными словами.

Священник, видя такое явное чудо — исцеление калеки, тотчас уведомил о сем многих соседних священников, донес о сем духовному начальству; а Екатерина после 8 июля отправилась в Киев; была в Почаеве и возвратилась благополучно домой, — вот дивное чудо! Где наука? Что они могут против этого сказать? Бог является простоте и смирению, а не разуму, обуянному мирскою мудростью. Возблагодарим Бога и Пречистую Деву Богородицу, Спасительницу рода нашего!»*

В письме от 30 апреля 1860 года старец упоминает, что ему было прислано полное описание исцеления девицы Екатерины, — копию его о. Макарий при этом письме шлет адресату: «Теперь посылаю такую выписку, какую сам я получил, и еще копию с письма одной монахини, которая уже живет 15 лет в монастыре, но бывши еще дома и одержима беснованием, получила чудесное исцеление от святых угодников Божиих: свв. Митрофана и Димитрия Ростовского. Это истинная правда и никакой лжи и подлога нет, и быть не может. Хотя многие неверующие считают это притворством, но несправедливо: мне случилось много видеть больных таковыми болезнями, но ни следа притворства в них не было видно; разве из нескольких сот один, не мудрено быть, и солжет; но их трудно уверить... Я забыл упомянуть о чудесном посещении Матерью Божией бедных старцев, мужа и жены, о коих вы пишете. Мы этому искренно веруем»**.

Шел 1860-й год — последний в земной жизни старца Макария. Господь, как можно думать, открыл ему время его кончины, так как старец несколько раз проговорил-

* Собрание писем блаженныя памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Отделение первое. Письма к монахам. Репринтное воспроизведение издания 1862 года. СПб., 1994. Письмо № 166. С. 263–264.

** Там же. С. 277.

ся о том. Монахиня Белёвского монастыря Павлина (Овсянникова) вспоминала: «В Белёве последний раз батюшка был незадолго до своей кончины, в августе. Раньше он думал после Белёва поехать в Вязьму. Когда же стал уезжать из Белёва, келейник говорит ему: "Батюшка! Тарантас плох. Надо починить, прежде чем в Вязьму ехать". А батюшка ответил: "Теперь не только в Вязьму, а и в Белёв последний раз приехали". Когда узнали о батюшкиной болезни, поехали мы с матушкой в Оптину; но за день до его кончины пришлось уехать назад. В Белёве ждали владыку, и батюшка сам благословил матушке ехать, сказав: "Только меня ты больше не увидишь"... Незадолго до батюшкиной кончины вышло разрешение постричь у нас в мантию сверх штата. Матушка представила к постригу в мантию некоторых монахинь, уже постриженных тайно. Батюшка велел их предупредить, что это вторичное пострижение в церкви вменится им в постриг схимнический. После кончины батюшки, в ночь под сороковой день, я видела его во сне, будто он велел матушке постричь меня в мантию. Потом во второй раз, во сне же, велел назвать меня Павлиною. Вскоре после этих двух снов мне дали подписать какую-то бумагу; так как мне иногда приходилось подписываться на разных бумагах, то я не обратила внимания на эту бумагу. Вслед за этим опять увидала я во сне батюшку, который сказал мне: «Знаешь ли, что ты подписала? Это тебя к мантии представили». После я узнала, что на самом деле подписала прошение о постриге»*.

Летом 1860 года о. Макарий ездил в Калугу, в Лаврентьев монастырь, и побывал на монастырском кладбище, где разыскал могилу иеромонаха Павла, бывшего настоятеля Площанской пустыни, который некогда по-

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 177.

стригал его в монахи. Поклонившись его могиле, старец промолвил: «Вот и нам всем предлежит путь, одному ранее, другому позже; а мне уж и пора...». То был намек его на близкую свою кончину. Был и еще замечательный случай, — говорится в Жизнеописании о. Макария, — указывавший на близость его кончины. За год пред сим одна очень близкая к нему помещица, благочестивая старушка Мария Михайловна Кавелина подверглась сильной болезни, так что была на краю гроба. Между прочим, по своей вере к старцу она просила его помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее жизни ради свидания с любимым своим сыном, оптинским иеромонахом, который был тогда в отлучке из обители. Старец сказал ей утвердительно: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе». Слова старца оправдались. Бывшая в опасности умереть — выздоровела, но после того говорила близким: «Бойтесь моей смерти, с нею связана жизнь старца, вот что он сказал мне». Это предсказание старца, вместе с другими вышеприведенными намеками на близкую его кончину, показывает, что ему было тайное от Господа извещение о времени его отшествия из мира сего. Кроме того, он часто говорил ученикам своим: «Пора, пора домой!» Но они не обращали на эти его слова особенного внимания, может быть, отчасти потому, что мысль о смерти, как одно из духовных деланий, никогда не оставляла его. Некоторые же из братий обратили внимание на следующее неожиданное обстоятельство: внутри Скита на юго-восточной стороне росли три вековые сосны — две от одного корня, а третья немного поодаль; старец настоятельно сберег их от посечения, которому при разведении на этом месте сада подверглись другие росшие с ними деревья. Скитяне всегда между собою переговаривали так: «Эти три сосны — символ союза наших старцев; две от одного корня — напоминают родных братьев: о. архимандрита Моисея и о.

игумена Антония, а стоящая поодаль — нашего батюшку о. Макария». Когда же летом, без всякой видимой причины, эта последняя сосна внезапно засохла, вид ее наводил на скитян невольную грусть, причину которой каждый угадывал, но не хотел высказать, боясь быть предвестником общей скорби. Когда же старец заболел, братия уже открыто стали сообщать друг другу, на какие мысли их невольно наводил вид этого засохшего дерева, которое, будучи сперва обязано старцу сохранением от посечения руками человеческими, засохши потом по воле своего Творца, сделалось предвестником кончины своего благодетеля, старца Макария»*.

7 сентября 1860 года, после тяжелых страданий, которые он переносил с мужеством и благодушием, прославляя Бога, простившись с братиями и сестрами, великий подвижник духа преподобный старец Макарий скончался. Последние его слова были: «Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш!..», с троекратным воздеянием рук.

«Не упустим без внимания и сего обстоятельства, — пишет автор Жизнеописания старца, — бывший управляющий канцелярией Св. Синода Петр Иванович Саломон поступил под духовное руководство старца иеросхимонаха Макария года за два до его смерти. Весною 1860 года Петр Иванович, по особому поручению правительства, командирован был за границу, в Палестину, где и пробыл всё лето. Возвращаясь в начале сентября в Россию, он не мог знать о болезни старца, так как болезнь эта была нечаянная и, можно сказать, скоропостижная; а, отъезжая из Оптиной, при прощании со старцем Петр Иванович оставил его с обычным здоровьем; потому и вообразить не мог чего-либо относительно его кончины, “7 сентября утром, — сказывал Петр

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 277.

Иванович, — когда мы на пароходе по Черному морю приближались к Одессе, я заснул легким сном. И вдруг представилось мне что-то вроде торжественной процессии: проходило мимо меня множество святителей, и все они были в полном монашеском одеянии. Но хотя они одеты были в мантии, однако чувство сердца говорило мне, что этот безконечный ряд монахов, проходивших мимо чинно, тихо, безмолвно и вместе величественно, был ряд не простых монахов, но что все они были святые иерархи. Между ними увидел я и батюшку о. Макария, также в мантии, и с удивлением подумал: как это в сонме св. святителей явился о. Макарий? Видение это так врезалось в моей памяти, что я никак не мог забыть его, хотя и не понимал, как это и почему пустынный иеромонах явился в лике почивших св. иерархов". Сновидение это стало понятно Петру Ивановичу, когда он уже приближался к Оптиной Пустыни и находился от нее в 30-ти верстах. Тут он с глубокою сердечною скорбью услыхал о кончине многолюбимого батюшки о. Макария и что она последовала в тот самый час, когда он в тонком сне на пароходе, еще не видавши берегов своего отечества, видел старца, куда-то мимо него проходившего в сонме почивших святителей»*.

После погребения старца Макария на средства его почитателей устроена была трапеза как для монастырской братии, так и для всех участников погребения, и всего собралось более тысячи человек. Сверх этого количества было еще семьсот человек нищей и странствующей братии. «Забота об утешении всех посетителей возложена была на старшего келейника настоятеля обители, рясофорного инока о. Павла, который впоследствии рассказывал: "На мне лежала обязанность смотреть за всею настоятельскою келейною и за многими общими мона-

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 286.

стырскими распоряжениями, а также и на всех гостиницах. Народу всякого звания, пола, возраста и нищих было множество. Монастырь битком был набит посетителями; а требовалось, чтобы всякий был угощен и успокоен. Просто голова моя пошла кругом. Тут уж ни сон, ни еда не шли на ум. Помощников требовалось много, и чтобы все они были люди благонадежные и знающие дело; а откуда их взять — не виделось. Однако, утомившись, я все-таки заснул часа на два. Вдруг явился мне во сне покойный батюшка в рясе и камилавке, стал меня благословлять, придерживая несколько мою руку в своей, и говорит: «С чем ты тужишь? Помощников не имеешь? Бог пошлет людей для исполнения; только смиряйся». Проснувшись, я уже был спокойнее духом. И удивительно! Всё время этой никогда еще здесь не бывалой суматохи прошло так хорошо, так успокоительно для гостей и для служивших, что и с лучшими официантами того ожидать было трудно. Смотря на всё это, нельзя было не видеть, что батюшка сам невидимо везде тут был и распоряжался"».

Подобные успокоительные сны были и еще двум инокам: булочнику и гостиннику. В день погребения старца о. Макария, когда готовился для братии и посетителей обед, старшему булочнику о. Косме велено было приготовить пироги. По великому усердию к почившему старцу о. Косма всеми силами старался исполнить порученное ему дело как можно тщательнее; и вследствие сего так утомился, что, боля всем телом и духом, едва добрался до постели и заснул. Но вот во сне является ему покойный старец и благословляет утомленного труженика. От сего утрудившийся о. Косма вместо утомления и уныния исполнился великой радости.

Гостинник монах Дометий рассказывал следующее: «В день погребения старца мне было столько заботы, хлопот и скорби, что не помню, было ли когда подобное

со мною прежде. Болезнование о потере дорогого старца, множество требовавших ухода приезжих, из которых одно издалека приехавшее благородное семейство за недостатком помещения на монастырской гостинице отправилось в г. Козельск с крайним на меня огорчением, непрерывная среди народа суета — всё это сильно потрясло меня и душевно, и телесно. Освободившись несколько от суеты, уже на другой день после обеда прилег я на кровать в столовой комнате, задремал и вижу во сне, будто подходит ко мне батюшка о. Макарий. Сначала я его не узнал и подумал: что это за монах? Но потом, взглянув в лицо, воскликнул: "Батюшка! Простите меня, что я так небрежно встречаю вас в постели; я не ожидая вас. Простите!" Батюшка будто говорит: "Ничего, ничего, не беспокойся. Я зашел сюда нарочно навестить моего духовного сына". Я просил его благословения, и он благословил меня. Когда он стал уходить, я догнал его у двери и еще просил его благословения, и он еще благословил меня. Проснувшись, я во весь этот день и даже на другой так был спокоен и такую ощущал в сердце радость, что и пересказать не могу. И думалось мне, что это была, по молитвам старца, особая ко мне милость Божия за понесенные мною труды и скорби».

В Летописи Иоанно-Предтеченского Скита под 13 сентября 1860 года записано кратко: «Батюшку видел во сне после утрени о. иеромонах Иларий, — в белом балахоне, с письмом в руке, благословляющего... Спросил — хорошо ли ему там? Ответ: я рад, хорошо... Помолитесь за нас!.. Ответ: молюсь». 8 октября: «Видения: о. архимандрит (Моисей, — *Сост.*) видел Батюшку в схиме — приходил к нему, беседовал и пошел в Скит. О. Исаакий, служа, видел, что на келлии Батюшки пристроено новое здание светлое, освещено чем-то вроде огненных языков — и Батюшка внутри занимается с монахами... Брат

Стефан видел в церкви, стал просить: помолитесь, Батюшка!.. Он произнес молитву, обратясь к иконам: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помози рабу Твоему Стефану... Брат Сергий — видел троекратно, что Батюшке уготован храм великолепный, и на вопрос у провожатого, отчего так хорош? — отвечено: Он сам любил делать хорошо. — А кому назначен верхний этаж? — сказал, но не велел никому сказывать»*.

Позднее, в 1884 году, старец Амвросий писал одной рабе Божией: «Покойный наш старец о. Макарий, недавно явившись во сне своей ученице, томимой недоумением, сказал: “Терпи, борись и понуждайся идти тесным путем”. Слово краткое, но многознаменательное и для всех нас необходимое до конца жизни нашей»**.

В Житии преподобного Илариона Оптинского пишется: «И прежде старцу неоднократно являлся в сновидениях его старец о. Макарий, но в эти последние дни (перед кончиной его, — *Сост.*) видения участились, и это много утешало преданного ученика. Из многих таких видений припомним со слов старца об одном, бывшем ему за месяц до его кончины: 18 августа (1873 г.) старец о. Макарий явился о. Илариону во сне и говорит ему: «А я вот к тебе, Иларион, заехал», — а сам как будто куда-то спешит, и прибавил: «Мне теперь некогда — дел у меня много; я к тебе еще буду, заеду за тобой, а пока прости!» В этот же день один из старших монастырской братии тоже видел во сне старца о. Макария, спешившего из монастыря в Скит, в сопровождении многого народа — монашествующих и мирян, между которыми был и сам, видевший это сновидение. Видевший старца просил у него благословения. Старец сказал ему: «Бери скорее благословение, мне нужно скорее идти в Скит,

---

* Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

** Собрание писем Оптинского старца Амвросия к монашествующим. Вып. II. Сергиев Посад, 1909. С. 34.

я там буду!» Эти видения много утешили о. Илариона. В последние два-три месяца болезни пред старцем, против того места, на котором он сидел, висел большой портрет старца о. Макария, подаренный ему одною из духовных дочерей (игуменьей Макарией Болотниковой)»*.

Старец Макарий исцелял людей от болезней при своей жизни, — эту благодать Господь не отнял у него и по кончине его. Вот несколько удивительных случаев. Оптинский монах Акакий имел послушание на монастырской даче «Рыбная ловля». Там были пруды не только по лову рыбы, но и уборке сена, и по пчеловодству. О. Акакий нажил себе две грыжи и очень страдал от них. Однажды, в декабре 1860 года, он прибыл в монастырь, чтобы поговеть и причаститься Св. Христовых Таин. В храме стало ему плохо, грыжа начала невыносимо болеть. Только хотел он после службы пойти в келлию, как раздался возглас иеромонаха на заупокойную обедню, служившуюся ежедневно в течение года по старцу Макарию. О. Акакий, превозмогая боль, отстоял и ее. После того, едва дотащившись до келлии, где жил его брат-монах, он упал на постель и заснул. Он рассказывал потом, что ему приснилось, что он находится на даче, и пришли к нему туда из Скита отцы Флавиан, Ювеналий, Сергий и Андрей (Глушков). «Желая их угостить, — рассказывал он, — будто пошел я половить для них рыбки; но на дороге боль от грыжи так крепко схватила меня, что я повалился на землю и от сильного страдания начал по земле валяться. Вдруг вижу, является батюшка о. Макарий, одетый в схиму, и спрашивает меня обычною скороговоркою: "Что ты делаешь? Что у тебя болит?" А я, лежа на земле кверху животом, ответил: "Да вот, батюшка, пошел для ваших скитских монахов поймать рыбки, чтобы угостить их, а теперь (вам из-

---

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Оптина Пустынь, 1993. С. 229.

вестна моя болезнь) и дойтить-то даже не могу, такая ужасная боль!" — "Дай-ко, я полечу, — сказал старец, — да только стерпишь ли, я семь раз буду давить. Зато, если не умрешь, грыжи никогда не будет". — "Попробуйте, батюшка!" — ответил я ему, лежа на спине. Старец ухватил меня за живот и пальцами своей руки начал давить мне под левое ребро. Каждый раз, надавливая, он считал: раз, два, три и далее до семи. В это время от жесточайшего невыносимого страдания я метался туда и сюда, кряхтел и не чаял остаться в живых; едва не вышел из меня дух. Но в то же время я ощутил, что внутренность моя в левом боку как бы приподнялась и окрепла, а в душе почувствовал великую радость и какой-то страх — чего вполне не могу выразить. В благодарном и радостном трепете бросился я к батюшке и, обняв его живот, поцеловал схиму его, а он поцеловал меня в голову. В это время меня обдало как бы теплым паром, и я проснулся. Среди сна, вследствие сильных в постели движений от нестерпимой боли, я упал на пол; а пришедши в себя, увидел, что я сижу на полу с распростертыми руками, как во сне держал их, обнимая старца. Радость и трепет наполняли мою душу. В это время пришел будильщик звать брата, чтобы шел пономарить на второй ранней обедне. Брат, вставши и увидев меня сидевшим уже на постели, спросил: "Что с тобою?" Я рассказал ему виденное. "Ну, а что твоя грыжа? — продолжал он спрашивать, — пощупай". Ощупываю и отвечаю: "Нет ни боли, ни следа грыжи". Тут ударили в колокол к обедне, и мы вместе пошли в церковь... И вот, благодаря Бога, до сих пор не чувствую никакой боли, хотя и тружусь по-прежнему". Спустя полгода после сего прибыл на дачу один монах, который знал о тяжком положении о. Акакия. "Когда я стал передавать ему рассказ о своем исцелении, — рассказывал о. Акакий, — он никак не мог сему верить, как я ни убеждал его. Нако-

нец, неверивший собеседник решился сам освидетельствовать бывшее мое больное место. Освидетельствовал, поверил, и тут же залился слезами от ужаса и удивления"»*.

Брат о. Акакия монах Каллист, который упомянут выше (у него в келлии совершилось исцеление его брата), три дня страдал зубной болью, не находя себе места, потом ему выдернули зуб, но боль не прошла. «Уткнул я голову в подушку, стало еще хуже, — рассказывал он. — Потом, приподнявшись, увидел в окно — идет мимо моей келлии монах о. Леонид. "Батюшка, — говорю ему, — ради Бога, принеси мне маслица с могилы батюшки о. Макария, умираю". О. Леонид вскорости принес; и лишь только я выпил этого масла, как тотчас боль прекратилась. Нарочно головой трясу и нисколько боли не ощущаю»**.

«Монахине Белевского женского Крестовоздвиженского монастыря м. Раисе, — пишет о. Агапит в Житии старца Макария, — было замечательное сновидение по следующему случаю. Незадолго до кончины старца о. Макария богатый помещик Феодор Захарович и супруга его Александра Николаевна (впоследствии в монашестве м. Амвросия) Ключарёвы, по взаимному согласию и по благословению старца, решились переменить мирскую рассеянную жизнь на монастырскую. И Феодор Захарович поступил в Оптинский Скит под ближайшее духовное руководство старца Макария; а Александра Николаевна в женский монастырь в г. Белёве, отстоящем тоже недалеко от Оптиной Пустыни — верстах в сорока, чтобы иметь возможность тоже чаще пользоваться советами и наставлениями старца. И хотя старец Макарий при жизни своей поручил обоих Ключаревых духовному

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 296–298.

** Там же. С. 298–299.

руководству иеросхимонаха Амвросия, имевшего вскоре заместить старца Макария; однако Александра Николаевна, как уже года два относившаяся к старцу Макарию, так привязалась к нему душою, что после его кончины стала очень скорбеть и смущаться, чрез что сделалась совершенно больною, и ночи проводила без сна. В одну из таких ее тяжелых безсонных ночей м. Раиса увидела во сне: будто идет она по монастырскому двору и встречает покойного старца о. Макария, одетого в рясу, в простой монашеской шапке и с палочкой в руках. Шел он куда-то поспешно. Обрадовавшись несказанно этой нечаянной встрече, м. Раиса поклонилась старцу в ноги, прося его благословения. Но старец, благословляя ее, сказал: «Мне теперь некогда, я спешу к Александре Николаевне; она больна; надо ее утешить». После этих слов м. Раиса проснулась в великой радости. Сходила она затем к ранней обедне; а по приходе из церкви пошла навестить Александру Николаевну, которая, оказалось, была довольно здорова и покойна духом. Когда же м. Раиса рассказала виденное ею во сне — тогда и Александра Николаевна, в свою очередь, объявила, что она, хотя не видела во сне старца, да и не могла видеть, потому что от туги сердечной во всю ночь не могла заснуть; но около того времени, как видела во сне старца м. Раиса, она, больная, ощутила облегчение своей душевной болезни и безотчетную сердечную радость; а рассказом м. Раисы была вполне утешена и вскоре совершенно выздоровела».

«Известному Оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию, — продолжает о. Агапит, — 11 ноября 1861 года было такое сновидение: “Сижу я будто, — так поведал старец, — на своей постеле, а против меня, в другой стороне келлии, стоит иеромонах о. Леонид (Кавелин) с образом Божией Матери в руках, образок был вершка два с половиной. Оба мы, как бы в ожидании чего-то, мол-

чали. Вдруг будто входит к нам батюшка о. Макарий, кладет пред образом три земных поклона и прикладывается к нему. Затем он быстро начал осматривать передний угол и перебирать бумаги на столе; потом опять положил три поклона и тихо, как будто сторонясь о. Леонида, сказал мне вполголоса: "Благодари Бога!" Наконец, пошел к двери и пред выходом прибавил: "Да бельё перемени". Вскоре после сего сновидения старец Амвросий так сильно заболел, что врачи теряли надежду на его выздоровление.

Долго врач, пользовавший болящего старца Амвросия, усиливался возбудить в нем хотя малейшую испарину, но всё было тщетно. Наконец, 6 января следующего 1862 года у больного появилась такая сильная испарина, что смочила не только бывшую на нем фланелевую рубашку, но даже и одеяло, и подушку. И в этот день упомянутая выше послушница Белёвского женского монастыря Александра Николаевна Ключарёва, теперь уже духовно относившаяся к старцу Амвросию и сердечно расположенная к нему, необычайно ясно увидела сон, который и был ею записан: «Под 7-е число января 1862 года, — так поведала сна, — я, угнетаемая тоскою о болезни батюшки о. Амвросия, долго не могла заснуть. Вздремнув около 12-ти часов ночи, вижу, будто встречает меня покойный батюшка о. Макарий, одетый в белый балахон. Я в невыразимой радости упала ему в ноги и просила благословения. Батюшка, как бы куда-то поспешая, выходит в дверь из моих келлий и говорит с обычною ему живостью: "Надобно благодарить Бога. Благодари Бога за исцеление". Когда я стояла в недоумении, не догадываясь, кто именно исцелился, батюшка прибавил твердо и повелительно: "Благодари, что исцелился". Хотя он и не сказал имени, но я поняла тут — о ком он говорил. После чего начал нас благословлять, и прежде, казалось мне, отца Амвросия, потом меня, а

потом и других лиц предстоявших». Александра Николаевна проснулась в великой радости вследствие надежды на скорое выздоровление любимого ее духовного отца и старца Амвросия, который с того дня, действительно, стал понемногу оправляться здоровьем и, наконец, совсем поправился.

Послушница Белёвского женского монастыря, бывшая помещица Надежда Егоровна, осенью 1861 года, бывши в Оптиной Пустыни и отправляясь на свою родину, по вере своей к покойному старцу Макарию взяла песочку с его могилы. Во время ее пребывания в своем имении в октябре месяце одна ее дворовая женщина около двух месяцев страдала сильною зубной болью, в особенности по ночам, и оттого все ночи проводила без сна. Лечилась она некоторыми домашними средствами, но ничто не помогало. Сострадая больной женщине, Надежда Егоровна, со своей стороны, придумывала, чем бы ей помочь. И вдруг пришло ей на мысль приложить к щеке болящей привезенного ею из Оптиной Пустыни песочку. Призвала она к себе в комнату больную, положила вместе с нею пред св. иконою Царицы Небесной три земных поклона, сначала намазала больную щеку елеем из лампады пред образом, а затем осыпала всю ее песком. Этого же песку дала она больной и выпить в воде. Немедленно после того больная заснула, а на другой день встала совершенно здоровою. Зубная боль к ней уже не возвращалась.

Когда вышеупомянутая дворовая женщина помощью Царицы Небесной по молитвам старца Макария исцелена была от жестокой зубной боли; тогда доложили Надежде Егоровне, что в ее имении еще есть девочка лет 15-ти, которая сильно страдает жабою в горле. Дали больной выпить в воде несколько песочку и приложили его же к горлу; в то же время девочка получила большое облегчение.

Бывшая помещица, а затем послушница Дивеевского женского монастыря Нижегородской губернии Мария Васильевна Ананьевская вскоре но кончине старца о. Макария рассказывала о себе следующее: "В первые дни после кончины батюшки о. Макария я, при великой грусти о лишении его, подверглась какой-то ужасной болезни, похожей на ту, которую в простонародье называют волосатиками. Боль была неослабная. Ни днем, ни ночью не было мне от нее покоя; и я уже несколько суток провела без сна. Рекомендованные средства не помогали. Бывши в это время в Оптиной Пустыни, иду я однажды из Скита и думаю: дай схожу на могилку батюшки о. Макария и возьму с нее земельки для пальца — авось полегчает. Пришла, взяла сначала из горевшей над его могилой лампады маслица, обмазала им свой больной палец и затем, осыпав его землею с могилы, обвязала и ушла на гостиницу. Тут я и скоро заснула крепким сном; а поутру встала совершенно здоровая"»*.

И еще ряд подобных чудесных случаев приводит в Житии старца архимандрит Агапит. «Одна из сестер Вяземского женского монастыря Смоленской губернии Евдокия Смирнова более двух недель страдала сильною рвотою и чувствовала боль и расслабление во всех членах. Обращалась за помощью к доктору; ей ставили мушку, давали лекарства внутрь, но болезнь не уступала. В изнеможении от частой рвоты больная к вечеру на 6 марта (год неизвестен) сказала сестре своей: "Теперь более не пойду к доктору — никакой нет пользы". Перед диваном, где она лежала, на стене между другими изображениями висел портрет покойного старца Макария. Лично она его не знала, но много доброго слышала о нем. С верою и внутреннею молитвою к старцу она пристально смотрела на его портрет. В таком положении она

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 299–301.

незаметно заснула так крепко, что не слыхала, как сестра ее входила к ней и выходила. В это время она увидела во сне, будто пришел к ней батюшка о. Макарий с матерью игуменьей ихней обители. И старец спрашивает: "Знаешь ли ты, что это за матушка?" Больная отвечает: "Знаю, батюшка, что это наша матушка". Старец: "Так что же ты лежишь?" Больная: "Да мне встать нельзя — у меня рвота сильная". Старец перекрестил уста, грудь больной и всю её и сказал: "Не будет рвоты; пойди, отслужи молебен Успению Божией Матери". Больная: "А у меня и акафист Ей теперь есть". Старец: "И с акафистом отслужи; а после приди ко мне, я тебе маслица дам". Больная, привыкшая всё делать по благословению матери игуменьи, ответила: "Если матушка благословит". Старец: "Благословит. Матушка и сама ко мне придет". С этими словами старец встал и запел: "Воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогих Твоих до конца". Проснувшись, больная уже не ощущала в теле своем боли, и рвота более не повторялась у нее. И во весь этот день ей было невыразимо отрадно и легко.

Орловской губернии Малоархангельского уезда, сельца Стрелки, сын богатого крестьянина Ивана Афанасьева Дунаева, 24-летний юноша Иван в продолжение шести годов был нем и несколько помешан умом. Некоторые близкие к Ивану Афанасьеву знакомые советовали ему съездить с больным сыном в Оптину Пустынь к старцу Макарию, бывшему еще в живых. После неоднократных таких предложений родитель, наконец, решился повезти сына своего в Оптину. В октябре 1860 года они прибыли в монастырь, но старца в живых не застали: по нем уже заканчивался сорокоуст. Поскорбев немало о своей неудаче, они в свое время пришли в храм Божий отслушать бдение, которое служилось ради памяти покойного старца Макария. И усердие их к почившему старцу возна-

граждено было великою милостью Божиею: среди бдения немой сын начал говорить и получил прежнюю светлость мыслей. Об этом исцелении стало известно в Оптиной Пустыни в 1863 году»*.

«В первой половине февраля 1861 года, — пишет далее архимандрит Агапит, — жена станционного смотрителя вблизи г. Орла Анна Антоновна Зайцева, женщина, по отзыву видевших ее, умная, обстоятельная и благочестивая, приходила в Оптину Пустынь для богомолья. Остановившись на монастырской гостинице, она рассказала бывшему в то время гостиннику, о. Алексею Калинкину, следующее обстоятельство, побудившее ее к сему путешествию. "Около пяти лет, — говорила она, — я страдала болезнью разслабления во всем теле, так что не могла ходить. К концу 1860 года разслабление мое усилилось, и муж мой советовал мне причаститься Св. Христовых Таин. Я долго не соглашалась, но настойчивость мужа заставила меня уступить его требованию. И вот ночью, накануне напутствования меня Св. Тайнами, увидела я следующий сон: лежала я будто, по обыкновению, в постели, и ко мне подходят два старца — впереди мне неизвестный, а за ним невдалеке хорошо мне известный батюшка о. Макарий. Неизвестный обращается ко мне с такою речью: "Для чего ты к себе требуешь Христа? Ты сама иди к Христу". Отвечаю: "Как же я пойду, когда я и с постели не могу сойти?" Неизвестный продолжает: "Сходишь и в Оптину Пустынь, да еще пешком. Сходи и помолись там; и получишь исцеление". "Отче! — спрашиваю, — кто же ты? Вот сзади-то тебя батюшка о. Макарий — я его знаю; а ты-то кто такой?" Он говорит: "Я Оптинский иеросхимонах Леонид". В это время стоявший молча позади старца Леонида о. Макарий говорит печальным голосом: "Вот прежде (то есть

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 301–302.

при жизни) меня всем угощали; а теперь уж не заботятся обо мне и не думают". Я, как будто, вскочила с постели и стала с поспешностью набирать стол. Подав что могла, я просила его покушать. Батюшка подошел к столу, отщипнул двумя перстами несколько крошек хлеба и положил себе в рот. Я стою, кланяюсь и упрашиваю его покушать еще, а он сказал: «Я и это сделал только ради благословения дома». Проснувшись, я почувствовала укрепление во всех своих членах и поднялась с постели. Чрез несколько дней я почувствовала себя настолько здоровою, что, несмотря на зимнее время, решилась идти пешком на богомолье в Оптину Пустынь». Пробыв три дня в обители, г-жа Зайцева отправилась в обратный путь. Она была в таком здоровье, что не взяла предлагавшихся ей лошадей до Орла, и в зимнюю пору, при сильных еще морозах, отправилась пешком до своего местожительства за 135 вёрст.

Орловской губернии Дмитровского уезда, прихода села Островского, деревни Лубенца 18-летняя крестьянка Евдокия Грышаева около половины ноября 1861 года, спустя год после замужества, подверглась страшной болезни. Она вся ослабела, в особенности же у нее совсем отнялись руки, так что она ничего не могла ими делать. Кроме того, в груди у нее чувствовалась тяжесть и тревожное томление, а по временам появлялось сильное болезненное ощущение, которого она объяснить не могла. Месяца через два после того ей прибавилось еще горе. 7 января следующего, 1862 года, ночью Евдокия увидела во сне какого-то безобразного мужика, который производил на нее очень неприятное впечатление. Он будто сорвал с нее головной убор, который взял с собою, а некоторые вещи при ней же изрезал в куски и сказал: "Ты теперь от меня не избавишься", — затем исчез. Проснувшись, она рассказала свое видение домашним, которые по осмотре, к общему своему удивлению, головного

ее убора не нашли; некоторые же вещи оказались изрезанными в куски. С этой ночи безобразный мужик стал являться Евдокии во сне уже нередко с тою же угрозою: “Ты теперь от меня не избавишься”. По временам он уносил ее платки или еще что-либо из головных ее уборов, а иные вещи — иногда подушку или рубашку — изрезывал на месте. Промучившись так с месяц, больная оставила дом мужа и свекрови и перешла на жительство к родному брату, но и там не нашла себе покоя. Те же сновидения тревожили ее до пятой недели Великого Поста. В начале же этой недели, в одно время, кто-то наяву крепко ударил ее в затылок и сказал: “Уж мне неохотно ходить за тобой”. Несчастная упала на пол без памяти. Когда же ее подняли, оказалось, что у нее отнялся язык. Целую неделю после того Евдокия оставалась немою и в забытьи. Чрез несколько дней после этого случая пришла навестить ее жившая в соседстве Анна Евстафьева, которая при жизни старца Макария кое-когда хаживала к нему. Сочувствуя бедственному положению Грышаевой, Евстафьева советовала ей сходить в Оптину Пустынь помолиться Богу, но больная, немая, при душевном расстройстве, ничего ей не отвечала. Вот однажды ночью эта немая увидела во сне (как сама она выражалась) какого-то седенького старичка, который ей сказал: “Иди туда, куда тебя звала старушка помолиться Богу, тебе будет лучше. И я отыщу твои вещи: они лежат в доме твоего мужа, в клети за стрехой (то есть между стропильным бревном и крышею). Только сама за ними не ходи, а пошли кого-нибудь”. Вставши от сна, она почувствовала, что язык ее разрешился от онемения и душевное состояние ее улучшилось — она уже стала с родными разговаривать, чем немало удивила их. В тот же день Евдокия послала свою сестру в дом мужа поискать вещи, о коих говорил ей в сновидении являвшийся старичок. Действительно, нашли в клети — один платок за

стрехой, а четыре платка лежали на сундуке, хотя их прежде никто тут не видал. После того Грышаева со своею свекровью и соседкою старушкою Анною и с другими некоторыми приходила к Св. Пасхе в Оптину Пустынь помолиться Богу и поклониться могилке старца Макария, хотя путь был неблизкий — до 200 верст. Крестьянка эта была уже в полном здравии душевном, но чувствовала еще некоторый остаток слабости в теле»*.

Еще при своей жизни старец Макарий предрекал скитскому иеромонаху о. Исаакию (Антимонову), что он будет настоятелем в Оптиной Пустыни, хотя о. Исаакий этого не желал. И вот, после кончины архимандрита Моисея, в 1862 году, он был избран в настоятели. В первое время по кончине о. Макария порядок старчествования в Оптиной был нарушен, хотя вскоре и установился в лице о. Амвросия. Но о. Исаакий очень скорбел оттого, что он не может во всем руководствоваться от старца, как привык. «Потому, — пишет о. Агапит, — конечно, не без воли Божией скорбевший о. Исаакий чаще других братий и был утешаем посредством явлений ему старца Макария в сонных видениях. Таковых сновидений в продолжение первых сорока дней после кончины старца было ему более десяти. Но так как они все носят характер частных утешений, относившихся собственно к о. Исаакию — то они здесь и не перечисляются. Для примера приводится только одно. "Стоял я, будто бы с братиею, — так сказывал о. Исаакий, — в коридоре больничной церкви в ожидании ранней обедни. Неподалеку от меня стоял о. Паисий (иеромонах), готовившийся служить раннюю Литургию, и еще кто-то, говоривший с ним. Вдруг в главных дверях храма будто является батюшка о. Макарий, одетый в мантию, и куда-

---

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 303–305.

то идет очень скоро. Удивленный такою нечаянностью, полный до глубины души радости, я воскликнул: "Батюшка идет!" О. Паисий тоже с восторгом проговорил: "О! Воскрес!" Трепеща от радости, я побежал к нему и пал на колени, с тем, чтобы получить от него благословение. Он благословил меня несколько раз и затем приветствовал меня по обычаю монашескому — целуя в плечи. Схватив его руку, я крепко держал ее, не выпуская; а он меня еще несколько раз благословил. От избытка радости слёзы ручьем лились у меня, и я никак не мог их удержать. Затем вдруг черная монашеская одежда на батюшке изменилась в чистую, белую, и он стал невидим. Проснувшись, я трепетал от избытка радости и душевного утешения".

Оптиной Пустыни братский повар монах о. Сергий так рассказывал сон, виденный им в 1862 или 1863 году: "Представилось мне, что я вхожу в небольшую, но светлую комнату, похожую несколько на часовню над могилой батюшки о. Макария. Впереди стояла гробница, но, казалось мне, повыше и обширнее той, которая там стоит. С правой стороны от меня пред гробницею же будто стоит наш новый настоятель, о. строитель Исаакий, очень грустный, и, смотря на гробницу, говорит: "Как мы несчастны, что нет с нами батюшки! Очень бы он был нам теперь нужен". Я отвечал: "Да, батюшка, я тоже желал бы на него теперь посмотреть". После этих моих слов, смотрю, будто поверх гробницы лежит покойный батюшка о. Макарий, как бы живой, и, глядя на меня, говорит: "Пойди, пойди, посмотри! Ты желал меня видеть? Вот я! Пойди сюда!" При этом явлении о. строитель Исаакий пал пред старцем на колени и, обняв его ноги, облился слезами. А батюшка, глядя на меня, продолжал: "Пойди, пойди сюда!" Я подошел. А он говорит: "На! Целуй меня! Ты желал меня видеть". Я не осмеливался по-

целовать его, а он повторял: "Целуй, целуй меня! Ты желал". Я поцеловал. А он продолжал: "Целуй, целуй еще!" Я еще поцеловал. Старец еще и в третий раз велел мне поцеловать его. Я поцеловал и в третий раз. Наконец, обратившись к о. строителю, старец начал говорить ему с тоном укора: "О чем ты всё скорбишь? Чего тебе хочется? Ведь я с вами, постоянно с вами. Никогда не отхожу от вас. Экой ты! А еще настоятель!" О. строитель наш, действительно, в это время очень скорбел и всеми силами старался было оставить настоятельскую должность. Я же, грешный, много утешенный бывшим мне сновидением, проснулся с чувством радости".

Сновидение Оптинского монаха о. Матфея (Попова). "Не очень долго спустя после кончины батюшки о. Макария, — так говорил он, — приключилась мне чрез одного отца такая напасть, что я не знал, что мне и делать. Нигде не находил я себе утешения — просто хоть ложись да и умирай. Но вот я однажды в свое время заснул и вижу: будто пришел я к батюшке в его келлию. Он сидел на диване в белом балахоне. Лицо у него светлое и веселое. Хотел я подойти к нему, чтобы получить благословение, да как-то запутался ногами в постилках и упал к нему прямо в ноги, а на лету-то и обнял его. Затем и говорю: "Простите, батюшка, я запутался в постилках и упал". Он меня ободрил и спросил: "Зачем пришел?" Я рассказал ему свое горе. А он меня благословил и сказал: "Ничего, ничего; пройдет; это всё пройдет". Тут я проснулся, а в душе ощутил такую радость, что и выразить нельзя. Куда девалось горе? С того часа и напасть вся прошла".

Один казенный крестьянин Крапивенского уезда Тульской губернии, по имени Петр, имевший жену и детей, при жизни старца Макария коротко знавший его, с давнего времени имел стремление к подвижнической

жизни. Раз как-то он сильно увлекался помыслами оставить жену и детей, дабы ради спасения душевного проводить жизнь отшельническую. Но вот он увидел во сне покойного старца, который, будто, явился ему среди Оптинского Скита, одетый в рясу; а на голове у него была простая монашеская шапка. Подошедши к Петру, старец крепко взял его за руку своими обеими руками и, держа так, сказал: "Петр! Оставь своё намерение. Корми жену и детей. Это тебе будет полезнее. Да смотри свою гордость!" (то есть, чтобы не упускал из виду мнения о себе, что будто он жил благочестивее других). После этого сна день и ночь смущавшие Петра помыслы рассеялись как дым, и он уже спокойно проводил семейную жизнь.

Помещица г. Белёва Тульской губернии полковница Кахно, духовная дочь покойного старца о. Макария, много лет страдавшая хроническою болезнью, имела от него заповедь, как можно чаще приобщаться Св. Христовых Таин — если бы можно было, то каждый месяц. В конце 1861 года она была особенно нездорова. Телесная всегдашняя болезнь, хозяйственное неустройство и постоянная душевная скорбь уложили ее в постель. А она не всегда исполняла заповедь старца, то есть причащалась не так часто, как было ей завещано. Впрочем, делала она это не по небрежению к старческой заповеди и не по неуважению к Св. Тайнам, а единственно по недоразумению. Ей представлялось, что для приготовления к причастию Св. Таин по установленному порядку обязательно должно ходить несколько дней в храм Божий ко всем службам церковным; а не имея сил исполнять это, она приобщалась реже заповеданного ей старцем. Теперь же, при совершенной невозможности идти в храм Божий, больная, хотя изъявила желание приобщиться дома, но всё-таки смущалась. Когда же послали за священником и она уже слушала правило ко Св. При-

чащению — вдруг видит наяву — входит в ее комнату покойный старец Макарий, подходит неспешно к св. иконам, кладет пред ними три поясных поклона и тотчас удаляется. Этою нечаянною радостью Кахно до того была поражена, что во время сего видения не могла произнести ни слова. Между прочим, это послужило для нее знаком, что вынужденное необходимостью, повидимому и недостаточное приготовление к причащению Св. Христовых Таин — не зазорно. Недоразумение ее и смущение исчезли, и она с верою и в радости духовной приобщилась.

Один молодой офицер, мало веровавший старцу Макарию, после кончины его видел такой сон. “Пришел будто я, — так сказывал он, — в храм Божий, где происходило приготовление к архиерейской службе, и увидел, что какой-то благообразный муж машет мне из алтаря и говорит: “Пойди, посмотри, где покоится о. Макарий, которому ты мало верил”. Ввел он меня в алтарь, и я увидел богатую вызолоченную раку, подошел к ней и земно поклонился лежавшему в ней праведнику со слезами раскаяния в своем маловерии. “Вот, — говорил мне тот же муж, указывая на прикрепленный к стене алтаря золоченый лист, — вот тут будет изображение вашего старца. Сегодня будет служить владыка и будет величание преподобному Макарию. Скажи на клиросе, чтобы читали и пели канон угоднику Божию Макарию”. О сем писала в обитель родная сестра видевшего сон молодого офицера.

Рассказывал вышеупомянутый монах Дометий: “Както я чувствовал себя не в духе и был нездоров. Ложась спать, я очень смущался помыслами и малодушествовал насчет своего слабого здоровья. Заснувши, вижу, будто я стою пред батюшкою о. Макарием и объясняю ему свои немощи и слабое здоровье. А он, сказав на мои объяснения несколько слов в назидание мне и утешение, прибавил: “А чаёк-то внакладку пить надобно оставить.

Это не монашеское дело. Надо оставить, надо оставить". А я, признаться, привыкши с малолетства к сладкому чаю, и в монастыре всё продолжал по немощи пить сладкий чай".

Было и еще немало подобных замечательных сновидений некоторым из почитателей старца о. Макария, но, дабы не продлить очень слова, ограничимся еще одним, последним сновидением, бывшим орловскому купцу Ивану Михайловичу Немытову, который находился в близком духовном общении с Оптинскими старцами о. Львом и о. Макарием и по наставлению их проходил высокую умную молитву. "Снилось мне, — говорил Немытов, — что будто нахожусь в саду необычайной красоты. Все деревья и листья на них блистали, как бы серебряные. Тут видны были два дома. Из них один, стоявший на правой стороне, был величественный и красоты неописуемой, и из него слышался такой чудный звон, что я содрогался всеми членами и говорил сам себе: "О, если бы кто сказал мне, чьи это палаты, откуда исходит этот звон!" Тут я увидел, что из сего чудного дома вышел батюшка о. Макарий в необыкновенной славе. Я очень обрадовался ему, поклонился в ножки и просил: "Батюшка! Простите моему дерзновению, удовлетворите мое любопытство. Мне желательно знать, чей это великолепный дом?" Батюшка со свойственным ему смирением отвечал: "Божий, Божий". Я опять поклонился ему и, указывая на другой дом, который много уступал первому в великолепии, спросил: "А этот, другой дом кому принадлежит?" Батюшка ответил: "Поди спроси самого хозяина". Оглянувшись, я увидел, что из этого дома вышел покойный батюшка о. Лев. Я подошел к нему, поклонился до земли и спросил: "Желательно мне, батюшка, знать, почему этот дом менее славен и величествен того дома?" Батюшка о. Лев ответил мне: "Смирение батюшки о. Макария превзошло труды мои". Тут я

уже узнал, что первый дом — батюшки о. Макария; и, еще раз поклонившись ему, сказал: “Вот теперь-то я известился, что дом этот принадлежит вам”. Но батюшка о. Макарий опять смиренно отвечал: “Богу, Богу так угодно!” Тем сновидение мое и кончилось»*.

Много, много чудес Господних явлено было через о. Макария, и везде в них видны самые высокие монашеские качества, которые также даны были старцу Богом — любовь к Богу и ближним, терпение скорбей, разсуждение, ряд и других благодатных качеств, и всё это покрывало то, о чем в последнем приведенном нами сновидении и сказано (старцем Львом), — смирение. Многие монахи обладали смирением. Но по Житию преподобного, написанному архимандритом Агапитом, особенно ясно видно, что смирение старца Макария было весьма высоко.

---

* Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997. С. 306–309.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О СТАРЦЕ ОПТИНСКОМ ПРЕПОДОБНОМ ИЛАРИОНЕ И О ЧУДЕСАХ, БЫВШИХ В ОПТИНОЙ ПРИ НЁМ И ПОСЛЕ ЕГО КОНЧИНЫ

Св. преподобный Илларион Оптинский

Преподобный Иларион, старец Оптинский, в сонме Оптинских старцев фигура не очень «громкая». Будучи учеником смиреннейшего из смиренных монахов — старца Макария, он долго был его келейником, жил рядом, подчинялся ему во всём, всегда и с душевной радостью. И, хочется сказать, он наследовал Макариево смирение, а вместе с ним и иные духовные дары: Бог благословил. Житие его, изданное в Калуге в 1897 году, написано, как и Жития других Оптинских старцев (Макария, Амвросия, Исаакия I-го), архимандритом Агапитом (Беловидовым). В нем вырисовывается личность наставника монахов вовсе не второстепенного ряда. И чудеса, совершенные Господом по его молитвам, подтверждают это.

Житие старца вместо предисловия открывается некрологом, написанным также о. Агапитом, но в свое

время некролог этот в печать не попал. Здесь говорится: «Памятно богатство любви к ближним и долготерпения, с которыми он, в своем подвиге старчества, нес и покрывал уклонения и немощи часто строптивых и непокорных чад своих... Памятно забвение и отвержение себя и своего покоя, с коими он во всякое время, даже и в последней тяжкой своей болезни, заботился о своих чадах... Памятна его отеческая речь, скромная, тихая, но вместе с тем и его сильное и действенное слово, которым он утешал скорбящих, возбуждал унылых или обличал... Многим и многим памятны и другие проявления стяжанных смиренным старцем даров Духа, которые изливались на прибегавших к его помощи. Некоторые из сих благодатных действий старца известны многим, но несравненно большая часть их хранится сокровенно в памяти благодарных сердец, им облагодетельствованных»*.

Двенадцать лет келейник, — притом ему в Скиту приходилось, да и сам он желал этого, исполнять множество других работ. Он занимался в Скиту цветами и превратил его в дивный благоухающий сад. Ухаживал за пчелами, смотрел за парниками для огурцов. Пёк хлеб. Варил квас. Имел келейную аптечку и успешно лечил братию от более или менее легких болезней и травм. А потом — старец и скитоначальник. Никогда никаких послаблений он себе не позволял, выполняя все положенные для монаха молитвенные правила. Тридцать четыре года прожил он в Иоанно-Предтеченском Скиту (1839–1873).

Чудеса, совершившиеся по его молитвам, — это и главные штрихи к портрету его души, сущности его монашества. В них он, старец Иларион, виден во всей его высоко-

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 14–15.

благодатной красоте. Судите сами. Вот, например, он долго исповедовал в хибарке одну душевнобольную, так долго, что ожидающие начали беспокоиться. Что же оказалось?

«Пошли узнать, — пишет о. Агапит, — с кем он там был занят, и узнали, что у него в это время была на исповеди упорнейшая душевнобольная. Старец заставлял ее налагать на себя крестное знамение и говорить свои грехи, но она крепко противилась и не хотела произносить их, кричала и ругала старца грубыми, непристойными словами. О. Иларион, не обращая внимания на ее брань, добивался только того, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страждет. Наконец, после многих усилий больная созналась, покаялась и обещала выполнить всё то, что ей посоветовал старец. Отпуская, старец снабдил ее св. артосом и св. водою. Вышел старец из хибарки весьма усталый, но довольный. На вопрос, почему он так долго с нею занимался, старец сказал: "Поди ты, какая попалась злющая и сопротивная! Таких, кажется, у меня еще и не бывало. Однако, Бог помог узнать и добиться толку за что ей было попущено: хоть не напрасно трудился столько времени... — Ну уж и достались же мне от нее, — продолжал старец, — таких срамных слов от роду не приходилось мне слышать. — Вы бы ее, батюшка, оставили, когда она такая, — сказали ему. — Вот ты так говоришь, а по моему не так, — отвечал старец. — У нее ведь душа-то такая же, какая и у нас с тобою. Весь мир не стоит одной души!"»*.

Много таких больных обращалось к о. Илариону за помощью. Среди них была крестьянка Одоевского уезда Тульской губернии, много лет страдавшая беснованием, —

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 188–189.

она кричала, бранилась и обнаруживала такую силу, что несколько мужчин не могли ее удержать. Старец исповедал ее во всех грехах ее, и припадки оставили ее*. Некий приказчик из Нижнего Новгорода по внушению бесов все хотел покончить с собой. Он приехал к о. Илариону со своей матерью. На исповеди он много худого говорил о матери и делал предположения, что она прокляла его когда-то, и вот он поэтому страждет. Старец, которому Господь открыл истинное положение дела, разубедил его и заставил просить у матери прощения. Тот исполнил это и стал спокоен и здоров**.

Тридцатипятилетний купец из Тульской губернии страдал душевной болезнью, — ему казалось, что все насмехаются над ним и даже хотят лишить его жизни. От этого он и сам иногда выражал желание покончить с собой, чем приводил в ужас своих семейных. После исповеди у старца Илариона, когда тот нашел у него неисповеданный и забытый грех, он причастился Святых Христовых Таин и исцелился. «Ну, поезжай с Богом, — сказал ему старец, — теперь тебя преследовать и вязать не будут». Такой же болезнью страдал и другой купец, который из-за нее бросил и дела свои торговые. В Оптину Пустынь привезла этого купца его жена. Старец долго занимался с ним и, наконец, нашел, что в нем гнездилась вражда к отцу. На уговоры просить у родителя прощения купец возражал, обвиняя отца. И всё же о. Илариону удалось с Божией помощью склонить его на необходимое для него дело, — он примирился со своим отцом и выздоровел, стал заниматься в Москве торговлей***.

---

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 190.

** Там же. С. 191.

*** Там же. С. 193.

Еще один человек, сын купца из Белёва, страдал от безотчетного страха, так, что начал терять рассудок. Родные отправили его в Оптину Пустынь. Старец Иларион исповедал его и помог ему. Этот купеческий сын остался в монастыре и впоследствии стал монахом*. Один молодой человек овдовел и послал брата к старцу Илариону с вопросом, можно ли жениться ему во второй раз. Старец посоветовал подождать год и еще сказал, что вдовец пусть приедет в обитель, — «и мы посмотрим, не годится ли он нам». Молодой человек не послушался, женился, но жена умерла через три с половиной недели. После того он поехал уже в Оптину сам, думая получить благословение на третий брак... После беседы со старцем он остался в монастыре и поступил в Скит, а потом стал монахом**.

В Белёвском женском Крестовоздвиженском монастыре была послушница Мария, которая имела хороший голос и пела на клиросе. И вот однажды две певчие вышли из Белёвской обители и поступили в один из московских монастырей, куда они увлекли и Марию. Из них только ее, Марию, стала упрекать совесть за то, что покинула сестер, и едва ли не самовольно. С ней даже сделались нервные припадки, что и показало ей, что поступок был действительно не по совести. Узнав о ее болезни, белёвские инокини стали о ней молиться и обратились к старцу Илариону о просьбой помолиться о ней. Он сказал, что Господь силен вернуть ее назад, в Белёв, с сознанием неверности этого поступка и с раскаянием. Слова старца оправдались, Мария вернулась в прежнюю свою обитель. Это было в июне 1871 года.

---

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 193–194.

** Там же. С. 195–196.

«Когда она пришла к старцу, — пишет о. Агапит, — в хибарке было много народу; она плакала у ног старца, который с обычною любовью принял ее, говоря: “Маша! ты еще жива? Слава Богу! Верно, молитва м. игуменьи дошла до Бога”. Она сказала старцу: “Милостивый батюшка! Ежели есть подобной мне грешнице милость у Господа, спасите меня! Вся моя надежда после Бога на вас и ваши молитвы, которым я давно и вручала себя!” Старец сказал: “Милостив Господь! не отчаивайся, веруй и надейся, только бы принести истинное покаяние во всем, что тяготит твою совесть, и с помощью Божиею положить благое начало!” Старец хотел, не откладывая, заняться с больною, но с нею повторился припадок. Бывшие с нею сестры, полагая, что она не скоро придет в себя, объяснили старцу, что с нею нередко бывают такие припадки, и предлагали, не угодно ли будет старцу оставить ее до следующего дня. Но старец, внимательно и озабоченно следивший за припадком, решил не откладывать. Он велел келейнику подать св. богоявленской воды, благословил больную и дал ей выпить; больная выпила и стала спокойнее, наконец, и совсем успокоилась. Нужно было видеть, с каким сердечным участием наблюдал за нею старец! Больная на несколько минут уснула легким сном. Старец велел одной из сестер наблюдать за нею, чтобы, как только придет в чувство, исповедать ее, а сам, между тем, продолжал принимать других посетительниц, которых на этот раз было много. Спустя несколько времени больная очнулась. Старец, оставив занятия с другими, спросил ее: “Что с тобой теперь?” Она отвечала: “За вашими святыми молитвами со мною почти всё прошло, только в глазах еще темно”. — “Ты всё помнишь? можешь исповедоваться?” — спросил старец. “Всё помню, милостивый батюшка!” — и просила, если можно — исповедать ее. Старец после этого занимался с нею более часа. По окончании испове-

ди утешал ее как дитя, дал ей свои четки, своего служения просфору, св. воды и артос. Воду благословил ей пить при появлении припадка. Отпуская больную, благословил ее и сказал: "Благодари Бога: теперь будешь ты жива, а ежели бы даже и пришлось умереть, — милостив Господь! буди Его святая воля! Помни же, что лучше быть учеником ученика, нежели жить, полагаясь на свой разум и по своей воле". И, обращаясь к сопровождавшим ее сестрам, приказал, чтобы не оставляли больную. По уходе больной старец очень был утешен тем, что больная могла принесть чистосердечное покаяние, и говорил: "Сестры хотя и думают, что она не так опасна, но Бог знает? и здоровые иногда умирают, а больная, да еще в таком страдальческом положении, тем более не безопасна. Мы не знаем, что с нами может случиться и в следующую ночь или завтра...". Сестры с Марией пошли в гостиницу, где она легла отдохнуть, а они пошли ужинать. Когда они вернулись, то нашли Марию уснувшей вечным сном, "Этого нужно было ожидать, — сказал старец, — потому я и не решился вчера оставить ее без исповеди"»*.

Белёвская монахиня м. Михаила (Болотникова) вспоминала, что о. Иларион предсказал одной старой и болезненной монахине игуменство. Едва вернулась она из Оптиной в Белёв, как узнала, что владыка назначил ее игуменьей в один из Тульских монастырей на освободившееся место: там игуменья скончалась. «К этой внезапной скорби сестры владыка еще приказал, чтобы назначенная в игуменьи к Св. Пасхе была уже в Туле. Это было Великим Постом, — самая бездорожица. Сестра с этою неожиданною двойною скорбью опять приезжает к батюшке и говорит, что она теперь, по болезненному

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 241–244.

своему состоянию, не в силах выдержать такой дурной дороги, а батюшка, успокаивая ее, отвечал: «Зачем теперь? Когда будет сухо и тепло, тогда мы и повезем Макарию» (матушку так звали). Так и случилось. Владыка отложил потом приезд новоназначенной игуменьи до просухи: ее повезли в мае, и батюшкино предсказание сбылось»*.

Когда через шесть лет та же сестра, уже престарелая, вышла на покой, то батюшка говорил ей: «Смотри, чтобы тебя опять не выбрали в игуменьи!» Хотя сестры считали это за шутку, так как м. Макарии было уже за семьдесят, но ей действительно было предложено место настоятельницы. Она отказалась от этого предложения.

М. Михаила рассказывала, что она с сестрою приобрели келлию в своей обители, но батюшка сказал им, что она им будет «не прочна». Затем они пожелали обить ее тесом, покрыть железом и сделать ремонт внутри. О. Иларион и этого не одобрил, сказал, чтоб жили в ней, как она есть. Сестры настаивали, просили, и батюшка с неохотой уступил. Переделки обошлись в 300 рублей, — но вскоре сестра вызвана была в Тулу на игуменство, а м. Михаила последовала за ней, и белёвскую келлию пришлось продать. Убыток составил как раз 300 р. М. Михаила потом всю жизнь укоряла себя за ненужную настойчивость**.

Однажды эти сестры попросились у о. Илариона в поездку к святым мощам святителей Тихона и Митрофана. И наняли извозчика. К их удивлению батюшка не благословил им воспользоваться, сказав: «Подождите, еще дешевле и веселее съездите». Вскоре это сбылось. «Вовсе неожиданно съездили, — вспоминала м. Михаи-

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 216.

** Там же. С. 248.

ла, — не только дешевле, но совсем почти без всякого расхода и притом в этой поездке, за его святые молитвы, все решительно благоприятствовало к нашему утешению». На обратном пути они побывали в Оптинском Скиту у о. Илариона, и он несколько прикровенно предсказал одной из них скорую кончину. Вскоре она и скончалась от тифа*.

«Одна из духовных дочерей старца, — пишет о. Агапит, — жившая невдалеке от обители, была озабочена выкупною сделкою со своими крестьянами. Дело расходилось в сумме дополнительного платежа, каковую сумму в несколько тысяч еще при начале дела старец назначил ей взять с крестьян; она же на эту сумму никак не рассчитывала, так как крестьяне не соглашались ей дать и половину. В то время, как она в деревне вела эти переговоры, старцу случилось захворать. Это было в мае 1870 года. Я, войдя в келлию старца, благословляться съездить к помещице, чтобы узнать о ходе ее переговоров, увидела, что больной старец лежал в постели. Он слабым голосом сказал мне: "Бог благословит! можешь съездить!" — и еще более тихим голосом, как бы в полузабытьи, прибавил: "Она с крестьянами сошлась, покончили они на десяти тысячах; она мне писала". Приехав к помещице, я узнал, что она действительно накануне того дня поздно вечером уговорилась с крестьянами, которые отнюдь, впрочем, не зная об участии в этом деле старца, наконец, согласились дать именно назначенную старцем сумму. Но каково было мое удивление, когда я узнала еще и то, что старец не получал никаких сведений, ни словесных, ни письменных об этом деле, ни от помещицы, ни от кого-либо другого, что, хотя действительно помещица утром этого

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 250.

дня написала об этом письмо старцу, благодаря его за успех дела, который приписывала его молитвенной помощи, но письмо это оставалось непосланным, за неимением свободного человека... Старец, несомненно, особенным благодатным путем узнал о состоявшемся между помещицей и крестьянами соглашении на 10 тысяч рублей»*.

Другая помещица, также духовное чадо старца Илариона, страдала опасной болезнью. Она ездила в Москву, и там врачи не помогли ей. И вот она узнала, что есть в Киеве хороший доктор, и поехала туда (вероятно, не без благословения о. Илариона). Когда она выехала, кто-то, бывший тогда в келлии старца, выразил опасение по поводу недуга уехавшей и высказал вероятность плохого исхода. Старец ничего не сказал против, но был встревожен. Удалившись на 15 минут, старец помолился. А когда вернулся, то был спокоен и сказал, что болезнь помещицы без сомнения пройдет. Так и было**.

Одна женщина за семнадцать лет замужества не имела детей. Старец послал ее в Задонск и Воронеж к святым мощам святителей Тихона и Митрофана. И сказал: «Тогда на будущий год придешь сюда с ребенком». Через год она и пришла с ребенком к старцу***. Другая женщина, вернее, незамужняя девица, неискренне исповедалась о. Илариону. Он послал ее к о. Амвросию. Тот заметил ей, что она скрыла такой-то грех и велел ей снова идти к старцу на исповедь. То есть о. Иларион и о. Амвросий оба провидели о её утайке. В результате, она открылась****.

---

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 253–254.

** Там же. С. 255.

*** Там же. С. 258.

**** Там же. С. 269.

В Жизнеописании старца Захарии (Зосимы), схиархимандрита Троице-Сергиевой Лавры, составленном одной из его духовных дочерей, говорится, что о. Захария побывал в келлии старца Илариона. Когда он подошел к его дверям, то совсем неслышно, лишь про себя, сотворил Иисусову молитву. Тем не менее, старец ответил — Аминь! Когда о. Захария вошел, старец, не знавший его вовсе, спросил: «Что? матушка твоя померла? Смотри же теперь не женись, а отец твой отпустит тебя в монастырь». Замечательно, что то же самое сказал ему и о. Амвросий*.

А. Н. Т. в июле 1876 года писал, что, узнав батюшку, «начал совершенно новую жизнь во всём, как бы вновь родился; то, что прежде казалось мне непонятным и противоречивым, как в Священном Писании, так и в жизни, стало мне ясным как день... Неоднократно я замечал, что батюшка, желая мне что-нибудь сказать на пользу, по смирению своему, высказывал это не прямо, а в форме предположений или советов, так что сначала я не обращал на это внимания, но когда я заметил, что все такие его советы стали сбываться, и некоторые даже и чрез несколько лет, то я стал на лету замечать каждое его слово и по возможности сохранять в своей слабой памяти, в полной уверенности, что это рано или поздно сбудется, или, что я должен буду этими советами руководствоваться при каком-либо ожидающем меня искушении или обстоятельстве... Нам рассказывали, что, прощаясь со своими духовными детьми, батюшка приказал к отсутствующим писать прощальные письма, когда же ему напомнили о нас, то он говорил, что они сами приедут! и так несколько раз, а между тем, по сложившимся обстоятельствам, мы никак не могли выехать из дому ранее 13 сентября, хотя и знали об опасном поло-

* Старец Захария, схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры. Житие, подвиги и чудеса. М., 1993. С. 13–14.

жении батюшки, так что определенного ничего не писали ему, приедем ли, и когда можем приехать. Батюшка же, как бы вперед знал, что мы непременно приедем. 17-го сентября мы выехали из Оптиной Пустыни, а 18-го он скончался»*.

Чудес по молитвам старца Илариона было гораздо больше, чем приведено тут, но, как говорится справедливо и в Житии его, он как-то сумел бо́льшую часть их скрыть. После его кончины духовные чада его не забывали о нем. Это выразилось в частности в том, что в его честь была достроена больничная церковь во имя преподобного Илариона Великого. Храм освящен был 28 июля 1876 года, через три года после кончины старца.

Иеромонах Иларий был определен в скитское братство 14 июня 1846 года, проходил разные послушания и до ноября 1852 года был в числе келейников старца Макария, — 29 июня этого года он пострижен был в мантию. С 13 августа 1862 года — иеромонах. О. Макарий как-то сказал о нем: «Иларий не из таких людей, что, по общепринятому выражению, схватывают звезды с неба, а в дело годится». Он был назначен заведовать соборной келлией, где отправлялись общие скитские правила. В сентябре 1872 года он сильно простудился и слёг. Старец Амвросий посетил его (он был его духовным чадом) и счел необходимым причастить Святых Христовых Таин и особоровать. В эти дни один из скитских братий видел замечательный сон: будто о. Иларий лежит в темной комнате, которая была полна бесов. Вдруг сделалось смятение. Послышался голос: «Идет исповедовать!» — и бесы, проговорив: «А мы хотели было сделать его миллионером», — все исчезли. Тем объяснялся этот сон, что о. Иларий при жизни собирал деньги, как гово-

* Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Оптина Пустынь, 1993. С. 265–266.

рили в то время, на постройку келлии для своей родственницы, но, вероятно, старцу-духовнику не открывал о сем. 23 сентября о. Иларий скончался. Скитоначальник о. Иларион, тяжко в это время болевший, видел сон: идет о. Иларий в Скиту по дорожке и поет ирмос «Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок, и содержай вся: Тя поет солнце, Тя славит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех во веки» (трипеснец на повечерии в Великий Четверток). И каково же было это пение! Оно было так мелодично и так усладительно, что, казалось, было отзвуком Небесного Ангельского пения.

Примерно в то же время открыто было писание монастырского иеродиакона Кирилла, умершего в один день с о. Иларием. Это было сказание о дивном, чудесном видении, которого он удостоился тринадцать лет тому назад. Тот же архимандрит о. Агапит поместил его в рукопись «Жизнеописания почивших скитян» (в составлении этой книги о. Агапиту помогали преподобный Никон (Беляев), тогда рясофорный инок, и о. Иосиф (Полевой), скитский библиотекарь). Это сказание мы приводим здесь вполне, так как оно очень необычно и очень серьезно. Вот оно:

«Марта 7 дня 1859 года, вставши в полночь, чтобы идти в церковь к утрени, и пришедши в оную, когда братия читали полунощницу, стал я в форме на свое место и размышлял: как Спаситель наш пришел в мир сей и, воплотившись от Пресвятой Приснодевы Марии, принял столько трудов от любви к человекам. Находясь в сих мыслях и чувствованиях, я пришел в столь сильное умиление, что слёзы, как ключи воды, текли из глаз моих; при сем произнес умственно молитву Иисусову: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!” — и пришел в большее еще умиление; и любовь к Богу пылала в сердце моем как огонь. В это вре-

мя вижу я лестницу, которой один конец начинался в моем сердце, а другой досягал до Небес; и хотя видел я церковь и братию, читавших правило утреннее, а сам не мог молиться и, опустивши в форме доску, сел на оную. В эту минуту уже ничего не видел я внешнего, ни церкви, ни братии, а увидел прекрасный луг, освещенный столь лучезарным светом, что, казалось, он происходил от многих солнц, причем сей луг испещрен был цветами необыкновенной красоты. Смотря с удивлением на сей луг, которому подобного я никогда не видел, и, не постигая, как зашел на оный, увидел на нем множество мужей, кои все были в монашеском одеянии; на главах их были венцы, сияющие необыкновенной красотой (монашеское же одеяние на них было не черное, а белое, светозлатосияющее). Идя по сему лугу, увидел я другое собрание. Тут все были молодые, и одеяния на них были воинские. Когда я подошел к ним ближе, они отошли от меня и говорили между собою, как бы в один голос: "Кто из нас желает взять этого брата и довести до Царя?" Тогда один из них, воин, как бы полководец, величественного и мужественного вида, превосходивший прочих всех славою и светом, как луна между звездами, сказал: "Я возьму его и провожу, — и назвал меня по имени. —Вы знаете, — продолжал он, — как он любит меня и молится мне и что много раз я ходатайствовал у Царя за его душу?" Услышавши это, я подумал: "Кто таков этот воин, которому подобного в красоте и величии никогда я не видел, и как он знает мое имя?" Тогда воин, приблизившись ко мне, сказал: "Брат! — и назвал меня по имени. — Я знаю, что ты любишь Царя, и меня любишь, а поэтому я провожу тебя к Нему. На что я отвечал ему, что я не достоин видеть Царя, и какой это Царь, о котором говоришь? — "Ты спрашиваешь, — сказал воин, — какой это Царь, а между тем, не зная, Его любишь, а так-

же любишь и меня, хотя и меня не знаешь, а поэтому и должен идти со мною к Царю".

Не находя слов отвечать ему, я пошел за ним по тому лугу, который видел, и думал: "Какой это воин, который меня так любит и так много для меня делает?" И я хотел спросить его имя, но посовестился, и думал, что узнаю после. Спустя немного времени окончился этот луг, направо коего я увидел две высокие стены и посредине их весьма узкую дорогу. Воин пошел по этой дороге прямо, а я боялся. Заметя это, он остановился и сказал: "Брат, для чего ты боишься идти за мною? Знай, что этот страх происходит оттого, что ты не творишь Иисусовой молитвы: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного", которую всякий христианин должен творить при каждом своем дыхании".

Услышав это, я начал умственно читать сию молитву, и вдруг разлилось в душе моей великое умиление, и сама молитва начала изливаться в душе моей, и сделалось мне не только мирно и спокойно, но и сердце мое начало пылать и гореть любовью к Богу; посему весь страх и боязнь от меня совершенно отошли. Воин, остановясь, сказал: "Брат, вижу, что теперь тебе спокойно. Если хочешь всегда иметь мир, какой имеешь теперь, не должен быть ленивым, но часто творить молитву Иисусову. И всякий человек, который хранит сию молитву, очищается в душе от всякого греха и вкушает сладость любви Божией, как и ты теперь вкусил оной; но доселе ты обленялся и оставил совершенно сию молитву; посему приказываю никогда не оставлять ее и каждый вечер исповедовать духовнику все свои помыслы хорошие и худые". Сказав это, он пошел прямо по узкой дороге, а за ним последовал и я. Когда мы дошли до середины дороги, я увидел наверху стены большой крест; и воин, поклонившись три раза кресту, сказал тропарь: "Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое Воскресение

Твое славим". По учинении сего он сказал мне, чтобы и я сделал то же, что он делает, и после сего пошел далее. Продолжая путь, вскоре пришли мы к концу дороги, на краю коей увидел я великую пропасть, которая не имела конца и предела со всех сторон, а внизу оной была темная бездна. Смотря на эту пропасть, увидел в чрезвычайной дали высокие горы, досягающие неба, и чрез сию пропасть как бы мост, состоящий из одной узкой круглой жерди, не более кругом, как только в одну четверть, и укрепленную одним концом в один конец дороги, а другим досягающую до горы и колеблющуюся, как бы древесный лист от сильного ветра. Видя, что воин намеревался идти прямо по этой жерди, я смотрел на правую сторону и на левую, ища, не попадется ли прохода безопаснее этой жерди. Заметив это и упрекнув, что я не творю молитвы, и оттого опять смутился и пришел в страх, воин мне сказал: "Подай мне руку". И когда я подал ему оную, мы пошли по жерди, которая колебалась под нами как нить; отчего я, опять пришедши в смущение, не мог идти дальше. Воин, посмотрев на меня, сказал: "Брат, здесь надо призывать имя Божией Матери, Она здесь много помогает!" Услышав это, я в то же время начал взывать: "Пресвятая Богородице, помоги мне!" И вдруг боязнь, которую я чувствовал, удалилась, и я пошел за воином безбоязненно. Спустя немного (времени) пропасть эта кончилась, и мы достигли какого-то города. Здесь воин остановился и сказал: "Брат, теперь мы прошли все опасности". Я, смотря на город и видя множество дерев растущих, похожих на масличные, думал, — для кого так много растет этих деревьев? При входе в город воин хотел оставить мою руку, но я не выпускал ее из его руки и от великой любви, которую ощущал к нему, удерживал его руку. Когда мы дошли до средины города и средины горы, я, немного остановившись, смотря вокруг себя и во все стороны,

увидел пред собою еще большую гору, по которой мы пошли далее. Взойдя наверх горы, увидел я большие врата, отворенные на Восток. Воин, осенив себя троекратно знамением святого креста, приказал и мне то же сделать и пошел во врата, а за ним последовал и я. При вступлении во врата увидел я поле, которому конца не было видно, и оно расстилалось подобно небу в безконечность, и лучезарный свет в сем поле был так силен, что казалось, оно освещено было многими солнцами. Самая красота поля и цветов, коими оно было испещрено и усеяно, превосходила не только мною доселе виденное, но и ум человеческий не может вообразить подобных красот. Когда я, всё это видя, помышлял, что желал бы навсегда остаться в сих местах, воин сказал: "Брат, ты думаешь, что желал бы здесь остаться, но тебе должно еще увидеть и другие страны, несравненно лучше этих, а потом увидишь и Самого Царя!" Когда опять пошли мы далее, увидел я большое собрание мужей, число коих так было велико, что глаз не мог обозреть безчисленность оных; они были все в монашеских одеяниях, но одежды их были не черные, а светлые, а на главах их венцы; лица их сияли как солнце. Они все говорили воину: "Радуйся, святый великомучениче Георгие! Благо, что пришел ты сюда!" — "Радуйтесь и вы, — отвечал св. Георгий, — и я радуюсь видеть вас, угодники Божии". — "Святой Георгий, — сказали они ему, — ты споручник и попечитель души этой. Этот монах был прежде хорош, а теперь стал ленив к молитве". И, смотря на меня, сказали: "Брат! — и назвали меня по имени. — Как случилось, что ты прежде был усерден, а теперь стал ленив? Ты хорошо знаешь, что если человек живет на земле и 100 лет, и наслаждается всеми благами роскоши, пресыщения и удовольствия, не заботясь о душе своей, но придет час смерти, тогда (видел пропасть, через которую вы проходили?) эта пропасть по-

глощает всех, живущих в нерадении и лености, и ходящих по воле сердец своих, и пребывающих без покаяния, как ты пребываешь в лености. Разсмотри, как ты прежде был высок и с какой высоты ниспал и сделался недостойным пребывать в сих местах Царствия Небесного, в котором мы обитаем теперь". Потом, обратись к св. Георгию, сказали: "Георгий, возлюбленный Христом! Сопутствуй душе этой и доведи ее до Царя, и мы будем заботиться и молиться о ней". После этого пошли мы полем; тогда я вспомнил, как путеводитель мой в первом поле, когда я только что увидел его, говорил о мне своим собратьям-воинам: "Я знаю, как он любит меня и как молится ко мне". Вспомнив это, я упал ему на шею и, нежно обнимая, не имел сил удержать чувств моих, и долго лобызал лице его. После сего, взявши его за руку, пошел с ним далее и увидел другое собрание мужей, также в монашеских одеждах; но сияние от одежд их было так лучезарно и венцы на них блистали так светло, что я не мог смотреть на них и переносить блеска их; число сих святых было очень мало. Тогда я св. Георгию сказал: "Святой Георгий! Какие дела совершили на земле эти святые, что они столь превосходят красотою и сиянием тех, коих я видел доселе здесь?" На что св. Георгий отвечал: "Брат, это души монахов, живущих на земле в настоящее время. Они без наставников и учителей, руководствуясь только одними писаниями и учением древних Отцов и подражая им, совершили подвиги их жизни; и за то Господь прославил и возвеличил их в Царствии Своем". Тогда я сказал; "Святой Георгий! Теперь уже истощились на земле такие святые, и есть ли еще таковые в наше время?" Св. Георгий отвечал: "Очень мало теперь на земле святых, всё более злые люди. Любви нет, вместо любви ненависть; веры мало, вместо правды царствует ложь, сердца к Богу охладели, и ничего нет для них труднее, как спасение своей

души, — все любят суету. Мало, очень мало тех, которые любят спасение и заботятся, как прежние святые, о спасении души своей, а которые и любят спасение, теперь им этот путь очень тяжек и труден!" Сказавши это, св. Георгий замолчал, и мы молча продолжали путь. Спустя немного я увидел на Востоке большие палаты, подобные дворцам. Они были так пространны, что и конца им не видно было. Из этих палат разливался сильный свет, который распространялся и освещал сиянием необыкновенного света здания сих палат. Красота, архитектура, форма и размеры их были такой восхитительной и необыкновенной красоты, что ум человеческий не может вообразить такого вида, и были все как бы из чистого золота. Когда я спросил св. Георгия: "Какие это дворцы и палаты?" — он отвечал: "Царские, в которых обитает Царь". Засим подошли мы к сим вратам дворцов. Для входа во дворцы ворота были отперты. Я, подражая св. Георгию во всем, последовал за ним. Когда мы вошли во врата, то представилась нам большая ограда, со стены которой виден был весь дворец и все палаты. Прямо перед нами были другие врата. Когда мы вошли в сии другие врата, увидели большой и необыкновенной красоты коридор, который был прямо от ворот, по коему ходили множество мужей в монашеском одеянии багряного вида, как бы самая чистая кровь; в правых руках держали они кресты, а в левых — финиковые ветви. На главах их были венцы необыкновенного сияния, а лица блистали как молния. Все они подошли к нам и сказали: "Святой Георгий! Ты взял эту душу под свое покровительство; когда же приведешь ее к нам и водворишь у нас?" Св. Георгий отвечал: "Когда угодно будет Богу". В конце коридора были большие двери; они были украшены драгоценными блестящими каменьями, которым подобных я никогда не видал. Направо от дверей был образ Господа Иисуса Христа, а налево образ Божией Матери.

Святые с молниезрачными лицами сказали мне: “Брат, почему ты не подвизаешься и не трудишься для спасения души своей? Мы давно тебя здесь ожидаем”. Сказавши это, они взяли меня на руки как бы младенца и поднесли к дверям, против образа Божией Матери, и все, и я с ними, и св. Георгий запели: “Достойно есть, яко воистину”, — весь стих этого славословия Божией Матери. Когда они это пели, то каждое слово запечатлевалось в моем сердце. А по окончании пения все положили земные поклоны перед образом Божией Матери и прикладывались к образу Ее. Потом сказали мне: “Мы это делаем для тебя, чтобы ты не думал, что это видение от врага, прелесть, но что Бог, по милости Своей, благоволил удостоить тебя видеть всё это для блага души твоей”. Сказавши это, они удалились, и я остался один со св. Георгием против дверей. Двери немедленно отворились без помощи рук; великий свет пролился из дверей, и слышен был глас: “Велика милость для сынов человеческих!” Сквозь отворенные двери я увидел огромную церковь, красота и великолепие коей превосходили всё, что только может вообразить прекрасного ум человеческий. Среди церкви был престол наподобие царского, на коем возседал Сам Спаситель. Облачение на Господе было архиерейское, а на Божественной главе Его была возложена корона, наподобие венца царского. Вид Его Божественный был юный — тридцатилетнего мужа. Вокруг престола предстояло множество святых, из коих одни были в одеждах иеромонашеских, а другие в монашеских. Свет лица Господня сиял и превосходил сиянием сто тысяч солнц, или сказать более, что неисчисленное число солнц не может сравниться со светом Его Божественного лица и всего Его Божества. Свет, от лица Господня происходящий, изливался и на всех предстоящих Ему святых, и так сливался в одно целое, что невозможно было распознать отдельно сияние лика

святых, окружающих Его и освященных Его светом. Св. Георгий подошел прямо ко Господу, но я не мог последовать Георгием и, чувствуя страх, остановился. Св. Георгий, обратясь ко мне, спросил, для чего я не приближаюсь ко Господу? На что Господь сказал: "Он этого не достоин". Св. Георгий один приблизился ко Господу, и все святые, окружавшие Господа, поклонились Георгию, подобно тому, когда великий полководец приближается к царю земному, все окружающие царя кланяются ему и отдают честь. Сам Господь, когда приблизился к нему Георгий, встал с престола и, отверзши свои объятия, лобызал его чело и сказал: "Хорошо, что ты пришел ко Мне, возлюбленный Мой!" Сказавши это, Господь возсел опять на престол, а Георгий, сделав три поклона, облобызал ноги Господа и сказал: "Господи, Ты много возлюбил род человеческий и для искупления и для спасения оного пролил всю Божественную Кровь Свою; прости и сию душу и сподоби ее быть достойною приблизиться к Тебе". Господь отвечал: "Я не допущу до Себя этого монаха; он прежде был хорошей жизни, но теперь сделался ленивым. Я много даровал ему даров: другие праведники работают и трудятся для Меня 30 или 40 лет, но Я не даю им подобных даров, каковыми удостаивал этого монаха". На что св. Георгий сказал: "Господи. Ты ведаешь, каков теперь мир, каковы люди – слабые, немощные – не таковы, каковы были прежде. А когда кто из настоящих людей захочет подражать древним святым, другие, некоторые даже духовники и старцы, говорят, что теперь не то время; прошли времена, когда предпринимали такие подвиги". Господь ответствовал: "Я знаю всё, знаю, что на земле мира нет, веры мало, любви не стало; на земле царствуют ложь и ненависть; не только живущие в миру, но и монахи, иеромонахи, духовники, наставники и старцы ходят по стезям неправды и вторично Меня распинают. Я много

терпел и терплю, ожидая их покаяния и исправления. А этот брат, хотя Я ущедрял его Моею любовью, но он проводил дни в лености. И заботится душою только о временной жизни и о теле. Я много раз призывал и говорил ему; он слышал глас Мой и открывался духовнику, который говорил ему, что это глас от Бога, но он, не внимая этому и не заботясь о Моем глаголе, оставил свои прежние труды, а потому и не достоин прощения". Когда я услышал эти слова Господа, был объят таким страхом и трепетом, что с ужасом ожидал, что Господь повелит низвергнуть меня в ад; но любовь ко Господу, которая прежде наполняла мое сердце, скоро изгнала страх оный. Св. Георгии сказал: "Господи, Ты видишь, что я всю кровь пролил из любви к Тебе; ради моей крови отдай мне этого брата, прости его и удостой приблизиться к Тебе". Тогда Господь милостивым оком и веселым лицом взглянул на Георгия и, взявши его за руку, сказал: "Да будет тебе, яко же ты хощеши". Георгий встал, а Господь взял сосуд, наполненный чем-то красным, как бы кровью, и, держа его в руке, а десницею благословляя, сказал: "Возьми этот сосуд и дай этому брату". Св. Георгий взял и, подошедши ко мне, сказал: "Осени себя троекратно знамением святого креста и пей из сосуда". Когда я пил из этого сосуда, не знаю, что было в нем, но так было сладостно, что во всю жизнь я не вкушал ничего подобного, и сердце мое запылало в ту же минуту любовью к Богу. Я видел, как св. Георгий, взявши от меня сосуд, передал его Господу уже пустым; в нем не осталось уже ничего; и не стало во мне страха и боязни, и я сам, без посредства св. Георгия, приблизившись ко Господу, повергся к Божественным стопам Его и, лобызая оные, плакал несколько времени. После сего Господь сказал: "Георгий! Возьми этого брата и иди с ним на землю; он должен потрудиться, чтобы сделаться таким же, как был прежде, и очиститься, как злато в

горниле огненном; и после сего я приму его сюда. Если же пребудет в такой же лености, как был в это время, то он сам видел пропасть, которая поглощает тех, которые живут нерадиво и лениво и не трудятся для Бога, и не приносят плодов покаяния".

После сих слов Господа св. Георгий взял меня за руку, и он, и я, сотворив по три земных поклона пред Господом и облобызав ноги Его, отправились в обратный путь, и двери за нами затворились. Когда мы вошли опять в тот коридор, то все святые в багряных одеждах приблизились к нам; и когда я сказал св. Георгию, что желал бы навсегда остаться в этих местах, он мне сказал, что того сделать невозможно, потому что Царь повелел, чтобы ты прежде очищен был как злато в горниле. И святые в багряных ризах говорили мне: "Брат! Спеши очистить душу твою подвигами и трудами, и мы будем ожидать тебя; помни ту пропасть, которая поглощает живущих в лености". Просили также св. Георгия, чтобы он заботился о моей душе, обещая, что они и сами будут молиться обо мне ко Господу. После сего мы пошли далее и прошли и врата и ограду, а также и другие врата, вошли в поле, где опять увидел я тот небольшой собор святых, превосходивших прочих красотою и величием, которые были души монахов настоящего времени, И я, смотря на них прилежно, старался заметить, не увижу ли посреди них кого-либо из известных мне лиц, но не видел ни одного. А сердце мое преисполнено было такою любовью к св. Георгию, что вся душа моя соединилась с ним. Продолжая дуть и прошедши поле, мы достигли горы. Гора эта так была прекрасна, что мы долго утешались ею и, смотря на растущие на ней масличные деревья, восхищались зрением их красот; причем смотрел я со страхом и на ту пропасть, которая была под горою. Спустившись с горы, когда подошли мы к жерди, перекинутой через сию пропасть в виде моста, св. Геор-

гий взял меня за руку, и я пошел за ним без страха. Когда же достигли мы средины пропасти, св. Георгий остановился и сказал: "Брат! Видишь ли, сколькими милостями и каким благодеянием награждает Господь твою душу? Смотри, не забывай, что видел; подвизайся, не будь ленив и нерадив; приготовляй себя быть достойным опять вкусить из Божия сосуда; Матерь Божия и я будем твоими заступниками". После сего, осенив меня по лицу три раза крестным знамением, стал невидим. Я же остался один посреди пропасти на жерди, которая колебалась подо мною как нить; причем я слышал из пропасти множество голосов, которые вопили: "Пойдем, возьмем этого монаха, — называя меня по имени, — теперь ушел от него св. Георгий, и он остался один; поспешим взять его; видите, что он один хочет по узкому дереву перейти через эту пропасть!" Слышал я и гром из этой пропасти и, ужаснувшись, возопил: "Господи! Какая душа может перейти через эту пропасть без испытаний и опасностей!" Тогда услышал я с неба глас, говорящий подобно грому: "Добрые дела помогают перейти через эту пропасть, или когда Матерь Божия молится за какую душу, — тогда только душа эта спасается от этой пропасти". Услышав это, я возопил: "Матерь Божия и св. Георгий! Помогите мне, грешнику!" Тогда, пришедши в себя, увидел я опять свою церковь и братий, оканчивающих утреню»*.

В скитской летописи за 1822–1851 годы месяц ноябрь 1850 года озаглавлен: «Видение во сне о скитском иеромонахе Никоне, скончавшемся 2 октября сего года». Далее, под числом 18 ноября, Воскресенье, сообщается следующее. «48-й день но кончине иеромонаха Никона. Новопосвященный иеромонах Варсонофий скитской (посвящен во иеромонаха 29 истекшего октября), по заутрени готовясь служить раннюю Литургию, прочёл

* «Неизвестная Оптина». СПб., 1998. С. 478–497.

правило ко Причащению и по прочтении оного чувствовал усталость и склонение к малому отдохновению, к тому же и время еще оставалось до обедни, но предосторожности ради не лёг на кровать, а севши на стул, тотчас заснул. Во сне казалось ему, что в каком-то месте видит стоящих довольное число братий (Скитских и монастырских), между ими с удивлением увидел и умершего иеромонаха Никона, и думал сам в себе, как он здесь, ведь он умер! И, обратясь к братиям, сказал: "Это отец Никон!" Братия вместе с ним (о. Варсонофием) посмотрели на явившегося. На одежду о. Никона о. Варсонофий не обратил внимания, а ясно видел, что на главе его была камилавка без клобука, как обыкновенно носят служащие иеромонахи и иеродиаконы во время служения. После о. Варсонофию казалось, что сам он, сидя на чем-то лицем к Востоку, держал на руках своих младенца и поминал некоторые имена; сказавши несколько имен, произнес и имя Никона. Тогда держимый младенец, доселе молчавший, ответствовал ему: "Я Никон!" И словами своими как бы пробудил в Варсонофии желание узнать об участи его. О. Варсонофий с поспешностью спросил: "Где же ты теперь находишься?" Младенец отвечал: "В Раю". Варсонофий: "И между святыми?" — Младенец: "Между святыми". Варсонофий: "Каков Рай?" Младенец на сей вопрос, хотя общими и краткими выражениями, но сильно и внятно восхвалил красоту Рая; но подлинных слов его о. Варсонофий упомнить не мог; одно только у него в понятии осталось, что "Рай прекрасен".

Далее о. Варсонофий думал сам в себе, о чем бы еще спросить и, вспомнив о мытарствах, сказал: "А по мытарствам тебя водили?" Младенец протяжно отвечал: "Уж водили, водили! Водили, водили!" — произношением сих слов и видом своим выражал, что прошел их со многим испытанием. Варсонофий: "Как же ты избавился

от них?" Младенец: "Пришел Архангел Михаил и вывел меня оттуда". Потом о. Варсонофий еще спрашивал его о многом, и младенец на все отвечал; но того ясно и подробно припомнить не мог. Помнит только, что призывал стоящих братий, чтоб шли и спрашивали что кому нужно, говоря: "Ведь он на всё отвечает", — но братия молча стояли и никто спрашивать не подходил. Наконец, о. Варсонофий, думая, чего еще не спрашивал, вспомнил об аде и сказал: "А ад ты видел?" — Младенец: "Видел". Варсонофий: "Скажи, как лют ад?"

Казалось, что младенец не находит слов, как изобразить лютость адских мучений, и в то же время явилось пред ногами о. Варсонофия какое-то чудовищное животное, которое в странных видах изменялось: подымалось, делилось на части и после мало-помалу исчезло. О. Варсонофию показалось, что это изображение служит ответом на его вопрос, и поэтому он внимательно смотрел на все его видоизменения, мнением своим всё прилагая к страшным образам ада. Но когда обозрелся, то уже не видел более держимого младенца.

Мысль об аде более всего заняла о. Варсонофия, и он, как будто сквозь отворенную дверь вышедши к братиям, рассказывал им о лютости ада, как сам мог понять это из последнего изображения, и среди сего рассказа пробудился в некотором страхе. Тот час и будильщик пришел к нему возвестить о времени обедни»*.

В 1864 году, 29 января, в Оптиной Пустыни было необыкновенное торжество, — впервые принесена была сюда чудотворная Калуженская икона Божией Матери и совершен с нею крестный ход вокруг обители, а затем молебны и посещение этою иконой поочередно монашеских келлий в монастыре и в Скиту. Впоследствии эту святыню стали доставлять в Оптину довольно часто, и всегда это было большое духовное событие, и, как сви-

* Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

детельствует Летопись Скита — были чудесные исцеления. Историк Оптиной пишет: «Каждый раз посещение обители Царицею Небесной в святой Ее иконе составляло великое и радостное торжество для всего братства и для всего окрестного населения. Чудотворную икону встречали крестным ходом, по обычаю вносили в храм и совершали молебствия при огромном стечении богомольцев, а потом в свое время отправлялось и всенощное бдение в монастыре и в Скиту. И так как каждый из братий желал в своей келлии принять икону Божией Матери, то после всенощного бдения ее с пением и со свечами переносили из келлии в келлию в продолжение всей ночи до самой ранней обедни. Когда увозили св. икону, все братство с крестным ходом сопровождало ее до границ монастырских владений. Нельзя умолчать, что каждый раз посещение обители сею святынею сопровождалось несомненными знамениями особенной милости Божией к обители, ради всесильных молитв Богоматери. Некоторые из Оптинских иноков от чудотворного ее образа получали исцеление»*.

К оптинским чудесам относится и обретение чудотворной Ахтырской Козельской иконы Божией Матери. В Летописи Скита Оптиной Пустыни об этом записано следующее: «В мае месяце сего 1868 года иеромонах Оптиной Пустыни Марк опасно заболел сильною лихорадкою и разстройством желчи, и несколько дней сильно томился и страдал. 21 мая, в праздник Владимирской Божией Матери, видя опасное положение больного, предложили ему на другой день принять великий ангельский образ и особороваться таинством Елеосвящения, на что он с усердием согласился. В ночь на 22-е мая он после сильного томления спокойно заснул и в тихом тонком сне в первом часу пополуночи имел следующее видение.

* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1875. С. 160–161.

“Представилось мне, — рассказывал о. Марк, — будто два мужа взяли меня из келлии моей, подняли меня на воздух, долго носили по безмерному воздушному пространству и, наконец, поставили меня невдалеке от Козельска в прекрасной долине (отстоящей от Оптиной Пустыни версты три), на небольшом зеленом холмике. Очутившись здесь, слышал с правой стороны слова: “Стой тут!” Я повиновался. Мгновенно после сих слов послышался мне с левой стороны другой голос, как бы указывая на меня: “Кто это?” — “Это Марк из Оптиной Пустыни”, — отвечает спутник мой с правой стороны. “А ты кто?” — спрашивает опять тот же голос. “Я Георгий”. У меня, не знаю почему, тотчас отозвалось в душе слово “Победоносец”. А об другом лице, голос которого слышен был с левой стороны, почему-то мне казалось, что это был святитель Христов Николай Чудотворец.

После того спутник мой с правой стороны подходит ко мне довольно близко и указывает в противолежащем г. Козельске высокую башню, соединяющую собою с двух сторон ограду громадного размера, в которой группируются несколько огромных зданий, а на ней, т.е. на башне, мгновенно появилась малого размера икона Божией Матери, испускавшая из себя лучи наподобие утреннего света и озарявшая северную сторону Козельска. “Видишь ли икону? — говорит мне спутник мой. — Это икона Ахтырской Божией Матери. Молись Ей. Она исцелит тебя от лихорадки”. И спутник мой стал невидим. Я внимательно посмотрел на светоносный образ Божией Матери и сделал земной поклон. Тут же невольно припомнил себе, что недаром наш Оптинский старец батюшка о. Амвросий больных лихорадкою посылает на излечение в Ахтырку, к Ахтырской иконе Божией Матери.

Видение кончилось. Но продолжая и во сне размышлять о виденном мною, я положил в себе намерение с

наступлением утра, хоть полумертвому, отпроситься у настоятеля в Козельск — разыскать там виденную мною икону и, отслужив молебен Божией Матери, слить воду с Ее светоносного Лика; напившись этой воды, я твердо надеялся получить облегчение".

Пробудившись от сна, болящий попросил отслужить молебен Ахтырской Божией Матери, но на желание его как-то не обратили внимания, и оно осталось неисполненным. После принятия великого ангельского образа и соборования он стал было оздоравливать, но потом болезнь повторилась в усиленной степени, так что о. Марк был уже в безнадежном положении. Тогда он вспомнил о бывшем видении и стал размышлять: не за то ли наказывается болезнью, что презрел данный ему во сне совет помолиться Божией Матери пред Ахтырскою Ее иконою? Пригласив к себе старца батюшку отца Амвросия, он рассказал ему о бывшем видении.

Старец немедленно принял меры к разысканию виденной иконы, избрал для сего козельского мещанина Степана Матвеева (занимающегося в монастыре столярным мастерством), который в помощь себе пригласил козельского часовых дел мастера Ивана Афанасьева, знакомого козельским священникам. По данному наставлению они осмотрели сперва Никольскую и Георгиевскую церкви, но ничего в них не нашли, потом отправились в соседнюю с сими церквами церковь Вознесенскую, осмотрели ее внутри, но искомой иконы не обрели. Тогда Вознесенский священник припомнил, что на чердаке храма были кое-какие старые, без призрения валяющиеся святые иконы. Он в сопровождении пришедших отправился на чердак церкви, но долго проискавши, и тут не нашли иконы и уже хотели сойти вниз. Но в эту минуту священнику пришло на мысль заглянуть под балку, лежащую пред самым входом с чердака на колокольню. Опустивши туда руку, он ощутил не-

большого размера икону, взяв ее на руки и подошедши с нею к окошку колокольни, он в то же время почувствовал какой-то непонятный для него трепет. Около окна, взглянув на обретенную икону, увидел, что это была именно икона Божией Матери Ахтырская. Священник немедленно снес ее в храм и поставил на аналой. Это было 6-го июня 1868 года.

8 июня. По приглашению настоятеля Оптиной Пустыни, Вознесенский священник с обретенною святою иконою Ахтырской Божией Матери отправился в обитель, прибыл прямо в Скит к старцу о. Амвросию и в его келлии отслужил молебен Божией Матери. Потом также отслужил молебен у о. игумена Исаакия, который в это время был болен, и у болящего о. Марка. После сего икона была поставлена в соборную Введенскую в монастыре церковь, где простояла в этот день всенощную, а на другой день раннюю и позднюю Литургии. Болящий о. Марк, после молебна Божией Матери пред обретенною св. иконою, напившись цельбоносной воды с Пречистого Ее Лика, получил облегчение от тяжкой своей болезни, а потом, понемногу укрепляясь в силах, и совершенно выздоровел. Слава, честь и благодарение Царице Небесной за неусыпную бдительность и покровительство к нам, грешным.

Молва об этом происшествии вскоре разнеслась, и с того времени стало стекаться множество богомольцев в Козельскую Вознесенскую церковь на поклонение новообретенной иконе»*.

Другая запись Летописи — от 6 июня 1869 года: «В Козельске в Вознесенской церкви было великое торжество по случаю годовой памяти обретения чудотворной Ахтырской иконы. С вечера было всенощное бдение и с утра другое, после ранней обедни был молебен, поздняя обедня служилась соборне и в числе служащих был

* Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

оптинский иеромонах о. Марк, получивший в прошедшем году от этой иконы исцеление. После поздней обедни был опять молебен соборный с акафистом. Стечение народа было огромное»*.

В Оптинском Скиту среди монахов было немало подвижников, проводивших весьма внимательную духовную жизнь, любителей уединения, скромных и смиренных. Одним из таковых был схимонах Геннадий (Туманов), поступивший в Скит в 1838 году. Одно время он был главным поваром в Скиту, а помощником его — будущий старец Амвросий. А потом они как бы поменялись должностями — Геннадий стал помощником, а главным — будущий старец. Далее их пути были несколько разными. О. Геннадий, уже монах и вскоре схимонах, стал в Скиту благочинным. За смиренную и благочестивую жизнь, как пишется в его житии, он «имел особую благодать от Господа. Случалось иногда, в летнее время при бездождии, скитоначальник о. Иларион скажет ему: "Отец Геннадий! Помолись, чтобы Господь послал дождя". — "Благословите, батюшка!" — ответит о. Геннадий, и молился за святое послушание, и Господь посылал дождь. Но иногда молитва его оставалась без успеха. Тогда о. Геннадий только скажет: "Нет, должно быть, много нагрешили". Там же рассказывается о следующем случае. "За несколько месяцев до кончины Московского митрополита Филарета о. Геннадий имел знаменательное сновидение. Так он рассказывал о сем: «Стою я будто в каком-то чудно украшенном месте, наподобие храма, наполненном обильным светом, у стены. Вдруг отверзаются совне двери, входят два Ангела и ведут как бы некоего отрока. Слышу, чей-то голос говорит: "Это Филарет, митрополит Московский". Всматриваясь в черты отрока, я припоминал, как будто видел его, и находил сходство с портретом о. Филарета. Когда

* Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

же, идущие приблизились ко мне, я ощутил какое-то неизъяснимо-радостное чувство. Потом Ангелы провели отрока в противоположную сторону, которая в особенности была украшена и сияла чудным обильным светом. Тем сновидение окончилось. Об этом сне до кончины митрополита о. Геннадий никому не говорил, считая его сомнительным, так как слышал, что митрополит здравствует, между тем как сон, по мнению о. Геннадия, предвещал его кончину. По получении же известия о кончине владыки о. Геннадий уже рассказал свой сон некоторым скитским отцам»*.

Монах Иоанн вступил в Скит послушником в 1864 году, — был там поваром, садовником, занимался келейно токарным по дереву искусством. Недолго дал ему Господь подвизаться среди братии — он заболел чахоткой и в 1870 году скончался в монастырской лечебнице. Это было в четверток пятой седмицы Великого Поста, 28 марта, в субботу. «Спустя некоторое время после кончины о. Иоанна земляк его, тоже скитский монах рясофорный, о. Иоанн Побойнин, рассказывал следующее: "Сходивши однажды, по скитскому порядку, на утреннее правило и возвратившись в свою келлию, я прилег на койку отдохнуть. Не успел я еще глаза сомкнуть, как слышу под дверью голос покойного о. Иоанна. Творит обычную молитву: "Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!" Отвечаю: "Аминь!" Голос продолжает: "Благословите войти". Отвечаю: "Бог благословит". Смотрю — отворяется дверь и входит покойный о. Иоанн. Спрашиваю: "О. Иоанн! Ведь ты умер?" Отвечает: "Да, умер, но только телом". Еще спрашиваю: "Ну, как тебе там?" Отвечает: "Прежде было очень хорошо, а теперь похуже". — "Как ты проходил мытарства?" — "Милостью Божией счастливо. Но только за кутью уже и трепали меня!" Это вот почему. Когда по-

* «Неизвестная Оптина». СПб., 1998. С. 527–528.

койный был поваром, случалось, нередко готовилась кутья к панихиде по ком-либо из братий или благодетелей. Кутья эта после того относилась к повару, который до окончании обеда и по возглашении вечной памяти усопшему обносил по всем братиям, которые обычно и вкушали понемногу. О. Иоанн, как очень любивший кутью, старался по возможности оставлять для себя сравнительно в большом количестве... Вот за это-то и трепали душу его на мытарствах"»*.

В Летописи встречается немало чудесных происшествий. Вот, например, запись от 3 марта 1877 года, разсказывающая о чудесном спасении от гибели о. архимандрита Исаакия, ныне преподобного, настоятеля Оптиной Пустыни: «О. игумен наш отправился на Болховскую мельницу, и на пути в Белёве последовало с ним неблагоприятное обстоятельство. 3-го марта, когда о. игумен выезжал из гостиницы девичьего монастыря, лошади вдруг понесли, кучер упал с козел, а о. игумена в возке стало перебрасывать из стороны в сторону. Обогнув монастырь, лошади помчались по крутизнам, что за монастырем. Видя, что ему угрожает большая опасность, о. игумен молитвенно призвал великого Чудотворца св. Николая, трижды сказав: "Святителю Отче Николае, помоги!" И лошади вдруг сами остановились — в трех шагах от крутого обрыва. О. игумен возвратился в девичий монастырь, потом, отслужив молебен св. Николаю в часовне, продолжал свой путь. Сначала не чувствовал он никаких последствий от потрясения, кроме легкой боли в ноге. Но, приехавши на мельницу, два дня лежал, ничего не ел, не пил и не говорил. Возвратившись в Обитель, две недели не выходил из келлии и не служил»**.

---

* «Неизвестная Оптина». СПб., 1998. С. 383–385.

** Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

Надо знать, какие за монастырями в Белёве (мужским Спасо-Преображенским и женским Крестовоздвиженским) овраги — это трещина в земле, необыкновенной глубины, где протекает речка Белёвка, впадающая в Оку. Свалившись туда, уж вряд ли останешься цел...

Следуя хронологии, мы потом расскажем и о других чудесных случаях, описанных как в Летописи Иоанно-Предтеченского Скита, так и в обширной литературе по истории Оптиной Пустыни. Теперь же обратимся к жизни и духовной деятельности великого старца Оптинского, преподобного Амвросия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НИЩЕТА И БОГАТСТВО ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ, ВЕЛИКОГО СТАРЦА ОПТИНСКОГО

В июне 1836 года Александр Гренков, сын пономаря тамбовского села Липовицы, окончил курс семинарии. За год до этого он перенес тяжелую болезнь. Была такая минута, когда страданий стало терпеть невмочь, — он дал обещание Господу идти в монастырь, если встанет здрав от этого недуга. Однако прошло еще четыре года, в которые он занимал место домашнего учителя у одного помещика, а после того преподавал греческий язык в семинарии. Он много молился, так необычно много, что товарищи заметили это, но вместо одобрения начали осыпать его насмешками. Что делать? Он стал в свободные часы уходить в лес. Позднее старец Амвросий вспоминал, что во время таких одиноких молений в лесу подходил он к ручью и слушал его журчание. И вот ведь чудо: струи ручья ясно выговаривали слова: «Хвалите Бога!.. Храните Бога!..» «Долго стоял я, — вспоминал старец, — слушал этот таинственный голос природы

Св. преподобный Амвросий Оптинский

и очень удивлялся сему»*. В июле 1839 года будущий старец побывал в селе Троекурове у затворника Илариона, и тот сказал ему: «Иди в Оптину. Ты там нужен!» И вот, с ноября 1840 года, он уже в Скиту, где через год пострижен был в рясофор. Старец Макарий с любовью принял его. Он стал у старца келейником. Началась его монашеская жизнь. С августа 1846 года о. Амвросий, уже иеромонах, назначен был к о. Макарию помощником по духовничеству. В том же году он сильно простудился, заболел и пришел в крайнее изнеможение. С этого времени и в течение всей жизни старец Амвросий терпел недуги, но духовные его силы чудесным образом укреплялись. «С течением времени, — пишет о. Агапит, — здоровье о. Амвросия несколько поправилось, но совершенно не восстановилось, и разные недуги более или менее давали себя чувствовать уже во всю последующую его жизнь до самой кончины... Несмотря на это, он не только никогда не скорбел о своих болезнях, но даже считал их необходимыми для своего духовного преуспеяния. Веруя вполне и уразумевая собственным опытом, что “аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни” *(2 Кор. 4, 16)*, он никогда и не желал себе совершенного оздравления. И другим потому всегда говаривал: «Монаху не следует серьезно лечиться, а только подлечиваться», для того, конечно, чтобы хотя не лежать в постели и не быть в тягость другим. Так и сам он постоянно подлечивался. На столе у него потому всегда стояло много пузырьков с разными лекарствами. Доктор же приглашался только в крайних случаях»**.

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 14.

** Там же. С. 46.

Хотя и постоянно прибаливающий, но о. Амвросий нес немалые труды. Еще по поручению о. Макария он ходил на гостиницу для беседы с посетителями, монашествующими и мирянами. Кроме того, старец посылал к нему братий для беседы и исповеди. А после кончины старца Макария о. Амвросий, уже иеросхимонах, заменил его в этом качестве и поселился в том домике, где потом и жил до отъезда в Шамордино. Постепенно он стал духовным руководителем всей Оптиной. С годами увеличивался и приток мирян к его домику — слава его, как духовного наставника, прозорливца и чудотворца, разнеслась едва ли не по всей России.

Однажды старец рассказал отцам Анатолию (Зерцалову) и Клименту (Зедергольму) виденный им чудесный сон. «“Казалось мне, — так он говорил, — будто нахожусь в своей келлии. Вдруг входит ко мне какой-то человек, по виду лицо начальственное, и со властью повелевает мне следовать за ним. Выхожу из келлии. Представляется бурная темная ночь. Предо мною как будто волнуется море или большое озеро. У берега лодка, на которой сидят гребцы, но в темноте невозможно отчетливо рассмотреть их. По манию моего вожатого я сел в эту лодку, и она отчалила от берега. Сердитые волны начали перебрасывать ее как легкое перо. Я был в сильном страхе за свою жизнь. Но вот вдали, через зияющую бездну, среди непроницаемой тьмы, показался мне необыкновенный свет, и я увидел какой-то город такой дивной красоты, что во всю свою жизнь нигде и ничего подобного не видал. К нему приковалось всё мое внимание. Море, волны, буря — всё было забыто; и я был в каком-то сладостном упоении до тех пор, пока лодка причалила к противоположному берегу. Ее толчок бортом о землю вывел меня из забвения. Вышедши за своим вожатым на берег, я, по его указанию, вошел в какой-то дом, где находились два

незнакомых мне человека. Один, впрочем, приняв от меня благословение, сам назвал себя Вячеславом, князем Чешским, а другой казался мне русским князем Борисом Владимировичем; затем я вскоре проснулся". После сего рассказанного старцем сновидения отцы Анатолий и Климент ежегодно с трепетом встречали дни памяти свв. князей Вячеслава и Бориса, думая, что в какой-нибудь из этих дней батюшка о. Амвросий должен отойти в жизнь вечную. Однако опасениям этим не суждено было сбыться.

Что же знаменовало это таинственное сновидение старца Амвросия? Кажется, им обрисовалось всё его подвижническое старческое жительство»*.

В 1873 году по совету о. Амвросия его духовная дочь, бывшая помещица, монахиня м. Амвросия (Ключарева) купила дом в селе Шамордино. Она, жившая в оптинской гостинице, по совету старца стала проводить там лето с внучками. Десять лет длилось чудесное превращение помещичьего имения в женский монастырь. Старец провидел будущее этого места и к некоторому недоумению окружающих строил там церковь, приезжал со своим келейником о. Михаилом и что-то осматривал, вымеривал. Однажды даже сказал: «У нас здесь будет монастырь». Девочки, внучки м. Амвросии, подрастали, стали отроковицами. М. Амвросия хотела найти для них француженку, чтобы учить французскому языку, а также хотела начать их одевать побогаче, и через одну знакомую женщину обратилась к старцу с вопросом, можно ли это сделать. Женщина эта, богатая особа, жившая в Москве, желала помочь м. Амвросии найти ей в городе француженку, и она просила на это благословения старца, но он сказал: «Нет, ты этого не

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 128–129.

делай; детям не надо француженки. Я к ним поместил отличную благочестивую русскую особу, которая их наставит и приготовит к будущей жизни. Знаешь ли, дети жить не будут, а на место их в имении будут за них молитвенницы. Ты только этого не говори м. Амвросии». О. Амвросий побудил м. Амвросию вокруг имения купить и земли́, и ле́са, и еще дачу Руднево, а потом еще две дачи — Преображенское и Акатово. Она думала, что всё это станет приданым для внучек, когда они вырастут. По благословению старца она написала и завещание, что всё это — наследство для внучек, но старец посоветовал приписать, что в случае их кончины в Шамордине будет устроена женская община, и всё имение останется за ней. М. Амвросия и это написала, но всё еще не теряла надежды, что внучки вырастут и будут обеспечены. Девочки скончались обе весной 1883 года, и о. Агапит высказывает предположение, что они были предупреждены старцем об этом заранее, наставлены, потому что от них слышали слова: «Мы не хотим жить дольше 12-ти лет». Завещание вступило в силу и монастырь начал строиться. Он начал быстро населяться, и всё в нем делалось по благословению старца Амвросия, который определял и то, кого именно можно принимать в насельницы. Это были по большей части немощные, больные, слепые, хромые, бедные женщины. Образовал он там и детский приют для девочек-сирот, которых растили, воспитывали, устраивали в жизни, а некоторые оставались в монастыре. Шамординский монастырь с этого времени начал жить под покровительством Оптиной Пустыни.

О. Агапит приводит в своей книге множество случаев прозорливости о. Амвросия, Мы здесь и приводим их во всей полноте. «Случаи прозорливости о. Амвросия, — пишет о. Агапит, — были многочисленные и нередко поразительные...

Преосвященнейший епископ Калужский Макарий изволил передать о себе следующее. Когда он был еще мирским священником, законоучителем в Орловском институте благородных девиц, пришлось ему, вместе с о. ректором Орловской духовной семинарии архимандритом П., быть в Оптиной Пустыни у старца Амвросия. Побеседовав с гостями, старец на прощание подарил им обоим по книжке одинакового содержания, именно — о монашестве. "Я как священник, — говорил владыка, — подумал тогда, к чему мне такая книга?" И старец, как бы опомнившись, сказал: "Да, вам бы не то, — но затем присовокупил, — ну, да так и быть". По времени, овдовев, бывший священник и законоучитель, как известно, принял монашество.

Разсказывал бывший благочинный Оптиной Пустыни иеросхимонах Иларион. "Живя в миру, я ежегодно ездил в Оптину Пустынь, где в числе братства находился мой брат иеродиакон Пафнутий. В каждый из таких приездов я считал долгом быть у батюшки о. Амвросия и принять от него благословение. Однажды старец и говорит мне: "Пора к нам". Отвечаю ему: "Узы держат, батюшка, — я женат". На это старец сказал: "Еще не дозрел!" В тот же год померла моя мать, а чрез два года я поступил в Оптину. Так исполнилось приглашение старца: "Пора к нам". Вместе со мною прибыла и жена моя и жила почти 13 лет на скотном дворе монастыря. Скончалась в 1882 году, приняв келейно постриг в схиму".

Передал два разсказа иеромонах Оптиной Пустыни Паисий. "1) В прежнее время, а именно в 70-х годах, некоторые из братий посылались для сбора пожертвований на нашу св. Обитель. Посылали и меня. Однажды, перед тем как ехать, прихожу я к батюшке о. Амвросию получить его св. благословение. Благословив меня, старец, обратившись к бывшим тут братиям, сказал: "Зна-

ете ли, это человек великий — его в миру уважают. Копеечек пять с половиною он нам привезет". Поездивши, я привез настоятелю деньги, которых оказалось 550 рублей. Тогда я понял слова старца, что означало пять с половиною копеечек. 2) Назначили меня к переводу в Лихвинский Добрый монастырь вместе с иеромонахом Оптиной Пустыни о. Анатолием, который определен был в настоятеля сего монастыря. Назначено было с ним кроме меня в этот монастырь еще несколько человек из братий Оптиной Пустыни; ехать мне туда не хотелось. Прихожу к старцу и высказываю ему свою скорбь. А он и отвечает мне: "Нынче дашь подписку в согласии на перевод, а завтра приедешь обратно". Задумался я над словами старца. Но, подписавши согласие свое на перевод в Добрый монастырь, я на другой же день отправился туда. Приезжаю. Встречает меня о. Анатолий и говорит: "Не наше, брат, здесь место; поедем назад в Оптину". Так мы с ним в тот же день и уехали из Доброго монастыря обратно в Оптину Пустынь".

Рассказывал иеросхимонах Оптиной Пустыни Киприан. "С детства у меня было желание побывать на Афоне и в Иерусалиме. В 1838 году, когда мне было 22 года, я отправился в Киев и по пути заехал в Оптину Пустынь, где в то время старцем был о. Лев. Он не благословил мне ехать в Киев, сказав, что место мое в Оптиной Пустыни. Так я и остался здесь, но, прожив с полгода, принужден был возвратиться домой вследствие несогласия моих родителей на поступление мое в монастырь. После сего я прожил в миру лет 40, женился и имел детей. В 1874 году приехал я опять в Оптину, уже с семейством, поговеть. Старчествовал в это время о. Амвросий. Открыл я ему свое заветное желание побывать на Афоне и в Иерусалиме. На это он мне сказал: "Съездить туда можно, но место твое, всё-таки, будет в Оптиной". Слова старца скоро оправдались. Чрез два

года с половиной скончалась моя жена, и я поступил в Оптину Пустынь в монашество".

Передал два разсказа иеромонах Оптиной Пустыни Дорофей. "1) Пришел я однажды к старцу и долго дожидался его приема. Времени было уже десять часов вечера. Сижу я и по легкомыслию своему думаю про себя: "Вот все называют старца святым. А какая это святость, когда заставляет так долго дожидаться своего выхода. Придется из-за этого и правило вечернее опустить и утреню проспать. За всех ему грех будет". Вдруг слышу в эту минуту голос старца из его келлии: "Сейчас! Сейчас!" Смотрю, батюшка выходит. Благословивши меня, он берется за мою бороду и, слегка ударяя меня по щеке, говорит: "Вот монахини иногда по месяцу живут в гостинице, дожидаясь, пока мне придется их принять. Другая, может быть, приехала за тысячу вёрст и тоже терпит и дожидается. Их нужно вперед отпустить. Из-за них я отказываю иногда и братиям в приеме. Всех сразу я не могу принять. А ты и немного не хочешь подождать. Мне одному за всех грех будет!" Вразумленный словами старца, я после сего, спокойный и радостный, пошел от него в свою келлию и уже никогда не дерзал роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода. Замечу вообще, что иногда, бывало, и не примет старец, а между тем всё-таки уйдешь от него успокоенным и обрадованным. 2) Впоследствии я проходил послушание старшего эконома на конном дворе. Бывало, как ходишь по навозу, так за недосугом прямо и пойдешь в церковь. А некоторые из братий подшучивали надо мной: "О. Дорофей, от тебя навозом пахнет". Слова эти причиняли мне скорбь. Однажды я и говорю об этом старцу, а он мне в ответ: "Пусть смеются, еще обгонишь их, еще и нам будут завидовать". И что же? Слова старца сбылись. Давно уже я сподобился священного сана, а шутившие надо мной остались сзади".

Передал три рассказа скитский иеромонах Венедикт. "1) О себе. По окончании курса в Смоленской духовной семинарии я занял место священника в с. Чеботове Дорогобужского уезда. Имя мое было Виктор Дьяконов. Вскоре заболела моя жена, по видимому, впрочем, неопасно. Заходит в это время к нам в дом странник, который держал путь в Оптину Пустынь. Я послал с ним рубль денег для передачи батюшке о. Амвросию, прося его помолиться о болящей. По приходе странника в монастырь старец, при свидании с ним, спрашивает его: "Ты тем же путем назад пойдешь?" Тот отвечает: "Тем же". — "Зайди же опять к о. Виктору, — говорит ему батюшка, — и благодари его, что он меня помнит. Скажи, что и я его не забыл". Замечу при сем, что, будучи еще воспитанником среднего отделения семинарии, я был у о. Амвросия лично на благословении. Поступив же во священника, я всегда поминал его на проскомидии. Старец это и припомнил. "Подвиг его ждет, — продолжал старец. — Пусть возращает сад и чаще поливает, плодов много будет. Июль месяц будет для него скорбный; мы увидимся с ним". 29 июля того же года скончалась моя жена, и я отправился в Оптину Пустынь. Прихожу к старцу, а он подает мне четки и книгу "Царский путь Креста Господня" и велит готовиться к монашескому чину — продать все пожитки, какие у меня были, и подать прошение владыке об увольнении в заштат по болезни; что я и исполнил. Прибыл затем к батюшке в Скит и в непродолжительном времени был пострижен в мантию с именем Венедикта.

2) О постороннем лице. Смоленской губернии, Юхновского уезда, села Федоткова Павел Семенович Соколов по окончании курса наук в Смоленской духовной семинарии занял место сельского учителя. Несколько раз он лично у старца Амвросия просил благословения поступить во священника. Но батюшка всегда отклонял его

просьбу, советуя подождать. Прошло так два года. Павел Семенович вновь обратился к батюшке письменно, выражая желание занять место священника в городе Вязьме. Старец на этот раз отвечал ему: “Над тобою терновый венец висит, и скоро он на тебя низойдет — подожди”. Так и случилось. Спустя месяца два Павел Семенович заболел и скончался.

3) О другом постороннем лице. В городе Дорогобуже Смоленской губернии у одной благородной вдовы была единственная дочь невеста, за которую сваталось много женихов. Нередко бывали они лично у старца, чтобы испросить у него благословения на брак, но батюшка всё говорил им: “Подождите”. Нашелся, наконец, жених весьма хороший, который нравился и матери, и дочери; и потому мать лично опять стала просить у старца благословения выдать дочь в замужество. Но батюшка велел и этому жениху отказать, прибавив к сему: “У ней такой будет жених замечательный, что все позавидуют ее счастью. Вот, прежде мы встретим Святую Пасху. А как на этот день солнце весело играет! Воспользуемся зрением этой красоты, Да не забудь же ты, — припомни, посмотри!” Настал праздник Светлого Христова Воскресения. Невеста первая вспомнила батюшкины слова: “Мама! А помнишь, что нам батюшка о. Амвросий советовал посмотреть на восходящее солнышко!” Вышли. Дочь вдруг распростерла крестообразно руки и воскликнула: “Мама! Мама! Я вижу Господа, воскресшего в славе. Я умру, умру до Вознесения”. Мать была этим очень поражена и говорит: “Что ты, дитя, Господь с тобою! Не может быть этого. Ты ничем не больна, ты здорова”. Но дочь продолжала утверждать: “А я вам говорю, что умру, потому что не напрасно сказано в Слове Божием: “Не бо узрит человек Бога, и жив будет!”” Слова девицы оправдались. За неделю до праздника Вознесения Господня у ней заболели

зубы, и от этой, по видимому неопасной болезни, она скончалась".

Сообщил четыре разсказа о себе скитский иеромонах Нектарий (будущий преподобный старец Оптинский, — *Сост.*). "1) В Скит я поступил в 1876 году. Через год после сего батюшка о. Амвросий благословил меня обращаться, как к духовному отцу, к начальнику Скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины сего последнего в 1894 году. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старца нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их не достоин. На вопрос мой об этом духовный отец мой иеромонах Анатолий отвечал, что причиной сему — моя вера и любовь к старцу; и что если он относится к другим не с такою любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу, и что таков общий закон: как кто относится к старцу, так точно и старец относится к нему.

2) Помню, что года через два по поступлении моем в Скит вышло распоряжение начальства о высылке из обители всех неуказных послушников, подлежавших военному призыву. И мне, вместе с другими, монастырский письмоводитель уже объявил о высылке меня из Скита. Но к счастью моему, по св. молитвам старца, опасность эта миновалась. Письмоводитель вскоре вновь объявил мне, что я отшел от воинской повинности только на двадцать пять дней. Прихожу к батюшке и благодарю его за его молитвенную помощь; а он мне сказал: "Если будешь жить по-монашески, то и на будущее вре-

мя никто тебя не потревожит, и ты останешься в обители навсегда". Слова старца оправдались. По милости Божией я доселе живу в Скиту.

3) Как-то по внушению вражию я начал колебаться помыслом, сомневаясь в даре прозорливости батюшки о. Амвросия и в великом значении старчества в деле руководствования братии к духовной жизни. Мысль эту я затаил в себе и не открывал никому. Сомнение начало разрастаться во мне и колебать веру в старца. Но Господь чудным образом вразумил меня. В наш Скит ходил один из жителей г. Козельска по имени Капитон. Рассказал он мне, как старец по своей прозорливости советовал ему послать своего сына в Курск для приискания какого-либо дела, но за непослушание оба — отец и сын — были наказаны...

4) К сожалению, были среди братства некоторые, порицавшие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и безсмысленные речи таких людей, хотя я всячески старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров явился мне во сне духовный отец мой иеромонах Анатолий и грозно сказал: "Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью; старец за свои действия даст отчет Богу, значения их мы не постигаем"".

Передал два разсказа скитский монах Иоиль. "1) О себе. Находясь в миру, я был женат, но чрез четыре года овдовел. В это время брат мой отправился в Оптину к старцу Амвросию, и я пожелал чрез брата узнать, как старец благословит мне жить. Возвратившись, брат передал мне ответ старца: "Пусть годок подождет жениться и приедет к нам". Подумал я: не хотят ли меня сделать монахом? О поступлении в монастырь я тогда не имел намерения. Год прошел, и я вступил во второй брак, не

побывав предварительно в Оптине и не получив от старца на это благословения. Но прошло три с половиною месяца, и вторая жена моя померла. Чрез два месяца после сего я поехал в Оптину. Прихожу к старцу. Он мне и говорит: "Поди сюда. Где твоя жена? Почему ты не послушался меня?" Я отвечаю: "Простите, батюшка! Вот я приехал спросить вас о том, должен ли я жениться или поступить в монастырь?" Батюшка на это сказал: "Третьего брака нет. Прямой твой долг оставаться в монастыре и быть монахом". После этого я вернулся домой, а чрез два месяца уже совсем прибыл в Оптину и поступил в число братства в Скит.

2) О постороннем лице. Был у меня знакомый купец, жил он благочестиво, подавал милостыню и усердно посещал службы церковные. Приехал он к батюшке о. Амвросию и спросил, как ему жить. Старец дал такой ответ: "Живи как живешь. Только каждый пост приобщайся Св. Таин". Купец послушал совета старца и чрез недолгое время скончался. Кончина его была истинно христианская, со всеми напутствованиями".

Передал пять разсказов скитский монах Гурий. "1) Года через три по поступлении моем в Скит в 1887 году, приехал ко мне племянник, сын родного моего брата. Когда он пришел к батюшке о. Амвросию попросить благословения жениться, старец велел ему погодить, сказав, что ему придется еще некоторое время пожить в амбаре. Предсказание старца оправдалось. Чрез год дом брата моего сгорел, и ему с семьей и упомянутым молодым человеком пришлось во время постройки нового дома жить в амбаре. Пожар этот нанес брату большие убытки. Получивши об этом известие, я начал о сем скорбеть и открыл скорбь свою батюшке. А он, утешая меня, говорит: "Не печалься, брат твой обстроится и будет жить еще лучше прежнего". Действи-

тельно, брат выстроил себе новый дом и живет по настоящее время в большем достатке, чем прежде.

2) При поступлении моем в Скит батюшка, благословив меня, прибавил: "О. архимандриту (Исаакию) не показывайся на глаза. Иначе, как только он увидит тебя, то переведет в монастырь. Жизнь монастырскую ты не понесешь и чрез это можешь разстроиться". Помня предостережение старца, я избегал встречаться с о. архимандритом. Но вот чрез четыре года после сего, на Пасху, когда бывает общая братская трапеза в монастыре, я подхожу по окончании оной, вместе с другими братиями, под благословение к о. архимандриту, так как уклониться от сего было неудобно в это время. Взглянувши на меня, он тотчас велел перевести меня в монастырскую просфорню, обещая сделать меня там старшим. И если это не состоялось, то только потому, что сам старец принял во мне участие, и я был оставлен в Скиту.

3) Около того же времени заболел я горячкою. Болезнь усиливалась, и я уже начал опасаться за свою жизнь. Посетившие меня братия заметили, что у меня начали чернеть ногти. Сочтя это за признак приближения смерти, пошли к старцу испросить его благословения на постриг меня в мантию и схиму. Но старец не благословил, сказав, что я выздоровлю на другой день. По св. молитвам батюшки, действительно, я на другой же день почувствовал себя настолько хорошо, что мог встать с постели, и окончательно оправился. Болезнь моя продолжалась около месяца.

4) Замечательный случай был еще с скитским послушником Максимом. За неделю до кончины его батюшка начал говорить ему: "Под камнем сим лежит Ларин Максим; им бы только жить да веселиться, а он изволил на тот свет переселиться". Максим принял слова батюшки в том смысле, что его переведут в монастырь,

и очень запечалился. Я был в то время поваром, а Максим моим помощником. Начали в трапезе мыть пол. Но Максим почему-то уклонился от сего дела и ушел в свою келлию. Дело было утром. Настало время обеда, а Максим не является. Прошло еще часа три. Некоторые из братий пошли к нему в келлию, но уже не застали его в живых.

5) Был в Скиту уставщик иеромонах о. Палладий. Отслужил он однажды в скитской церкви в воскресный день Литургию, чувствуя себя здоровым. Но вот батюшка в тот же день присылает к нему келейника и велит ему немедленно особороваться и постричься в схиму. О. Палладий был этим очень удивлен и сказал келейнику, что он здоров. Батюшка еще в другой и третий раз присылает к нему келейника с тем же предложением, но тот продолжал отказываться. Наступил понедельник. Утром в этот день батюшка в четвертый и последний раз присылает к о. Палладию келейника опять с тем же предложением. Но пока он делал приготовления к соборованию, с ним сделался удар. Впрочем, хотя отнялся у него язык, однако он был в памяти. Его успели особоровать и причастить Св. Христовых Тайн. Вечером в тот же день он и скончался".

Передал три разсказа монастырский монах Геннадий. "1) Сильно смущали меня хульные помыслы. Пришел я по сему случаю к батюшке о. Амвросию поздно вечером, было уже темно. Вышел батюшка в коридор и начал поочередно благословлять братию, стоявшую на коленах. Подходит и ко мне. Лица моего он не мог видеть в темноте, но вдруг, обращаясь ко мне, говорит: "Ты что?" И начал по лицу моему гладить рукой, как бы смывая с него грязь, и затем благословил, и ничего мне не сказал. Но я внезапно почувствовал, что на душе у меня стало легко. Помыслы хульные отступили от меня, и радость наполнила мое сердце.

2) Был еще такой случай. Лет через десять по поступлении в обитель исполнял я огородное послушание. Старшим был монах Наум. Приходилось мне тогда часто обращаться с женщинами, которые нанимались для уборки огорода, и я почувствовал, что меня стали безпокоить нечистые помыслы. Опять пришел я к батюшке. Опять он выходит в коридор и начинает благословлять братию, смотрит при этом на меня и закрывает глаза свои локтем руки. Так он повторял это несколько раз. Понял я тогда, что старец провидел мою внутреннюю брань и указал мне средство против нее — хранение очей.

3) После кончины моего брата я, по благословению батюшки о. Амвросия, отправился домой и привез с собой двух сирот, племянника лет 10 и племянницу лет 7. Мальчика определил в монастырскую рухлядную, а девочку поместил в приют Шамординской общины. Спустя года полтора после этого получил я из Шамордина известие, что девочка опасно заболела. Прихожу к старцу и сказываю ему свою печаль. Старец спрашивает об этом у сестер, приехавших в тот же день из Шамордина; но они сказали, что девочке лучше, и опасности никакой нет. Так я и ушел от батюшки. Но после узнал от других, что в тот же день, по уходе от старца братии, часов около одиннадцати вечера, он вдруг подошел к иконе и начал петь: "Со святыми упокой". Оказалось, что в это самое время скончалась моя племянница в Шамординском приюте".

Передал два разсказа о себе монастырский монах Павлин. "1) Имея с юных лет расположение к иноческой жизни, я всячески желал поступить в монастырь, но никак не надеялся, чтобы согласились на это мои родители, потому что я был старший сын в семье. Отправился я с одним товарищем в Оптину к батюшке о. Амвросию для получения от него благословения и разрешения во-

проса касательно намерения моего сделаться монахом. Мне было тогда 18 лет. По приходе в келлию старца первый его вопрос ко мне был: "А родители тебя отпускают в монастырь?" Очень я удивился прозорливости старца, который в этот раз высказал мне многое, касавшееся моей прошлой жизни, о чем он ни в каком случае и ни от кого знать не мог. При этом нечто и предсказал мне, что и исполнилось со мною впоследствии. Сказал мне батюшка, чтобы я приходил в Оптину, когда отбуду воинскую повинность. Не надеялся я, что буду освобожден от сей повинности, но случилось так, что, по святым его молитвам, меня уволили по второй льготе, и я вскоре после сего поступил в Оптину в число братства. Это было в 1882 году.

2) Незадолго до кончины старца Амвросия был я у него в Шамордине. Благословив меня, он сказал: "За то, что ты не открыл мне некоторые из своих мыслей, тебе попустится искушение". Так и случилось. В том же году, простудившись при носке дров, я едва не умер и выздоровление свое отношу к святым молитвам старца обо мне, хотя его уже не было в это время в живых".

Разсказывал монастырский монах Мелетий: "Лет тридцать назад, а, может быть, и более, одна моя родственница, молодая девушка лет 17-ти или 18-ти, приходила с моею сестрою к батюшке о. Амвросию и просила его помолиться, чтобы послал ей Бог хорошего жениха. На это старец ответил: "Не безпокойся — у тебя будет жених, хороший жених. Твоей свадьбе все позавидуют". Девушка поняла эти слова в прямом смысле и весьма обрадовалась, что выйдет замуж за хорошего человека. Но что же случилось? Спустя месяц по приходе их домой она захворала и скончалась. Гроб ее несли девицы, и покойница лежала в нем, вся убранная цветами, точно невеста. Было тогда лето, день ясный, и много народу провожало ее гроб, Нельзя было

и не позавидовать такому погребению, как предсказывал старец".

Передал два рассказа о себе монах Оптиной Пустыни Мисаил. "1) Живя в миру, был я однажды очень болен. В это время я выписал из Киево-Печерской Лавры каталог духовных книг, с намерением по выздоровлении выписывать книги для чтения. Но, выздоровевши, я забыл и о каталоге, и о книгах. Лет чрез 15 после сего я поступил в Оптину Пустынь и, желая выписать новый каталог, пришел к батюшке о. Амвросию получить на это от него благословение. Но каково же было мое удивление, когда старец ответил мне: "Живи со старым каталогом". О чем он никак не мог знать.

2) Другой случай прозорливости старца. Поступивши в Оптину Пустынь в 1881 году и одевшись в послушническое платье, я пришел к старцу Амвросию принять от него благословение и, между прочим, сказал: "Хотя я и оделся, батюшка, в платье послушника, но меня всетаки не покидает мысль поехать на Афон и остаться там в числе братии". На это батюшка мне ответил: "Придет время – побываешь и на Афоне". Чрез четыре года я действительно уехал на Афон, но, пробывши там два месяца, возвратился в Оптину. Трудна показалась мне афонская иноческая жизнь. Так и пришлось мне на Афоне только побывать".

Передал три рассказа монастырский монах Гавриил. 1) У одной моей родственницы, мещанки, была дочь девица, которая ходила в Оптину Пустынь и была на благословении у старца о. Амвросия, прося его святых молитв, чтобы Бог послал ей жениха. Батюшка ей ответил, что жених у нее будет, но только не молодой, лет сорока. Действительно, к дочери ее присватался жених лет сорока, и свадьба была совершена. Это было в 1869 году.

2) В селе Перевесове Ефремовского уезда жили две девушки-родственницы. Семьи их имели хороший до-

статок. Одна, постарше, решилась не выходить замуж, а другая ждала жениха. Между прочим, пошел ей уже 24-й год, а жениха всё не было. Решились обе они пойти в Оптину к батюшке о. Амвросию, спросить его о том, как им жить. Старшей батюшка благословил оставаться девушкою и учиться грамоте, а младшей сказал, что ей приищется жених, и притом еще молодой. Так и случилось. Первая осталась девицею, а вторая вышла замуж за молодого человека.

3) Разсказывал (вышеозначенному монаху Гавриилу) покойный Оптинский монах Александр, бывший гостинник. В городе Новосиле, откуда и сам он родом, был один из лиц духовного сана, который почему-то вообще недолюбливал монахов. Но жена его, имея веру к старцу о. Амвросию, иногда приезжала в Оптину тайком от мужа. Случилось, что в доме их появилось такое множество крыс, что почти невозможно было в нем и жить. Муж послал свою жену к какому-то заклинателю, чтобы он своими заговорами отогнал от их дома крыс, но жена, не заставши дома заклинателя, отправилась в Оптину Пустынь к старцу Амвросию. В то время, как она подходила к келлии старца, он, увидавши ее, подозвал к себе и сказал: “А что, крысы тебе еще не отгрызли нос?” Упала она старцу в ноги и рассказала, что действительно крысы их одолели, и что она нарочно приехала к нему просить его святых молитв об избавлении от постигшей их напасти. Старец постарался ее успокоить. Возвратившись домой, она узнала от своего мужа, что в ее отсутствие крысы внезапно исчезли из их дома, повинуясь заговору заклинателя. Но когда она рассказала ему, что не заклинатель выгнал крыс, а святые молитвы старца Амвросия, у которого она была, муж ее раскаялся в своем заблуждении и с тех пор начал почитать батюшку о. Амвросия и вообще благоволить к монахам”.

Бывший уставщик Оптиной Пустыни иеромонах Никон, поминая час смертный, спросил как-то старца Амвросия: "Где-то мне, батюшка, придется умереть?" — "Ты ляжешь с великими людьми", — ответил старец. Года через три после кончины старца скончался и Оптинский настоятель архимандрит Исаакий, должность которого принял архимандрит Досифей, бывший настоятель Мещовского Георгиевского монастыря. Отпросившись по нужде у нового настоятеля в Петербург, иеромонах Никон там вскорости и скончался, и похоронен в Александро-Невской Лавре с великими людьми.

Сообщила три разсказа о себе монахиня Белёвского монастыря Варвара Николаевна Тереховская. "1) Бывши петербургской барышней, я с 18 и до 50 лет имела желание поступить в монастырь и томилась сердцем, что никак не могла осуществить его, более потому, что находилась под Августейшим покровительством. Посещая часто в летнее время святые места, я по неисповедимым судьбам Промысла Божиего попала в Оптину Пустынь; это было в 1876 году. Остановилась на гостинице, и проживши уже целую неделю, я только что узнала от какой-то монахини, что есть в Оптиной Пустыни, именно в Скиту, старец необыкновенный. "Нам (т. е. мне и прислуге) никого не нужно, мы приехали только Богу помолиться", — отвечала я. "Да вы только взгляните на него, какой благодатный!" — проговорила монахиня. Решилась я пойти в сосновый лес посмотреть его. Вижу, что весьма обыкновенный монах благословляет за решеткой огромную толпу народа. Не слыхавши никогда в то время о старцах, подошла я ближе посмотреть на него. Этот батюшка монах дошел и до меня, барышни петербургской, благословил и, улыбаясь, шепнул: "Тебе надо жить в монастыре". Меня как стрелой поразили эти слова, и я невольно тут же высказала при всех: "Это просто на диво всему миру, как это неизвестный мне

человек мог угадать мою постоянную думу точь-в-точь и заявить мне истину, таившуюся десятки лет в сердце моем и ведомую только Единому сердцеведцу Богу". По его святым молитвам вскоре всё споспешествовало к исполнению моего заветного желания жить в святой обители.

2) Когда настало время отправляться мне из Оптиной домой, старец при прощании сказал мне: "Ты немолодая, слабая и очень больная. Тебе надо два доктора — лечить тебя". Я в удивлении ответила: "Какие два доктора? Вы ошибаетесь: я совершенно здорова". И посмеялась словам старца. 16 августа возвратилась я восвояси. Но вот что со мной случилось. 8 сентября после обедни, выпивши чашку кофе, я попросила было другую, но вдруг, без всякой по видимому причины, сильно заболела изнурительной лихорадкой и воспалением. Пригласили доктора-немца, да и другого, придворного. Утром приезжал врач-немец, а вечером придворный доктор К. от Великой Княгини А. П. (Александры Петровны, урожденной принцессы Ольденбургской. — *Сост.*) (основавшей Киевский княжеский монастырь). Опять я видела в этом дивную прозорливость старца Амвросия.

3) Несмотря на такие случаи, могущие каждого убедить в прозорливости старца, я все-таки не имела к нему довольно веры. Тогда батюшка о. Амвросий пожелал еще сильнее убедить меня в том, что все слова его основаны на истине, и утвердить меня в вере, что он говорит и действует по благодати, пребывающей в нем. Прожила я год в одном из женских монастырей. И вот посетили меня столичные гости, которые, побывав в Оптиной, намеревались отправиться чрез Тихонову пустынь в Москву и далее. Батюшка о. Амвросий благословляет меня сопровождать гостей в Тихонову пустынь. Я отказываюсь, потому что там никого не знаю и мне там нечего делать, а более потому, что не с кем мне ехать назад, в

Оптину. Старец говорит: "Там есть кому тебя проводить — три купца вяземские, которые имеют сильное желание ко мне приехать и не решаются, в ожидании милости Божией, кто бы их наверное довел до меня; а ты будешь их путеводительницей". "Напишите им записку от себя, чтобы они поберегли меня", — возразила я. Батюшка же ответил при всех, присутствовавших в хибарке: "Да я их совсем не знаю и никогда не видал". И так я поехала с гостями петербургскими в Тихонову пустынь, смеясь и не доверяя словам старца. Как, в самом деле, возможно человеку, слабому, смертному, знать, что за 65 верст расстояния от него люди неизвестные, чужие ему, помышляют, чего желают и что намереваются делать! Однако все пророческие слова его исполнились точь-в-точь. Гости мои из Тихоновой пустыни уехали. Осталась я одна. Но пред моим возвращением оттуда не оказалось ни одного богомольца, даже и пешие все ушли, и ни одного экипажа. "Что делать, как быть? Вот что со мной сделали на чужой стороне, и не вернуться мне теперь в свою святую обитель", — прошептала я и в скорби заплакала. Подходит гостинник, рясофорный о. Николай (ныне о. Нафанаил, иеромонах), разспрашивает о причине горьких моих слез, утешает, что тут есть богомольцы, и обнадеживает достать экипаж из соседней деревни. Успокоившись от воображаемой мною скорби, я начинаю спрашивать: "Кто же эти богомольцы, — дворяне?" "Нет, — отвечает о. Николай, — простые купцы". Первая истина слов батюшки о. Амвросия. На мой вопрос: "Откуда они?" — отвечает гостинник: эти купцы недалече от нас, вяземские. Вторая истина пророческих слов старца. "Сколько их, 5-6 человек?" — "Нет, только трое". Третья истина сказанного старцем. Я согласилась с ними ехать к святому, благодатному, прозорливому батюшке Оптинскому старцу о. Амвросию и довести их до него, разсказавши им дорогою, как он духом провидел

их благое намерение и наперед сказал о них всё то, о чем было выше упомянуто. Дивны дела Твои, Господи! "Когда настанет, — разсуждали купцы, — та счастливая минута, чтоб нам всем трем увидеть благодатного старца, насладиться его беседой и излить ему все скорби сердечные и невзгоды житейские!" После же беседы с ним они вышли от него утешенные и радостные".

Разсказывала монахиня Белёвского монастыря Варвара Энгельгардт. "В 1875 году брат мой, окончив курс в Михайловском артиллерийском училище, поступил на службу офицером в артиллерию. Затем чрез два года, в 1877 году, он назначен был в состав действующей армии против турок. В то время ему было около 20 лет. Сама я тогда жила в Зосимовской пустыни Верейского уезда Московской губернии. Однажды я получила письмо от одного из товарищей моего брата, в котором он сообщил мне ужасную весть о том, что он застрелился. В страшном горе я отправилась в Оптину Пустынь к старцу Амвросию. Являюсь к нему вся в слезах, и всё разсказала. Батюшка, как мог, постарался меня утешить, На вопрос мой, можно ли мне молиться за брата, батюшка отвечал, что церковь за самоубийц не молится, но что он даст мне молитву, по которой можно мне келейно молиться за брата. Прихожу я к нему на другой день. Батюшка встречает меня радостный и объявляет, что брат мой жив и здоров. На вопрос мой: "Увижу ли я его?" — батюшка отвечал, что узнаю о нем лет через десять. Предсказание батюшкино исполнилось. Чрез 10 лет я получила из Америки письмо от брата, который извещал меня, что он жив и здоров, и просит у меня прощения, что так долго не давал о себе никаких вестей".

Часто отвечал старец на мысли людей. Примеры сего бывали на общих благословениях. Одна монахиня стала думать, как это батюшке удается руководить столько человек — оптинских, шамординских и мирян, когда у вся-

кого свои наклонности и всякому нужно указать свой путь. В тот же день старец, выйдя на общее благословение, заводит такую речь: "Вот что слыхивал я от стариков: задумала Царица Екатерина II крепостных на волю отпустить и созвала к себе на совет высших в государстве людей. Все собрались, и Царица к ним вышла; только митрополита ждут — не едет. Долго ждали его, наконец, дождались. Прибыл и извиняется, что ко времени не поспел — у Казанского собора карета сломалась. "Сел я, — говорит он, — на паперти, пока другую искали, и мудрое услыхал я слово. Гонит мимо меня мужик стадо гусей. Их-то много, а он с хворостиною один, а идут гуси ровно — ни один не отстает. Подивился я и спросил мужика, а он мне в ответ: потому я один с ними и управляюсь, батюшка, что крылья у них у всех связаны". Услышала царица это слово и говорит: "Вопрос решен — не уничтожаю крепостного права".

Другая монахиня, которой старец советовал перейти в Шамордино, но которая опасалась, что по смерти старца будет ей тут без него тяжело, долго носила в себе эту мысль, не высказывая батюшке. Вот он, в ее присутствии, и говорит на общем благословении: "Знаете ли вы, что старцы при жизни своей никогда своей обители не оставляют, неужели же отступятся от нее после кончины? Нет, — всё будут с ней, как и прежде".

Некоторым монахиням, никогда не бывши в их келлиях, старец в подробности разсказывал, где что у них стоит и где что лежит — словом, всю их келейную обстановку»*.

Архимандрит Агапит в своей книге использовал не только разсказы людей, знавших старца Амвросия, но и многочисленные журнальные материалы, в особенном

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 218–235.

изобилии появившиеся вскоре после того, как старец отошел ко Господу. К таковым и относятся несколько следующих разсказов. К старцу очень часто приезжали молодые девицы с просьбой о благословении выйти замуж, помолиться о том, чтобы нашелся хороший жених. «Приезжают к старцу из Петербурга две сестры. Младшая, невеста, с веселым настроением, старшая — тихая, задумчивая, богомольная. Одна просит благословения вступить в брак, а другая в монастырь. Старец невесте подает четки, а старшей говорит: "Какой монастырь? Ты замуж выйдешь, да не дома, вот тебе что!" И назвал губернию, куда они никогда не ездили. Обе возвращаются в столицу. Невеста узнаёт, что жених ей изменил. Это произвело в ней страшную перемену, потому что ее привязанность была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ее мысли обратились к Богу, и вскоре она поступила в монастырь. Между тем, старшая получила письмо из дальней губернии от забытой тётки, набожной женщины, жившей по соседству с женским монастырем. Она звала ее присмотреться к жизни монахинь. Но вышло иначе: живши у тетки, племянница познакомилась с человеком уже немолодым, очень подходящим к ней по характеру, и вышла за него замуж.

У одного близкого к старцу монаха из петербургского света сестра замужем за помещиком, часто посещавшим Оптину. Однажды батюшка заводит с этим помещиком такой разговор: "Говорят, около тебя имение выгодное продается — купи". Старец любил употреблять слово "говорят" для прикрытия своей прозорливости. Помещик удивился: "Продается, батюшка, и как бы хорошо купить, да это мечта одна. Имение большое, просят чистыми деньгами хоть дешево, а у меня денег нет". — "Денег? — повторил тихо батюшка, — деньги-то будут". Потом они перешли к другим разговорам. На прощанье о. Амвросий сказал: "Слышишь, именье-то купи".

Помещик отправился домой на своих. По дороге жил его дядя — богатый, но очень скупой старичок, избегаемый всею родней. Так случилось, что остановиться было негде, и пришлось заехать к дяде. Во время беседы дядя спрашивает: "Отчего ты не купишь имение, которое около тебя продается? Хорошая покупка". А тот отвечает: "Что спрашиваешь, дядюшка? Откуда мне столько денег взять?" — "А если деньги найдутся? Хочешь, взаймы дам?" Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено, и новый владелец приехал распорядиться. Не прошло и недели, как барину докладывают, что пришли купцы торговать лес. Стали говорить о цене, и они сразу назначили за лес ту цену, за которую было куплено всё имение...

Незадолго до кончины старца заехал к нему за благословением управляющий, державший путь в Петербург за небольшим наследством. Батюшка ему вдруг говорит: "Тебе не в Петербург ехать надо; поезжай на Курск". Эти слова старца очень удивили его, но из Калуги он взял билет на Курск и отправился. В вагоне он разговорился с одним помещиком. Тот имел желание идти в монастырь и искал человека, который бы взял в аренду его имение с тем, чтобы ежегодно выплачивать ему небольшое содержание. А если бы он заслужил его доверие, помещик и совсем мог бы уступить ему свое имение на очень удобных условиях. В вагоне они и сговорились...

Одна молодая девушка говорила своей родственнице, монахине, пред общим благословением: "У меня конфекты в руке, ужасно мне хочется дать их батюшке, да боюсь — неловко так без коробки". Скоро появился старец; все стали на колени. Остановившись пред молодой девушкой, он молча разжал её руку, взял конфекты и пошел далее...

Молодой крестьянин из-под Тихоновой пустыни, что около Калуги (верст 60 от Оптиной), задумал жениться,

потому что старуха мать ослабела, а других женщин в доме не было. Пошел он на праздник Успения к старцу, а тот посоветовал ему подождать до Покрова; между тем, мать очень недовольна была советом старца. Пришел на Покров, а батюшка говорит: "Обожди до Крещения, тогда посмотрим". Старуха очень разстроилась, малому покоя от нее нет. Пришел он к старцу на Крещенье и объявляет, что матерней брани терпеть не может, А батюшка ему в ответ: "Боюсь, что не послушаешь меня, а мой совет: никак тебе жениться не надо — обожди". Но крестьянин ушел и женился, а чрез два месяца после свадьбы умер.

...Старец Амвросий чаще и чаще стал посылать к прп. Тихону (в Калужскую Тихонову пустынь. — *Сост.*) одержимых различными недугами, душевными и телесными, и, без сомнения, усердно молил сего угодника Божия о низпослании чрез него помощи им, и чудесные исцеления всё чаще и чаще стали повторяться, так что многие больные уже и без указания старца Амвросия сами шли и ехали в Тихонову Пустынь помолиться и покупаться. Без сомнения, смиренный старец Амвросий поступал так, если не совсем во избежание (чего и нельзя было сделать), то, по крайней мере, ради умаления собственного прославления от своих почитателей. В подтверждение сего приведем здесь один частный случай.

Некто из высокопоставленных лиц, бывши летом 1897 года в Оптиной Пустыни у скитского старца иеромонаха Иосифа, разсказал ему следующее: когда еще был жив старец Амвросий, у гостя посетителя была жестокая боль в ногах. И так как никакие медицинские средства не помогали, то он, чрез знакомую ему помещицу М. И. Куколевскую, жившую в то время на гостинице при Оптиной Пустыни, письменно обратился к старцу Амвросию за советом, что ему делать для облегчения

тяжкой болезни. В это самое время прошел слух, что в Задонске ожидается открытие мощей какого-то подвижника Пахомия, и потому копали там землю в надежде обрести его тело. Старец чрез Куколевскую же письмом посоветовал больному съездить в Задонск, отслужить там панихиду о упокоении подвижника Пахомия, взять часть разкопанной земли с его могилы и разтереть ею больные ноги. Больной в точности исполнил совет старца, и не поддававшаяся медицинским пособиям болезнь совершенно прошла; между тем как в Задонске никаких мощей не обрели.

Впрочем, не всегда так прикровенно действовал старец Амвросий. По данной ему благодати Божией исцелял он и непосредственно, и таких примеров, можно сказать, было безчисленное множество. Приведем здесь выдержку из статьи А. А. Шишковой: “Читая разные описания об Оптинском старце о. Амвросии, не могу я умолчать о бывшем от него мне исцелении и о прозорливости его, которым была сама свидетельницею. Достоверно известно, что подобных примеров можно насчитать тысячи, ибо не только иногда, но и ежедневно старец проявлял их при каждом посетителе. Этим так и прославился сей праведный старец Божий, чистый душою, крепкий верою и любовью к Богу и ближним. Как отрадно было бывать в его тесной маленькой келлии, как в Оптинском Скиту, так и в Шамордине! Не могу вспомнить без слёз о милостивом, веселом лице батюшки и о его приветливом голосе. В 1877 году я очень хворала, почти год, сильною горловою болезнью, вследствие давнишней простуды на вершине снеговых Пиренейских гор, едва могла глотать одну жидкую пищу. Жила я тогда в деревне и лечилась. Доктора, видя, что болезнь моя усиливается, посоветовали мне ехать в Москву, созвать консилиум и жить за границей в теплом климате. В это время в соседний женский Троекуровский монастырь

приехала г-жа Ключарева, жившая со своими внучками при Оптиной Пустыни, где вблизи у нее было свое имение. Узнав, что я так хвораю, она предложила монахиням того монастыря передать мне ее совет — обратиться к Оптинскому старцу о. Амвросию письменно и просить его молитв, ибо знала всю чудодейственную силу их. Сначала я не обратила внимания на эти слова. Но, видя ухудшение своего болезненного состояния, решилась написать старцу (хотя и не знала его), прося его молитв за меня, болящую. Батюшка скоро мне ответил: "Приезжай в Оптину, ничтоже сумнясь, только отслужи молебен Спасителю, Божией Матери, св. Иоанну Воину и свт. Николаю Чудотворцу". Предложение поехать в Оптину меня сильно устрашило, ибо я знала, какой трудный и длинный путь предстояло мне совершить... По приезде в Оптину я просила узнать у батюшки в Скиту, когда могу к нему приехать. Он приказал мне сказать, чтобы я сейчас отдыхала, а на другой день пошла бы к обедне и оттуда к нему. Едва могла я ходить, но всё это я исполнила за молитвами старца, видимо подкрепившего меня. Когда я взошла к батюшке в комнату с г-жею Ключаревою, она, вставши перед ним на колени, начала со слезами просить: "Батюшка! Исцелите ее, как вы умеете исцелять". Сильно старец разгневался на эти слова и приказал г-же Ключаревой немедленно удалиться. Мне же сказал: "Не я исцеляю, а Царица Небесная; обратись и помолись Ей". В углу комнаты висел образ Пресвятой Богородицы. Потом он спросил, где болит горло. Я показала правую сторону оного. Старец с молитвою три раза перекрестил больное место. Тут же как будто некую бодрость я получила. Приняв благословение батюшки и поблагодарив его за милостивый прием, я удалилась. Прихожу в гостиницу, где меня ожидал муж и одна знакомая дама, В. Д. Мусина-Пушкина. При них-то я попробовала проглотить кусочек хлеба,

чтобы удостовериться, лучше ли мне стало за молитвами старца. Прежде я не могла глотать ничего твердого. И вдруг — какая же была моя радость! — я без боли, очень легко, могла всё есть, и до сих нор ни разу боль не возвращалась, — вот уже прошло тому 15 лет...".

Затем предложим вниманию читателей разсказ г-жи Варвары Дмитриевны Мусиной-Пушкиной. Вот ее собственные слова: "Позволяю себе изложить, как умею, разсказ о благодеянии Божием, оказанном моему сыну по св. молитвам досточтимого старца Оптиной Пустыни отца Амвросия, которое вспоминаю с глубоким чувством умиления и благодарности к почившему любвеобильному молитвеннику. 27 мая 1878 года четырнадцатилетний сын наш Дмитрий заболел непонятным для нас недугом: страданием уха, головы и челюстей, с сильною течью из правого уха и жаром, доходившим по временами до 40 градусов. При этом он лишился слуха. Ночью он стонал, кричал от боли и бредил. Его сон был безпокойный, прерывистый, но часто ночи проходили совсем без сна. Мы приписывали эти страдания внутреннему нарыву в ухе и очень боялись последствий. Приглашенный доктор — специалист по ушным болезням г. Беляев — по тщательном осмотре больного объявил нам, что у нашего сына очень серьезный случай ушного катарра, происшедшего вследствие воспаления среднего уха, и что этот упорный катарр произвел прободение барабанной перепонки. Эта болезнь признается неизлечимою. Доктор Беляев, между прочим, стал нас утешать, говоря, что надежда есть на молодые годы больного, что в этой болезни необходимо большое терпение, что в отдалённом будущем можно надеяться на поправку и пр. Присутствие же нарыва он положительно отрицал. После двух недель то усиливающихся, то ослабевающих страданий доктор посоветовал нам перевезти нашего сына в деревню...

24 июня мой муж предложил мне ехать всей семьей помолиться и поговеть в Оптину Пустынь и там попросить благословения и святых молитв старца о. Амвросия. Уезжая, мы поручили больного сына попечению учителя и старой няни, которые оба его любили и в которых мы были уверены. Приехав 26 июня в Оптину Пустынь, муж мой, две дочери, племянник, воспитанница наша, горничная и я — все мы отправились в Скит к о. Амвросию и передали батюшке о состоянии нашего больного сына, переносившего нестерпимые муки, и просили его св. молитв о болящем. Батюшка спокойно ответил нам, приветливо улыбаясь: "Ничего, ничего, — успокойтесь, всё пройдет; молитесь только Богу". Каждый день мы стали посещать о. Амвросия, и батюшка был настолько милостив, что беседовал с нами подолгу и тем подкреплял нас всех, говоря, что "молитва родителей доходна до Бога: веруйте только в Его милосердие и молитесь, а Господь вас услышит". Мы говорили ему, что не надеемся на свои грешные молитвы, а уповаем на его ходатайство и св. молитвы. Он дал нам понять, что Господь нас обрадует. По совету и благословению старца мы пробыли в Оптине еще три дня, чтобы поговеть. Исповедь у него оставила в нас глубокое впечатление. Отговев и причастившись Св. Христовых Таин в самый день памяти святых апостолов Петра и Павла, мы еще были у батюшки, и опять, по его благословению, остались еще на три дня, несмотря на то, что получали об сыне неудовлетворительные известия. Батюшка каждый день повторял: "Не безпокойтесь, Господь вас утешит, веруйте только в Его милосердие"...

Мы пустились в обратный путь домой к сыну... Не доезжая двух верст до нашего имения, мысли мои были прерваны внезапной остановкой нашего экипажа. Воспитатель нашего сына на всем скаку подъезжал к нам, и в эту минуту я подумала, что, верно, всё кончено, и его

уже нет на свете... Но воспитатель Г. М., которому больной наш был поручен, объявил нам с необычной радостью, что с больным нашим сыном произошел какой-то необыкновенный случай или кризис, и что он в настоящее время совершенно здоров. “Здоров?” — ушам не верилось. “Да, — повторил он, — слава Богу, Дмитрий совершенно здоров”. В коротких словах он передал нам, как чудесное выздоровление совершилось... Трудно передать то, что мы почувствовали при этом известии. Слезы радости и глубокой благодарности к Господу текли из глаз наших. В душе мы горячо славили и благодарили Бога и любвеобильного молитвенника о. Амвросия... Мы пригласили докторов на консилиум, и г. Беляев, после долгого осмотра нашего сына, не мог определить, в каком именно ухе было прободение барабанной перепонки, и только после того, как мы указали ему правое ухо, он заметил небольшой рубец и должен был признать это дело сверхъестественным... ”.

Московская учительница г-жа М. П-а, рожденная княгиня Д-ая, имела к старцу великую веру. Ее единственный сын был при смерти от брюшного тифа. Оторвавшись от него, она полетела в Оптину и умоляла батюшку помолиться о сыне. “Помолимтесь вместе”, — сказал ей старец, и оба стали рядом на колена. Чрез несколько дней мать вернулась к сыну, который встретил ее на ногах...

Государственная крестьянка села Манаенок Лебедянского уезда Тамбовской губернии Анисья Ф. Манаенкова имела такую сильную боль в пояснице и нижней части живота, что не могла ни ходить, ни лежать. Медицинские средства не помогали. По освидетельствовании больной акушерками признано было, что у нее внутри язва. Почему и советовали ей ехать в Москву для операции, если только она желает остаться в живых. Но она предварительно приехала к старцу Амвросию, чтобы по-

лучить от него благословение на эту поездку, и скоро была им принята. “Дурка! — сказал старец. — Зачем в Москву? Я травки дам”. Вскорости выслал он ей с одним монахом травы. Стала она пить ее, и болезнь прекратилась.

В бытность летом 1898 года Оптинского иеромонаха о. Венедикта в Калужской Тихоновой пустыни, дворянка Данковского уезда Рязанской губернии девица Марья Тимофеевна Турчанинова передала ему записку, в которой ею объяснено, что с самого детства страдала она кровотечением из носа, но в 1890 году исцелена была старцем о. Амвросием»*.

Разсказов о прозорливости о. Амвросия и чудесных исцелениях по его молитвам, как и о других случаях, в книге, написанной архимандритом Агапитом, много, и все они значительны и ярки, — само их изобилие убеждает в их подлинности. Мы продолжим выписки.

Разсказ монахини Тереховской. «В 1881 году генеральша Соколова, приехавши на станцию г. Мценска и не заставши поезда, слышит всхлипы и рыдания, а затем и видит орловскую даму, богато одетую, заливающуюся слезами. “Не могу ли я облегчить ваше горе?” — спросила Соколова. «Я никого не знаю в этом г. Мценске, а дело у меня очень важное. Дочь моя, — говорила плачущая дама, — лежит три года больная. Доктора не в состоянии помочь ей. Явился ей монах, не во сне, а въяве, и сказал: “Ты обманула угодника Божия Николая Чудотворца, обещалась съездить к нему помолиться и не исполнила, вот и лежишь теперь. Сними мерку с твоего роста, попроси, кто бы за тебя поставил ему свечу, заказанную в твой рост, когда сгорит эта свеча, тогда и ты выздоровеешь”. Вот я, мать ее, для того и приехала

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 236–262.

сюда, в г. Мценск». Генеральша Соколова отвезла эту даму в Никольский собор в своем экипаже, заказала в рост ее дочери огромную толстую свечу, которую потом вставили в железо и прибили к полу. Свеча сгорела, и больная барышня, по проречению монаха, выздоровела. По времени генеральша Соколова при свидании с упомянутою дамою и выздоровевшею дочерью показала им фотографию батюшки о. Амвросия, и выздоровевшая девица и мать ее заявили, что не кто иной избавил страдавшую от болезни, как этот монах, на карточке изображенный, который назвал себя Амвросием".

Передавал вышеупомянутый скитский иеромонах о. Венедикт: "Г-жа А-Д. Карбоньер была тяжко больна и лежала на одре несколько дней, не вставая. В одно время она увидела, что старец Амвросий входит в ее комнату, подходит к постели, берет ее за руку и говорит: "Вставай, полно тебе болеть!" И потом в виду ее скрылся. Она в то же время почувствовала себя настолько крепкою, что встала от болезненного одра своего и на другой день отправилась пешком из г. Козельска в Шамордино (где проживал тогда батюшка) поблагодарить его за исцеление. Батюшка ее принял, но разглашать об этом до кончины своей не благословил".

Упомянутый выше монах Гавриил передал разсказ шамординской монахини Анастасии Карповой, скончавшейся несколько лет тому назад: у одного богатого помещика служил на жаловании бедный дворянин, имевший большую семью. Когда же помещик продал свое имение, новый владелец отказал дворянину в занимаемой им должности, и положение его сделалось очень затруднительным — нечем было жить и содержать себя и семью. Возложивши всё упование на Бога, бедняк решился все же идти за советом в Оптину, к батюшке о. Амвросию. Вскоре затем видит он в окно какого-то странника в монашеской шапке и с палочкой. Любил он

принимать странников, и поэтому тотчас пригласил его к себе. Угостил чем Бог послал, разсказал свое горе, упомянул и о том, что собирается к старцу Амвросию. Странник сказал, что о. Амвросий переехал из Оптиной в Шамордино и посоветовал ему не откладывать своих сборов; сказал еще при этом, что если он будет медлить, то не застанет о. Амвросия. Посидевши, странник пошел в путь. Но так как смеркалось, то хозяйка посоветовала мужу догнать его и пригласить переночевать у них. Но странника ни на дворе, ни на улице не оказалось, и нигде найти его не могли, что их очень тогда удивило. Вскоре дворянин пришел в Шамордино и к великому своему удивлению, увидевши старца Амвросия, признал в нем того самого странника, который незадолго пред тем посетил их дом. Дворянин упал ему в ноги и намеревался было разсказать ему о том, как он видел его в своем доме в виде странника, но старец сказал: "Молчи! Молчи!" Затем, указав на какую-то барыню, стоявшую тут же в его приемной келлии, сказал: "Вот у ней будешь служить и успокоишься". Барыня эта была богатая помещица и дала ему хорошее место в своем имении.

Монахиня Каширского женского монастыря Тульской губернии Илариона Пономарева (племянница бывшего скитоначальника Оптиной Пустыни иеромонаха Илариона) передавала о себе письменно следующее: "Будучи сильно больна, дня за два до Николина дня (6 декабря 1888 года), я скорбела и плакала о том, что в настоящий праздник по болезни буду сидеть в келлии, не имея возможности пойти в храм Божий. И так сильно вся я разболелась, что в девять часов вечера легла в постель и заснула. Но вот вижу во сне: подходит ко мне батюшка о. Амвросий и говорит: "Что ты прежде времени скорбишь?" С тем вместе он так сильно ударил меня в правое ухо, что у меня кровь потекла из него. "Ступай, — прибавил он, — в церковь, дура, на праздники!"

Проснувшись, я увидела, что подушка, на которой я лежала, и халат, в котором была одета, были залиты кровью. Но в тот же час я почувствовала себя совершенно здоровою, и следов болезни моей не оставалось".

Разсказывал монах Оптиной Пустыни Порфирий: "Однажды приехал к старцу крестьянин Тульской губернии, который страдал от пьянства, и так как не мог отстать от этой пагубной привычки, то хотел несколько раз наложить на себя руки. Пришел он к батюшке, а говорить ничего не может. Но старец сам в обличение сказал ему, что он страдает от винопития за то, что, еще будучи мальчиком, крал деньги у дедушки, который был церковным старостою и на эти деньги покупал вино. Дал ему травки, чтобы пил дома. Крестьянина этого я знаю; он от запойства избавился и до сих пор жив и здоров".

Петербургский житель Алексей Степанович Майоров, чрезмерно пристрастясь к курению табаку, чувствовал от этого вред для своего здоровья. Когда советы петербургских его друзей против этой страсти оказались безуспешными, тогда он письменно обратился к старцу Амвросию, прося заочно у него совета, как бы отстать от этой страсти. В ответ на эту просьбу старец прислал Майорову письмо от 12 октября 1888 года, в котором было написано следующее: "Пишете, что не можете оставить табак курить. Невозможное от человек — возможно при помощи Божией; только стоит твердо решиться оставить, сознавая от него вред для души и тела, так как табак разслабляет душу, умножает и усиливает страсти, омрачает разум и разрушает телесное здоровье медленной смертью. Раздражительность и тоска — это следствие болезненности души от табакокурения. Советую вам употребить против этой страсти духовное врачевство: подробно исповедайтесь во всех грехах с семи лет и за всю жизнь и причаститесь Св. Таин, и читайте ежедневно, стоя, Евангелие по главе или более, а когда на-

падет тоска, тогда читайте опять, пока не пройдет тоска; опять нападет — и опять читайте Евангелие. Или вместо этого кладите наедине по 33 больших поклонов, в память земной жизни Спасителя и в честь Святыя Троицы". Получив с почты письмо, Алексей Степанович прочитал его и закурил папироску, как объяснял о сем в особой своеручной записке, но вдруг почувствовал сильную боль в голове, а вместе и отвращение к табачному дыму, и ночью не курил. На другой день принимался по привычке, но уже машинально, закурить папироску четыре раза, а дым глотать не мог от сильной боли в голове. И отстал от курения легко, между тем как в предшествовавшие два года, как ни принуждал себя отвыкнуть от курения, не мог, и хотя сделался болен, но все-таки курил по 75 раз в день. "Вот тогда-то, когда стал чувствовать свою болезнь и познал свое безсилие к искоренению этой страсти, обратился я, — пишет Майоров, — заочно, по совету добрых людей, к старцу о. Амвросию, с искренним раскаянием и просьбой его молитв обо мне. Затем, когда я приехал к нему, чтобы лично его благодарить, он коснулся палочкою больной головы моей, и я с тех пор боли в голове не чувствую никакой".

...Теперь предложим вниманию читателей два случая, как старец Амвросий избавлял людей от вражеских искушений. Разсказывал иеромонах Дорофей. "По поступлении моем в 1874 году в Оптину Пустынь мне поручено было поварское послушание. Прошло полгода, и вот в келлии моей начались по ночам вражеские страхования. Представлялось мне, будто ко мне приходит какой-то старик, который невнятно произносит молитву; посуда в келлии гремела без всякой причины, кровать моя тряслась, и на меня наваливался враг. А когда, бывало, при этом от страха я закричу или вздохну, то слышу явственно голос и слова: "Уж хуже этого нет, ох!" Пошел я

сначала к о. Анатолию и разсказал ему о вражеских страхованиях, но тот послал меня к батюшке о. Амвросию. Старец, выслушав меня, сказал, что бояться я не должен, а для отгнания вражеского страха должен произносить молитвуИисусову. После сего все страхования прекратились, и я всегда спокойно оставался в келлии.

Монахиня Ртищевского монастыря Киевской губернии Паисия писала о себе Оптинскому старцу о. Иосифу в апреле 1898 года следующее: «У меня были хульные помыслы на св. Церковь и св. иконы. Я писала батюшке, что мысленно грешу, а чем именно — не объясняла. Когда же к старцу приехала, он тотчас позвал меня и будто хотел со мною заняться. Я стала пред ним по обычаю на колени. А он размахнул сначала свои левую руку и ударил меня в левую щеку слегка, потом правою ударил в правую щеку покрепче; наконец, как что-то поговорил сам с собою, так больно ударил меня в левую щеку, что в глазах у меня потемнело, и я упала. Откуда только старец силы взял. Затем он ушел, а я, едва опомнившись, поднялась и ушла из хибарки. Думаю себе: "Ничего! Вот так старец! За что прибил? Ну, да только он и видел меня. Больше я к нему не пойду". Пришла в номер, разделась и легла. Со мною сделались жар и лихорадка. Приходит товарка, которая со мной приехала. "Что, — говорит, — с вами? Отчего вы ушли?" "Заболела", — отвечаю ей. Она на другой день идет к батюшке, а я лежу больна. На третий день она зовет и меня с собой к старцу. Я опять не хотела идти. Но у меня появилась какая-то жалость к батюшке, и я скоро встала и пошла. При свидании с ним, он мне ни слова — почему я не приходила к нему в прошедшие дни, и отчего я больна; и я ему ни слова. Домой же возвратилась я с великою радостью и спокойствием, да и думаю: куда же это мои хульные помыслы девались? Тогда только и поняла, что старец меня бил, — этим врага от меня отгонял. Я радуюсь ду-

хом, что наш батюшка во святых. Когда я отправляла к вам это письмо, я вспомянула его отеческую любовь, и такое сильное охватило меня чувство, что я заболела и три недели была больна горячкой, меня приобщили... В это время я видела во сне батюшку, будто занимается с народом в церкви, и так скоро сказал мне: "Я был жив, и есмь жив, я не забыл тебя и скоро позову"»*.

У одной женщины умерла мать-старушка. «С нею случился удар, — рассказывала она, — вследствие чего она осталась без языка. Впрочем священник успел ее особоровать и приобщить Св. Христовых Тайн. Меня смущала мысль, в полной ли она была при этом памяти. Схоронив ее, я тотчас же поехала к старцу. Меня к нему позвали. Не дав еще мне переступить порог келлии, батюшка спросил с беспокойством: «Что с тобой случилось?" Я сказала, что у меня умерла мать, завтра ей девятый день и высказала при этом, что меня тревожило. "Она была в полной памяти, — утвердительно сказал старец, — иначе священник не приобщил бы ее". И напомнил мне одно обстоятельство при смерти моей матери, ясно доказывавшее, что умирая, она была в памяти, мною же это упущено было из вида. Тогда я совершенно успокоилась, удивляясь прозорливости старца".

Та же женщина приехала к старцу в другой раз. "Батюшка обличил меня на общем благословении, — говорила она, — и как! Вышел он по обычаю к нам в хибарку и сел на диванчик. Нас было не особенно много. Ближе всех к нему стояла на коленях одна пожилая и всеми уважаемая монахиня, давнишняя духовная дочь старца. Батюшка взял ее голову себе в колена и, ударяя ее по голове рукой, стал говорить ни на кого не смотря: "Мать Е.! Тебе трудно попасть в святые; ты ничему не веришь,

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 263–279.

ничего не видишь и ничего не понимаешь, что для тебя ни делай". "Батюшка, — сказала та удивленно и с огорчением, — Господь с вами! Что вы это говорите? Когда же я вам не верила?" Но батюшка, не слушая ее, продолжал, обращаясь к ней, обличать меня. Он тут высказал всё то, что было скрыто в моей душе. Я стояла как приговоренная, краснея и не зная, куда деваться. Монахиня же пробовала оправдываться. После, я слышала, она говорила: "Каково же мне батюшка сказал! Что он заставил меня потерпеть! И это потому, что ему нужно было обличить кого-то в толпе, а он обратил всё это на меня". При этом батюшка тут же еще сказал: "Смотрите, крепко беритесь и держитесь за мою мантию, чтобы не было так: раз одна ухватилась за старцеву мантию, он ее и понес через пропасть. Но когда она увидала и дочь свою, ухватившеюся за нее, то стала отрывать ее, и обе оборвались и полетели в пропасть". Это было сказано тоже мне в предупреждение... Скоро пришла мне мысль рассказать старцу всю свою жизнь и грехи с семилетнего возраста зараз. Пришедши к нему исповедаться, я высказала ему эту свою душевную потребность и с полной верой сказала: "Вы, батюшка, сами мне помогите: я многое забыла и не могу всего сказать". Началась страшная и до той поры непонятная и недоведомая мне исповедь. Всё забытое, недосказанное и непонятное мне говорил сам старец. Вся моя жизнь, моя душа были открыты пред ним, как открытая книга. Ему было всё известнее, чем мне самой. По мере вины и обстоятельств он или оправдывал или обвинял меня. Тут он даже сказал мне один грех, которому, мне казалось, я и непричастна была... Еще в одном обстоятельстве встретила я затруднение. По-моему надо было сделать так, а старец благословлял иначе. Помысл говорил мне — не послушаться. Но вот вижу я во сне старца. Будто нахожусь в Оптиной, в приемной его хибарке, стою пред ним на коленях. Он

меня благословляет и говорит: “Я тебя и приласкаю, и проберу за непослушание”. Я испугалась сна. Приехав потом к батюшке, я рассказала ему этот сон. А он и говорит мне, смеясь: “Ведь ты всё не слушаешься”, Я ответила: “Нет, я буду слуша́ться”. “Ну, — сказал батюшка, — будешь слушаться и хорошо тебе будет”. Так во сне батюшка удержал меня от непослушания».

Далее есть еще рассказ этой матушки, и в нем, как увидим, есть нечто очень существенное, — видимое проявление Божией благодати, никогда не оставлявшей о. Амвросия. Она пишет: «В десятом часу вечера, уже пред отпуском всего народа, батюшка позвал меня, но не одну, а с дочерью. Когда я стала пред ним на колена, он обернулся ко мне и сказал: “Спите и почивайте, покойной вам ночи”. Я испугалась: “Родной мой батюшка! Оставьте меня одну, хотя на минутку — я ничего вам не сказала”. Батюшка оставил. В келлии его горели лампадка и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: “Батюшка! Что сказать вам еще? В чем покаяться? Забыла”. Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постельки, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на средине своей келлии. Я невольно на коленах повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост, поднял головку и воздел руки свои кверху как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его головку и на личико. Помню, что потолка в келлии как будто не было — он разошелся, а головка старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: “Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай!” Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь горько пропла-

кала о своем неразумии и нерадении. Утром рано нам подали почтовых лошадей, и мы уехали. При жизни старца я не смела никому рассказать этого. Он мне раз навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозою: “А то лишишься моей помощи и благодати”».

Еще одно воспоминание того же лица: «Народу было много. Это было днем перед обеденным отдыхом. Батюшка сидел на постельке прямо, спустивши ножки. Я попала к нему сбоку и стояла за спинкой кровати, так что мне личико батюшки видно было вбок. Батюшка говорил с кем-то в толпе и смотрел прямо на кого-то. Вдруг я вижу, из его глаз, на кого-то устремленных, вышли два луча, как бы солнечных. Я замерла на месте. И все время так было, пока старец смотрел на кого-то, Я тогда не осмелилась и ему самому высказать виденного мною — промолчала. Да, он верно знал, кому что давал»*.

«Это было Великим постом, — говорится в следующем рассказе. — Со мною приехала из Перемышля одна барыня, которая и заболела также. Опухоль охватила всю нижнюю часть лица и горло. Мучительная боль, жар и озноб сопровождали ее. Я пришла к старцу и показала ему свою опухшую челюсть. Батюшка пригнул мою голову себе в колени и правой ручкой благословлял народ, а левой крепко жал мне опухоль. Когда я поднялась с колен, болезнь моя вся прошла, ни боли, ни опухоли не было. Был и еще со мной чудодейственный случай. Сильно толкнули меня в народе в грудь, в давно болевшее место, которое доктора велели мне всячески беречь от ушиба, так как я едва избавилась от начинавшегося в сем месте рака. Грудь от ушиба у меня очень

---

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 306–362.

разболелась, стала пухнуть и колоть. Я пришла к старцу и, не указывая на больное место, просто рассказала ему, что со мной случилось. Батюшка же, сам, зная, что и где у меня болит, перекрестил мою больную грудь и сказал: "Зачем руки не держала вперед?" Это была правда. На мне был платок. Чтобы он не свалился, я перегнула руки назад, меня и толкнули. Вскоре болезнь моя прошла.

Еще помню замечательную прозорливость батюшки. Старец почему-то показался мне слаб, а я в этот день уезжала домой и беспокоилась, и когда он подошел к двери, я сзади потихоньку перекрестила его. Вдруг батюшка обернулся ко мне лицом и пристально посмотрел на меня. А я уже опустила руку и стояла так, притворившись, как будто ничего не сделала.

В последующий затем мой приезд народу было очень много, и я боялась за слабость старца, потому и стала мысленно молиться так: "Господи Иисусе Христе, спаси старца моего иеросхимонаха Амвросия и святыми его молитвами помилуй меня, грешную". Не знаю, сколько прошло времени в такой моей молитве. Но раз прибежала я к старцу на благословение поздно вечером. Народ почти уже весь разошелся. Батюшка вышел в хибарку на общее благословение и сел на диванчик. Он, подав мне свои ножки, сказал: "Переобуй меня". И когда я, наклонившись, надевала ему на ноги носочки, он на ухо мне сказал, отвечая на мою мысль: «Един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус» *(1 Тим. 2, 5)*.

...Одну приезжую барыню при мне толкнул народ. Она не удержалась на ногах, упала, ударившись об шкаф, и сильно вся разбилась. Когда ее привели к старцу, он стал ее шибко бить своею палочкой по спине. Она потом рассказывала, что даже оскорбилась за это на старца. Но выйдя от батюшки, уже никакой боли не чувствовала от ушиба и тогда только поняла, что старец ее исцелил.

Приехал к старцу издалека один барин, вдовец с двумя молоденькими дочерьми. Старшей было лет 20, а меньшей 17. Обе очень красивые девушки. Старец несколько раз брал их вместе, и всё внимание обращал на одну старшую и ей только давал советы, меньшую же только благословлял. Когда они пред отъездом прощались со старцем, он одарил иконками и книгами отца и старшую дочь, а меньшей ничего не дал. На вопрос об ней отца, батюшка сказал: "Ей ничего не нужно". Расставаясь с старцем, девушка не вытерпела и с огорчение сказала ему: "Батюшка! Что же это вы сестре моей сделали подарочек на благословение и память о вас, а мне не дали ничего?" "Да тебе ничего и не нужно, — сказал старец, — разве вот это тебе дать?" И батюшка на своем столике, который стоял у него подле кроватки, разыскал какую-то длинненькую, узенькую и пустую коробочку (наподобие гробика) и подал ей. Так она и отправилась с этой пустой коробочкой. По дороге от Оптиной до Калуги она простудилась и занемогла. А приехав в Калугу и остановившись в гостинице Кулона, дня через три скончалась»*.

...«Мой муж заболел своей предсмертною болезнью. Я написала батюшке о его болезни и тотчас же получила от него ответ: "Скажи от меня больному, — писал он, — что аз грешный советую ему немедленно приобщиться Св. Христовых Таин". Мужем это было исполнено. Четыре раза снился мне батюшка в течение тяжелых предсмертных страданий моего мужа, ободряя и подкрепляя меня в уходе за ним. В последнем, четвертом сновидении, видела я себя в Оптиной, в батюшкиной хибарке. Лежал будто бы тут же у него и мой больной. Батюшка же мною очень недоволен и, не желая меня

---

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 363–366.

благословить, отвертывался от меня и укорял меня в непослушании. Я проснулась огорченная и не поняла сна. Дело же было вот в чем: доктор строго запретил мне давать больному что-либо съестное, говоря, что у него полное паралачное состояние желудка, и что съестным я только продлю ему мучение. И духовные лица говорили мне то же, что он уже готов к исходу, и ему ничего не надо. Но я, неразумная, оставаясь с больным одна, давала ему глотать что-нибудь жидкого. Больной сам этого, как видно, не желал, крепко стискивая зубы, но глотал поневоле. Так я своею любовью мучила его. После его смерти приехала я к батюшке, который после обычного приветствия и высказанного им участия строго мне сказал: "А ты всё не слушалась ни монашествующих, говоривших тебе, ни доктора, — кормила больного. Теперь клади за это поклоны — по шести поклонов утром и вечером". Итак, вот чем был мною недоволен приснившийся мне тогда старец, и вот за что не хотел перекрестить меня во сне. Я была поражена всезнанием старца и не находила слов высказать ему это. Наложенную им на меня епитимью я исполняла. И только незадолго пред кончиною своею батюшка вдруг спросил меня: "Ты поклоны кладешь?" На мой утвердительный ответ он сказал: "Ну, клади еще до января, а там оставь". Старец предчувствовал свою близкую кончину и знал, что без него никто бы не мог разрешить меня от епитимьи.

...В самые предсмертные минуты муж мой открыл глаза и, повернув ко мне голову, тихо сказал: "Монах пришел". В этот день я послала телеграмму к старцу, прося его отпустить умирающего с миром. После же кончины мужа я получила от старца следующее письмо, весьма тогда меня утешившее... После девятого дня по кончине мужа я уехала к старцу, и так как наступила весна, то за разливом рек и осталась в Оптиной до сорокового дня. Накануне этого дня, пред вечерней, при-

шла я к старцу просить его помолиться за покойного, но во множестве народа, который толкался подле меня, я в ту минуту как бы забыла, зачем пришла. Старец обратил ко мне свое личико и взглянул на меня испуганно и строго. “Ох, страшно! — оказал он, — приговор наступает; иди скорей молиться в церковь, и я помолюсь за него”. Я очень поняла, о чем мне говорит батюшка, и страшно испугалась его слов и выражения лица. Ему были открыты и тайны загробного мира. Я ушла в церковь, где, отстояв вечерню, заказала панихиду, а наутро обедню с панихидой. Придя после обедни к батюшке, я тотчас была принята им. Он сидел весь светленький и радостно встретил меня. Не успела я поклониться ему в ножки, как он, хлопнув меня по голове три раза, сказал: “В Царстве Небесном! В Царстве Небесном! В Царстве Небесном!” Личико его всё сияло небесной радостью. И эта радость сообщилась и мне грешной.

...При отъезде из Оптиной, принимая благословение от старца, я сказала ему; “Одного боюсь, батюшка: не хватит у меня средств ездить к вам часто”. Батюшка ответил: “Средства ко мне ездить у тебя всегда будут. Еще будешь ходить ко мне пешком”. Я тогда не поняла этого и возразила: “Пешком? Да разве это мне можно?” Однако, слова старца сбылись, У меня всегда являлись средства ездить к батюшке, и даже чаще, чем прежде езжала в Оптину, А теперь, живя в Шамордине, хожу летом пешком к нему на могилку, а вместе и к старцу Иосифу. Вот что означали батюшкины слова: “Еще будешь ходить к нам пешком”.

...В тот же приезд, на праздник Крещения Господня, когда мы пришли к старцу, он встретил нас, пропев тропарь Крещению. Тут я увидала у одной монахини очень хорошо написанный образок св. Амвросия, батюшкина ангела. И мне пожелалось иметь такой же образок, и чтобы старец меня благословил им. Но денег у меня

оставалось немного — только на обратный путь. Идя в лавочку, чтобы купить образ, я дорогой рассуждала так: "Уж куда ни шло — куплю образ, и как-нибудь перевернусь: приеду домой, там и заплачу ямщику за дорогу". Когда же я возвратилась с образом к батюшке за благословением, он мне сказал: "Какое же это будет мое благословение, когда ты образ сама купила? Уж куда ни шло (при этом старец подмигнул глазами точно так же, как я это сделала себе дорогой), — сходи в лавочку и скажи, чтобы там записали образ в мой счет, а я уж как-нибудь перевернусь". И так батюшка благословил меня образом своего ангела. Вот до чего он был прозорлив!

Раз при отъезде из Оптиной мне что-то очень тяжело было расставаться с старцем. В тот день батюшка был очень слаб. Меня же за последнее время стала преследовать мысль о смерти старца. И одного я всего больше боялась, как бы это не случилось в мое отсутствие. Я пришла к батюшке проститься и, не смея даже произнести пред ним слово "смерть", только сказала: "Батюшка! Отъезжая всегда от вас, я одного боюсь, как бы не случилось это без меня". Родной батюшка сейчас же понял, о чем я говорю, и так ответил мне: "Нет, нет, будь покойна, — при тебе". Что и случилось после этого разговора чрез четыре года. Господь сподобил меня быть при кончине старца и даже в самой его келлии.

...Скажу еще о прозорливости старца и о некоторых чудесных случаях. Раз тоже приехала я в Оптину к старцу и еще ничего положительно не думала говорить ему о монастыре и о своем устройстве в нём. Дети и дела держали меня. Мысли свои о монастыре я крепко скрывала. Вышед на общее благословение, батюшка взглянул на меня и сказал: "О монастыре надо говорить наедине". Пройдя дальше, старец вернулся и, проведя рукой мне по лбу, сказав: "Шила в мешке не утаишь". Я этого сначала не поняла, и подумала: батюшка гово-

рит что-нибудь о моих грехах. Позвав меня вечером того же дня, старец — не помню — спросил ли меня или предложил мне какое-то занятие. Но я перепугалась и сказала: "Да нет, нет, батюшка, я пойду за вами". — "А, пойдешь за мной, ну так подойди ко мне — я тебя перекрещу", и старец перекрестил меня большим крестом. В этот раз я высказала ему уме всё, что было у меня на душе. И потому, когда я уходила, батюшка опять подозвал меня, сказав: "Подойди, я тебя еще раз благословлю". Личико его было радостное. И он тут же велел одной монахине проводить нас с дочерью за него»*.

Вот рассказ другой женщины, которая пришла к о. Амвросию со своей бедой. «Я упала перед ним на колени, — рассказывала она, — и, получив его святое благословение, наклонилась к его ногам и припала к ним со слезами радости. "Ну что же ты скажешь хорошенького-то?" — называя меня по имени, спросил батюшка. "Батюшка мой! Помолитесь обо мне, — говорила я. — Я имела болезнь в груди, вследствие которой мне два раза делали операцию: резали здесь и здесь. А доктор говорит, что в августе я долина опять ждать повторения этой болезни... Помолитесь за меня, отец мой, чтобы Господь исцелил мое тело и мою душу". Пока я говорила, батюшка глядел на меня своим прозорливым взглядом. "А какие у тебя есть еще грехи-то?" — спросил совсем неожиданно для меня батюшка. Не приготовившись совсем, я едва нашлась сказать, что суетная я, батюшка, тщеславная, нерадивая о своем спасении и... и недавно очень злилась, не на себя впрочем. "Ты недавно злилась? А прежде-то зачем? А?" — Я смутилась от неожиданности и едва проговорила: когда, батюшка? — "А отчего началась твоя болезнь-то?" — О, батюшка! (С быстротой молнии мне

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 384–397.

вспомнилось мое тогдашнее душевное состояние, тогда я чувствовала себя глубоко оскорбленною). Это было большое горе на моей душе... "Ведь сама была отчасти виновата тогда?" — говорил он, а тон его голоса кроткий, милостивый. — "Да, батюшка!" После я осознала, что была не совсем права, "А если и невинно-то, потерпеть разве нельзя было? Господь терпел... Зачем было быть мстительной?" — "Но я не желала мстить, батюшка (много времени спустя я, часто размышляя об этих словах, вразумлялась, что он не ошибался), — недоумевая, говорила я, пробегая мысленно прошлое и те обстоятельства моей сердечной жизни, на которые так прозорливо указывал старец, — мне только было очень горько, я глубоко на душе хоронила это горе". "То-то вот хоронила! Ну, теперь, смотри же, никогда не злись. А теперь не бойся: ничего тебе больше не будет, ничего не будет! Поезжай отсюда на Калугу, там побывай у Креста Животворящего, на Калуженке (явленная чудотворная икона) и у Николая Чудотворца в старом архиерейском доме (иначе — старый теплый собор) возьми святой воды и масла из лампадки, воду пей натощак, а маслом мажься. Господь тебя благословит!" Благословив и отпустив меня, батюшка воротил меня опять и дал мне просфору... на возвратном пути я свято исполнила всё, что приказано было мне батюшкой. Побывала в Калуге у всех указанных им святынь, и, отслужив везде молебны и получив святую воду и масло, я с миром в душе и радостью вернулась домой. По молитвам старца болезнь моя не возвращалась ко мне с тех пор, и этому уже девять лет»*.

Находясь в последнее время своей жизни в Шамордине, старец Амвросий входил во все детали монастырской жизни, духовной и хозяйственной. «Без его совета и бла-

---

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 442–445.

гословения ничто в обители не делалось, — говорится в его житии. — Все постройки производились по его плану и указанию. Вызвав из Скита некоторых монахов, понимающих строительное дело и вообще хозяйство, болезненный старец чрез них делал свои распоряжения. При этом он часто выказывал удивительный дар прозорливости. Придет к нему, например, главный, заведовавший шамординскими постройками монах. “Ну, о. Иоиль, — скажет старец, — песку теперь тебе навозили, аршина (батюшка точно прикидывает в уме) аршина два с половиной глубины будет, или не будет?” “Не знаю, батюшка, — ответит монах, — смерить не успел”. Еще раза два спрашивает старец о песке и всё не мерили. А как смеряют, непременно окажется так, как он говорил. Или начнет старец прикидывать план какого-либо здания, скажет: аршин 46 будет. План этот затем переиначивают, делают длиннее или укорачивают, а как здание будет готово, непременно окажется в нем 46 аршин»*.

Болезнь старца усиливалась и, конечно, смерть свою он предвидел, о чем и дал знать косвенно, в связи с предполагаемым приездом калужского владыки. Вот он лежит в гробу. «Больно было сестрам видеть, как батюшка уже и телом переселился в свое новое жилище, больно было думать, что чрез несколько дней гробовая крышка и совсем скроет его от взоров их. Сестры попеременно читали Псалтирь, и всякий раз, когда произносилось имя “новопреставленного отца нашего иеросхимонаха Амвросия”, — все находившиеся в зале клади земные поклоны. Невыразимо тяжело и болезненно отзывались эти слова в истерзанных скорбью сердцах. «По усиленной просьбе духовных детей старца, — передает г-жа NN, — иеромонахом В. расшит был наглазник (большой пара-

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 464.

ман), и нам показали лицо старца. Оно было чудное, светлое и с выражением привета, такое, какое бывало у батюшки, когда он встречал после долгой разлуки дорогих своих духовных детей. От жара ли свечей или тесноты даже капельки пота были заметны на светлом личике старца как у живого. Но тут случилось со мною нечто из ряду вон выходящее. Я стояла с правой стороны гроба, около самого подсвечника, так близко, что мои руки касались края гроба, смотрела пристально на родного батюшку, стараясь запечатлеть в своей памяти навсегда черты его лица. Сзади меня неподалеку находилась дверь келлии м. Т., батюшкиной внучки, в которой последнее время часто батюшка находился и занимался с народом. Слышно, кто-то оттуда сзади подошел ко мне и с правого моего плеча нагнулся над самым моим ухом, и вот я услыхала недовольный, даже гневный, громкий голос самого батюшки о. Амвросия. Смысл слов его выражал то, — зачем смотрят его лицо. Это была одна минута. Со страшным испугом я отлетела в противоположную сторону и очутилась у дверей настоятельских келлий. Не скоро я оправилась от испуга. Больше я лица батюшкина уже не видала, хотя его открывали много раз до того времени, как совершен был над ним чин погребения. Я каждый раз отходила»*.

«Народ то и дело подходил в гробу своего любимого батюшки, — пишет о. Агапит, — и с глубокими вздохами и поклонами, крестясь, целовал гробовую крышку. Некоторые, наклонившись, прикладывали к ней свои головы. В покоях настоятельницы собравшимся гостям предложена была поминальная трапеза, за которой было человек до 500. На ней присутствовал и преосвященный. Предметом его разговора за обедом был главным обра-

---

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 513–515.

зом почивший старец. Но в то самое время, как гости подкреплялись предложенной трапезой, произошло одно замечательное событие, которое произвело на всех присутствовавших сильное впечатление. К покойному старцу Амвросию часто езжала благотворительница Шамординской общины, супруга известного московского торгового деятеля Сергея Васильевича Перлова, с своею замужнею дочерью, у которой, не было детей. Эта бездетная дочь ее просила у батюшки совета и благословения — взять какого-нибудь ребенка в усыновление. В 1890 году, почти в самую же половину октября, старец сказал ей в ответ на ее желание: «Погодите, чрез год я сам укажу вам для усыновления ребенка». За обедом приехавшие на похороны старца молодые супруги с горечью вспоминали слова его и пожалели, что кончина батюшки не дала ему исполнить своего обещания. Но еще не успел окончиться обед, как пронесся слух, что у крыльца начальнического корпуса, где гости обедали, нашли подкинутого младенца. Сначала, разумеется, слух этот многим пришелся не по сердцу. Но когда об этом услыхала бездетная дочь г-жи Перловой, она кинулась к малютке и с чувством глубокого умиления воскликнула: "Это батюшка послал мне дочку". И ребенок увезен был ею в Москву»*.

Архимандрит Агапит приводит в Жизнеописании старца Амвросия письмо Н. Я. Широкова к о. Иосифу, Оптинскому старцу, бывшему келейнику покойного. Письмо было опубликовано в журнале «Душеполезное Чтение» за 1897 год. «Я, — говорит Широков, — весьма был болен: страдал болью ног и головы. 26 ноября прошлого 1896 года приносит отец мой от сельского нашего священника книгу "Душеполезное Чтение", в которой я

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 520–521.

нашел статью про о. Амвросия. Прочитав ее и размыслив немного, начал я душевно молиться к о. Амвросию об исцелении моих недугов и, помолившись, тонким сном уснул. Только что успел заснуть, как вдруг заблистал предо мною необычайный свет, который вскоре исчез, — только остался один след от него в виде облака, и вдруг слышу шаги идущего человека. В скором времени вижу пред собою мужа, украшенного сединами, в мантии, с крестом на груди. При сем я постараюсь описать его приметы: росту он невысокого, лицо, истощенное постом, и потому оно весьма светлое, нос с горбинкой, волосы седые, не весьма густые, брада его седая, тоже не густая, а голос его весьма звучный. Кроме того, на левой его руке были четки, а в правой руке посох. Вот он подошел к моему ложу и говорит: "Чадо Николае! Востань, поспеши в церковь, отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому, и получишь облегчение скорое". Он взял меня за руку, благословил и дотронулся своим посохом до моих ног, которые и почувствовали скорое облегчение. Дал мне что-то в роде просфоры поесть, и вдруг в голове у меня зашумело. Я тогда весьма ужаснулся и думал, что уж головы у меня нету на плечах. Но вот, сей старец покрыл ее мантией, и вскоре я почувствовал облегчение. Старец еще раз благословил меня, и я сподобился облобызать его светлую руку и при сем осмелился спросить его: "Как вас звать по имени?" Он мне ответил: "Кому я велел тебе отслужить молебен, того и я ношу имя, я — иеросхимонах Амвросий из Оптиной Пустыни". Сказав это, он сделался невидим. Пробудившись, я весьма обрадовался, что выздоровел, и родные сему тоже очень обрадовались. Все-таки об этом явлении я не открыл им вскоре, а записал оное только в свою памятную книжку. Но вот ныне опять явление это повторилось. О. Амвросий явился мне во гробе лежащим, повитый в схиму, и говорит: "Что же ты, раб Божий Ни-

колай, умалчиваешь о делах милости Божией, то есть не сообщаешь Оптиной Пустыни об исцелении?" Только поэтому-то я и осмелился сообщить о вышесказанном вашему высокопреподобию и при сем просить вас, о. Иосиф, не оставить без внимания мой рассказ и для пользы других поместить его хоть на одной страничке жизнеописания отца Амвросия»*.

Еще подобный отрывок из ненапечатанного письма к Л. О. Раевской, живущей в Шамординской общине, от 20 февраля 1898 года: «Вчера приезжал В. и рассказывал, что одна дама, родственница Д-го, ему писала из Москвы, что у ней муж был очень болен. Доктора отказались лечить, и он совсем умирал. В одну ночь видит он около себя у постели старца, который над ним молился, и говорит: "Отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому", — и скрылся. Больной сказал это во сне, и они отслужили молебен. Он приобщился и с тех пор начал поправляться; даже встал с постели, но никому не говорил об этом явлении старца. Когда же он стал чувствовать себя совсем хорошо, ему опять явился этот же старец (бывший больной его узнал) и говорит: "Ты теперь совсем здоров, зачем же ты скрываешь и не говоришь об своем исцелении? Надо говорить, а старец пред тобой — Оптинский Амвросий". И скрылся. Когда В. рассказывал, я позавидовала, а на душе какая-то радость стала — я не могу высказать. Родной наш и нас может быть не оставляет»**.

Жизнеописание старца Амвросия о. Агапит заканчивает тем, что приводит два сна, привидевшихся одной насельнице Шамординской обители. Этими снами, очень замечательными и чудесными, закончим и мы эту главу.

---

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 536.

** Там же. С. 537.

«За несколько времени до кончины батюшки видела я, — так рассказывала матушка, — будто стою в прекрасном саду. На высоких деревьях трепещут листки, и всякий листок всё повторяет молитву: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". В саду будто стоит светлый храм. Вошла я в него и вижу — купол у него недостроен. И подумала я, как это храм не окончен. Тогда послышался мне голос: это жилище приготовлено для старца Амвросия и скоро будет окончено.

А как батюшка уже умер, видела я, что стоит его гроб, И вот спустились четыре ангела в белых ризах — такие блестящие на них ризы — а в руках у них свечи и кадило. И спросила я: почему это они, такие светлые, спустились ко гробу батюшки? Они мне ответили: это за то, что он был такой чистый. Потом спускались еще четыре ангела в красных ризах, и ризы их были еще красивее прежних. И я опять спросила, а они ответили: это за то, что он был такой милостивый, — так много любил. И еще спустились четыре ангела в голубых ризах невыразимой красоты. И я спросила: почему они спустились ко гробу? И мне ответили: это за то, что он так много пострадал в жизни и так терпеливо нёс свои кресты»*.

---

* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999. С. 537–538.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОСЛУШНИК БОЖИЕЙ МАТЕРИ ИЕРОСХИМОНАХ ИОСИФ, СТАРЕЦ ОПТИНСКИЙ

Св. преподобный Иосиф Оптинский

Несколько слов, сказанных о. Иосифом, успокаивали взволнованные мятущиеся души. Много значил при этом и его вид: тишина «хлада тонка» изобразилась на его внешности; лицо его излучало мир Христов (что видно даже и на его фотопортретах). Часто его взгляд бывал сильнее слов. Он, как истинный монах, не любил предпочитать одного человека другому, обласкивать кого-то больше другого. Строгость и даже непреклонность проявлялись у него по отношению и к самым близким, но они видели, что за этим стоит любовь во Христе, святая и всегда верная. Люди, жаждавшие простого, человеческого утешения, случалось, отпадали от него, считая его равнодушным и холодным. Но со временем и таким открывалось настоящее положение дела — евангельская любовь старца к ближним. Так отпал от старца один инок, поверив вражескому помыслу, что нет в его духовном

отце никакой благодати. Однако этот инок пришел и сказал об этом старцу. Тот спокойно ответил: «Что же, сын мой, удивительного в твоем искушении? Святые апостолы и те усомнились было в вере в Бога и Спасителя, а после своего неверия еще сильнее укрепились в вере, так что уж ничто не могло их отлучить от любви Христовой»*.

О. Иосифу несколько раз являлась Сама Богородица. О некоторых этих случаях стало известно (а о других, вероятно, и нет). Рассказ об этом должен увести нас к началу жизни старца. Он родился в благочестивой крестьянской семье, был одним из шестерых детей. Рано начали водить мальчика в храм. Быстро обучился он и церковной грамоте и читал имевшиеся в доме Четьи-Минеи. Семья жила молитвой, церковной и домашней, — и будущий старец участвовал в пении акафистов дома. Он был тихим и чутким, и всегда был добрым. Когда ему шел девятый год, он, играя на дворе с товарищами, вдруг изменился в лице, поднял глаза и руки к небу и через несколько мгновений упал без чувств. Его принесли в дом и уложили. Когда он очнулся, то его спросили, что это с ним было. Мальчик сказал, что он увидал на воздухе Царицу. «Да почему же ты думаешь, что видел Царицу?» — спросили у него. «Потому что на ней была корона с крестиком», — отвечал он. «Ну, а почему же ты упал?» — снова спросили у него. На это он, потупив глазки, тихо сказал: «Около Неё было такое солнце. Я не знаю, не знаю как сказать!» — добавил он быстро и заплакал. Дивное видение это оставило глубокие следы в душе восьмилетнего ребенка. Он с тех пор совсем изменился, сделался тих, задумчив и стал уклоняться от детских игр, находясь неотлучно при матери; взгляд его кротких глаз сделал-

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 78.

ся еще глубже, и в его детском сердечке загорелась живая вера и любовь к Царице Небесной*.

«Вскоре после этого в их селе случился большой пожар, а они незадолго перешли в новый, только что отстроенный дом. Ребенок видел испуг домашних и сам понимал опасность. Не зная к кому обратиться за помощью, он стал протягивать ручки к находящейся вблизи их дома церкви, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький!» Детская молитва эта была услышана, — всё кругом сгорело, а дом Литовкиных остался цел»**.

В 1848 году, когда отроку было 11 лет, скончалась его мать (отца уже не было в живых). «На похоронах маленький Иван в сильной скорби воскликнул: "Царица Небесная, что же Ты делаешь? И сестрица ушла в монастырь, и матушку Ты у нас взяла!" Все присутствовавшие невольно заплакали, услышав излияние этого детского горя; а священник, провидевший в мальчике будущего избранника Божия, записал эти слова и время. После узнали, что жившая в монастыре его сестра Александра, ничего еще не знавшая о смерти матери, в этот самый день и час очень тосковала, и в легком сне увидела, что по реке плывет гроб с ее матерью, — при этом она слышала те же самые слова: "Царица Небесная, что же Ты делаешь..." и пр.»***.

С этой поры и до поступления в Иоанно-Предтеченский Скит Оптиной Пустыни начались для будущего старца мытарства горького сиротства. Пожив немного у старшего брата, он перешел в услужение к чужим людям (брат-то сам обнищал). Вот попал он в далекую Нахичевань,

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 12.

** Там же. С. 12–13.

*** Там же. С. 13.

где служил у купца, потом перешел, тоже к купцу, в Таганрог, по пути устал, заснул, присев на камень, и с него сняли сапоги... Затем пришел, опять пешком, в Новочеркасск к двоюродному брату, дьякону местного храма. Долго здесь жить не пришлось, — он пошел в другое место, и так обошел множество русских городов, в голоде, холоде и лишениях. Одно время в порту на Волге работал грузчиком, носил по шатким мосткам мешки с мукой с барки на берег. Раз оступился, упал в воду и едва не утонул, так как его затянуло под доски причала. В какой-то миг, уже захлебываясь, взмолился он к Царице Небесной о помощи и тут случилось чудо — невидимая рука выбросила его прямо на берег, мокрого и полузадохшегося. В другой раз, сопровождая какого-то купца с товаром, на постоялом дворе он услышал в себе предупреждающий голос, чтобы он в доме на ночь не ложился, а лег бы на дворе в телеге на сене... Он так и сделал. А когда проснулся, то увидел вокруг одни угли и золу: всё сгорело. Матерь Божия и тут его спасла*.

Господь и Матерь Божия берегли сироту, но одиноко ему было в миру, тоскливо. Он любил молиться, не пил вина, не ругался, не повышал голоса, а вокруг него была совсем иная людская стихия...

Смиренный и кроткий, близорукий и болезненный, часто голодный и в худой одежонке (однажды зимой у него ноги примерзли к сапогам), — шел будущий старец Иосиф длинным и трудным путем к той цели, которую ему назначила в его отрочестве Царица Небесная.

Вот он собрался идти к святыням Киева, — отправился, и по пути зашел в Борисовскую Тихвинскую Пустынь в Курской губернии, где проводила иноческую жизнь сестра его, матушка Леонида, такая же тихая и кроткая, как и он. Строгие правила обители не допускали мужчин

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 17.

в келлии, — и вот матушка Леонида смотрит в окошко, а там ее братик запасает для нее дрова: колет, складывает под навес. Отгребает снег от келлии (это была небольшая избушка). Сварит матушка щей и вынесет брату вместе с хлебом в горшочке. Он кланяется и идет с этим в странноприимную, поесть и обогреться. Они не сетовали, оба смирялись. Игуменья, видя их смирение, разрешила им побеседовать в келлии в своем присутствии. Он признался, что идет в Киев. Игуменья же, окормлявшаяся у Оптинских старцев, сказала: «Оставь свой Киев... иди в Оптину!». И матушка Леонида сказала ему: «Послушайся».

Наступал Великий пост 1861 года. Будущий старец Иосиф принят скитоначальником о. Пафнутием в Скит в послушники и назначен на кухню. После Пасхи он перевел его в келейники к старцу Амвросию. В хибарке о. Амвросия едва ли не весь день толпился народ. Молодому послушнику, жаждавшему молитвенной тишины, это стало несколько в тягость. Задумался он опять о Киеве, а затем и об Афоне... «Охваченный волной "помышлений сумнительных", юный инок не заметил, как в келлию, где он сидел, вошел старец. Вдруг он услышал за собой голос батюшки о. Амвросия, который, ударив его слегка по плечу, сказал: "Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне. Оставайся с нами!" Эти слова так поразили молодого послушника, что он тут же с раскаяньем и умилением упал к ногам старца... С этого момента он ясно понял, что все смущающие его помыслы были просто искушением»*.

Немощен был о. Амвросий. Худым и слабеньким пришел в Скит и о. Иосиф, — и здесь он, исполняя усердно послушание келейника, стал всё более хворать, часто простужаться, так что оба они, старец и келейник, не

---

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 27.

могли выйти на улицу, если там было менее 15 градусов тепла. Но духовная жизнь о. Иосифа неуклонно возрастала. Скоро блаженный Пахомий, живший при Оптиной, стал говорить: «Отец Иосиф всё равно что отец Абросим». Люди, приходившие во множестве в Скит, скоро почувствовали это.

В феврале 1868 года о. Иосиф так разболелся, что архимандрит Исаакий, настоятель монастыря, велел его перевезти на санках в монастырскую больницу. Все были уверены, видя его тяжелое состояние, что он умирает. 14 февраля в больничной палате его постригли в великую схиму. И вот однажды послушник, прислуживавший болящим, услышал, что за ширмой, где лежал о. Иосиф, кто-то говорит: «Потерпи, любимиче мой, немного осталось!». Заглянул он за ширму, а там никого нет: о. Иосиф лежит пластом с закрытыми глазами... «Меня такой объял страх, — признавался этот послушник, — что волосы дыбом встали!» Когда он сообщил об этом старцу Амвросию, тот сказал: «Царица Небесная его посетила»*. Вечером в хибарке о. Амвросий вышел к посетителям улыбающийся и сказал: «Совсем было собрался умирать о. Иосиф, да не умер! Теперь ему лучше стало».

Однажды приехали к о. Амвросию две монахини из Белёвского Крестовоздвиженского монастыря. Одна из них написала икону Божией Матери, которую они привезли показать старцу, своему духовному отцу. Развернув икону, они спросили его: «А что, батюшка, похожа она на Царицу Небесную?» — «Об этом нужно спросить отца Иосифа», — серьезно ответил старец и, взяв колокольчик, позвонил. Тотчас пришел о. Иосиф, к которому старец обратился со словами: «Вот, скажи им, похож ли этот лик на Царицу Небесную». О. Иосиф не сказал ни слова, но тихо улыбнулся и, как бы в знак согласия, опу-

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 51.

стил глаза, В другой раз одна монахиня в беседе со старцем Амвросием спросила: «Батюшка, а какая была Матерь Божия в последние годы своей жизни?». Старец ответил: «Сходи к о. Иосифу и спроси об этом у него: он знает, какая Она была в шестьдесят лет». Монахиня действительно спросила об этом о. Иосифа, но он только улыбнулся своей необыкновенной небесной улыбкой и — промолчал... Конечно, он не дерзал рассказывать о таких вещах, описывать своими словами столь великое и святое. Но в нем жила такая глубокая благоговейность, он всегда так блаженно безмолвствовал перед Богом, что многие все же догадывались о скрытой за словами старца Амвросия тайне. О. Иосиф видел Богородицу, и не однажды. Она являлась ему. А сам он проговорился об этом лишь однажды. Вот как это было.

7 сентября, накануне празднования Рождества Богородицы, в день кончины преподобного старца Макария, допускались в Скит на богослужение женщины. Это было устроено скитоначальником о. Анатолием (Зерцаловым) из любви к многочисленным чадам женского пола, монахиням и мирянам, для которых Скит был величайшей святыней. Старец Амвросий, согласный с о. Анатолием в таком добром и сердечном отношении к духовным чадам, всё же не забывал и о скитской братии, для которой эти посещения женщинами Скита были искусительны. Уже после того, как скончались и старец Амвросий и о. Анатолий, когда скитоначальником стал о. Иосиф, этот вопрос возник снова. Летом 1899 года приехал в Оптину Пустынь владыка Макарий, епископ Калужский и Боровский, и долго беседовал со старцем Иосифом у него в келлии. Старец стал просить владыку отменить скитской обычай пускатъ на свое богослужение женщин, убедил его, и тот вскоре прислал указ на этот счет. Скитская братия благодарила отца Иосифа за отмену искусительного обычая, а

женщины, и особенно наиболее близкие к старцу, стали его упрекать за то, что он якобы нарушил обычай, установленный о. Анатолием. О. Иосиф отмалчивался, но однажды сказал: «А что, если не я, а Сама Царица Небесная этого не желает?» — упрекавшие его замолчали. А старец тихо прибавил: «Этого всегда желал покойный батюшка Амвросий... Я не могу не выполнить воли Царицы Небесной и покойного старца»*.

В Летописи Иоанно-Предтеченского Скита под 7 сентября 1901 года рукою тогдашнего летописца о. Варсонофия (будущего старца Оптинского) записано следующее: «Два года назад, а именно 7 сентября 1899 года, младший келейник начальника Скита (т. е. о. Иосифа. — *Сост.*) рясофорный монах о. Иоанн (Медведев) видел замечательное сновидение по поводу запрещения входа в Скит 7 сентября женскому полу. Сновидение это он тогда не записал. Ныне, по благословению начальника Скита о. Иосифа, сновидение сие вносится в Летопись Скита. “Ныне, 7 сентября 1899 г., когда исполнилось запрещение на вход женщин в Скит Оптиной Пустыни в этот день, по случаю кончины старца о. Макария (однажды в год), пришлось мне слышать от многих братий разные суждения о сем событии. Одни считали это очень полезным, другие — судили совершенно противоположное. По своему скудоумию и малодушию я всё это принял близко к сердцу, пришел в келлию свою в недоумении и смущении, и тут, подробно взвесив все за и против, особенно что-то захотел помолиться, чтобы если не найти разрешения в сих недоумениях, то хотя бы успокоиться духом.

Непродолжительна была моя усердная молитва. Но после нее что-то сильно стало клонить меня ко сну в столь необычное время, так как это было немного более 10 часов утра. Прилег я на кровать и тотчас же уснул

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 168.

крепким сном, словно много ночей не спал. Пробудился по звону к трапезе в 11 часов дня совершенно бодрым, успокоенным и утешенным — тем сном, который видел необыкновенно ясно во все время пока спал. Сон был следующий: Скит наш со всею оградою, окружающею его и пасеку, находился на холме, покрытом как бы весеннею свежею травою. Высота холма была такая, что окружающие Скит громадные сосны достигали своими вершинами лишь только до основания колокольни и всей ограды скитской. От колокольни ведущая к скитскому храму дорожка весьма круто поднималась до самого пересечения сей дорожки другою дорожкою, идущею от трапезы до Соборной келлии, что находилось на одном уровне с крестом колокольни и — уже вся занятая Скитом и пасекою площадь более не возвышалась, а была ровная и представляла собою как бы усеченный конус, равный по высоте самой большой сосне и колокольне поставленным друг на друга. Вид с такой высоты во все стороны был восхитительный. Чувствовалась какая-то легкость и простор, словно как с громадной вершины Св. Афона, где мне пришлось побывать. Та же прозрачность и окраска воздуха — южная, приморская. Несмотря на простор для глаза, нигде не было видно селений, а только расстилалась светло-зеленая даль земли и голубое небо сливалось с нею у самого горизонта. Один храм немного выделялся тем, что вся занятая им площадь была как бы выпячена в форме гладкого продолговатого черепа, около сажени вышиною (такое сравнение невольно получилось во сне). От алтаря храма св. Иоанна Предтечи шло по южной и северной сторонам движение воздуха шириною во всю окружающую церковь площадку и толщиною в рост малого человека; две струи этого воздуха у западных дверей храма сливались в одну и уже по ширине дорожки, ведущей к колокольне, лились в св. ворота. На всём пути своем это движение

воздуха как-то приятно освещало вступавших в его струи некоторых иноков и едва заметно колебало их ряски. Но не то совсем было, когда эти струи по пересечении дорожи, идущей от Соборной келлии к трапезе, словно буря относили всех женщин, и особенно молодых черноризиц, по крутому спуску во св. ворота, где их встречала улыбкою небольшая толпа стоящих женщин, в числе коих были также инокини. В растворенные врата виднелись далеко лес и колодезь о. Амвросия. Из домика скитоначальника о. Иосифа, в дверь, в которую обычно входят и миряне женщины, келейник его выпускал очень многих черноризиц и других женщин, но они, лишь только равнялись с храмом, немедленно сталкивались струей воздуха на спуск к воротам, скользя по крутому спуску как по льду, эта неудача удивляла всех — да и было чему удивиться: иноки свободно проходили это место, а женщины, при всем напряжении пройти это место, невидимо и быстро сталкивались струей воздуха и скатывались, как сказано выше, к св. воротам. Эта неудача всех устрашила и потому уже вскоре никто больше не являлся для новых попыток проникнуть в заветный Скит, и келейник в недоумении возвратился в келлию.

Смотря на всё происходившее с того места, где устроены солнечные часы в Скиту, что между церковью и св. вратами, и желая дождаться конца всему виденному, вдруг я почувствовал легкое прикосновение чьей-то руки к моему правому плечу. Оборачиваюсь и вижу старца, в котором тотчас но портрету узнал о. Макария, и с ним спутника, в котором как-то чудно и таинственно соединялись в единый образ о. архимандрит Моисей и старец о. Лев. Приняв от о. Макария и чудного спутника иерейское благословение, я услышал от о. Макария слова: “Пройдемся по Скиту!” Ходили мы молча, но мысленно вели в то же время беседу, и это меня как будто нисколько не удивляло. Спутник о. Макария следовал

также за ним и всё время хранил молчание. Подробностей беседы сей я никак не мог вспомнить по пробуждении. Помню только, что старец о. Макарий говорил о необходимости читать преимущественно творения преподобных аввы Дорофея и Иоанна Лествичника. На обратном пути, когда мы подошли к юго-восточному углу скитского храма, почти к самому алтарю, о. Макарий вынул из-под мышки книгу преп. Иоанна Лествичника, раскрыл ее и молча указал мне пальцем справа на странице 167, на пятой строке от верха, 64-й пункт, который я и прочитал. Старец молча закрыл книгу, а другой спутник, дотоле молчавший, назвал мне имя одного из скитской братии и сказал: "Будь с ним осторожен". Вслед за сим оба преподали мне св. благословение, и я проснулся. Слышу — звонят к трапезе. Беру со стола книгу преп. Иоанна Лествичника, открываю 167 страницу и очень изумляюсь совершенному сходству сего места в книге с тем, которое я только что видел пред сим и читал во сне: те же буквы, так же расположены строки и та же пожелтевшая от времени бумага. Указанное место было в 15 Слове о целомудрии, и в 64 пункте гласило так: «Всеми силами будем убегать и убегать, чтобы не видеть того плода, ни слышать о плоде, которого мы обещались никогда не вкушать; ибо удивляюсь, если мы считаем себя крепче пророка Давида, чему быть невозможно"»*.

Когда о. Иосиф был еще келейником, он иногда проявлял, еще как бы случайно, свою прозорливость. К этому постепенно привыкали приходившие, и когда скончался о. Амвросий, люди обратились к о. Иосифу, как к преемнику великого старца. Он и стал таковым. Вот, например, случай из Жития: «Одна монахиня, всей душой преданная старцу Амвросию и без его благословения ничего не делавшая даже в повседневной своей жизни, про-

---

* Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись. Запись от 7 сентября 1901 года.

сила раз у него благословения сходить в гости к одной из живших в оптинской гостинице, так как та ее приглашала. Старец сказал: “Нет не надо, не ходи”. Прошло много времени; другая из живших тоже позвала к себе эту монахиню. Та, помня, что старец в тот раз не благословил ей, решила в душе не ходить и к этой, но, по привычке обо всем спрашивать, вызвала о. Иосифа и просила его передать старцу, что ее зовет в гости такая-то. О. Иосиф, не дослушав ее до конца, сказал: “Ну что же, сходи, сходи, проведай ее”. Монахиня сильно смутилась этим ответом. Во-первых, она не спрашивала о. Иосифа, а только лишь просила передать ее вопрос старцу, а во-вторых, ответ его совершенно расходился с мнением старца о. Амвросия. О. Иосиф прошел в нижнюю хибарку, а монахиня в смущении дожидалась его возвращения, как вдруг вышел на общее благословение сам старец. Увидя смущенное лицо монахини, старец спросил ее: “Что ты такая стоишь?” Не желая при всех объяснять причину своего смущения, монахиня сказала: “Батюшка, вот N зовет меня к себе”. — “Ну что ж, сходи, сходи, проведай ее”, — ответил смеясь старец, буквально теми же словами. При этом монахиня заметила, что старец пристально и с улыбкой на кого-то смотрит. Оказалось, что сзади стоял о. Иосиф и тоже улыбался... Монахиня была поражена этим случаем и с тех пор уверовала, что в о. Иосифе жил тот же дух благодати, что и в его учителе»*.

Слово о. Иосифа было необыкновенно сильно. «Одна послушница, в начале своего поступления в монастырь, от своих немощей и неисправностей приходила в сильное смущение, и через это не находила покоя внутреннего. Когда она открыла это старцу Иосифу, то он своими сильными наставлениями скоро ободрил ее, говоря,

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 40–41.

что в смущении не может быть и покаяния, а самоукорение одно может успокоить. После эта же послушница страдала от одного тяжелого искушения и неотступно просила старца избавить ее. Старец сказал ей всего несколько кратких слов, но с такою силою и властию, что она в ту же минуту почувствовала, что исцелилась, и более того с ней не повторялось»*.

Господь дал о. Иосифу и дар исцелений — болезней телесных и душевных. В Житии его, составленном в основном по воспоминаниям его духовных чад — шамординских и белёвских монахинь, чудесных случаев этого рода приводится немало. Вот некоторые из них. «Г. А. передавала, что она страдала сильными головными болями. Однажды, сидя в хибарке, она почувствовала такой сильный приступ мигрени, что даже испугалась. Вскоре старец вышел на благословение, и она могла только проговорить: "Уж очень голова болит, батюшка". Он улыбнулся и ударил ее по голове. Боль мгновенно прошла. Когда же старец ушел, она от радости тут же всем рассказала, но к вечеру боль головы у ней возобновилась. Поняв свою ошибку, она на следующий день передала об этом старцу, которой, вразумив ее, сказал: «Ну, потерпи: поболит-поболит да и пройдет». И действительно головные боли продолжались еще несколько времени, а затем прекратились окончательно»**.

Другая женщина рассказала, что старец избавил ее от привычки курить табак, а потом от боли в пояснице***. «Мать с семейством приехала в Оптину Пустынь к батюшке. У сына ее заболела нога, и он не мог ходить. Его внесли на руках к батюшке. Побыв у старца, сын ее пошел сам на ногах: болезни как не бывало".

---

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 79.

** Там же. С. 81–82.

*** Там же. С. 82–83.

Одна особа, живя в Оптиной, сильно заболела; она попросила себя привести в хибарку к батюшке. Он ее принял и, дав ей в руки свои четки, прошел в спальню, сказав: "Подожди". А когда он вышел, она совершенно забыла про свою болезнь.

Крестьянка А. была больна. У ней очень опухли околошейные железы. Два раза ей делали операцию, но опухоль еще больше увеличилась, так что она даже не могла повернуть шеи. Она обратилась к батюшке за советом: делать операцию или нет? Он ей сказал: "Операцию не надо делать, а отслужи молебен великомученику Пантелеимону и так поправишься". Крестьянка отслужила молебен, и ее железы прошли бесследно.

Одна послушница передает о себе следующее: "Еще при жизни батюшки у меня были большие скорби. Невыразимо тяжело было мне, и не было среди окружающих сочувствующего мне человека. Наконец дошло до того, что у меня заболела грудь и пошла кровь горлом, и я с большим трудом исполняла свое послушание, скрывая от всех свою слабость. Между тем подошло время покоса, я должна была идти наравне с другими, хотя и чувствовала свою полную слабость. Я совсем упала духом и с вечера горячо просила Царицу Небесную, чтобы Она мне помогла. Уснув, вижу, что я в хибарке около иконы Божией Матери "Достойно есть". Я жду, но батюшка меня не принимает. Наконец выходит покойная м. игуменья, к которой я была близка, и я ей говорю: "Матушка, люди за своих близких просят батюшку, что же вы за меня не попросили?" — "Нет, я просила батюшку за тебя", — ответила она. Только что она сказала это, из двери вышел сам батюшка в беленьком балахончике и три раза сказал: "Христос воскресе!" Я зачитала во сне: "Достойно есть..." и, прочитав до конца, кинулась к батюшке, рассказывая ему свои скорби и как у меня болит грудь, Тогда батюшка свернул комом полу своего подряс-

ника и прижал ею больное место на груди, сказав, помнится: “Бог милостив”, потом приласкал меня, и я проснулась совершенно здоровой. И до сих пор грудь у меня никогда больше так не болела. Попав потом на самом деле к батюшке, я ему рассказала, как он исцелил меня во сне, и батюшка, выслушав, сказал: “Ну, слава Богу! совсем прошел? теперь не болит? Ну, благодари Бога!”.

О.Д. рассказывал о бывшем с ним случае внезапной помощи от одного лишь воспоминания имени старца. Бывши на скитской даче, он по послушанию приехал в монастырь за рыбой к какому-то празднику. Окончив все свои дела, он сходил к старцу принять благословение и отправился обратно. Дорогой лошадь его чего-то испугалась и понесла, причем валёк попал под постромку и еще более раздражал испуганную лошадь, Отец Д. выскочил из тележки и сказал про себя: “Батюшка, ведь я же с твоим благословением поехал... “ — и только он помянул имя старца, как лошадь с храпом остановилась, дрожа всем телом. Он подошел к ней, оправил, вывел на дорогу и благополучно поехал дальше»*.

Далее следует рассказ о случае на первый взгляд как бы не очень разительном, но это лишь потому так кажется, что о. Иосиф действовал прикровенно и крайне осторожно. А вопрос был весьма важный — укрепить в вере маловерного человека. И он этого достиг с Божией помощью. Одна женщина, чадо духовное старца, имела супруга, который не желал даже причащаться Святых Христовых Таин. Но вот он заболел тяжелым нервным расстройством, о чем и написала она о. Иосифу. Он в ответном письме советовал ее супругу приобщиться. «Я подумала при этом, — писала женщина, — что передавать мужу подобный совет бесполезно, но к великому моему изумлению муж хотя и неохотно, но всё же со-

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 83–85.

гласился приобщиться, что и исполнил. Ему стало лучше, но с наступлением зимы депрессивное состояние возвратилось. Что же дальше? “Раз в январе месяце, в холодную погоду, — пишет она, — муж мой говорит мне: “Поедем в Оптину”. Зная, как муж относился к религии вообще, я не могла поверить серьезности его намерения и оставила его слова без внимания. На следующий день, вернувшись со службы, муж спрашивает меня: “Что же, собралась ты? Мы завтра едем в Оптину”. Это было для меня так неожиданно, так ново, что я в глубине души постигла в этом силу молитв батюшки Иосифа. 30-го января мы выехали в Оптину и по приезде туда сейчас же пошли к старцу, который принял прежде моего мужа, а потом меня. О чем они говорили, я не знаю, но когда я вошла к старцу, то батюшка мне сказал: “Нет, он ничего”. Затем старец велел нам обоим поговеть, и на Сретенье мы приобщились. За молитвы праведного старца муж мой терпеливо выстаивал все длинные Оптинские службы и выполнил все полагающиеся правила. Исповедовал старец сам.

Напившись чаю, мы пошли в хибарку, и батюшка опять принял нас порознь. Мужу он дал маленький шейный образок Черниговской Божией Матери и св. Феодосия на другой стороне и, благословив его, сказал: “Это вам на память”. Затем батюшка позвал меня и сказал, чтобы сегодня же после вечерни выезжали в Тихонову пустынь, там отслужить у мощей преподобного Тихона молебен с акафистом и сейчас же ехать на святой колодезь, где после краткого молебна непременно искупаться в источнике, после чего, напившись чаю, немедленно выезжать в Орел. Слушая это и помня, что стоит холодный февраль, я подумала, что муж мой ни за что не согласится выполнить это, и сказала это батюшке. Он мне на это ответил: “Ну тогда попроси монаха облить его подогретой водой из источника, а лучше бы искупаться. Чахо-

точные там купаются и получают исцеление". Выслушав батюшкины слова, я только просила его святых молитв. Вечером мы выехали в Тихонову пустынь.

Ночью поднялась сильная холодная вьюга, и мы с трудом доехали от станции до монастыря. Там мы застали конец ранней обедни и затем отстояли молебен преподобному Тихону с акафистом. Наступило время ехать к источнику. Настроение моего мужа переменилось, и он стал оттягивать, говоря: "Ну как ехать в такую погоду". Я мысленно призывала драгоценные молитвы старца и как умела уговаривала и торопила мужа исполнить благословение батюшки. Вдруг мой муж сразу решился ехать. Лошади были готовы, и я взяла побольше теплых вещей, и мы поехали к колодцу. Вьюга была страшная и холодная, по дороге не попадалось ни одной души. Приехав туда и отслужив молебен, муж с монахом пошел в мужскую купальню, я — в женскую. Там никого не было: пол был покрыт льдом. Погрузившись три раза, я быстро оделась и вышла на дворик, где увидала стоящего уже в шубе моего мужа. У меня мелькнуло в голове: "Не купался". Но к великой радости он объявил мне, что прекрасно выкупался. Скоро мы доехали до гостиницы, где нас ожидали самовар и обед. Муж мой был весел, покоен, всё находил очень вкусным, тогда как всё время болезни у него ни к чему не было аппетита. По благословению старца мы в этот же день выехали в Орел, где муж мой с этих пор стал видимо поправляться, и теперь молитвами старца он совсем здоров и занимается по-прежнему своей службой»*.

Случаев прозорливости старца Иосифа было так много, что, как оговариваются составители его Жития, их «невозможно все передать». Среди других даров Божиих дар прозорливости у всех Оптинских старцев, ка-

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 85–88.

жется, преобладал, — это характерная черта именно Оптинского старчества. Он особенно поражал. Но главное — помогал людям выправлять свою жизнь по законам веры, в соответствии с духом Христовым. Крупное и мелкое тут одинаково важно. В целом — в жизнь вносилась Божественная гармония.

Теперь обратимся к примерам. «Один господин, — говорится в Житии старца Иосифа, — служащий на частной железной дороге, захотел переменить свое место на более выгодное. Относившись ранее в таких важных случаях к старцу Амвросию, он теперь очень скорбел, что не имеет человека, у которого бы с верой мог попросить совета. После некоторого колебания он решил принять предлагаемое выгодное место и сказал своей жене: "Вот если бы жив был батюшка Амвросий, спросил бы я у него, что мне делать — и был бы покоен". На это жена сказала ему: "Поедем к его ученику, батюшке о. Иосифу, — он теперь старец. Спроси у него". — "Зачем я поеду к о. Иосифу, я к нему веры не имею и потому не могу спрашивать его совета". — "Ну, хотя благословение примешь на новое место, и то лучше будет", — говорит жена. "Вот разве только благословение принять, — согласился он, — а спрашивать его я не буду; да я ведь уже решил совсем".

Приехали в Оптину, пошли на могилу старца Амвросия, где приезжий господин даже заплакал от скорби. Жена, наконец, говорит ему: "Пойдем же теперь к батюшке Иосифу". — "Пойдем, — сказал он, — я приму благословение и уйду, а ты, если хочешь, оставайся". Старец скоро принял приезжих, и господин первый заговорил о том, что ему предлагают хорошее место. "Напрасно, — говорит ему старец, — я вам не советую переменять; здесь вы можете получать награды и заслужить пенсию, и потому оно будет для вас выгоднее той должности, какую вам предлагают". — "Но какая же тут может быть пенсия, — возражает господин, — ведь моя служба не

казенная". — "Нет, всё-таки подождите немного", — закончил утвердительно старец. Господин вышел от старца в большом волнении и смущении и говорит жене: "Чего же я буду ждать? только выгодное место упущу". Но жена уговорила его послушаться старца, и хотя немного подождать. "Если упустишь это место, Бог пошлет другое", — говорила она. Наконец, он согласился подождать. И что же? В скором времени эта железная дорога переходит в казну, и служба делается государственною, а господин этот получает награду и право на пенсию, и в общем, слова старца сбылись в точности — место это сделалось выгоднее того, какое ему предлагали. После господин нарочно приезжал к старцу и искренно благодарил его.

Богатая Козловская помещица, прочитав с увлечением жизнеописание старца Амвросия, предложила своим двум дочерям, только что окончившим институт, поехать в Оптину пустынь. Младшая дочь охотно согласилась, а старшей не хотелось, так как они ждали к себе в имение большое общество гостей и молодежи, и предполагалось весело проводить время. Мать пробовала ее уговорить, но она упросила оставить ее дома с гувернанткой.

Помещица с младшей дочерью приехали в Оптину, где им обеим так понравилось, что захотелось побыть подольше, гостинник посоветовал им сходить к о. архимандриту и затем посмотреть свободные помещения. Придя на благословение к старцу, они сказали ему, что им здесь так нравится, что хотелось бы погостить подольше. Но батюшка так решительно и серьезно сказал на это: "Нет, надо ехать скорее домой". Ответ этот очень удивил их, и они недоумевали, почему батюшка так неприветливо к ним отнесся; и даже точно гонит. На следующий день они опять пошли в хибарку. Старец, выйдя на благословение и увидя их, строго сказал: "Как, вы еще здесь? Скорее поезжайте"... И, быстро повернувшись, пошел к себе,

проговорив, уже поднимаясь по ступенькам: “А то пожалуй и гроба не застанете”. Многие, находившиеся в хибарке, слышали эти слова, которые на всех произвели тяжелое впечатление. Помещица, наконец, очень встревожилась и, несмотря на уговоры гостинника, тотчас же собралась и уехала. Подъезжая к своему дому, они были удивлены, увидя у крыльца большое стечение народа, а вскоре из дверей показался гроб. Оказалось, что старшая дочь, отказавшаяся от поездки в Оптину, катаясь верхом, упала с лошади и убилась насмерть.

Г-жа Е. И. Т., передавала, что она, за смертью своей, сестры — жены священника, и выбытия последнего из пределов европейской России, воспитывала пятерых их детей. В июле 1898 года она привезла к старцу Иосифу своего старшего воспитанника — племянника, и просила батюшку помолиться и вразумить его, так как он не хотел кончать семинарии и упорно стремился поступить в полицию, чтобы иметь независимость от тети. Старец, видя его упорство, не противоречил, а только посоветовал ему пробыть в семинарии еще один год, а затем хлопотать о службе в полиции. Племянник: согласился отложить свое намеренно на год, в течение которого раздумал бросать учение и благополучно кончил курс.

Одно семейство встречало в Оптиной Пустыни Пасху. После вечерни они пришли к старцу проститься, так как за ними должен был приехать нанятый извозчик. Но батюшка им сказал: “Нет, вы оставайтесь и завтра отстойте утреню и обедню; служба будет торжественная, и служить будет архимандрит Агапит”. Они на это осветили, что остаться им никак нельзя, так как извозчик нанят, и он не согласится ждать их до завтра. Но старец снова проговорил: “Нет, он не приедет”. Придя в номер, они стали ждать извозчика, который действительно не приехал, и они остались. Оказалось, что на реке была буря и нельзя было переехать.

Иеромонах Савва, страдая тучностью и болезнью ног, затруднялся ходить на исповедь к старцу. Наконец он пошел к нему с целью благословиться исповедоваться у какого-либо духовника в монастыре. В это время умер батюшкин духовник о. Мельхиседек. Когда о. Савва вошел, то старец встретил его словами: “А я было хотел посылать за тобой; о. Мельхиседек умер — так будь моим духовником”. О. Савва от неожиданности ничего не мог проговорить, а после другим рассказывал, что хотел отказываться от старца, а старец, как бы провидя его мысль, предупредил его просьбой быть его духовником.

Одна особа, возымев желание видеть о.Амвросия, собралась ехать в Оптину, но родные отговорили ее, пугая дальностью и трудностью пути. В октябре месяце она прочла в газетах о кончине старца. Скорбь и раскаяние, что она по малодушию лишила себя навсегда благословения такого великого старца, охватили ее. Затем она видит во сне, что о. Амвросий благословляет ее и ее сестру финифтяными иконочками. Какие это были изображения, она не помнит, только на одном образке было очень много лиц, а на другом несколько. После этого она написала своей знакомой в Шамордино, прося ее выхлопотать у м. игуменьи какую-нибудь из оставшихся у старца Амвросия иконочек ей на благословение. А к этому времени все мелкие вещи были уже розданы, и послать ей было нечего. Тогда ее шамординская знакомая, бывшая в Оптиной, рассказала об этом батюшке о. Иосифу. Старец сказал: “Сходи в лавочку и попроси подать тебе ящик с финифтяными образками прежде покупки и перекрестясь опусти руку в ящик; первая икона, какая тебе пошлется, — это благословение рабе Божией Софии, а вторая ее сестре. Знакомая так и сделала. Каково же было ее изумление, когда она увидала что первый образ был — киевские угодники (много лиц), а второй — собор архистратига Михаила (несколько

лиц). Положив предварительно эти иконы на могилу старца о. Амвросия, шамординская монахиня отослала их своей знакомой и вскоре получила от нее ответ, исполненный благодарности и удивления, так как иконочки оказались точно такими, какие она видела во сне. Кроме того, через несколько времени ее мужа перевели по службе в Киев, где они и жили сначала около Лавры, а потом вблизи Михайловского монастыря.

В Белевском монастыре жили две сестры. Одна из них умерла. Оставшаяся выпросилась в Оптину, чтобы посоветоваться со старцем, ей хотелось взять себе квартирантку. Старец не благословил ей этого, сказав: "Поживи пока одна, а как заболеешь, так иди скорее да проси м. игуменью постричь тебя в мантию". Крайне удивили ее слова старца; она чувствовала себя совсем здоровой. Время шло, и все забыли об этом. Вдруг она серьезно заболевает. Помня слова старца, она уже в жару пошла к м. игуменье и просила пострига, доктор признал ее безнадежной. Ее постригли, и на четвертый день она тихо, мирно скончалась на Пасхальной неделе.

Матушка Е.М. рассказала, что в 1890 году рядом с ее келлией строили большой корпус. Вышла как-то ошибка в размере и новый сруб подошел прямо к ее стене, отчего келлия сделалась совсем темной. Приехала она со своей скорбью к батюшке Иосифу, который ее успокоил, сказав: "Ну, не скорби; Господь тебя устроит еще лучше; у тебя будет келлия большая, светлая". Она думала, что это батюшка о ее смерти говорит, но вскоре м. игуменья дала ей другую келлию, больше и светлее прежней. Но тут случилось новое горе. Келлия оказалась худая. Коекак поправив ее, плотники сказали, что лет пять она еще подержится. Приехав к старцу, она всё ему рассказала. Батюшка сказал: "Напрасно ты ее чинила, зря деньги тратила, она и года не простоит, под ней все столбы подгнили, она на одном держится". И затем подробно объяснил,

как нужно ее поправить. “Батюшка, да где я возьму денег на поправку?” — сказала она. “Займи”, — ответил старец и при этом достал из стола 10 рублей, говоря: “Займи еще у кого-нибудь, а когда будут деньги, отдашь”. Не смея противоречить старцу, она заняла денег и поправила келлию, которая оказалась, как говорил старец, совсем сгнившей и могла их задавить. После поправки денег у ней не было и неоткуда было ждать, и она очень скорбела, что не отдаёт своего долга. Бывши в Оптиной, она просила прощенья у старца, что опять не привезла долга. Старец сказал: “Скоро будут, тогда отдашь”. Вскорости она получила повестку на 100 рублей и не могла понять, откуда это ей Господь посылает. Оказалось, что умер ее дядя, который никогда при жизни ей не помогал, а теперь жена его прислала ей эти деньги за него.

Одна дама приехала просить благословения старца переделать дом в имении. Старец стал расспрашивать, что и где она думает переместить. Она стала ему пояснять, а батюшка принялся по столу пальцем чертить план, говоря: “Вот тут ведь у тебя вход, а так столовая, а здесь вот то-то”. Дама до того увлеклась этим чертежом, что только уже выйдя от старца она сообразила: откуда же батюшка мог так верно знать расположение ее дома.

Рассказывает про себя один почтенный иерей: “В течение более десяти лет я имел величайшее утешение пользоваться советами и наставлениями почившего великого старца батюшки о. Иосифа. Бывало случится что в моей личной, семейной или пастырской жизни, — что трудное, непонятное или скорбное, сейчас, как дитя к нежно любящей матери, спешишь обратиться к своему отцу благодетелю, батюшке Иосифу. Письменно поведаешь свою тяжесть душевную, испросишь святых молитв. И еще не получишь ответа, как уже на душе легче станет. А получишь ответ и совсем успокоишься. Два раза пришлось мне быть в Оптиной Пустыни и видеть лично старца; по

нескольку раз наслаждаться и переживать незабвенные в моей жизни минуты беседы с батюшкой. Помню, как я был первый раз. Самый вид Оптиной Пустыни и местоположение так красиво, что невольно располагает к себе и производит отрадное впечатление. Всё мне там понравилось, но больше всех батюшка Иосиф. Утружденный летами и силами сидел на своей кроватке с приветливой улыбкой благообразный старец. Я не мог с ним долго и спокойно говорить, ибо идя к нему получил телеграмму, требовавшую меня домой. Так как я путешествовал с женой и мальчиком, а дома оставил свою больную дочь, то и думал, что она умрет. Но батюшка успокоил меня, сказав: "Ничего, не тревожьтесь; Господь даст всё будет хорошо". Получив благословение, мы отправились домой, и в вагоне вторично получили телеграмму с требованием поспешить домой. Опять мы стали беспокоиться за свою дочь. Приехав, мы действительно услышали, что не было надежды на ее выздоровление. Но за молитвы батюшки в болезни дочери случился перелом, и она поправилась, через два года мы снова все были в Оптиной и уже с этой девочкой. Говели, соборовались и удостоились несколько раз быть у старца, который всех нас благословил иконочками и разными книжечками и листочками. Меня благословил живописной иконой святителя Амвросия Медиоланского, сказав: "Да будет тебе сей святитель образцом по вере и усердию о спасении вверенных тебе духовных чад". Дорого для меня это благословение. При взгляде на него я всегда вспоминаю кроткого, любвеобильного старца. Благословив меня иконой, старец разъяснил мне мои недоумения в пастырской практике. Дело в том, что в нашу обитель приходят иногда с такими душевными тяготами, что я затруднялся, не зная как поступить: допустить ли их до причастия Св. Таин или нет? Но поведав старцу все свои недоумения и получив наставление, я совершенно успокоился".

Монахиня А. передает о себе: "В 1908 году 2 августа я с своей келейной приехала в Оптину Пустынь. Куда мы особенно стремились — это к батюшке Амвросию на могилку и также желая получить пользу и назидание от старцев, но больше влекло к батюшке Иосифу. По приезде в Пустынь со мной случалось что-то непонятное, — занездоровилось слегка и я никак не могла идти к старцу. Наконец, сдаваясь на доводы моей келейной, я пошла. Дорогой я всё думала: ну чего иду, — говорят, посетителей масса, старец всех посылает в Шамордино, в Тихонову пустынь. Я этого не могу выполнить: денег нет, да и купаться мне вредно. Исповедоваться нельзя у старца, утомишь его, собороваться я без того буду... Но вот мы у старца; я стою молча, смотрю на него. Вдруг он тихо, ласково заговорил: "Ну, чего же ты, чего? Вот, смотри — портрет старца Амвросия, вот его кровать, вот вся его келлия. Так же он принимал, как и я, больной, сидя на кровати". Точно ледяная кора спала с моего сердца; мне стало так легко. Я уже не молчала, мысли одна за другой сходили с языка. Я не успевала высказать всю мысль, как старец давал мне ответ. Потом опять говорит: "Чего ты боялась придти. Денег, правда, нет у тебя на поездку в Шамордино и в Тихонову, да тебе и купаться нельзя. Ты Божию Матерь хочешь видеть? — отвечал на мою мысль старец. Она у тебя сегодня Сама будет в келлии. Исповедовать я тебя не могу — давно никого не исповедую, а вот поди к о. Сергию. Он тебя поисповедует и пособорует". Келейная моя тоже была утешена. Мы плакали от радости. Доходим до монастыря, видим: идет крестный ход с Калуженской иконой Божией Матери, случайно привезенной из Козельска. К вскорости к нам в номер принесли икону Божией Матери. На следующий день, приобщившись и пособоровавшись, мы спешим к батюшке. Он встречает нас словами: "Ну вот, правда как хорошо, легко, радостно?

Поговели, порадовал Господь. Ведь вот милость-то Божия случилась с вами!" А с нами действительно случилась милость Божия, о которой старец не знал, знал только духовник. Кратко, но сердечно-духовно говорил старец, не хотелось от него уходить, но надо было дать место другим. Потом мы, на другой день, купив четки и портрет старца и несколько листочков духовного содержания, отправились к батюшке. Придя к нему, я только успела подумать: как было бы хорошо, если бы батюшка из своей ручки дал мне четки, — как старец, улыбнувшись, быстро снял со своей руки четки и надел на мою и в то же время мои четки надел на свою руку. Слезы хлынули градом, и я только могла сказать: "Дорогой батюшка, ожидала ли я этого?". Старец был в шапочке. Вдруг он снимает с головы шапочку, поворачивается к моей келейной, поправляет на голове волосы и, улыбнувшись, надевает снова. Моя келейная разрыдалась, бросилась в ноги к старцу, благодаря его за что-то. Батюшка и ее также благословил четками. Я недоумевала, что это значит. Оказалось, что моя келейная подумала: непохожа наша карточка: вот, если бы батюшка без шапочки был (на нашей карточке батюшка был без шапочки).

Уже на следующий день мы пришли прощаться с батюшкой. Не желая утомлять старца, мы остались в коридоре, в ожидании, когда он выйдет. Вскоре щелкнула дверь, вышел батюшка. Ну что за вид был его? От его лица буквально исходил свет. Оно было так бело и юношески светло, что мы невольно вздрогнули и опустили глаза. Батюшка взглянул на нас, и такой у него был ласковый благодатный взгляд, что передать нельзя и кажется никогда его не забудешь. Он круто повернул от нас, так что мы не успели проститься. Пришлось придти на другой день и проститься со старцем. После нам сказали, что в этот день батюшка приобщался.

Еще мы были у старца в 1910 году. Вся беседа носила уже характер последней беседы. Всё до мелочи было разобрано и предусмотрено старцем. И снова он отдалил мою поездку в Шамордино, сказав, что нам некогда будет. И действительно оказалось некогда. Прощаясь с батюшкой, мы спросили: благословит ли нам батюшка еще побывать у него? Он кротко, весело улыбнулся и сказал: "Ну что же, побывайте. Бог весть. Бог весть..."»*.

Одна матушка пишет: «Как-то сидела я в хибарке, старец меня долго не принимал, — я вышла из терпения и думаю: сейчас уйду к батюшке Анатолию (Зерцалову). Батюшка провидел мою мысль. Вдруг выходит, идет в самую дальнюю хибарку, где я сидела, и говорит: "На вот возьми, пришей ленточки к параману, а то ведь тебе скучно". Я была поражена прозорливостью старца. И тут же созналась в своем грехе: "Простите, батюшка, я хотела уйти в другую хибарку к батюшке Анатолию". Батюшка на это ничего не ответил, а только улыбнулся. И с тех пор я всегда благодушно терпела, а в других хибарках и 5 минут не могла прождать".

Раз я была очень скорбная. Прихожу к батюшке. И как же батюшка отечески-ласково меня принял, а я говорю ему: "Батюшка, мне кажется, что я вас больше не увижу? потому что отец у меня умер, средства мои скудные". Батюшка и говорит; "Да, пожалуй, что теперь не придется". Так и кольнуло мне в сердце. Боже мой, неужели батюшке станет хуже, и он уйдет от нас. Старец так ясно сказал мне, что его больше не увидишь. Я вторично переспросила: "Батюшка, значит, я вас больше не увижу?" Он мне кивнул головой в подтверждение. Вскоре батюшка скончался; пришлось мне уже быть у едва живого, полумертвого старца".

---

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 89–104.

Рясофорная послушница М. говорит о себе: “Поступила я в монастырь с искренним желанием, но я была очень бедная. Жить было совершенно нечем. Я думала так и говорила своим монахиням: поеду в мир, поступлю на место, заработаю себе денег и тогда приеду и оденусь в черное. В монастыре я прожила почти год, пригляделась к монастырской жизни и увидала, что без средств нельзя жить, но оставила это решение до батюшки. Приезжаем мы к батюшке, входим к нему все трое, а он говорит: “Вот приехали ко мне две монахини, одна мирская. Мирская эта живет в монастыре долго, сестры говорят ей: “Одевайся”, а одеваться не на что, она говорит: ну что же, поеду в мир, заработаю себе денег и тогда оденусь”. Мы все были поражены, точно старец весь разговор наш подслушал. Старшая монахиня спрашивает у батюшки: “Что же вы, батюшка, благословите ей ехать иди нет?”. Старец ударил ее четками и сказал: “Нет”. Затем прекратил разговор. А когда я была у батюшки одна, объяснила ему свое состояние, он и говорит: “Не езди, Бог пошлет место, и ты будешь жить в монастыре хорошо”. Так и вышло. Меня взяли в келейницы, жила и в казённой келлии. Потом батюшка предрек мне, что я буду жить у м. К. Я прожила три года, поехала на родину. Приезжаю, мать игуменья благословляет к м. К. в келейницы, которая приняла меня как родную. Так сбылись слова батюшки. И до сих пор я живу очень хорошо.

Еще о моей сестре расскажу. Приехали мы с ней к батюшке. Сестра благословляется покупать дом. Батюшка говорит: “Дом-то покупать, а кто жить в нем будет?”. И сверх всякого ожидания произошла перемена: муж ее купил семь десятин земли и стал подумывать о постройке дома, но сестре не хотелось. Она поехала к батюшке спросить об этом. Батюшка сказал: “И не нужно”, а сам отвернулся к окну. Лицо его сделалось скорбное и серьезное. От меня это не скрылось; вдруг

старец отрывисто сказал: “Не надо; пока получаешь жалованье, и довольно”. Впоследствии оказалось, что муж моей сестры сделался пьяницей. Его уволили с места. Сестра развелась с мужем, уехала в Ташкент и поступила на место”»*.

Из записок О. М. «По неисповедимым судьбам Промысла Божия мне очень трудно жилось в обители — приходилось всё терпеть: и гонения, и клевету, и бедность, хотя я была дочь богатых родителей. Я очень скорбела и предавалась унынию, к тому же меня долго не постригали в рясофор. С такими скорбями я приехала к батюшке просить благословения переменить монастырь. Объяснила всё, а батюшка мне говорит: “Не скорби, новая игуменья будет, она тебя пострижет и утешит”. Но меня мучила страшная тоска, я поехала на родину, долго там прожила, так как я заболела — у меня были припадки сердца. В это время умерла наша м. игуменья. Я решила вернуться в свой монастырь, ожидая перемены. И старческие слова сбылись в точности. Новая игуменья меня постригла в рясофор и была для меня как родная мать.

Мой брат десять лет неизвестно где пропадал. Я очень скорбела о нем. Боялась, что он может стать неверующим и думала, жив ли он или нет, не зная как за него молиться. С этой скорбью я обратилась к батюшке. Он, по своему глубокому смирению, никогда бывало прямо не скажет, а делает вид, будто ничего не знает и говорит так: “да кто их знает, они заедут далеко, устроятся там и про всех забудут”, — и решительно прибавил: “Молись за него о здравии; ведь бывает так, — выйдет слух, что он жив”. Так и случилось. После смерти моего отца стали наводить о нем справки для утверждения наследства. И что же, — оказалось к удивлению всех, что мой брат жив и здоров.

---

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 105–109.

У одной барышни (духовной дочери батюшки) болел желудок. Она приезжает к батюшке и говорит, что она лечится и по постным дням ест скоромное. Батюшка на это ей говорит: "Лечиться-то можно, но надо постное есть. А ты займись-ка лучше своим горлом — полечи его". Барышня никогда не думала, что у нее болит горло, ничего особенного не замечала, только раз как-то у ней опал голос. Она пошла к доктору показать свое горло, и он нашел, что если бы не захватили вовремя, то могла быть горловая чахотка. И только через три года ей вылечили совсем горло.

Одна монахиня благословлялась у батюшки поехать в Саратов. Батюшка благословил и прибавил: "Только случится с тобой несчастье, придется тебе потерпеть". Она поехала, гостила очень хорошо. На возвратном пути она подумала: что это батюшка сказал — потерпеть придется, а как хорошо погостила. Немного она не доехала до монастыря, как у ней пропал весь багаж.

Некая женщина спрашивала у батюшки: "Как быть, вот уже 4 года неизвестно где пропадает мой сын". Она уже считала его умершим. Батюшка отвечает: "Отслужи молебен Казанской иконе Божией Матери, молись о здравии — сын твой найдется". И через несколько времени сын ее присылает ей 10 р. денег и написал, где он живет. Мать целый день плакала от радости».

Оптинский послушник Д. говорит о себе: «В первый раз приехал я в Оптину в 1891 году. Старцем в то время был знаменитый наставник душ человеческих батюшка Амвросий, которого я застал в новостроящейся тогда обители Шамординской, его родном детище, где он был на даче в Рудневе. Я высказал батюшке свое желание, что хочу быть монахом. Батюшка говорит: "Монахом ты будешь, но подожди, пока вырастет брат". Я, боясь, что у меня пропадет желание, так как брату было только 7 лет, сказал об этом батюшке, а он так утвердительно говорит,

что желание не пропадет, монахом буду. Потом спросил, каким ремеслом я занимаюсь (я был столяр) и велел сделать шкатулку в шамординской мастерской, показав, какого размера. Через два дня я принес шкатулку; батюшка меня похвалил, дал просфору и благословил иконой Спасителя. Удостоился я с батюшкою поговорить; много у меня было всего на совести, и батюшка с удивительной подробностью мне все рассказал, точно он при мне находился. Про многое я даже и не думал говорить, — у меня были неисповеданные грехи. С тех пор уже больше они не повторялись. Вскоре старец Амвросий скончался. Я уже приехал к его преемнику, батюшке о. Иосифу. Рассказал ему всё про себя и что мне батюшка Амвросий сказал, а он и говорит: "Проживешь и до 40 лет в миру (а мне было только 20 лет), есть на то воля Божия; пока устроятся твои домашние дела — надо пожить". Так и вышло; прожил я в миру до 40 лет. В течение 20 лет я два раза в год ездил к батюшке Иосифу. И какую получал я для души! Бывало придёшь к нему с упадшим духом, на душе точно камень лежит, а уходишь с воскресшей надеждой; так легко, хорошо. Да еще как только в Скит войдешь, уже на душе становится легче. Спросишь у келейника — как здоровье батюшки? — "Батюшка слаб, — обычный ответ за последнее время, — но сейчас доложу". Входишь к старцу; он, улыбающийся, спрашивает: "Как поживаешь?" Еще не знаешь, с чего начать, а батюшка сам по духу прозорливости всё скажет — зачем в этот раз приехал. И чувствуешь, что вся тягота миновала. Случаев прозорливости я видел от батюшки много...

Однажды приехал я к батюшке и, побыв немного в Оптиной, попросился в Шамордино. Батюшка говорит: "Бог благословит, но лошадей теперь нанять негде, иди пешком, а оттуда, глядишь, и за пятачок иной рад будет подвезти". Пробыл я в Шамордине сутки, а наутро выхожу, едут две подводы. Мужик меня догоняет и говорит:

"Куда ты идешь? садись, подвезу". Я спросил за сколько, а он говорит: "Хотя пятачок дашь и то спасибо". Приехал к батюшке, рассказываю ему, а он только улыбнулся на это и благословил мне сходить на трапезу пообедать.

Сколько раз я приезжал к батюшке с тем, чтобы покинуть мир, — он всё откладывал. Наконец, нынешний год я приехал к батюшке на святках. В сильном смущении духа вошел к нему, думая, кто он опять не оставит. А батюшка поздравил меня с новым годом и говорит: "Теперь пора, оставайся в монастыре, а то тужить будешь. Домашние твои дела без тебя еще лучше пойдут. Проси архимандрита, чтобы тебя взяли в монастырь, а в Скиту нет места". И вот уже 6-й месяц как я живу в монастыре. Домашние мои дела идут прекрасно. Но нет дорогого старца, разрешителя, утешителя во всех скорбных обстоятельствах жизни".

У одной особы нашлись две благодетельницы, которые взялись ей помогать. Собираясь писать им, она просит на это у батюшки благословения. Батюшка, слушая фамилию первой, сказал: "Бог благословит, пиши". А про вторую промолчал. На вторичный: вопрос он сказал: "Напиши, но только она не прочтет твоего письма". Она написала, но ответ подучила от других с сообщением, о смерти этой госпожи».

Оптиной Пустыни монах Д. рассказывает о себе следующее. «В ранней молодости у меня явилось желание поступить в монастырь. По этому поводу я пришел в Оптину Пустынь. Покойный великий старец Амвросий тогда был жив. Ему я объяснил свое желание, но он мне сказал чтобы я подождал до окончания срока. О каком сроке он говорил, я не понял, только то понял, что не время мне еще поступать в монастырь. Так я и отправился в свой город В., где вскоре поступил на место в лавку к одному купцу. Прожив у него три года, я, просматривая объявления в журнале "Нива", увидел уведомление,

что старец Амвросий скончался. Известие это меня очень поразило, и я решил сейчас же ехать в Оптину в надежде хотя застать погребение чтимого старца, несмотря на недовольство моего хозяина. Но к моему великому прискорбию тело почившего старца уже предали земле. Его заместил присный его ученик — батюшка Иосиф, к которому я обратился с своим давнишним желанием поступить в монастырь. На что он мне ответил так: "Подожди, тебе будет местечко". С этими словами я вышел от старца, не зная, что мне делать? Прежнее место я потерял, да к тому же мне только год оставался до отбытия воинской повинности, И я решил искать себе место в ближнем к Оптиной городке Козельске где вскоре и нашел у одного купца, у которого и раньше я жил еще мальчиком и поступил к нему без договора о жаловании. Проживши у него год, я объявил, что должен идти для отбытия воинской повинности. Добрый купец выдал мне за год жалованья сто рублей и десять рублей наградных. Несказанно рад был я, ничего не имевший бедняк, такому щедрому вознаграждению. Теперь я имел возможность как следует одеться и оставить про запас на предстоявшие нужды. Будучи принят в военную службу, я пробыл в строю менее года, как меня определили на фельдшерскую должность, каковую я исполнял более четырех лет, не имея ни в чем нужды за молитвы старца, тогда как другие бедняки-солдаты терпели большую нужду. По окончании срока военной службы я уже немедленно поступил в число братства Оптиной Пустыни. Теперь же при воспоминании о прошлом всегда удивляюсь, как милосердый Господь, по молитвам и благословению старцев Амвросия и Иосифа указывал мне и хорошие места и облегчал тяжесть трудной военной жизни, Дивны дела Божии».

Рассказывала одна дама: в 1905 и 1906 годах я жила в Саратове и переносила там все ужасы смуты, охватив-

шей тогда Россию. Забастовки железных дорог отрезали Саратов от остальной России, — ни писем, ни газет не получалось, на улицах происходили кровавые битвы, но до нас все-таки доходили слухи, что в Петербурге и Москве русские люди объединяются на защиту Веры и Царя. Саратовский преосвященный Гермоген собрал около себя всех, в ком не угас еще огонь любви к Богу и родине. Всё это были простые рабочие люди, мелкие торговцы, несколько священников, а из высшего городского общества я одна. Владыка Гермоген поручил мне и одному священнику составить устав для нарождающегося Союза, но как раз в это время пришел первый после забастовок поезд и принес мне множество писем, газет, а среди них я нашла посылку и письмо из Оптиной Пустыни. Писала мне живущая при монастыре В.И., духовная дочь батюшки Иосифа, по его благословению и желанию посылая мне воззвания и уставы Союза Русского Народа и благословение батюшки на открытие такого же Союза в Саратове. Нечего говорить, что я тотчас же отнесла и посылку и письмо к владыке Гермогону и через несколько дней при многочисленном собрании в зале для духовных чтений при архиерейском доме мы открыли отделение Союза Русского Народа, которому я сочувствую и служу до сих пор всеми своими силами. Прибавлю при этом: до этого времени я не была в Оптиной два года и с батюшкой не переписывалась, посылая ему лишь поздравления к Пасхе и Рождеству.

В 1910 году, когда я уже жила в Оптиной, ко мне приехала гостить из М. генеральша К., богатая одинокая вдова. Она пошла к батюшке и, вернувшись от него, рассказала мне с некоторым удивлением, что батюшка прежде всего стал ее спрашивать, хороша ли у нее прислуга, и что надо остерегаться прислуги. Перед отъездом она снова была у батюшки, и он опять ей говорил всё о прислуге, и так настойчиво, что генеральша встревожилась

и поспешила уехать домой. Не успела она вернуться в М., как узнала, что дворник ее дома арестован, а ее вызывают к судебному следователю. Оказалось, что в М. арестована была целая шайка грабителей, совершивших несколько убийств и грабежей, и у главаря шайки найден был список лиц, которых они еще собирались ограбить, планы их квартир и сведения о них. В списке этом стояла и генеральша К., а сведения о ней были сообщены прислугой.

Бывали поразительные случаи, когда батюшка о. Иосиф получал непосредственно указания от почившего своего наставника — старца Амвросии. Однажды о. Иосиф отпустил одну монахиню, по ее просьбе, к родным. Вдруг во время послеобеденного отдыха он ясно слышит голос покойного старца: «Не нужно ей ездить, скажи, чтобы осталась». О. Иосиф послал за монахиней и объявил ей волю старца, которую она приняла со слезами умиления. Старец Амвросий не благословлял в Шамордине сестрам строить отдельные келлии и жить по одной. Года через два после его кончины одна монахиня по слабости здоровья и любви к одиночной жизни выпросила у настоятельницы и у старца Иосифа разрешение построиться одной. Старец, уступив настойчивом желанию монахини, как сам после рассказывал, сделался неспокоен духом и вдруг видит въявь старца Амвросия, строго сказавшего ему «Нарушаете благословение!»

В Шамординскую обитель была пожертвована машина месить хлеб но она оказалась слишком тяжелой, и сестры не могли ее употреблять.

Об этом сказали старцу, пояснив, что знающие люди советуют к этой машине сделать конный привод. Старец как-то нерешительно на это ответил: «Надо подумать». Через несколько времени сестра, заведующая в обители постройками, приехала к старцу с разными другими деловыми вопросами, но старец, не слушая ее, сказал с

оживлением: «Нужно непременно привод в хлебной устроить, этого батюшка Амвросий желает». Сестра с удивлением взглянула на старца, а он, отвечая на ее недоумение, продолжал: «Я целую ночь лежал и думал о приводе, не зная на что решиться, и вдруг слышу, батюшка Амвросий мне говорит: "Непременно нужно привод сделать"». Привод сделали, и машина очень хорошо работает.

Скитской монах Карион вспоминал: «На глазах у меня появился гной; страшная боль, видеть стал я плохо; опухоль совсем почти закрыла глаза, да еще к этому их залепляло слезоточение... Напало на меня уныние... Думаю пойти к старцу объясниться по поводу болезни, да и боюсь, а ну-ка старец меня прогонит... Иду к старцу, но не знаю, как и с чего начать разговор свой. К счастью моему впереди меня пришел к старцу один скитской иеромонах. И тоже с больными глазами. Слышу, этот иеромонах объясняется и говорит батюшке — "Нет ли у вас какой мази для глаз". Батюшка сказал: "Ну, хорошо", — и сам пошел к себе. Немного спустя времени выносит в баночке мазь, говорит: "Вот, возьми к себе и там помажешь". А иеромонах говорит: "Батюшка, да вы сами помажьте мне глаза". И батюшка стал мазать прямо пальцем. А я внимательно всё это видел, и слышал их объяснение. В этот день все-таки не осмелился я объяснить о себе старцу. Прихожу на другой день, доложили батюшке и он скоро взял меня, Я подробно объяснил ему о болезни глаз своих. Батюшка посмотрел мне в глаза и говорит; "Ну, брат, твое дело плохо, надо тебе лечиться". А я говорю ему: "Нет ли у вас какой мази для глаз, я видел, вы вчера давали отцу П. мази, быть может и мне ею благословите полечиться". — "Ну что, Бог благословит". Выносит из своей комнаты баночку с мазью, говорит: "Ну, вот на ночь помажь". А я видел, как батюшка вчера отцу иеромонаху сам помазал, вот и я взял

смелость и говорю: “Батюшка, мне -желательно чтобы вы сами помазали мне”. Тогда батюшка достает пальцем из баночки мазь и намазал мне веки и так растер, и все-таки дал мази с собой. Прихожу к себе поздно вечером, чувствую — боли в глазах нет. Ночь спал хорошо. Встаю утром, чувствую — опухоль у меня пропала, течение слез прекратилось, я стал видеть сравнительно лучше. К вечеру этого же дня уже свободно стал читать своё келейное правило, следовательно как раз через сутки я совершенно стал зрячим... Что это такое совершилось надо мною, — другого ничего не могу сказать, как посещение Божие, то есть явное исцеление по молитвам дорогого батюшки Иосифа”».

Иерей П.Левашов рассказывал: «В 1907 году я первый раз посетил Оптину Пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слыхал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на богослужение, я же поспешил в Скит, чтобы иметь возможность побеседовать; когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в Скит, а там келлию старца Иосифа, я, наконец, пришел в приемную хибарки. Приёмная — это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями св. отцов. Когда я пришел, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник старца и пригласил чиновника к батюшке, сказав мне: “Он давно ждет”. Чиновник побыл минуты три и возвратился; я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из Скита выносили чудотворный образ Калуженской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и

молился; тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него молящегося. Чрез несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую его келлийку, полумрачную, с бедной, только деревянной обстановкой,. В это время я увидел глубокого старца, изможденного беспрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались; чрез мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы, четверти полторы высотою, а также широкий луч света, падающий на него сверху — как бы потолок келлии раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно таким же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове, и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости — это отличительные качества старца, — стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Наконец, я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться и начал, сказав: "Батюшка! я великий грешник". Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову — скрылся. Предо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в первый момент, когда вошел в келлию. Так продолжалось недолго. Опять заблистал свет вокруг головы и опять такой же луч света появился, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедовать меня он отказался по болезни своей. Спросил я совета его об открытии в своем приходе Попечительства и просил его св. молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и всё смотрел

на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После еще три года я ездил в Оптину Пустынь, много раз был у батюшки о. Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, которые я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т. д., иначе — подобного в видимой природе я не видал. Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия, видимо, сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей. Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя пред тем как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, я переживаю умиление и восторг"».

Великим Постом, 1 марта 1911 года, обитель отмечала пятидесятилетие пребывания о. Иосифа в Скиту. На Пасху, 10 апреля, о. Иосиф был бодр и даже принимал братию и приезжих. Так было всего лишь два дня. На третий он заболел. И вот разнеслась весть, что старец умирает. В хибарку приносили скитскую икону Знамения Пресвятой Богородицы и монастырскую Казанскую, служили молебны. Настоятель, архимандрит Ксенофонт навещал о. Иосифа ежедневно. Старец ни от кого не скрывая своего положения, говорит — «Умираю», но был спокоен и даже радостен. Начали приходить монаше-

ствующие из Белёва и Шамордина, из Севска и других мест, — духовные дочери умирающего.

Он принял всех, кто пришел, хотя и лежал часто в полузабытьи. Благословлял слабеющей рукой, иногда говорил что-то... «Пусть все идут, — говорил он. — Я всех благословлю. Бог поможет. А то много останется плачущих». 9 мая он скончался. Это было около одиннадцати часов вечера. Три удара скитского колокола возвестили об этом скорбном событии.

В эту же ночь он стал являться некоторым монахам во сне, что продолжалось и в дальнейшем. «Как же, батюшка, ведь вы умерли?» — спрашивали его. Он отвечал: «Нет, я не умер, а, напротив, я теперь совсем здоров». Начались случаи исцеления на его могиле. В Житии приводится только восемь, но их, конечно, было гораздо больше.

На 9-й день на его могиле совершенно исцелилась одна бесноватая. Она долго болела непонятною болезнью, и сколько ни лечилась, ничто не помогало, и никто не мог определить чем она больна. Случайно придя в Оптину в то время, когда скончался старец Иосиф, она в церкви приложилась к его мертвой руке и тотчас же начала кричать. После она никак не могла спокойно проходить мимо могилы старца, всякий раз упиралась и кричала: «Боюсь, боюсь его!» Наконец, сопровождавшие ее крестьянки решили насильно подвести ее к могиле, больная упиралась, неистово кричала; но те все-таки ее нагнули и положили на могилу. Тогда она вдруг успокоилась и, полежав несколько времени, поднялась совсем здоровая. Пробыв в Оптиной довольно долгое время, она говела, причащалась, и болезненные припадки больше к ней не возвращались.

Монахиня Б-го монастыря В. П. заболела болезнью горла. Кроме того у ней сделалась какая-то сыпь на языке, так, что она не могла ни есть, ни говорить. Сильно страдая, она не знала, что ей делать. В это время она

получила письмо из Оптиной Пустыни от знакомого иеромонаха, который, зная ее любовь и скорбь, по старце, вложил для утешения в письма несколько цветов с могилы о. Иосифа. Обрадованная, она, с сильным чувством веры в исцеляющую силу молитв, встала, подошла к портрету старца и со слезами начала просить его молитвенной помощи. Затем, положив три поклона пред иконами, она взяла один цветок и проглотила его. Проснувшись на другой день утром, она почувствовала, что у ней боль прошла, только осталась маленькая неловкость. К вечеру же этого дня от болезни не осталось и следа.

Одна дама из города Д. приезжала в мае месяце к старцу Иосифу, чтобы просить его помолиться о своем сыне, которому предстояло держать экзамен; ни он сам, ни его преподаватели не надеялись на благополучные исход. Приезд ее совпал с предсмертными минутами старца, и она ничего не могла сказать ему. Не теряя веры, она мысленно обратилась к батюшке, говоря про себя: «Если ты имеешь дерзновение, то помолись, чтобы мой сын выдержал экзамен». Вернувшись домой, она вскоре получила уведомление, что экзамены прошли сверх всякого ожидания очень хорошо.

Один иеромонах, по своему послушанию, не мог придти в церковь в свободное от богослужений время, и очень скорбел, что ему так и не пришлось видеть лицо почившего старца, когда по просьбе почитателей его открывали. Через несколько времени после кончины он видит во сне, что старец, лежащий во гробе, сам приподнимает наглазник и говорит: «Ты скорбишь, что не видал меня, — вот смотри». Затем старец сказал ему еще несколько касающихся его лично слов, которые, по уверению иеромонаха, привели его в трепет и умиление. «Из этих слов я увидел, — говорит он, — какое великое дерзновение старец имеет уже и теперь, что же будет с ним после сорокового дня».

В ту ночь, когда старец скончался, одна белёвская монахиня, жившая по своей бедности лишь помощью старца и очень скорбевшая, как она теперь будет жить, видит его во сне. Батюшка приходит к ней светлый, радостный и говорит ей: «Не скорби; вот тебе батюшка Амвросий посылает на нужды 25 р.». Проснувшись и узнав, что батюшка Иосиф скончался в ночь, она подумала, что не только батюшка Амвросий, но и батюшка Иосиф теперь уже никогда не пришлет ей, а больше получать ей неоткуда. Но каково же было ее удивление, когда, через несколько дней она получила повестку на 25 р. Вскоре та же благодетельница выслала ей еще 25 р. вспомнив, что когда-то о. Иосиф просил ее помочь этой бедной монахине.

Две белёвские монахини, преданные ученицы старца, спешили в Оптину к 40-му дню. По недостатку средств они шли пешкам. Одна из них, более слабая, сильно устала и просила свою спутницу остановиться для отдыха: но та боялась опоздать ко всенощной и не хотела садиться. Наконец, выбившись из сил, она уговорила свою товарку, и они сели на полусгнившее дерево. Вдруг они услышали, что около них что-то упало, и в это время ее спутница закричала: «Вставайте скорее, — здесь змея!» Думая, что та ее нарочно пугает, чтобы заставить уйти, монахиня сначала не поверила, но тут же с ужасом увидала страшную гадюку. Оказалось, что под этим деревом было змеиное гнездо, и только молитвы почившего старца, на память которого они с таким усердием спешили, избавили их от смертной опасности.

Рассказывает про себя белёвская монахиня О. «Будучи бедна, я, живя в монастыре, должна была зарабатывать себе сама на содержание, и потому дорожила каждым днем. Но имея любовь и веру к старцу, я не пожалела времени, и занялась порученным мне записыванием случаев чудесной помощи от батюшки Иосифа. И батюшка не

остался у меня в долгу, а скоро вознаградил меня. К моему крайнему удивлению, монахиня, от которой я никак не могла ожидать, вдруг приносит мне деньги и говорит: "Вот вам за труды и любовь к старцу". В это же самое время у меня сильно болели зубы, и сколько я ни перепробовала лекарств, ничего не помогало. Но как только я начала трудиться для прославления старца, так у меня блеснула мысль (верю, что это было внушение батюшки) принять микстуру от расстройства нерв. Я сразу почувствовала облегчение, и с тех пор, за молитвы старца, у меня зубы больше не болят"».

На 40-й день после торжественных соборных служб, в продолжение целого дня не смолкали панихиды на могиле старца. Одна монахиня, стоя вблизи, мыслями перенеслась в скитскую хибарку. Живо предстал перед ней образ старца светлый, кроткий, ласковый. Вот она стоит перед ним и изливает свою душу... вот старец встаёт, берет со стола просфору и, подавая ей, ласково говорит: «Вот тебе!» Никогда больше не повторятся эти драгоценные минуты, никогда не даст батюшка больше просфорки. В это время запели: «Со святыми упокой», а служащий иеромонах, торопливо достаёт из кармана просфору и, обращаясь к близстоящей монахине, просит передать, называя имя той, которая только что скорбела, что никогда не получит больше от батюшки просфорки. Как и почему иеромонаху пришло в голову послать просфору во время служения панихиды именно ей, когда она стояла сравнительно дальше других?*

Посмертные чудотворения старца Иосифа продолжались и потом. Молитвы к нему не умолкали никогда. Смиренный и кроткий послушник Божией Матери имеет великое дерзновение перед Господом.

---

* Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893. С. 190–194.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БЛАГОУХАННЫЕ ДАРЫ СТАРЦА НЕКТАРИЯ

Св. преподобный Нектарий Оптинский

Старец Нектарий звался в миру Николаем Васильевичем Тихоновым и родился в 1853 году в городе Ельце Воронежской губернии. Родители его были люди бедные, умерли рано, еще тогда, когда будущий старец был отроком. Благословение отца — икону святителя Николая — он хранил всю жизнь. Оставшись сиротой, он трудился в лавке купца Хамова, был скромен и усерден, и хозяин, человек православный и добрый, решил выдать за него свою дочь. Но юноша уже тогда имел другие намерения, — он много читал духовной литературы, часто бывал и храме и начинал подумывать о монашестве. С целью выяснить это получше, он обратился к известной тогда там схимнице Феоктисте духовной дочери святителя Тихона Задонского, и она сказала ему: «Пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет что делать». Он пошел пешком в Оптину. Там, в Скиту, разыскал он о. Илариона, скитоначальника, но тот сразу отправил его к старцу Амвросию, который и решил его судьбу — принял послушником в Скит.

Двадцать пять лет прожил он в келлии при церкви св. Иоаниа Предтечи, будучи пономарем и ризничим. Духовным его отцом стал о. Анатолий (Зерцалов). В 1876 году он был пострижен в рясофор, а в 1887-м, в мантию с именем Нектария (в честь преподобного Нектария Киево-Печерского). Долгое время находился он в полузатворе, много читал, еще больше подвизался в молитве, в посте. Жил он в тишине и смирении, возрастая в любви к Богу. В 1898 году последовало рукоположение его во иеромонаха. Внутренняя его жизнь была, очевидно, настолько глубока, что он благодаря ей восприял от Господа великие дары. В 1912 году, как ни ссылался о. Нектарий на свое «скудоумие» и якобы неумение нести тяготы, братия избрала его старцем на место отбывшего в Старо-Голутвин монастырь о. Варсонофия. А так как он продолжал возражать и после избрания, архимандрит Ксенофонт сказал: «Отец Нектарий, прими послушание!» И он, конечно, принял. Он стал принимать братию, шамординских и белёвских монахинь, затем и мирян в хибарке старцев Амвросия и Иосифа. В житии о. Нектария (Оптинском, 1996 года) приводится множество разных случаев чудесной помощи, оказанной им православным людям, пророческих высказываний, удивительных символических действий, назначавшихся вразумить человека, пробудить его сознание, совесть, призвать к раскаянию, избавить от уныния. Об этом сохранилось много воспоминаний. В 1913 году журналист и писатель В. П. Быков выпустил книгу «Тихие приюты дли отдыха страдающей души», где поместил свои лекции, в которых рассказывал о своем обращении к Православию и о своих впечатлениях о посещении многих монастырей Калужской епархии. В книге есть глава об Оптиной Пустыни. Быков был известным в Рос-

сии и Европе спиритом, издателем журнала «Спиритуалист» (с приложениями, — оккультным журналом «Голос всеобщей любви» и газетой с выразительным названием «Оттуда»). Кроме того он читал публичные лекции о магии и оккультизме. Это был масон, член одной из российских лож ордена Розенкрейцеров. В 1910 году он участвовал в работе Всемирного конгресса спиритов в Брюсселе. Словом, не считая Христа Богом, он старался ниспровергнуть Православие. На этом съезде впервые в нем проснулось сознание неправоты своего дела. Он приехал оттуда в тяжелом раздумье... Он приехал в Оптину летом 1913 года с неясными еще для него самого намерениями. Он хотел побеседовать со «старцами», но не о своем спиритизме, а просто о душевном устроении и грехах, ничего не открывая, не как масон, а как просто заблудившийся человек. В Скиту он попал к о. Феодосию, скитоначальнику, но тот отправил его к старцу Нектарию.

«Я ожидал очень недолго, — писал Быков. — Через какие-нибудь 10–15 минут я услыхал, как в передней все зашевелились. Встал и я, приблизился к двери, и вижу, как, направляясь ко мне, идет старец, человек очень невысокого роста, в таком клобуке на голове, в каком обыкновенно пишется и рисуется старец Амвросий. О. Нектарий пригласил Быкова к себе в келлию и начал с ним разговор с самых простых вопросов. Он не знал, кто перед ним. Быков пишет, что поймав в его ответах слово «гипнотизм» (но в бытовом смысле сказанное) старец «в самых популярных выражениях прочитал мне целую лекцию в самом точном смысле этого слова — о гипнотизме, ни на одно мгновение не отклоняясь от сущности этого учения в его новейших исследованиях. Если бы я пришел к старцу хотя бы второй раз, и если бы я умышленно сказал ему, что я — спирит и оккультист, что я интересу-

юсь, между прочим, и гипнотизмом, я, выслушавши эту речь, мог бы с спокойною душою заключить, что старец так подготовился в этому вопросу, что за эту подготовку не покраснел бы и я, человек вдвое моложе него». Но это было не всё... Старец, продолжая говорить, сказал: А вот еще более ужасное, еще более пагубное для души, да и для тела увлечение — это увлечение спиритизмом. Быков был потрясен. Он краснел и бледнел, как бы обличаемый старцем. А он сам-то еще ни в чем не признался. Старец не умолкал. Он развернул перед Быковым всю страшную картину его оккультной деятельности и всю ее греховность. «Старец как по книге читал скорбные страницы моей жизни, а мои воспоминания в это время только лишь иллюстрировали его слова, — писал Быков, Беседа была долгой. Наконец о. Нектарий обличил его прямо: «Оставь, брось это, — тихо слазал он. — Еще не поздно. Иначе можешь погибнуть. Мне жаль тебя». Это было последней точкой, — душа Быкова возродилась к истинному добру. С Божьей помощью старец совершил в ней переворот, обратил ее к Христу. Из хибарки, из Оптинского Скита бывший спирит вышел другим человеком. Он стал разоблачать то, чем прежде занимался, и с большой любовью писать о православных монастырях, так что книги его многим открыли туда паломнические пути.

Когда настали тяжелые для России годы старец много скорбел, его почти всегда видели с платком в руке и слезящимися глазами. Он так и во сне многим являлся — с платком. Летом 1917 года, перед революцией, он, как записал протоиерей Василий Шустин, высказал следующее: «Тяжелое время наступает теперь. В мире, теперь, прошло число шесть, и наступает число семь. Наступает век молчания. Молчи, молчи, — говорит батюшка, и слезы текут у него из глаз. И вот, Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 год будет еще тяжелее. Государь и вся Се-

мья будут убиты, замучены. Да, этот Государь будет великомученик»*.

Сила скорби о. Нектария была такова, что он хотел даже уйти в странничество. Но ему явились все Оптинские старцы и сказали: «Если хочешь быть с нами, не оставляй духовных чад своих». И он не оставил. Тяжкий крест свой понес**. Какой поток обездоленных людей потёк к нему!

«Часто вместо ответа он расставлял перед посетителями куклы и разыгрывал маленький спектакль. Куклы, персонажи спектакля, давали ответы на вопросы своими репликами. Так, владыка Феофан Калужский не верил в святость старца. Как-то приехал он в Оптину и зашел к отцу Нектарию, Тот, не обращая на него внимания, играл в куклы: одну наказывал, другую бил, третью сажал в тюрьму. Владыка, наблюдая это, утвердился в своем мнении. Позже, когда большевики посадили его в тюрьму, он говорил: “Грешен я перед Богом и перед старцем”. Всё, что он показывал мне тогда, было про меня, а я решил, что он ненормальный»***.

Как и у большинства оптинских старцев, у о. Нектария были некоторые моменты юродства, которое у них призвано было прикрыть прозорливость. Но и в этом случае прозорливость, как она ни прикрывалась, являлась весьма очевидно и потрясала души. Посмотрим, как она проявлялась у о. Нектария в тех немногих случаях, которые сохранились в записи. Вот монахиня Анна попросила батюшку, чтобы он позволил привезти в Оптину ее сестру, которая ослепла и жила в богадельне в Москве. Старец не благословил, только велел одной на своих духовных дочерей навестить ее, передать посылку

* «Цветочки Оптиной Пустыни»», М, «Паломник», 1995, С. 136.

** Житие Оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 136.

*** Там же.

от матушки Анны и попросить отца Сергия Мечева причастить больную. Позже, в Оптиной, батюшка рассказывал: «Видишь ли, я благословил ее идти в монастырь, она не послушала, вот и ослепла». Затем обернулся к матушке Анне и добавил: «Она скоро умрет, но перед смертью прозреет и последние дни будет жить очень хорошо, и похоронят ее самым лучшим образом». Действительно, так и случилось, умерла она в том же году.

«Многие посетители старца, — говорится в Житии его, — каждое движение его стремились истолковать символически, например, считая, что если старец дает конфеты, значит, жди горя. Порой это очень тяготило его. Однажды он рассказал: «У меня иногда бывают предчувствия и мне открывается о человеке, а иногда — нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына, ребенка девятилетнего, что с ним нет сладу. А я ей говорю: «Потерпите, пока ему исполнится двенадцать лет». Я сказал это, не имея никаких предчувствий, просто потому, что по научности знаю, в двенадцать лет у человека часто бывают изменения. Женщина ушла, и я забыл о ней. Через три года приходит эта мать и плачет: «Умер сын мой, едва исполнилось ему двенадцать лет». Люди говорят, что вот, батюшка предсказал, а ведь это было простым рассуждением моим по научности, я потом всячески проверял себя — предчувствовал я что-нибудь или нет? Нет, ничего не предчувствовал».

Иногда старец так же прямо говорил: «Тебе это прикровенно, а я знаю». Как-то, разговаривая с одной петербургской барышней, которая любила развлечения, шумные компании, старец Нектарий сказала «Если бы вы имели и весь мир во власти, и тогда бы вам не было покоя и вы чувствовали бы себя несчастной, ваша душа мечется, страдает, а вы думаете, что ее можно удовлетворить внешними вещами или наружным самозабвением. Нет, всё это не то, от этого она никогда не упокоится... Надо оставить всё».

Отец Нектарий долго сидел, склонив на грудь голову, потом сказал:

— Я вижу около вас благодать Божию. Вы будете в монастыре.

— Что вы, батюшка, я-то в монастыре? Да я совсем туда не гожусь! Да я не в силах там жить!

«Я не знаю, когда это будет — может быть скоро, а может лет через десять, но вы обязательно будете в монастыре, — подтвердил батюшка.

Вскоре она уехала на Алтай и поступила там в монастырь. «Вот как дивно исполнились слова, сказанные батюшкой, писала потом та исповедница. — «Я вижу около вас благодать Божию. Вы будете в монастыре». Я тогда удивилась и не поверила, а через два месяца после того разговора я действительно уже надела иноческую одежду. Благодарю Господа, вразумившего меня съездить в этот благодатный уголок — Оптину Пустынь. Не поехала бы туда – и до сих пор не была бы в монастыре, и до сих пор носилась бы в бурных волнах житейского моря. Слава Богу за всё!»

Порой старец Нектарий говорил: казалось, невероятные вещи, но они непременно сбывались, иногда не сразу — через годы. Монахиням Алексии и Ксении, тогда еще молодым паломницам, старец предсказал, что у них будет много деток: «Вот уедете в Святую Землю и у вас будет много деток». Девушки пришли в ужас, они собирались посвятить свою жизнь Богу, а не создавать семью. И только в 1933 году пророчество старца Нектария стадо сбываться. К этому времени они были уже на Святой Земле и к ним привели девочку восьми дет (впоследствии мать Иоанна), вскоре и ее двоюродную сестру. Митрополит Анастасий сказал матери Алексии, чтобы она взяла на воспитание и арабских детей. Та не хотела, так как все время писала иконы, но не посмела ослушаться владыки. Тут-то вспомнила монахиня Алексия пророчество старца. Позже матушки переехали в Чили,

организовали детский приют имени святого Иоанна Кронштадтского и школу.

Однажды Татьяна Галицкая пришла к старцу, а он стал вытирать ей глаза платком. Вскоре она поняла пророчество батюшки. Так старец Нектарий предсказал ей беды, которые обрушились на ее семью: тяжелое ранение старшего сына, болезнь младшего — брюшной тиф, трагическая потеря мужа — он попал под поезд, голод, эвакуация...

О прозорливости старца вспоминал и профессор И. М. Андреев, который в 1927 году переписывался с отцом Нектарием через одного монаха, жившего в Козельске. Старец предсказал профессору, что ему предстоят очень тяжелые испытания и страдания, но что всё кончится благополучно. Так и случилось*.

Схимонахиня Фомаида (Ткачева) вспоминала: «Я поехала в Оптину Пустынь, не зная даже, в чем состоит старческое руководство. Сначала я попала к батюшке Анатолию, а через несколько дней к батюшке Нектарию. Он мне дает книгу епископа Игнатия Брянчанинова об умной молитве, написанную литературным, а не специфическим монашеским языком. Я читаю и думаю: «Как они здесь читают такие книги? Ведь такой язык для них страшно труден и непонятен». На мои помыслы батюшка отвечает тончайшей улыбкой: «Конечно, мы малограмотные и таких книг читать не можем, это ведь для таких обрадованных барышень как ты написано». Тут я не выдержала, бросила книгу и упала перед ним на колени. Потом я еще два раза приезжала в Оптину, к старцам ходила**.

Духовная дочь старца монахиня Нектария рассказывала о чудесной помощи батюшки людям в тяжелые годы. «Я заметила, — вспоминала она, — что стоит только написать дедушке (так матушка условно называла старца

* Житие Оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 99–103.

** Там же. С. 291–292.

Нектария) просьбу о чем-либо, то в то же время приходит от него помощь. Очевидно, по милости Божией душа его слышит все просьбы, обращенные к нему». Так Лида Б., искала целый год работу и не могла найти, отчаялась. Хотела наняться кухаркой, прачкой, да нигде не принимали. Матушка Нектария посоветовала ей молиться о здравии дедушки. И вот она ужа через три дня получила место учительницы в деревне. Радость ее была несказанна. Другому человеку, который долгое время не мог найти работу, старец велел пойти к знакомым на Аптекарский остров в Петрограде, при этом сказал: «Там вы встретитесь с бухгалтером, который даст вам работу». Так и случилось. Тот пришел к своим знакомым и встретил там заводского бухгалтера, который и устроил его на работу. Матушка Нектария вспоминала о семье, которая оказалась в чрезвычайно бедственном положении — продавали уже последние вещи. Жена, глубоко верующая христианка, усердно ходила в храм, а муж укорял ее в том, что она «всё раздает попам», запрещал бывать в церкви. Та же в отчаянии собиралась бросить мужа и через монахиню Нектарию обратилась к старцу за советом: как поступить? Он передал ей: «Пусть отслужит молебен Святителю Николаю». Она заказала молебен и спустя два дня муж подучил хорошую работу, причем служба была разъездная, лишь раз в месяц он бывал дома. Жена имела возможность беспрепятственно ходить в церковь, поститься. Отношения в семье наладились»*.

Матушка Н.Д. вспоминала: «Умер батюшка Анатолий, я переселилась в Брянскую губернию и обрадовалась, что тут батюшка Нектарий живет, В моем селе одна женщина увидела во сне старца-монаха со слезящимися глазами, который оказал ей: «Ты придешь ко мне». По описанию ее я узнала батюшку и предложила ей поехать вместе со мной к нему. В тот день как мы приехали к

* Житие Оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 134–135.

нему, батюшка отказался обедать «Сегодня у меня гости будут, которых покормить надо». А мы, правда, приехали к нему голодные. Пошла мать Е. доложить о нас, имен-то наших она не знала. Выходит от батюшки и говорит мне: «Это вас Н. Д. зовут? Батюшка сказал, что Н.Д. приехала, я ее давно жду». А когда я вошла к нему, он сказал: «Батюшка Анатолий поручил тебя мне и просил за тебя, Я тебя три года дожидался и молился — и вот вы изволили прибыть». А та женщина, что приехала со мной, как увидела его, так и закричала: «Ты сам меня звал, я, батюшка, пришла к тебе»*.

Отцу Никону (будущему преподобному) старец Нектарий, будучи в Холмищах, предсказал ссылку**.

Протоиерей Василий Шустин вспоминает, как батюшка учил его ставить самовар: «Он взял меня за руку и провел в кладовую. Там были сложены дрова и разные вещи. Тут же стоял самовар около вытяжной трубы. Батюшка говорит мне: «Вытряси, прежде самовар, затем налей воды, а ведь часто воду забывают налить и начинают разжигать самовар, а в результате самовар испортят, и без чаю остаются, вода стоит вон там, в медном кувшине, возьми его и налей. Я подошел к кувшину, а тот был очень большой, ведра на два, и сам по себе массивный, медный. Попробовал его подвинуть, — нет, — нету силы, — тогда, я хотел поднести к нему самовар и начерпать воды. Батюшка заметил мое намерение и опять мне повторяет: «Ты возьми кувшин и налей воду в самовар». — «Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть». Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: «Возьми, — и я поднял, и с удивлением посмотрел на батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением изумления на лице.

* «Цветочки Оптиной Пустыни», М., «Паломник», 1995. С. 91.
** Там же. С. 107.

А батюшка меня спрашивает: «Ну что, тяжелый кувшин?» — «Нет, батюшка, я удивляюсь, он совсем легкий» — «Так вот и возьми урок, что так всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что это делается как послушание». Я был прямо поражен: как он уничтожил силу тяжести одним крестным знамением!»*

Далее о. Василий вспоминает: «В один из моих приездов в Оптину Пустынь я видел, как о. Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне е полученными письмами, которых было штук 50, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами: «Сюда надо дать ответ, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить». Он их не читал, но видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые и целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене, и говорит: «Вот, прочти их вслух»**.

Протоиерей о. Сергий Щукин был в молодости инженером. Вот он приехал в Оптину Пустынь и пришел в Скит, в хибарку к старцу Нектарию. «Когда о. Нектарий подошел ко мне, — вспоминал он, — я начал как можно короче объяснять ему мое положение но, как часто бывает в таких случаях, краткости и ясности у меня не получилось. Я попытался объясниться получше, но старец, уже как бы поняв меня, начал говорить сам. Мои трудности заключались в том, какую выбрать службу и чем руководствоваться при этом. А о. Нектарий ответил мне, примерно так: «Да, да, служите, конечно... вы ведь человек ученый. Но, только не гонитесь за большим, а так, понемножку, полегоньку». Вот и всё — и он перешел к следующему. На первых порах мне даже показалось, что я не получил никакого ответа на мои нужды, вернее, я ожидал от старца чего-то большего, чем эти простые слова. Но я вспомнил, что старцы часто отвечают не прямо,

* «Цветочки Оптиной Пустыни», М., «Паломник», 1995. С. 133.

** Там же. С. 134.

а иносказательно, заставляя вдумываться в истинный смысл ответа. Действительно, размышляя далее над его ответом, я вскоре убедился, что подучил вполне ясный и определенный ответ на мои сомнения, А поняв это, и сразу почувствовал в душе необыкновенную легкость, радость и покой*.

Архимандрит Борис (Холчев) вспоминал о том, как его друг врач С.А. Никитин (позднее епископ Калужский Стефан), ездил к о. Нектарию в Холмищи, надеясь разрешить вопрос о своей работе по окончании института: быть ли врачом-практиком или заниматься медициной как наукой. «Привез его отец Никон в Холмищи в сумерках, «пришедше на запад солнца», — писал о. Борис, — В добротной крестьянской избе Андрея Ефимовича, на половине отца Нектария читались вечерние молитвы. В горнице тихо, слушали чтение несколько человек... Чтение кончается. Близится отпуст. И вот из-за легкой перегородки появляется седенький согбенный старец. Как-то по особому он идет. «Едва топчется», — подумал Сергей Александрович, и какие-то новые для него, чужие навязчивые мысли овладели сознанием: «К кому ты пришел? Ведь этот старикашка, должно быть, выжил из ума? Смешно». Незнакомое чувство противной досады, легкой озлобленности, оскорбленного самолюбия омрачило внутренний мир Сергея Алексеевича. Кто-то невидимый, но злой, настойчиво навевал ему чувство вражды к внешности, движениям, интеллектуальным и духовным способностям... Уйти бы... Между тем о. Нектарий произнес отпуст, и присутствующие стали по одному подходить к нему за благословением. Сергей Алексеевич делает то же со всем внешним уважением к священному сану старца. Отец Нектарий всех благословил, но сказал, что плохо себя, чувствует и просит приехавших воспользоваться гостеприимством на половине Андрея Ефимовича. Тогда отец Никон замолвил слово за Сергея Алексеевича, ска-

* «Цветочки Оптиной Пустыни», М., «Паломник», 1995. С. 141.

зав, что, дескать, вот московскому врачу нужно будет завтра рано уехать, чтобы к сроку попасть на работу. Старец согласился поговорить с Сергеем Алексеевичем тотчас и оставил его в горнице. Все прочие тотчас вышли.

Отец Нектарий с трудом добрался до кресла у стола, и предложил гостю присесть, сел сам в кресло, выпрямился несколько и спросил Сергея Алексеевича: «Скажите, а не приходилось ли вам изучать священную историю Ветхого Завета?» — «Как же, учил». ответил Сергей Алексеевич, — «Представьте себе, — переходя от вопроса к повествованию, стал говорить отец Нектарий, — ведь теперь совершенно необоснованно считают, что эпоха, пережитая родом человеческим в предпотопное время, была безотрадно дикой и невежественной. На самом деле культура тогда была весьма высокой. Люди многое что умели делать, предельно остроумное по замыслу и благолепное по виду. Только на это рукотворное достояние они тратили все силы тела и души. Все способности свои первобытной молодой еще природы они сосредоточили в одном лишь направлении всемерном удовлетворении телесных нужд. Беда их в том, что они «стали плотью». Вот Господь и решил исправить эту их однобокость. Он чрез Ноя объявил о потопе, и Ной сто лет звал людей к исправлению, проповедовал покаяние пред лицем гнева Божия, а в доказательство своих слов строил ковчег. И что же вы думаете? Людям того времени, привыкшим к изящной форме своей цивилизации, было очень странно видеть, как выживший из ума старикашка сколачивает в век великолепной культуры какой-то несуразный ящик громадных размеров да еще проповедует от имени Бога о грядущем потопе. Смешно.» Сергей Алексеевич, сначала не понимавший, к чему, собственно, отец Нектарий, стал говорить о допотопной культуре, вдруг узнал в словах старца знакомые выражения. Ведь именно такая мысль шипела у него в голове, когда он впервые увидел «топчущегося» старца «Вы-

живший из ума старикашка» — вспомнил он. А этот «старикашка», оказывается, прочитал его мысли. Сергеем Алексеевичем овладело сильное смущение, лицо моментально зарделось, чуть ли не задвигались волосы. Испарилось всё о чем он хотел спросить отца Нектария. Утром старец Нектарий не получивший еще от приезжего никаких вопросов, благословил его и сказал: «Врач-практик... врач-практик». Вот и всё*.

Старец Нектарий в своей ссылке, в деревне Холмищи, переживал большие трудности, чинимые, главным образом чекистами. Ему запрещали принимать людей, требовали непомерно большей денежный налог, который люди собирали, хотя и с трудом, и привозили старцу, так как, естественно, у него откуда что могло быть. А с какими нуждами и вопросами к нему приезжали люди — уже это вызывало напряжение, от которого слабело здоровье старца, всей душою пережившего бесчисленные беды, заботы и несчастья людей. Господь помогал ему, — он многим и многим указал пути, где им становилось несколько легче подсказывал такие решения, которые давали возможность жить и в условиях бедности и гонений. Есть сведения, что через доверенных лиц обращался к старцу с некоторыми важными церковными вопросами святитель Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси. Ему писали люди ученые, в том числе и из-за границы, хотя связь с заграницей тогда властями рассматривалась едва ли не как уголовное дело. Постоянно бывали у него священники, монахи, множество простых людей стремилось в Холмищи в любое время года — и зимой в стужу, и ранней весной в распутицу, и осенью во время непогоды и дождей, — шли пешком, ехали на лошадях — и тоже с трудом, и никогда никто не был разочарован посещением о.Нектария, А он всё слабел, старел. И это происходило довольно быстро.

---

* «Цветочки Оптиной Пустыни», М., «Паломник», 1995. С. 150–152.

Старец Нектарий скончался в апреле 1928 года. 29 апреля приехал в Холмищи священник о. Адриан Рымаренко, В этот день старец начал умирать, — при нем была только Мария Ефимовна (дочь хозяина дома). О. Адриан находился на другой половине дома. Мария Ефимовна потом рассказывала: «Какой батюшка был великий прозорливец! Ведь начал умирать при мне, я хотела остаться совсем одна, но вспомнила, как еще 6 января он говорил мне: «Маня! Позови отца Адриана!» И когда я объяснила, что отца Адриана здесь нет, батюшка категорически ответил! «Позови! Его забрали на другую половину!» Я вспомнила это теперь и задрожала от мысли, что нарушаю батюшкин завет». Она позвала о. Адриана. Матушка о. Адриана так описывает последующее: «Всех позвали чай пить на половину хозяина. О. Адриан и Софья Александровна (Энгельгардт, духовная дочь о. Нектария) пошли. Вскорости вбегает Мария Ефимовна с криком: «Отец Адриан, идите скорее!» Отец Адриан бросился к батюшке... Увидел, что батюшка умирает и начал читать отходную... По кончине батюшки, когда о. Адриан закрыл ему глаза, Мария Ефимовна с плачем сказала: «Какой батюшка был прозорливец! Ведь я хотела остаться одна при батюшкиной кончине, я видела, что батюшка кончается и начала читать отходную, но вдруг вспомнила слова старца, сказанные мне в январе: «Позови о. Адриана, вы его увели на другую половину». Прозорливость батюшки проявилась и в том, что он не велел хоронить себя на кладбище при холмищенской Покровской церкви, — а просил это сделать на общем, что на некотором расстоянии от села, что и исполнили. А вскоре храм властями был уничтожен, как и церковное кладбище. Мирское же кладбище оставалось нетронутым, — и там в 1987 году обретены были святые мощи старца Нектария которые и были перенесены в Оптину Пустынь.

Были явлены и посмертные чудеса. «Священник города Белёва рассказывал об одной из своих прихожанок, которая из-за болезни ног не могла ходить. Врачи отказывались ее лечить, ссылаясь на преклонный возраст. Священник передал ей песок с могилы старца и посоветовал приложить к больным ногам. На другой день старушка сама пришла в храм, благодарила Бога и старца за исцеление. Многие другие чудеса совершались и по сей день совершаются по молитвам старца Нектария»*. «Могилочка старца Нектария, — писал протоиерей Леонтий, настоятель храма в Нижних Прысках, — земелька на ней и песочек наполнены удивительной благодатью Божией. Рассказывали мне духовные чада старца такой случай. Одна старушка жила в Москве в небольшом деревянном доме. Видя огромное строительство многоэтажных домов вокруг и опасаясь за свой домик, она стала просить заступничества у старца Нектария, Посыпав вокруг своего жилища земельку с могилки батюшки, она стала усердно молиться старцу, чтобы он помог остаться жить в домике, к которому она так привыкла, И произошло чудо! Огромное строительство дошло до ее дома, перешагнуло через него и пошло дальше. Только после ее смерти этот домик был снесен. Мне часто приходилось бывать в гостях у одной старушки, жившей в Москве на проспекте Мира в деревянном доме. Ей тоже не хотелось переселяться в другое место. Она посыпала земельку с могилки старца Нектария внутри своей комнаты и просила батюшку, чтобы он защитил ее. Так и прожила она в этом доме до своей смерти, И вот представьте себе, что, когда она скончалась, дом был снесен, а на его месте, практически в самом центре города, был устроен цветник. Это я видел собственными глазами»**.

---

* Житие Оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 170.

** Там же. С. 308–309

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«БОГ ВОЗГЛАГОЛА ВО СВЯТЕМ СВОЕМ...» (ПС. 59. 8)

Преподобные: Анатолий (Зерцалов), Варсонофий и другой Анатолий (Потапов)

Св. преподобный Анатолий Оптинский (старший)

В 1873 году после кончины преподобного Илариона скитоначальником стал иеромонах Анатолий, ближайший ученик старца Амвросия, духовник братии, делатель Иисусовой молитвы, В кратком житии его говорится: Для многих и многих искателей горнего мира наши два старца-друга о. Амвросий и его пламенный почитатель и ученик о. Анатолий были два неразлучных светильника. Вместе несли они бремя духовного руководства иноков, вместе и потрудились над устроением Шамординской Пустыни. И как о. Анатолий ни бегал мира, как ни уединялся от женского общества, — ему всю жизнь пришлось провести и умереть на людях, и много потрудиться для женского монашества... Как только стала устраиваться обитель эта, опытный в духовной жизни и одаренный многими благодатными дарами великий старец Амвросий много вложил в это дело своей любви и забот. Но, как

прикованный к болезненному одру, он не мог сам туда часто ездить и всем непосредственно руководить. Это-то дело ближайшего руководства иной обителью он и возложил на о. Анатолия, а тот был ему самым верным и преданным сотрудником. И его труды охватывали все стороны жизни обители и ее насельниц»*.

Что касается собственно духовной жизни, то тут о. Анатолий во всем полагался на старца Амвросия. Даже по должности скитоначальника он по всем вопросам обращался к нему и всегда получал совет и помощь. О. Анатолий был духовным отцом и мудрым руководителем для будущих старцев — о. Нектария и о. Варсонофия. Старец Нектарий вспоминал: «Через год после поступления в Скит батюшка отец Амвросий благословил меня обращаться как к духовному отцу к начальнику Скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины последнего в 1894 году... Я к нему двадцать лет относился и был самым последним сыном и учеником, о чем и сейчас плачу. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старцев нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостоин. На вопрос мой об этом духовный отец мой иеромонах Анатолий отвечал, что причиной сему — моя вера и любовь к старцу».

Как-то случилось о. Нектарию высказать некоторое свое неудовольствие по отношению к старцу. И вот ему во сне явился о. Анатолий (он еще жив был) и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старцев, руководствуясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за свои действия дает отчет только Богу,

---

* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Июль. Стр. 81.

значения их мы не постигаем». Это чудесное внушение о. Нектарий запомнил навсегда*.

Путь о. Анатолия в монашество отмечен был чудесами, — Сам Господь то удерживал, то направлял его в нужную сторону. Так, однажды, он решил оставить семинарию и уйти к отшельникам в Брянские леса. «Однажды он уже с этим намерением отошел от Калуги за несколько верст, как вдруг поднялась сильная буря и гроза, пошел проливной дождь, и он вернулся обратно в Калугу, видя в этих грозных проявлениях природы несоизволение Божие на свой путь**. «Однажды он поддался было влиянию товарищей и начал в Петровский пост есть молоко, но тут же тяжко заболев, понял, что это было наказание за нарушение поста, и с тех пор свято соблюдал все посты. Несколько лет прослужил он в Казенной Палате. Не переставая думать о монашестве, он тем не менее, всё как будто ожидал более ясного, определенного указания Божия. И случилось это, как и всегда, незаметно, — воля Божия о поступлении его в обитель проявилась в обычных обстоятельствах его жизни. Он заболел одновременно с двумя своими товарищами-чиновниками. Доктор нашел чахотку. Тогда больной дал обещание, если выздоровеет, не откладывая идти в монастырь. Товарищи Алексея скоро умерли, а он стал поправляться. По выздоровлении он отказался от службы, поехал домой, сходил с матерью на богомолье и затем решился бесповоротно оставить мир. Придя в Оптину Пустынь, он остался в ней навсегда»***.

Приезжая в Шамордино, о. Анатолий старался во всем помочь сестрам, ободрить их, уберечь от неверных

* Житие Оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 17.

** Житие и поучения Оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Издание Введенской Оптикой Пустыни. 1994. С. 10.

*** Там же. С. 11

шагов и несчастий. Был такой случай, — приехав на хутор Руднево, где тогда трудились сестры, о. Анатолий вдруг сказал им, чтоб на эту ночь они ушли в Преображенский, также шамординский хутор. Они не поняли, зачем нужно было это делать, но послушались, как всегда и слушались о. Анатолия. А в эту ночь Руднево сгорело вместе со всеми постройками и даже бывшей там скотиной*.

Одна отроковица в Калуге хотела поступить в монастырь, — она приехала в Оптину Пустынь, там с ней беседовал о. Анатолий, который и увидел в ней истинную будущую монахиню. Но потом она заболела, и тетка, у которой она жила, которая ухаживала за ней, никак не хотела, чтобы о. Анатолий приехал — может быть уже напутствовать умирающую. Старец Анатолий так описал свое чудесное посещение отроковицы: «Эта отроковица просто чудеса творила. Сколько лет она боролась с теткой, как со зверем, из-за Оптиной. Так и пошла в могилу, не изменив Оптиной. Несколько лет она чахла, последние месяцы очень тяжко. А две-три недели назад она совсем было отошла и к ней никого не допускали. Но Лиза, бывшая помощница ее и подруга, прокралась к ней и шепнула: «Батюшка собирается к нам». Умирающая вдруг оживилась и сказала: «Теперь духом буду жить до тех пор», и действительно дождалась меня. Но еще чудеснее: тетка ее страшно гневалась на меня и говорила: «Ноги его здесь никогда не будет». А когда сказали ей, что я приехал, она радостно вскричала: «Как будет Катенька теперь рада!.. Попросите батюшку, пока я Катеньку подготовлю к встрече». И сама за мной прислала в гостиницу. Господь сподобил меня застать Катю еще живою. И много мы говорили с ней»**.

* Житие и поучения Оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Издание Введенской Оптикой Пустыни. 1994. С. 20.

** Там же. Письмо № 373.

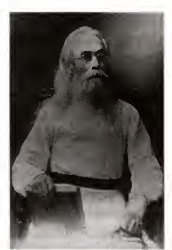
В конце 1892 года О. Анатолий поехал в Петербург, где обратился к врачам до поводу своего основательно разрушившегося здоровья. Они не сказали ему ничего утешительного: плохое сердце, отечные легкие. Рекомендовали ему модный, водолечебный курорт в немецком городе Эмсе. Но какой же курорт монаху! Так и оставил о. Анатолий свои попытки лечения, возложил всё на Господа. В Петербурге он встретился со св. праведным Иоанном Кронштадтским, который позвал его в Кронштадт, послужить вместе с ним в Андреевском соборе. И вот там, как вспоминает о. Варсонофий, — «когда началась Литургия, о. Иоанн увидел, что с батюшкой о. Анатолием служат два ангела. Неизвестно, видел ли их сам батюшка о. Анатолий или нет, но о. Иоанн ясно видел их»*.

В один из последних дней своей жизни, когда он уже не мог выйти из келлии, о. Анатолий, судя по всему, удостоился благодатнейшего видения: можно думать, что ему явилась Сама Нераздельная Троица: «Раз как-то поздно вечером он велел подать стол, положить на него крест, зажечь свечи и принести кадило. Когда всё было готово, он запел: «Кресту Твоему покланяемся, Владыко...» — и всем велел петь и кадить кругом, затем велел везде окропить богоявленской водой. Когда все кончили и разошлись, больной как бы задремал, склонив голову. Через несколько минут он вдруг поднял голову и руки, как делает служащий священник во время пения Херувимской, и воскликнул: «О, Троице!» Взор его был устремлен куда-то вверх»**.

Старец Варсонофий в то время, когда скончался о. Анатолий, его духовный отец, был еще послушником, хотя уже седовласым. О. Анатолий провидел в нем его

* Житие Оптинского старца Варсонофия, Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 85.

** Там же. С. 33

Св. преподобный Варсонофий Оптинский

будущее. Перед своей кончиной он сказал одной шамординской монахине, ухаживавшей за ним вместе с несколькими другими сестрами: «Знаешь, мать, какой человек у нас в Скиту? Вот с ним бы я мог быть вполне единомысленным». Он имел в виду брата Павла (мирское имя о. Варсонофия). Брату Павлу было сорок шесть лет, когда он пришел — по приглашению покойного старца Амвросия — в Оптину Пустынь, в Скит. И, как бывает весьма редко, он сразу вступил на подвижнический путь. В миру он был полковником, начальником мобилизационного отдела штаба Казанского военного округа. С молодости был верующим, нравственно чистым человеком, чуждавшимся всяких пустых и неполезных развлечений. Встречался с монахами, читал книги святых отцов-аскетов, рано начал думать об оставлении мира и поступлении в монастырь. Образование его было разносторонним и глубоким, он имел и литературный талант (публиковал в журналах стихи), так что впоследствии, будучи старцем, мог оказать существенную духовную помощь людям интеллигентным. Он дважды приезжал в Оптину к старцу Амвросию, а в третий раз — на Рождество Христово 1891 года, он приехал насовсем в Скит (к этому дню в Петербурге он был представлен к генеральскому чину). И вот вместо генерала — скромный послушник в подряснике. Послушнический путь его был нелегок, но об этом лучше прочитать в его Житии, изданном в 1995 году Оптиной Пустынью. Благодаря Божьей помощи он быстро возрастал в духе, был руко-

положен в священный сан и вскоре после Японской войны стал скитоначальником и старцем.

Как и его предшественники, он имел дары апостольские и силою Господней творил чудеса, — о них мы расскажем, но прежде коснемся тех чудесных случаев, которые происходили с самим старцем в течение всей его жизни, начиная с детства. Их много и это случаи весьма поразительные.

В детстве он был с отцом в храме и вдруг увидел, что на иконе Божия Матерь улыбается и манит его к себе, так что он в изумлении воскликнул! «Папа, папа, Она живая!» О другом случае есть рассказ старца: «Шести лет был я в саду с отцом и перерывал песочек на аллейке. Вдруг по аллейке идет странник. И дивно, как он мог попасть в сад, когда он окружен большими собаками, которые без лая никого не пропускают. Тихо подошел странник к отцу и, показывая на меня рукой, говорит: «Помни, отец, это дитя в свое время будет таскать души из ада!» И после этих слов он вышел. Потом мы его нигде не могли найти. И Бог его знает, что это был за странник»*.

Когда старец учился в Кадетском корпусе в Полоцке (он тогда носил название военной гимназии), он там много молился. «Воспитанники, обыкновенно, — писал он, — вставали в 6 часов, а я вставал в 5 часов, уходил в аллею и, стоя меж берез, молился. И тогда я молился так, как никогда уже более не молился: то была чистая молитва невинного отрока. Я думаю, что там я себе и выпросил, вымолил у Бога монашество**. Впоследствии знакомый ему монах Афанасий в Казани предсказал ему о том же, что он будет монахом***. Будучи офицером, в Казани, Павел Иванович (будем пока так звать старца,

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 11.

** Там же. С. 17.

*** Там же. С. 31.

его мирским именем) брал в оперном театре ложу на сезон. Но вот раз, это было в 1880-х годах, давали там «Гугенотов» Мейербера. Раздались арии. А на Павла Ивановича вдруг напала тоска. Он вспоминал: «В душе как будто кто-то говорил: «Ты пришел в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрешь, что тогда? Господь сказал: «В чем застану, в том и сужу. Уйди скорее из театра... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?» Мне стало страшно. Я вполне согласился с этим внутренним голосом и думаю: «Надо уйти». Тогда начинает говорить другой голос: «А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк...» Опять первый голос! «Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать на их вопросы». Началась борьба, но первый голос взял верх, и я решил уйти. Тихо поднялся со стула, едва слышными шагами добрался до двери, быстро закрыл ее за собою и быстро пошел к выходу. С лестницы почти бежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, кликнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр, и действительно не ходил... Затем прошли годы, я снова вспомнил, и захотелось мне узнать, какое число было тогда, чья была тогда намять. Я справился и узнал, что тогда было 4 октября, память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев... Господи, да ведь это меня свт. Варсонофий вывел из театра!.. Какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается — точно по какому-то особенному таинственному плану»*.

Кто-то предложил Павлу Ивановичу сходить к блаженной Аннушке, которая сорок лет не вставала с по-

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 36–37.

стели. Она предрекла ему не только монашество, но и схиму*. То же предсказала ему монархиня Варвара**. Раз по делам службы приехал он в Москву и там случилось ему во время богослужения быть в одном храме, где совершал в это время Литургию отец Иоанн Кронштадтский. «О. Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник, то есть Литургия кончалась. Поставя Чашу, он увидел военного, подошел к нему, поцеловал ему руку и молча отошел к престолу. Присутствующие переглянулись — конечно, это какое-то важное предзнаменование: не будет ли этот полковник священником?»*** Один отрок, бывший воспитанником Павла Ивановича, а потом ставший иноком, видел сон: будто идет Павел Иванович во всем белом к кладбищу и поёт — «Воду прошед яко сушу, и египетского зла избежав...». «Впоследствии, — рассказывал о. Варсонофий, — мне истолковали этот сон. Город — мир; кладбище (которое в Казани было расположено в восточной стороне) означало Горний Иерусалим! Шел я, чтобы умереть для мира; белые одежды — убеление души, так как в то время у меня созрело решение оставить всё. Ирмос «Воду прошед яко сушу» поется при отпевании младенцев и означает отпевание от мира»****.

Раз, проезжая по Москве, на Театральной площади, сидел он задумавшись в пролётке, опираясь руками и грудью на шпагу. Лошадь бежала быстро. И вдруг кто-то невидимый выхватил шпагу из его рук, прямо на ходу... Осмотревшись, он никого не увидел на пустынной площади. Потом Павел Иванович рассказал об этом старцу Амвросию, и тот заметил: «Что ж удивительного? Шпа-

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 44.

** Там же. С. 52

*** Там же. С. 52.

**** Там же. С. 58–59.

га более вам не нужна... А вот вам меч духовный» — и подал ему чётки*.

По благословению старца Амвросия заехал Павел Иванович в Черниговский Скит к старцу Варнаве. Тот сказал ему: «Вам нужно жениться! Проживете долго, долго проживете... У вас болезнь от простуды». Эти слова истолковал Павлу Ивановичу о. Анатолий (Зерцалов), который сказал: «Каждая душа христианская есть невеста Христова, следовательно, надо жениться, то есть соединиться со Христом. Слово же «простудился» означает духовную болезнь, от которой страдает человек, пока не изобразится в нем Христос». 28 декабря 1909 года о. Варсонофий сказал своему будущему преемнику послушнику Николаю Беляеву: «Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я ездил к о. Варнаве, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне: «Будут тебе все кланяться...» — и действительно, кланяются, А потом: «Будешь жить и творить молитву Иисусову». Стал Павел Иванович скитоначальникам, потом настоятелем монастыря, а Иисусову молитву начал творить еще послушником и достиг в этом делании больших успехов**.

Отшельник в Васильсурске также предсказал ему, что он станет монахом, и прибавил: «И больше того»***.

При пострижении в декабре 1900 года в мантию о. Варсонофий сильно болел. «Все отчаялись в моем выздоровлении, — писал он, — и решили скорее совершить пострижение. Помню, наклонившись надо мной, спрашивают: «Какое хочешь получить имя?» Я с трудом едва мог ответить: «Всё равно». Слышу, при пострижении именуют меня Варсонофием. Следователь-

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 67.

** Там же. С. 71.

*** Там же. С. 73.

но, великий святитель и здесь не оставил меня, но пожелал быть моим покровителем»*.

Когда служил о. Варсонофий при военном госпитале в Манчжурии в 1905 году во время Японской войны, Господь спас его от смерти. «На память святых благоверных князей и мучеников Бориса и Глеба, 24 июля, недалеко от окна моей келлии, помещающейся рядом с молитвенным домом, замечено было множество воробьев, летающих около стены. Подойдя, увидели громадную ядовитую змею, которая взбиралась на кровлю и ночью могла забраться в окно. Господь спас молитвами святых благоверных князей Бориса и Глеба»**.

На возвратном пути из Манчжурии о. Варсонофий не раз подвергался смертельной опасности. Он рассказал о. Никону: «Когда я возвращался из Манчжурии по железной дороге, как-то ночью захотелось мне уединиться, — взгрустнулось ли мне, иди еще что, я уже не помню. Пошел я в прихожую вагона, если так можно выразиться, я разумею ту маленькую комнатку, которых обыкновенно бывает в каждом вагоне две: спереди и сзади: в них бывает по четыре двери, — одна ведет в вагон, другая на площадку в следующий вагон, и две направо и налево для выхода пассажиров. Вышел я и облокотился на одну дверь и думаю: «Слава Тебе, Господи! Еду я опять в дорогую Оптину» И захотелось мне пойти к противоположной боковой двери, иду и вдруг словно силой какой меня оттолкнуло. Остановился я посредине и, вглядевшись, увидел, что дверь отодвинута вбок (там двери такого устройства) чего я не заметил в темноте, а хотел облокотиться на нее. И что было бы... Господь спас***. В другой раз о. Никон сделал такую запись: «Ба-

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 124–129.

** Там же. С. 143.

*** Там же. С. 146.

тюшка рассказал, каким опасностям смертным подвергался он при возвращении из Манчжурии: 1-е — как батюшка чуть было не сошел с вагона на самом быстром ходу, полагая, что дверь затворена. 2-е — как было у батюшки предчувствие не садиться на поезд и он не сел, а поезд, действительно, по какой-то причине разлетелся вдребезги. И когда уже на другом поезде батюшка приехал, то увидел только груду обломков и массу кровавых тел; 3-е — как батюшку намеревались убить в отхожем месте, находящемся в глухом месте. И как Господь спасал дивно от всех этих опасностей, а может быть, и многих других, которых батюшка не заметил*.

Сергей Нилус записал со слов Елены Андреевны Вороновой, писательницы, духовной дочери о. Варсонофия, сон о. Варсонофия, «Вот что мне приснилось, — рассказывал ей батюшка, в ночь с 17 на 18 февраля 1909 года. Видите, какой сон — числа даже помню!.. Снится мне, что я иду по какой-то прекрасной местности и знаю, что цель моего путешествии — получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот взору моему представляется величественное здание, вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромную как бы залу из белого мрамора, посреди которой возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими же площадками, устремляются, как стрела прямая, в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. О. Иоанн берет меня за руку и говорит:

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 146–147.

— Нам надобно с тобою подняться по этой лестнице!

И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? — ведь о. Иоанн умер; как же это я иду с ним, как с живым? С этой мыслью я и говорю ему:

— Батюшка! да вы ведь умерли?

— Что ты говоришь? — воскликнул он мне в ответ, — отец Иоанн жив!

На этом я проснулся... Не правда ли, какой удивительный сон? — спросил Елену Андреевну о. Варсонофий, — и какая это радость услыхать из уст самого о.Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры!»*

О. Варсонофий бывал в Дивееве и с большой любовью относился к блаженной Паше, Когда, переходя из Оптиной в Голутвин монастырь, он отправил ей денег, ему рассказали, как она их приняла. Она взяла их, долго глядела на них, завернула во что-то, положила под иконы и сказала: «365», — то есть назвала число. Тогда же и батюшка и келейники его решили, что столько дней ему быть в Голутвине, а после, быть может, отпустят на покой в Оптину. Но ровно через 365 дней о. Варсонофии скончался и тело его повезли хоронить в Оптину Пустынь**.

Теперь о чудесах, которые совершал Господь в Скиту через старца Варсонофия. Вот, например, приехала интеллигентная девушка двадцати одного года и пришла к нему на исповедь. Она вошла смело, начала что-то говорить, но вот что произошло дальше. «Погодите, оставьте это», — перебил ее о. Варсонофий. «Голос прозвучал серьёзно и властно, — вспоминала она, — и этой смутно чувствуемой власти я не могу не подчиниться, несмотря на всю храбрость и развязность моей «интеллигентности», «Сколько вам лет сейчас?». – «21 год», — «Так? —

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 242–244.

** Там же. С. 420–427.

а глаза из-под очков глядят на меня, пронизывая, эти глаза читают в моей душе и совести как в раскрытой книге, и новый стыд охватывает меня, и хочется закрыть эту книгу, сжаться, чтобы не все было видно этому проницательному взгляду. Чего я испугалась?.. «Ну вот, девять лет тому назад, когда вам было двенадцать лет, вами сделан грех». Как хлыстом ударили меня. «Нет, никакого греха не было», — сразу возразила я, и началась страшная борьба между мной, отмахивающейся от обличения батюшки, настаивающего на нем с удивительной терпеливостью: «Подумайте! Вспомните... постарайтесь вспомнить». Но я упорно отказывалась... «Ну, теперь вы вспомнили?» — звучит строгий голос, звучит скорее утверждением, чем вопросом, но мне ли, моей гордости и самолюбию сознаться в чем-то дурном перед этим человеком? «Теперь вы вполне вспомнили! Скажите мне этот грех»... И я начала говорить. Что я сказала — было только началом той нити, такой, казалось, простой и ясной. Получилось что-то совершенно мною неожиданное: грех за грехом, гадость за гадостью, ошибка за ошибкой вспоминались, говорились, и всё это нагромождение над моей головой, всё меня обвиняло и прижимало к земле. Наконец все было сказано»... После исповеди о. Варсонофий отпустил девушке грехи. Она пишет: «Окончена исповедь, куда девался строгий и нелицеприятный судия, так беспощадно обнаживший предо мною мне самой неведомые язвы моей души? Батюшка точно преобразился; заботливо, отечески глядят его глаза, и голос звучит ласково»*.

В сентябре 1907 года приехали в Оптину две сестры. Они пошли к О. Анатолию, «Вы причастницы?» — спросил тот, «Да». — «Ну так за послушание идите к батюшке Варсонофию». О. Варсонофий, увидев их, сказал: «Где вы столько времени пропадали? Я вас давно жду». Под-

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 163–165.

ходит к одной и спрашивает: «Давно вы в Оптиной?» — «Другой день», — отвечает та. «Нет, вы — третий день, и сегодня причастницы», «Так поразил он нас своей прозорливостью, — вспоминала одна из сестер, — что я едва устояла на ногах. Он же, не спрашивая наших имен, а сам, называя их, говорит: «Ты, Е., поди в моленную, мне надо с тобой сейчас же заняться, а ты, С., посиди там, в комнате, у Тихвинской иконы Божией Матери». В моленной о. Варсонофий напомнил Е. все забытые ею грехи*.

Начинавший свой монашеский путь в Скиту Оптиной Пустыни игумен Иннокентий (Павлов) спустя несколько десятилетий вспоминал: «Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и в первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя перед собой не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл... Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: «Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить»**.

Шамординская монахиня мать Александра (Гурко) рассказывала: «Собрал однажды батюшка о. Варсонофий несколько монахинь, своих духовных дочерей и повел с нами беседу о брани с духами поднебесной. Меня почему-то посадил рядом с собой, даже настоял, чтобы я села поближе к нему. Во время беседы, в то время, как батюшка говорил о том каким страхованиям бывают подвержены монашествующие, я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса, столь ужасного видом, что я неистово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: «Ну что

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 166–168.

** Там же. С. 251.

же? ты теперь знаешь?» Прочие же сестры ничего не видели и не понимали из того, что произошло»*.

Господь показывал о. Варсонофию ад и адские муки, — о. Никон, секретарствовавший у него, был свидетелем его признаний. Раз, например, старец позвал его к себе уже глубокой ночью (о. Никон допоздна просидел за бумагами) и сказал: «Адские муки несомненно существуют, и эти муки будут вещественны. Души и праведников и грешников имеют даже одежду... Все видят адские муки в условиях земного существования, только будет не это грубое место, а более тонкое, вроде газообразного... Но всё это будет до Страшного Суда, а что будет после него, того никто не знает, даже ангелы. Это — тайна...» Батюшка говорил что-то про зеркало, объясняя подобием его адские муки, говорил и про отражения в зеркале, но я не совсем понял это (писал о. Никон). «Когда батюшка ложился отдыхать, он мне сказал: «Да, всё, о чем учит Святая Церковь, — истина, и загробные муки существуют». И далее о. Варсонофий сказал: «Встанемте, помолимся, да избавит нас Господь от адских мук»**. «Помню, — писал о. Никон, — однажды батюшка сказал мне, что Страшный Суд, по согласному учению святых отцов, будет в полночь, внезапно найдет на все живущее на земле час тот. И надо постоянно готовиться к нему, чтобы не застал он нас неготовыми, Не скрою от вас того, что было со мной сегодня ночью, — сказал батюшка. — Проснулся я, и вдруг меня поражает мысль — сейчас будет Страшный Суд! Такого яркого и живого представления у меня никогда не было. Я встал, все возражения относительно признаков и тому подобного отошли в сторону: всё это было уже, только мы не заметили (как действительно никто из живущих нерадиво

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 169.

** Там же. С. 229.

и не заметит их). Господи помилуй!» И далее: «Батюшка очень часто говорит об адских муках, ибо видит их почти каждую или же каждую ночь во сне. Так и сегодня мне батюшка говорил, что видел ужасный сон»*.

В январе 1907 года скончался келейник настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Ксенофонта о. Иоанн. Эту весть принес о. Варсонофию о. Никон. «Да, как верно предчувствие, — сказал старец. — Уж какой я старец, а все-таки через меня бывают откровения. У меня вчера был этот о. Иоанн. Мне, как духовному отцу, всё известно про него. Последнее время на него прямо напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Приходит ко мне и говорит! «Благословите уходить». Я ему: «Разве я могу благословить на такое дело. Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парах. И вот ты говоришь мне: «Благословите броситься в эту бездну и темь. «Вот то же и теперь. «Да это, батюшка, не то! Как же не то, это еще хуже. Сам посуди, с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было — то прошло. Оставайся здесь» И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь его там перед смертью погубить, столкнуть в бездну»**.

В 1908 году скончался благочинный Оптиной Пустыни о. Илиодор. За день до смерти в тонком сне он видел скончавшегося в этом же году летом иеросхимонаха Савву, одного из оптинских духовников. А что, брат, — спросил его о. Илиодор, — страшно тебе небось было, когда душа разлучалась с телом? «Да, — ответил о. Савва, — было боязно, ну а теперь, слава Богу, совсем хорошо!» Вслед за о. Саввой, в том же видении, явился сперва почивший оптинский архимандрит Исаакий, а за о. Исаа-

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 230.

** Там же. С. 192.

кием — его преемник, тоже умерший, архимандрит Досифей. Отец Исаакий подошел к о. Илиодору и дал ему в руку серебряный рубль, а о. Досифей — два. «Неспроста это было мне, — говорил накануне своей смерти о. Илиодор, рассказывая свои сны одному монаху, — я, брат, должно быть, скоро умру». Старец Варсонофий (как записал С. Нилус) говорил: «У меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и всё наше с ним общение обычно ограничивалось сухой официальностью и то только но делу. В день его смерти, после славления, я, не знаю почему, обратился вдруг к нему с таким вопросом: «А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь?» Вопрос был неожидан и для меня и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал что ответить. Я же захватил с подноса леденцов — праздничное монашеское угощение — и сунул ему в руку со словами: «Это тебе на дорогу!» И подумайте, — какая вышла ему дорога!»*.

Старец предсказывал наступление времен, когда начнутся для России невиданные испытания. «Мы-то уже уйдем, — говорил он о Никону а вы будете участником и современником вех этих ужасов. До ужасных времен доживете вы. А кто может ручаться? Может быть, и я буду жив»**. Однажды старец просматривал какую-то книгу. Он подозвал о. Никона и стал читать вслух: «Прочтя вслух про гонения Диоклетиана, — пишет о. Никон, — батюшка сказал: «Все эти гонения и мучения повторятся, может быть. Теперь всё это возможно». Затем батюшка стад читать про себя, но вскоре отвлек меня от занятия и, указывая на картинку в книге, сказал: «Что это?» Я прочел: «Развалины Колизея», — «Да, заметьте, Колизей разрушен, но не уничтожен. Колизей, вы помните, это театр, где язычники любовались на мучения христи-

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 192.

** Там же. С. 231.

ан, где лилась рекою кровь христиан-мучеников... Ад тоже разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст себя знать. Так и Колизей, быть может, скоро опять загремит, его возобновят, поправят. Попомните это мое слово. Вы доживете до этих времен... Это время не за горами»*. В страшное время мы живем, — говорил он в другой раз. – Людей, исповедующих Иисуса Христа и посещающих храм Божий, подвергают насмешкам и осуждению. Эти насмешки перейдут в открытое гонение, и не думайте, что это случится через тысячу лет, нет, — это скоро наступит. Я до этого не доживу, а некоторые из вас и увидят. И начнутся опять пытки и мучения, но благо тем, которые останутся верны Христу Богу»**.

Прозорливость проявлялась у о .Варсонофия постоянно. Вот он выходит в хибарку, там одна женщина говорит: «Батюшка, вот одна дивеевская монахиня просила передать вам чай и письмо». Батюшка остановился, а я подумала — небось батюшка рад чайку. «Как ее зовут?» — «Не знаю, батюшка, мне это другая монахиня передала». «Спаси ее Господи. Только чай ведь не мне, а на святую обитель. Да, на святую обитель». От этих слов подкосились у меня ноги, я увидела прозорливость старца»***. Пришел к старцу на исповедь один студент. В какой-то момент о. Варсонофий пристально посмотрел на него и сказал: «Болит мое сердце за тебя, — ты не кончишь института. Почему — не знаю, но не кончишь». Так оно и сбылось****. Раз он прямо сказал своему духовному чаду: «Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству — это дар рассуждения. Это есть наивеличай-

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 264.

** Там же. С. 418.

*** Там же. С. 279.

**** Там же. С. 325.

ший дар даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не скрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу всё, что ты делаешь и думаешь»*.

В 1909 году в Петербурге шестнадцатилетний юноша Павел Ильин, одержимый бесами, не мог подойти к гробнице святого праведного Иоанна Кронштадтского, — несколько мужчин не могли подтащить его к ней, так сильно он вырывался, Но когда он заснул, его положили возле гробницы и во сне явился ему о. Иоанн, который частично исцелил его, А во втором видении он послал его в Оптину Пустынь к старцу Варсонофию — для исцеления окончательного. В ноябре 1911 года он приехал в Скит, исповедался у о. Варсонофия, причастился и получил полное исцеление

В том же 1911 году произошли два чудесных случая — обращение в православную веру княжны Марии Михаиловны Дондуковой-Корсаковой и исцеление писательницы Елены Андреевны Вороновой от плеврита и болезни глаз. Надо сказать, что эти женщины были близкими подругами и занимались в Петербурге делом тюремного благотворения. Арестанты хорошо знали и любили их, вносящих подлинное тепло и свет в их порою озлобленные и жесткие души. Княжна была так добра и непритязательна, что раздавала всё, оставаясь сама чуть ли не в рубище. Но Елену Андреевну, женщину православную, сильно огорчало то, что княжна издавна заражена была учением реформатов и не почитала ни Божию Матерь, ни святых угодников Божиих. Княжне

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 332.

пошел уже восьмой десяток лет. Вот она опасно заболела и Елена Андреевна поехала в Оптину и стала просить старца Варсонофия помолиться о ней. Перед возвращением в Петербург Елена Андреевна приходит попрощаться со старцем, а он выносит ей икону Божией Матери и говорит: «Отвезите эгу икону от меня в благословение княжне Марии Михайловне и скажите ей, что я сегодня, как раз перед вашим приходом, пред этой иконой помолился о даровании ей душевного и телесного здравия». Вернувшись в Петербург, Елена Андреевна увидела княжну здоровой и веселой... «Да вы ли это? — удивилась Елена Андреевна, — кто же это воскресил вас?» — «Вы уехали, — отвечает та, — мне было совсем плохо, а потом всё хуже и хуже и вдруг третьего дня около десяти утра ни с того ни с сего мне стало лучше, а сегодня я и совсем здорова». — «В котором часу, говорите вы, это случилось?» — «В десятом часу третьеводни». Это был день и час, когда о. Варсонофий молился перед иконой Божией Матери, присланной княжне в благословение. Со слезами умиления передала Елена Андреевна эту икону княжне, а та приняла ее, перекрестилась перед ней и, приложившись, повесила ее у своей постели. Впоследствии она умерла как вполне православный человек*.

В феврале 1911 года Елена Андреевна приехала в Оптину совсем больная. «Умирать к вам приехала», — полушутя сказала она старцу Варсонофию. У нее были больные легкие и к тому же не прошел еще плеврит, но ее беспокоили и глаза, — один глаз почти не видел, а другой становился всё слабее. Три дня прожила она в Оптиной, а затем о. Варсонофий послал ее в Тихонову Пустынь на святой источник, искупаться. Она исполнила это, а потом из Петербурга писала Нилусу: «Дивен Бог наш и велика наша Православная вера! За молитвы нашего ба-

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 362–365.

тюшки Варсонофия я купалась в источнике преподобного Тихона при 10 градусах Реомюра (-12,5 Цельсия) в купальне. Когда надевала белье, оно от мороза стояло колом, как туго накрахмаленное. Двенадцать верст от источника до станции железной дороги я ехала на извозчике в той же шубке, в которой вы меня видели. Волосы мои, мокрые от купания, превратились в ледяные сосульки. Насилу оттаяла я в теплом вокзале и в вагоне, и — даже ни насморка! От плеврита не осталось и следа. Но что воистину чудо великое милости Божией и угодника преподобного Тихона, это то, что не только выздоровел мой заболевший глаз, но и другой, давно погибший, прозрел, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами»*.

Года за два до этого случая о. Варсонофий также послал купаться в источник Тихоновой Пустыни Софью Федоровну Самарину, у которой болела нога, и уже все доктора отказались ее лечить. После купания болезнь прошла бесследно, и она прислала благодарственное письмо о. Варсонофию.

Однажды, — это было уже в Старо-Голутвине монастыре в 1913 году, — простая женщина пришла со своим сыном, юношей лет 17. «Батюшка! помолитесь! — просила она. — Измучилась я со своим сыном, издержала на него всё состояние, а он так и остаётся глухонемым». — «С какого возраста?» — «С двенадцати лет». Батюшка посмотрел на юношу и сказал: «Согрешил он одним великим грехом. Надо ему говеть и каяться, тогда — милостив Господь...» — «Как! — удивилась мать. — Он был всегда примерного поведения». — «Ты помнишь ли, что сотворил?» — обратился батюшка к юноше. Тот в недоумении качал головой, а мать возразила: «Да ведь он, батюшка, не слышит!» — «Да, тебя не слышит, а меня слышит». Батюшка что-то шепнул ему на ухо, у того

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 366–367.

вдруг широко раскрылись глаза; он вспомнил... Потом он говел, исповедовался и причащался. После этого совершилось чудо: к нему возвратились слух и речь*.

В изданной о. Феодосием, скитоначальником, брошюре памяти о. Варсонофия («Венок на могилу батюшки») описаны февраль и март 1913 года, последние месяцы жизни старца. «Между тем, как православный верующий народ — говорится там, — стекался к старцу за получением облегчения не только душевных, но и телесных недугов, самого батюшку подтачивал в это время лютый недуг. Давно уже, свыше двадцати лет, напал он на батюшку и с тех пор не оставлял его до гроба. Даже, вернее сказать, не одна болезнь была у батюшки, но несколько, только все принадлежали к разряду желудочных и кишечных. Несомненно, что и нервы играли в этой болезни немалую роль»**. Как и другие старцы, как о. Амвросий, так вот и старец Варсонофий, чудотворец Божий, нёс крест телесных немощей, апостольскую немощь.

О. Варсонофий скончался 1 апреля 1913 года, — тело его было перевезено в Оптину Пустынь и там похоронено. В домике скитоначальника поселился иеромонах Феодосий, Он был в свое время духовным чадом и в то же время и духовником старца. После кончины о. Варсонофий являлся в сонных видениях многим монахам***, а о. Феодосий всё не удостаивался этого. Он сильно огорчался. Но вот однажды днем, устав, прилег он отдохнуть и видит, что против него на стуле сидит покойный старец и пристально на него смотрит. Это длилось довольно долго и о. Феодосий боялся пошевельнуться. В душе его росла радость. И потом в келлии долго оста-

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 403.

** Там же. С. 419.

*** Там же. С. 451.

валось ощущение благодати*. Другой чудесный случай, — о. Феодосий любил читать акафист Божией Матери, но желал знать его наизусть. Это ему, однако, не удавалось. После кончины старца Варсонофия однажды взял о. Феодосии его одеяльце, чтобы прикрыться от прохлады, и в это время пытался учить наизусть акафист. Вдруг он весь целиком утвердился в его памяти. Он получил этот дар через вещь, подобно тому как Елисей от пророка Илии через его милоть

В Летописи Скита под 12 ноября 1913 года записано: «Скитский уставщик иеромонах Кукша видел на днях во сне почившего старца схиархимандрита Варсонофия, который, подойдя к нему в храме, попросил, чтобы после Литургии пропели «Под Твою милость..». По окончании обедни о. Кукша спросил старца, понравилось ли ему пение. «Да, — ответил батюшка, — и вы всегда так делайте». По этому случаю распоряжением скитоначальника о. Феодосия в Скиту введено вышеозначенное пение»**. Это правило соблюдается и поныне.

Теперь, возвратившись несколько в прошлое, вспомним связанную с именем старца Варсонофия, тогда еще послушника Павла, весьма необычную историю. Летом 1891 года пришел к старцу Амвросию в Шамордино некий нерусский человек. Это был турок Николай Абрулах, приехавший сюда из Казани. Ему было 63 года, а выглядел он еще старше из-за сурового и изможденного вида. Он рассказал старцу свою историю, и тот благословил его принять в Скит, — о. Анатолий и принял. Жизнь турка была удивительна. Он был магометанин, звали его Юсуф Абдул Оглы, служил он в армии офицером и уже в высших чинах. Во время войны с Россией стал пашой, то есть генералом. Видя, как его собратья

---

* Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995. С. 451.

** Там же. С. 452.

мучают православных пленных, стараясь обратить их в мусульманство, он начал задумываться. Стойкость христиан его поразила. Редкого из них туркам удавалось одолеть. Он спрашивал сам иных из этих пленных, отчего они так радостно умирают? И всегда слышал, что умереть за Христа — счастье, и что за это они получат вечное блаженство на небесах, Юсуф Абдуд Оглы начал искать христианские книги, читать их, расспрашивать христианских священников о их вере. Вскоре он убедился в истинности этого учения, А раз так, то он, как человек правдивый и смелый, стал говорить о нем своим братьям по оружию. Но его слушали с удивлением, а затем обрушились на него и потоки ярости. Его изгнали из гвардии. Родные дома его не приняли. Всюду его били, лишали пищи и крова. Он же, помня стойкость русских мучеников, не падал духом и продолжал свою проповедь. И вот однажды его избили до полусмерти, вырезали из спины целые полосы кожи и, окровавленного и потерявшего сознание, бросили в канаву у дороги, думая, что его загрызут бродячие псы. Но этого не случилась, так как Господь хранил его. Наутро проезжали по дороге русские купцы, увидели избитого человека и, как добрые самаряне, помогли ему, подали помощь и посадили на повозку. Среди купцов был один азербайджанец, понимавший по турецки (для того и нанят был купцами). При его помощи купцы узнали его историю увезли его в Россию, о чем он их и просил. В Одессе его крестили. С 1884 года он жил в Казани, будучи приписан к мещанскому сословию, и посещал храмы, В это же время жил там будущий старец Варсонофнй, полковник Павел Иванович Плиханков, — но они тогда не познакомились. А в Скит поступили в один и тот же 1891 год и оба по благословению старца Амвросия. В Скиту его звали «туркой»,— русский язык он знал плохо и почти ни с кем, кроме о. Анатолия, не разговаривал.

Однажды о. Анатолий сказал послушнику Павлу: «Знаешь ли ты, что у нас в Скиту, по великой милости Божией, есть свой Андрей Христа ради юродивый?» — «Как это так, батюшка?» – «Да, есть у нас такой человек, который в теле ли или не в теле» — «Бог знает, — но был еще при жизни восхищен в Небесные Обители. Это наш Турка. Я благословлю ему придти к тебе в келлию, а ты его расспроси хорошенько да и запиши с его слов, что от него узнаешь. Только держи всё это в тайне до его смерти». О. Николай пришел к послушнику Павлу и стал рассказывать, а тот записывал, — но турок рассказывал не по-русски, а по-французски, так как этот язык знал лучше, — знал его и о. Варсонофий, который потом свои беглые записи привел в порядок, расшифровал и перевел на русский язык. Итак, вот эта запись: «В четверг 13 мая 1893 года утром, часу в третьем, я начал читать акафист святителю Николаю Чудотворцу. Господь даровал мне такую благодать при этом, что слезы неудержимо и обильно текли из моих глаз, так что вся книга была омочена слезами. По окончании утрени я начал читать псалом 50-й «Помилуй мя, Боже...», а после него Символ Веры, и, когда окончил оный и произнес последние слова: «и жизни будущаго века. Аминь»... в это самое мгновение невидимая рука взяла мои руки и смежила их крестообразно, а голову мою обнял со всех сторон огонь, похожий на желтый цвет радуги, огонь этот не опалял меня, а наполнил всё существо мое неизглаголанною радостью, дотоле мною совершение неизведанною. Радости этой нельзя уподобить никакую земную радость, Не помню, как и через какое время я увидел себя перенесенным в такую дивную и неизреченно-прекрасную местность, исполненную света. Никаких земных предметов я не видал там — видел только одно бесконечное и беспредельное море света. В это время я увидел около себя с левой стороны двух стоящих людей, из коих один

был по виду юноша, а другой — старец, Мне было дано знать, что один из них св. Андрей, Христа ради юродивый, а другой — ученик его, св. Епифаний. Оба они стояли молча. В это время я увидел перед собою занавес темно-малинового цвета. Я взглянул вверх и увидел над занавесом Господа Иисуса Христа, восседающего на Престоле и облаченного в драгоценные одежды, наподобие архиерейских. На Голове его была митра, также похожая на архиерейскую. С правой стороны Господа стояла Божия Матерь, а с левой Иоанн Креститель, на которых были одежды наподобие тех, в каких пишутся они на иконах. Только святой Иоанн Креститель держал в одной руке крест. По сторонам Господа стояли двое светоносных юношей дивной красоты, державшие пламенное оружие. В это время сердце мое наполняла неизглаголанная радость, и я смотрел на Спасителя и несказанно наслаждался зрением Его Божественного лика. На вид Господу было лет тридцать. Потом во мне явилось сознание, что вот я, величайший грешник, худший пса смердящего, удостоился от Господа такой великой милости и стал перед Престолом Его неизреченной славы... Господь кротко смотрел на меня и как бы ободрял меня. Так же кротко взирали на меня Божия Матерь и Иоанн Креститель. Но ни от Господа, ни от Пречистой Его Матери, ни от Иоанна Крестителя я не сподобился слышать ни единого слова. В это время я увидел перед Господом схимонаха нашего Скита о. Николая (Лопатина), скончавшегося в полдень 10 мая и еще не погребенного, так как ожидали приезда из Москвы его родного брата. О. Николай совершил земное поклонение пред Господом, но только на нем была не схима, а одежды послушника, в руках его были четки, и голова не была покрыта. Сказал ли ему какие слова Господь, равно и предстоящие Ему Богородица и Святой Иоанн Креститель и светоносные юноши, я не заметил. После сего я

взглянул — и вот с правой стороны заметил великое множество людей, которые приближались ко мне. По мере их приближения я начал слышать тонкие голоса, не слова не мог разобрать. Когда этот великий сонм приблизился ко мне, то я увидел, что некоторые из них в архиерейских облачениях, некоторые были в иноческих мантиях, иные держали в руках ветви; между ними видел я и женщин в богатых и прекрасных одеждах. В лике этом я узнал многих святых, известных мне по изображениям на святых иконах, — пророка Моисея, который держал в деснице своей скрижали завета, пророка Давида, державшего подобие гуслей, издававших прекрасные звуки, своего Ангела — святителя Николая. В этом же сонме я видел наших в Бозе почивших старцев: иеросхимонахов Льва, Макария, Амвросия и некоторых из отцов Скита, находящихся еще в живых. Всё это великое множество святых Божиих взирало на меня. В этот же момент я внезапно увидел пред собою, то есть между мною и занавесью, великую и неизмеримую пропасть, исполненную мрака, но мрак этот не воспрепятствовал мне увидеть в ее страшной глубине князя тьмы, в том виде, как он изображается церковных картинах, на руках его сидел Иуда, державший в руках подобие мешка. Возле князя тьмы стоял лжепророк Магомет в рясе зеленого цвета и такого же цвета чалме. Вокруг сатаны, который составлял как бы центр пропасти, на всем беспредельном пространстве ее видел я множество людей всякого состояния, пола и возраста, но никого из знакомых между ними я не заметил. Из пропасти доносились до меня вопли отчаяния и неизглаголанного ужаса, которых невозможно передать никакими словами. Видение это окончилось. После этого внезапно я был поставлен в другом месте. Исполнено оно было великого лучезарного света, однородного, как мне показалось, с виденным мною в первом месте. Св. Андрея и св. Епифания со

мною уже не было. Трудно передать словами даже самое отдаленное подобие красоты этого места, красоты воистину негибнущей и неизглаголанной. Если мы нередко встречаем великое затруднение, чтобы изобразить перед кем-либо красоты земные и, не довольствуясь словами, берем для этого краски и звуки, то как же мне, худородному, передать виденные мною неземные красоты рая. Скуден и беден человеческий язык для изображения дивной и чудной его красоты. Видел я там великие и прекрасные деревья, обремененные плодами, деревья эти стояли как отрядами, образуя аллеи, концы которых невозможно было видеть, вершины деревьев, соединяясь между собой, образовывали над аллеями как бы свод; устланы были аллеи как бы чистым золотом необыкновенного блеска. На деревьях сидело великое множество птиц, несколько напоминавших своим видом птиц наших тропических стран, но только бесконечно превосходящих их своей красотой, пение их было исполнено великой гармонии, и никакая земная музыка не в состоянии была бы передать сладость их звуков. Пели они без слов. В этом великом саду протекала река, в которой вода была необыкновенно прозрачной. Между деревьями я заметил пречудные обители. Похожи они были на дворцы, подобные виденным мною в Константинополе, но только обители были несказанной красоты, цвет стен их был бы малиновый и похожий на рубин. Видом своим рай напоминал мне наш Оптинский Скит, в котором келлии иноков так же стоят каждая отдельно от другой, а пространство между ними заполнено фруктовыми деревьями (по чьей мысли устроен таким образом Скит наш, я не знаю). Рай окружала стена, которую я видел только с одной южной стороны; на стене я прочитал имена двенадцати Апостолов, но на каком именно языке они были написаны, не помню. В раю я увидел человека, облаченного в блестящие одежды и сидящего на престо-

ле белоснежного цвета. На вид ему было лет шестьдесят, но лик его был, несмотря на седины, как бы у юноши. Кругом стояло великое множество нищих, которым он что-то раздавал. Внутренний голос сказал мне, что человек этот — Филарет Милостивый. Кроме него никого из праведных обитателей рая я не сподобился видеть. Посреди сада или рая, увидел я Животворящий Крест с распятым на нем Господом. Невидимая рука указала мне поклониться Кресту Господню, что я и исполнил, и в это время, когда я прикладывался и преклонялся пред ним, неизреченная и великая сладость, подобно пламени, наполнила мое сердце и пропитала всё мое существе. После сего я увидел великую обитель, видом подобную прочим, находящимся в раю, но только неизмеримо превосходящую их своей красотой. Вершина ее, наподобие исполинского церковного купола, возносились в бесконечную высь и как бы терялась в ней. В обитали этой я заметил как бы подобие балкона, на котором восседала на богато убранном троне Царица Небесная. Вокруг Нее стояло великое множество прекрасных юношей в белых блистающих одеждах и державших в руках подобие оружия, но какой оно имело вид, разглядеть я не мог. Царица Небесная была облачена в такие же одежды, как обыкновенно изображается на иконах, но только разноцветные. На главе Ее была корона наподобие царской. Царица милостиво взирала на меня, но слов от Нее я слышать не сподобился. После всего я сподобился созерцать Святую Троицу — Отца, Сына и Святаго Духа, подобно тому, как изображается Она на святых иконах, то есть Бога Отца в виде святолепного старца, Бога Сына в виде мужа, державшего в деснице Своей Честный и Животворящий Крест и Бога Духа Святаго в виде голубя. Изображение Святой Троицы видел я в воздухе, мне казалось, что я долго ходил среди рая, созерцая дивные красоты его, превосходящие всяческий человеческий ум.

Когда я очнулся от этого видения, то возблагодарил Господа за сие великое и неизреченное умиление, которого я, великий грешник, сподобился. Весь этот день я был как бы вне себя по причине великой радости, наполнявшей мое сердце. Ничего подобного этой радости до тех пор я никогда не испытывал».

Св. преподобный Анатолий Оптинский. (младший)

В 1913 году митрополит Вениамин (Федченков), тогда архимандрит, человек еще молодой, приехал впервые в Оптину Пустынь и посетил Скит. Вот как описал он свое первое впечатление от старца Анатолия (Потапова) «Через 2–3 дня моей жизни пронеслась весть: в монастырь прибывает чудотворная икона Калужской Божией Матери (память 2 сентября), писал он. — К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв. Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно- спешно торопятся в правую сторону. Через некоторое время там уже собралась густая толпа народа, плотным кольцом кого-то или что-то окружившая.

Из простого любопытства — впрочем, меня в монастыре всё интересовало, я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы, нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я увидел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой, нерасчесанной небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался не-

много. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилось и радовалось... Так малые дети встречают родную мать. «Кто это?» — спрашиваю я соседа. «Да батюшка отец Анатолий» — ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению»*.

Этот удивительный старец происходил из московских мещан, его немного учили и потом хотели приспособить к торговому делу. Одно время он был приказчиком в Калуге в мануфактурной лавке. Но он хотел быть монахом. Пока жива была его мать, он не мог исполнить своего желания. Поэтому в Оптину поступил он уже тридцати лет, — 15 февраля 1885 года. Он жил в Скиту и был келейником старца Амвросия, потом Иосифа. Еще келейником проявлял он дар прозорливости. Монахиня Домна вспоминала, что он ее сестре подарил большую икону и сказал: «Это тебе на новоселье. Поезжай домой и землю покупай». Та приехала в деревню, рассказывает мужу о словах о. Анатолия, а муж недоумевает: «Какое новоселье? Какая земля?» Но им вскоре предложили землю с уплатой в рассрочку. Купили и построились**.

До 1908 года, при жизни старцев Иосифа и Варсонофия, о. Анатолий принимал людей в Скиту, где жил рядом с о. Нектарием, К нему стало так много приходить мирян, что архимандрит Ксенофонт предложил ему перейти в монастырь и там дал удобное помещение при больничной Владимирской церкви. «Принимал он в церкви всех без ограничения. Около храма с раннего утра постоянно стояла, терпеливо ожидая батюшку, толпа народа, в которой можно было увидеть и священников, и монашествующих, и военных, и дворян, и представителей интеллигенции, и учащуюся молодежь со

---

* Митрополит Вениамин. Божьи люди. М.1997. Стр. 105.

** Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 16.

всех концов России, но более всего было простых крестьян. В полдень, когда монахи расходились по келлиям, монастырь пустел, лишь около Владимирского храма оставалась очередь богомольцев. Он всегда был полон народа... Отец Анатолий считался «народным старцем», в отличие от старца Нектария, который был духовником скитской братии), он окормлял прежде всего мирских людей. Постоянное пребывание в храме было подвигом старца, стоянием в любви к Богу и ближнему»*.

Весь день и до глубокой ночи принимал о.Анатолий приходивших к нему людей. Утром он выходил в сени, где собирался народ, благословлял, некоторых легонько ударял по макушке пальцами — отгоняя ненужные помыслы. Иногда в двух-трех словах отвечал на вопросы. После этого он принимал некоторых в своей келлии. Исповедуя, он добирался до самых маленьких грехов, не оставляя на душе ничего темного. Так учительница Нина Владимировна вспоминала: «Однажды исповедовалась я и батюшка спросил меня, сколько у меня учеников, Я сказала — десять, а сама вспомнила, что не десять, а девять. Но, вспомнив, уже не хотела поправиться и сказать правду. Через минуту батюшка опять спрашивает: «Так сколько, ты говоришь, у тебя учеников?» Не знаю, почему-то я сказала опять – десять. Батюшка еще раз подозвал меня и опять спросил, и я опять сказала — десять. Батюшка не отпустил мне грехов, а сказал, чтобы я за всенощной пришла к нему исповедаться. Стою за всенощной и не знаю, как быть. Не хочется мне признаваться во лжи. Но вот слышу: «Слава Тебе, показавшему нам свет...» Я мгновенно прозреваю, иду к батюшке и со слезами молю его простить маня за ложь. Батюшка, очень веселый говорит: «Ну, это не так важно — десять или девять».

---

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 26-27.

О. Анатолий часто совершал соборование, подбирая группы по 10–20 человек. При этих соборованиях бывали исцеления — душевные и телесные*. Вообще старец силою Господней исцелил множество людей. Многое осталось не записанным. Вот некоторые случаи. Монахиня Шамординской обители мать Мария (Саутина) рассказывала: «Пошла я осенью в подвал за картошкой, упала там на меня доска и расшибла мне зубы и, главное, ушибла нервы зубные, и я чувствовала такую боль, что не знала, как и жить-то буду, ни днем ни ночью покоя, ни есть но могла, ни спать. Обращалась в больницу к докторам, но никакой помощи не получила, и мне даже сказали, что вряд ли можно помочь от этой болезни. Пошла я к батюшке о. Анатолию: «Батюшка, благословите, — говорю, — к доктору Казанскому пойти». А он: «Бог благословит, Бог благословит, на могилку, на могилку!» Пошла я на могилку к о. Амвросию, а навстречу мне Казанский, доктор оптинский. Я ему рассказываю о своей болезни, а он мне говорит: «Эта болезнь неизлечимая». — Залилась я слезами, ну, думаю, одна теперь надежда на о. Амвросия, Пошла на могилку... Припала я к могилке, и стала я ему молиться: «Батюшка, ты мне помоги!» Так я его просила, как будто он тут живой стоял, а не могилка его. Встала я, взяла маслица из лампадки, помазала десны и щеку, и боль утихла. Иду домой и не верю, что нет у меня боли. Пришла, стали мне предлагать поужинать, я со страхом села за стол, поела и спать легла, да сутки целые и проспала. С тех пор за молитвы батюшки здорова»**.

Учительница Нина Владимировна рассказала, как о. Анатолий послал грушу ее больному брату, тот очень тяжело болел. И вот он ел по кусочку от этой груши и

---

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 52.

** Там же. С. 53–54.

поправился*. Однажды послал о. Анатолий ту же Нину Владимировну в Шамордино на богомолье, но ей не в чем было ехать. Келейник старца давал ей чуйку, но она не взяла, подумав: «Вот какая грубая да грязная». Тут вышел старец, дал ей свой новый подрясник и сказал: «Вон какая грубая да грязная чуйка, дам-ка я свой подрясник новый»**. Это всегда было удивительно, к этому нельзя было привыкнуть — к проявлениям прозорливости. Они бывали у о. Анатолия часто, иногда на первый взгляд непонятные, странные. Так, например, он предсказал инокине Матроне (Зайцевой), что «вот через четыре года поедешь в Италию». Как, что, зачем?.. Матушка удивилась. Но вот в 1913 году в Бари начали строить православный храм и матушку туда отправили с другими. О. Анатолий передал ей на благословение иконку и произнес: «Скажите ей, ведь не верила, вот, Бог благословит, пусть едет». Через год матушка вернулась из Бари, где ей было весьма трудно, и больше не хотела туда возвращаться. Но старец сказал: «Твой дом в Бари... ведь ничего не знаешь, что будет». После революции матушка оказалась в Бари в храме святителя Николая и жила там долгие годы***. Раба Божия Мария Михайловна рассказала о поразительном случае прозорливости старца: «Племянница моя Татьяна Александровна А. рассталась с мужем своим, который уехал куда-то и пропал без вести. Она осталась со своим сыном мальчиком Димой. От мужа уже долго не было вестей, и она решила, что он не вернется никогда. По характеру своему она не могла жить без опоры, боялась одиночества и тосковала. Прошло много времени. Судьба свела ее с человеком, которого она полюбила и была счастлива с ним. Но этот че-

---

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 54.

** Там же. С. 55.

*** Там же. С. 58.

ловек вскоре умер. Горе было не по ее силам. Она пришла ко мне в Оптину Пустынь, и я посоветовала ей пойти к батюшке о. Анатолию. «Ну зачем я пойду ж нему? Что может сказать монах? Что он может понять в моем деле? Конечно, с его точки зрения, я преступница, нарушительница закона, чем может он меня утешить?» На я продолжала настаивать, и она пошла к о. Анатолию, а вернулась от него счастливая, сияющая, «Батюшка меня выслушал. Всё понял, сказал, что Борис вернется (Борис это муж ее), Этого, конечно, не может быть. Но батюшка! Какой он добрый! Как он все понимает!» Это происходило зимой, а на Пасху того же года вернуся Борис*.

Некая девица дала слово своему жениху уходившему на войну, вскоре присоединиться к нему там. Даже если мать не пустит, — думала она, — всё равно поеду. Мать не пустила. За разрешением этого вопроса поехали в Оптину к о. Анатолию. Мать где-то замешкалась, а дочь зашла в приемную старца и думает «Вот хорошо! старец без мамы благословит меня ехать на войну, тогда и она поневоле отпустит». Вдруг выходит старец и зовет ее: «А ну ка, иди ко мне». «Он закрыл дверь, — вспоминала она, — посмотрел на меня, и я вмиг поняла, что скрыть что-нибудь я не могу: он видит меня насквозь... «А ты почему матери не слушаешься?» — спросил старец. И продолжал: «Вот что я тебе скажу: мать твоя тебя лучше знает, тебе на войне не место... Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?» Она молчала. Старец, имея в виду ее жениха, сказал: «Ты сейчас любишь его за красоту! Выходи замуж за него тогда, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой! муж был на войне, его убили. Жена в этот же час умирает дома... Вот тогда только и выходи». Старец благословил девушку иконой и сказал: «Когда приедешь в Питер, не

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 59–60.

думай, что тебе нечего будет делать — будешь занята». И в самом деле, ей предложили работу в госпитале, где работы было много. А замуж она вышла за другого человека, не за того, к кому на войну собиралась ехать*.

«Однажды к старцу пришел крестьянин-ямщик, оставшийся с семьей без крыши над годовой, с 50-ю в рублями денег в кармане. Мужик пришел в сильное отчаяние: «Сильно я закручинился и первым это делом, по-нашему, деревенскому, решил пропить все эти деньги, оставить бабу с ребятами в деревне, а самому в Москву — в работники». Но наутро неожиданно ему первой пришла мысль: «Сходи к старцу Анатолию». Крестьянин послушался внушенной свыше мысли, пошел к старцу и в толпе во время благословения кратко всё рассказал «Он благословляет, а я говорю в это время: «Погибаю я, батюшка, совсем хоть умирай». — «Что так?» — «Да вот так и так, говорю, насчет дома». Покаялся ему... Ведь сами знаете, если хочешь правильный ответ от старца получить, должен все ему сказать по порядку. Остановился это старец, как будто задумался, а потом и говорит: «Не падай духам, через три недели в свой дом войдешь». Еще раз благословил меня, и — верите ли — вышел я от него как встрепанный. Совсем другим человекам стал. Ожил». Слово старца остановило крестьянина от губительного поступка, он укрепился терпением, и случилось так, как предсказал старец. В этот же день крестьянину предложили купить сруб за четвертную. Крестьянская семья была спасена от разорения. Этот крестьянин потом говорил: «Вот всегда обращаюсь к этому дорогому батюшке. Он мне в трудные минуты все равно что Ангел хранитель, как скажет, так уж точно обрежет.

Те духовные чада старца, которые слушались его и были с ним откровенны, всегда чувствовали в душах

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 63–65.

своих удивительное спокойствие. Одна из них спросила о. Анатолия: «Вовне кажется, что у меня много скорбей, а я их мало замечаю. Господь ли помогает по вашим молитвам иди от окаменения?» Старец ответил: «Господь помогает. Некоторые спокойно принимают, как будто к ним и не касается» . А потом настали тяжкие скорби революционной разрухи. «Видите, — говорил о. Анатолий, — как жестоко Господь наказывает. Но ведь вразумления и покаяния в народе не видать. Конечно, возможно, что и последние времена, в святом Евангелии ясно сказано, что когда Господь придет, обрящет ли веру на земле. Будем благодушно терпеть, не унывать и усерднее молиться. Советую почаще приобщаться Святых Таин»*.

Во время голода о. Анатолий благословлял шамординских сестер ездить в губернии выменивать хлеб. Монахиня Амвросия (Оберучева) шесть раз ездила за хлебом, и каждый раз, по молитвам о.Анатолия чудесно находились жертвователи хлеба и, несмотря на военные действия, его удавалось удачно доставить в монастырь. Однажды было так. Вот, помню, — писала м. Амвросия, — приехала я, чтобы достать хлеба, спрашиваю у деревенских, мне они отвечают, что ни у кого нет, спрашиваю в окрестности, — все тот же отрицательный ответ. Пришло письмо от невестки, что последнюю корку отдала детям.,. Это было 8 июля — Казанская Божия Матерь, Я пошла в церковь (в 8 верстах село) и там спрашивала: отвечали, что нет. Отслужила молебен, тяжело мне было до слез. Не пошла даже сразу домой, а пошла в лес, и ходила там. Часов в 5 или 6 возвратилась. Никакой надежды. Вдруг приходит хуторянка из соседнего хутора, рядом с нашей землей, и говорит: «Кажется, у вас продается мебель?» — «Да, —

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 137–138.

отвечаю я, а сама боюсь, вдруг она откажется ублажить хлебом. «Ведь нам только хлеб нужен», «Что же можем хлебом, — сколько вы можете зараз увезти?» — «Ну, хоть три пуда». — «Хорошо. Вечерам, когда смеркнется, дочь вам принесет за два раза». Действительно, дочь принесла и сказала: «Отец приедет, отвезет вас на станцию».

Хлеб был привезен в обитель со многими приключениями, — по молитвам старца ничто не помешало, даже тщательный досмотр в вагоне. Тогда отбирали «на нужды фронта». И всё по благословению и по молитвам о. Анатолия*.

Когда м. Амвросия высказала пожелание отблагодарить добрую хуторянку, — он вынес образ Спасителя в темнице и говорит: «Отдай, отдай». — «Как же батюшка, ведь они лютеране?» — «Отдай, отдай». Когда м. Амвросия передала хуторянке этот образ, та стала его целовать и сказала: «Ведь я давно хотела принять Православие, но не знала, как это сделать». А ведь о. Анатолий ничего не знал о ней, и вот что произошло**.

Во время февральской революции 1917 года о. Анатолий был в Москве, в доме благочестивой семьи Шатровых. На улицах были беспорядки. У Шатровых собрались духовные чада и почитатели о. Анатолия. Монахиня Варвара тогда записала пророческие слова старца: «Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Не все же, не все погибнут». Слушавшие плакали. Старец продолжал: «Ничего, ничего не бойся только. Бог не оставит уповающих на Него. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо». Потом, обратясь к своему брату, спросил: «А что после шторма бывает?» Кто-то

---

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 140–144.

** Там же. С. 144.

сказал, что после шторма бывает штиль. «Вот ведь, — оказал батюшка, — так. И будет штиль». Кто-то сказал: «Но уж корабля-то нет, разбит, погиб, погибло всё!» — «Не так, — ответил старец, — явлено будет великое чудо Божие, да, и все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это и будет, явное всем чудо»*.

В двадцатые годы, в годы разрушения монастырей, арестов и расстрелов, происходили чудеса. О. Иосиф (Полевой) писал: «У нас совершается много знамений: купола обновляются, со св. Креста кровь потекла, богохульники столбняком наказываются и умирают. К несчастью, народ в массе не вразумляется»**.

Незадолго перед кончиной о. Анатолия арестовали и увезли в Калугу. Он сказал, что через «недельку» вернется, и вернулся. За две недели до кончины , идя от обедни, зашел на могилку о. Амвросия и, став на место, где теперь он положен, стоял долго и всё повторял: «А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз...»***.

О. Анатолий скончался 30 июля 1922 года. Старец Нектарий говорил, одной духовной дочери о. Анатолия: «Ведь о. Анатолий тебя видит. Вот и теперь, мы с тобой говорим, а он на тебя смотрит и радуется». М. Амвросия спустя девять месяцев после кончины о. Анатолия во сне — видела о. Анатолия, как она пишет «так ясно, в схимнической скуфье... недалеко от меня на высоте роста человека: весь в облаках, только верхняя часть туловища видна, благословляющая рука его поднята, он благословляет, слышу голос: «Как же не благословить тебя, когда ты столько ожидала».

---

* Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 129–130.

** Там же. С. 133

*** Цветочки Оптиной Пустыни», М., «Паломник», 1995. С. 79.

Св. преподобный Никон Оптинский

О. Никон (Беляев), ученик старца Варсонофия, преемник старцев Анатолия и Нектария по окормлению приходивших в Оптину Пустынь монахинь и мирян в последнее время перед окончательным закрытием обители, много сил отдал (и здоровья) этому в то время необыкновенно трудному служению, если учесть постоянные преследования от новоявленных властей, угрозы и аресты. В эти совсем последние годы Оптина жила лишь чудесным образом. О. Никон не успел развернуться, вернее — ему этого не дали. Но люди почувствовали ту благодать, которую дал ему Господь и притекали к нему и в храм, и потом в потаенные места в самой обители и в городе Козельске. Он был монах прямой и бескомпромиссный, шел Христовым путем и всякое слово его было со властью. Он был еще весьма молод, когда Господь поставил его на дорогу суровых скорбей, буквально на путь смертный. В тяжкой ссылке, в лишениях и болезнях, он не забывал своих духовных чад и они не забывали его. Жизнь его была свята.

Можно вспомнить, что Господь избрал его от самого детства. Когда Коле (так звали о. Никона в его детстве) было около пяти лет, он так заболел, что родители отчаялись уже в его выздоровлении. Врач Салтыков, осмотревший его, сказал, что надежды почти нет. Ребенок похолодел, посинел и почти не дышал. Мать его, Варвара Лаврентьевна, проливая горячие слезы; растирала его тельце, усердно молясь святителю Николаю о помощи. Муж уговаривал ее оставить «покойника». Но она не сдавалась... Шли часы. И вот ребенок вздохнул. Потом

еще... И, наконец, ожил и стал поправляться. Молитва матери вырвала его из лап смерти*.

В Оптину Пустынь о. Никон попал также чудесным образом, по явному Божьему указанию. Решив вместе с братом Иваном идти в монастырь, не зная, в какой из них направить свои стопы, он предложил тянуть жребий. Было написано множество обителей, но вытянулась именно Оптина Пустынь, о которой он еще почти ничего не знал. Но мало того. Когда мать направила своих сыновей за советом к духовным лицам, они попали и к епископу Трифону (Туркестанову), который иноческую жизнь начинал в Оптиной, а впоследствии часто приезжал и жил там, в Скиту, месяцами. Он посмотрел на юношей, увидел их открытые лица, глаза, в которых он много увидел хорошего, и сказал: «Я вас направлю в Оптину». Так попали они в Скит и их принял под свое руководство старец Варсонофий**.

И этого мало. Через некоторое недолгое время о. Варсонофий им сказал: «За Литургией, в день памяти старца Амвросия, слушая чтение Апостола и Евангелия, я подумал: «Про вас это говорится...» И тогда же решил принять вас в Скит, уверенный в том, что сам старец Амвросий, в день своего Ангела, благословляет вас на этот путь». После этого братья были окончательно приняты послушниками. Потом старец Варсонофий сказал о. Никону: «Вы поступили в Скит чрез посредство епископа Трифона. Это — великое дело! Возможно, что в его лице действовал своими молитвами мученик Трифон, которому дана благодать охранять от злых духов. Почему ходатайствовал за вас мученик Трифон, нам не дано знать. Быть может, вы его отдаленный потомок, а святые зорко следят за своим потомством... Молитесь

* Житие иеромонаха Никона. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1996. С. 22.

** Там же. С. 42–45.

ему всегда». Этот завет старца Николай до самой своей кончины свято исполнял*.

Старец Варсонофий видел будущее своего любимого ученика. И поэтому был особенно внимателен к нему. «Однажды летом 1910 года, — говорится в Житии о. Никона, — он вдруг без всякой связи с предыдущим разговором, посмотрев на Николая, сказал: «Как бы вам не помереть... «Через несколько дней, пристально глядя на него, старец опять сказал: «Не вздумайте вы помереть. Когда я умру, тогда и вы... Хоть на другой день...» — «Батюшка, разве вы что-нибудь во мне замечаете?» — спросил Николай. «Я замечал... я замечал... После тебе скажу». Спустя некоторое время старец снова сказал: «Как бы мне вас не пережить. Что я буду делать?» — «Батюшка, вы мне это уже третий раз говорите. Какая тому причина?» На это старец ничего не ответил**. Далее автор жития пишет: «Есть основание предположить, что еще тогда, в юношеские его годы, в возрасте 20–24 лет, у Николая был туберкулезный процесс в закрытой форме. Но он не знал об этом. Возможно, что и никто не знал, кроме, может быть, старца, зорко следящего за своим будущим преемником»***. Да, старец не ошибся... О. Никон умер в ссылке и в молодых годах, и именно от туберкулеза. Умирая, вспомнил о. Никон слова, некогда сказанные ему о. Варсонофием: «Господи! Спаси раба Твоего сего Николая! Буди ему помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта». Всё знал великий старец****.

В июле 1924 года, когда в Оптиной был закрыт последний храм, когда большинство монахов жило в Козельске и по окрестным деревням (как и настоятель обители ар-

---

* Житие иеромонаха Никона. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1996. С. 62–63.

** Там же. С. 196.

*** Там же.

**** Там же. Стр. 223.

химандрит о. Исаакий), — и о. Никон вынужден был переселиться в Козельск. В бедном Успенском соборе, в котором еще шли богослужения, о. Никон собрал хор из монахов, всего шесть или семь человек, и они пели под его управлением. В этом храме о.Никон ободрен был и духовно поддержан происшедшим чудом, появлением чудотворной иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». «История ее явления, — пишет автор Жития о. Никона, — едва ли сохранилась у кого-либо в памяти. Известно только, что появление ее было необычайно, о чем настоятель собора о. Сергий Протопопов поставил в известность всех прихожан и предложил совершать пред иконой в един из дней седмицы акафистное пение, что и исполнялось, пока не закрылся собор. О. Никон еще в детстве и юности особенно чтил эту икону. И помня слова своего дорогого старца Варсонофия: «Случайного ничего нет в нашей жизни... — Он принял появление в соборе образа Божией Матери «Нечаянная Радость» как чудо, как милость Божию. Когда-то он был принят в Скит неожиданно в день празднования этой иконы... И теперь, изгнанный из монастыря, он в бедном Козельском соборе обрел нечаянную радость в лике Богоматери*.

За два месяца до смерти о. Никона в деревне возле Пинеги в 1931 году, одна из его духовных дочерей видела поразивший ее сон. Она описала его в письме к о. Никону, умиравшему от туберкулеза. Виделось ей, что оптинский старец Варсонофий пришел на квартиру о. Никона в Козельске и начал выносить вещи из комнаты. Когда же он взял кровать, чтобы и ее вынести, она сказала: «Батюшка, зачем же вы кровать выносите? Ведь о. Никону негде будет спать...» Старец на это ответил ей: «Он собирается ко мне, и ему кровать не нужна, Я ему там свою дам кровать». В ответном письме о. Никон написал: «Сон твой похож на

---

* Житие иеромонаха Никона. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1996. С. 285.

истину. Вообще я снам не верю, но бывают иногда и истинные сны. Быть может и судит Господь мне умереть»*.

К умирающему о. Никону приехала его духовная дочь Ирина Бобкова. Больной слабел всё более, температура выше 40 держалась подолгу, он забывался. Вспоминал вслух духовных чад, крестил воздух. Раз, не во сне, он вдруг встрепенулся и говорит: «А, всечестнейший батюшка Макарий!.. Ирина, подай стул... К нам пришел старец Макарий, а ты и не видишь!» Ирина медлила, думая, что батюшка бредит. Тогда он сказал: «Простите, батюшка, ведь она неопытная». И умолк. А за несколько дней до смерти он попросил ухаживающих за ним о. Петра и сестру Ирину называть его не «батюшкой», а «владыкой». И неоднократно поправлял их, когда они продолжали называть его «батюшкой»... Впоследствии некоторые смущались этим и, не зная чем объяснить, предпочитали обходить молчанием. Пишущий эти строки склонен думать, что о. Никону, возможно, перед кончиной было видение, а какое – неизвестно. Оно умерло вместе с ним»**.

О. Парфений, оптинский иеромонах, присутствовавший при погребении о. Никона, видел сон: о. Никон вдвоем с о. Кириллом (Зленко, оптинским иноком) с чемоданами в руках куда-то шли. Отец Парфений спросил «А меня-то возьмете с собой?» Отец Никон ответил ему: «Ты как хочешь, а Кирилла я не оставлю» И оба пошли дальше (о. Кирилл скончался от туберкулеза год спустя после смерти о. Никона)***.

На похоронах о. Никона было 12 священнослужителей, Удивительно то, что все они за неделю до кончины о. Никона находились на работе в лесу, где-то за 60 километров от своих жилищ. И вдруг – были отпущены. Точ-

---

* Житие иеромонаха Никона. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1996. С. 422.

** Там же. С. 423–424.

*** Там же. С. 428.

но о. Никон ждал их возвращения и не умирал... Точно на погребение его были они отпущены*. Один из оптинских монахов о. Иосиф (Полевой), писал: «О. Никону попущены были немалые испытания, чтобы в молодых годах земной жизни он созрел для доброй вечности»**. О. Никону было около 43-х лет, когда он скончался.

Иеромонах Рафаил (Шейченко), поступивший в Оптину Пустынь в 1917 голу, прошел через северные лагеря, где потерял здоровье, но во время воины, в 1943 году, вернувшись из очередной ссылки, сумел в Козельске добиться открытия Благовещенского храма. Это были лишь развалины, и прихожане вручную восстанавливали его пять лет. После этого о. Рафаил, ставший духоносным наставником для остававшихся в Козельске монахинь и монахов (весьма малого количества), опять попал в ссылку. Вернулся в 1955 году. Скончался он 19 июня 1957 года в Козельске. Его келейница м. Татьяна видела сон, что о. Рафаил стоит у подножия лестницы, по которой к нему спускаются с неба о. Никон (Беляев) и о. Кирилл (Зленко) в белых одеждах. Взяли они под руки о. Рафаила и начали возводить на небо...***

Оптинские монахи большей частью стали жертвами красного террора и лишь немногие в разных уголках России, в основном на приходах, могли совершать Богослужение и духовно окормлять народ, разумеется уже под пристальным взглядом недоброжелательной власти. Оптина в рассеянии — особая тема, для которой, однако, подходит черёд: собранных материалов мало, эти труды продолжаются, выходят и книги о некоторых оптинцах, ставших наследниками оптинского старчества в разных

* Житие иеромонаха Никона. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1996. С.429.

** Там же. С. 432.

*** Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители» Рукопись. Новый оптинский архив. С. 335.

местах России. Это Амвросий Балабановский, схиархимандрит Севастиан Карагандинский, архимандрит Георгий (Лавров), иеромонах Даниил (бывший письмоводитель старца Анатолия (Потапова)), архимандрит Мартирий (Гришин) и некоторые другие. Они тоже имели дары чудотворений от Господа. Надеемся, что со временем собраны будут материалы и об оптинцах, погибших в лагерях, расстрелянных, окончивших жизнь в ссылке, служивших в селах и городах кому сколько судил Бог, — иным совсем мало, другим и весьма долго, как схиигумену Павлу (Драчеву), который приютил у себя некогда умирающего о.Никона — он дожил до 1981 года.

Оптина Пустынь была разорена, опустошена, — но старцы Оптинские не оставляли ни обители, ни людей, обращавшихся к ним с молитвою за помощью. И этих чудес было великое множество, хотя, как это всегда, к сожалению, бывает — записано и сохранено для истории не очень большое количество. Преподобные Оптинские старцы — скоропослушные помощники для нас, сии угодники Божии, предстоящие Ему в великой славе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О ЧУДЕСАХ, СОВЕРШЕННЫХ ГОСПОДОМ ЧЕРЕЗ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ И МОНАХОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ – ОТ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ XX ВЕКА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В этой главе мы приводим чудесные случаи, бывшие по молитвам преподобных отцев и старцев оптинских, излагая их в хронологическом порядке (по времени свидетельства о них).

О. Михаил Ежов в молодости был послушником в Оптиной Пустыни. Поступил он тогда одновременно с о. Никоном (Беляевым) и его наставником был старец Варсонофий. В августе 1916 года он вместе с другими послушниками был мобилизован в армию. После революции учился на пастырских курсах, с 1924 по 1948 год находился в лагерях и ссылке. В 1948 году принял иерейский сан, служил на приходах в Сыктывкаре, Архангельске, в селах Калужской и Тульской епархий. В конце жизни принял постриг и стал иеромонахом. Скончался 26 апрели 1967 года. Его дочь, Любовь Михайловна Ежова, рассказала протоиерею о. Геннадию Нефёдову, а тот наместнику Оптиной Пустыни архимандриту Венедикту (3 сентября 1995 года) следующее: «1966 год. Село Кутепово Угодского района, где служил мой отец – протоиерей Михаил Ежов. Получаю я телеграмму под Крещение Господне, что отец при смерти. Я тут же еду туда. Приехала в Кутепово рано, в 9 часов

утра. Застаю отца без сознания. Я оставляю сумки и бегу в церковь. Службы не было, потому что нет священника. Но там была монахиня и певчие-любители. И вот они пели обедницу, я вхожу в церковь и встаю напротив алтаря. Во время молитвы вижу какого-то старца незнакомого, который стоит на коленях и молится усердно сбоку алтаря, от пола сантиметров 30 на воздухе. Когда я повернула голову посмотреть, то не увидела старца. Я повернулась опять к алтарю. В таком положении лица моего я опять увидела молящегося старца и видение не пропадало. И вот я его, то есть старца, так хорошо рассматривала. Но кто он, я не знаю. Прихожу домой и вижу; отец мой сидит в подушках в полном сознании. Я ему говорю: «Папа, ты не умрешь, за тебя какой-то святой старец молился в церкви». Я ему всё рассказала. Но мы долго не знали, кто это был. И вот через полтора года папа умер в 1967 году 26 апреля, а я продолжаю искать этого старца на иконах, но тщетно. И вот приезжает ко мне одна раба Божия — Татьяна Кравченко с Оптинского подворья. Ее прислали разыскать меня. Когда мы с ней разговорились, я ей рассказала о видении, В другой раз она привозит мне книгу «Житие старца Амвросия. И вот когда я увидела на обложке его фото, то залилась слезами: оказывается, я искала его за 25 лет до прославления. А, как только его прославили, то я и узнала его сразу. И как дорога стала теперь для меня Оптина и могилки святых старцев, где теперь, уже на склоне лет, я нахожу великое утешение и успокоение души своей.

Монахиня Антонина передала следующий случай: «Одна женщина, живущая при поселке близ стен монастыря Оптина Пустынь, рассказала бывшее с нею чудо по молитвам старцев Оптинских. Это было где-то лет за пятнадцать до открытия Оптинои Пустыни (т.е. примерно в 1974 году). Место, где были погребены знаменитые своею святою жизнью, духовною мудростью и чудесами

старцы Оптинские, было в запустении, но многие приходили на их могилки, хотя уже и не знали точно, кто где погребен. Женщина эта жила бедно. А тут и еще беда — заболел у нее недавно купленный маленький поросенок, так что уже на глазах начинал чернеть. Она вызвала ветеринара, Тот осмотрел его и сказал, что не позднее как завтра он подохнет. Беднячка-женщина со слезами пошла на могилки старцев. Она не могла обращаться к кому-то одному из них, ибо перед нею не было ни крестов, ни надгробий над могилами старцев. Да и вера ее была не к кому-то одному из них, ее сердце любило и чтило их всех вместе. А горе, постигшее ее, еще более понудило молитвенно обратиться ко всем им вместе: «Святые старчики Божии, помогите мне, как вы и раньше помогали бедным и нуждающимся». — и другими подобными словами молилась эта женщина старцам Оптинским. Закончив свое слезное моление, женщина с глубокою верою набрала земли, где предполагались ею погребения старцев, пришла домой и отерла этой землей своего еле живого поросенка. И совершилось дивное чудо: через малое время поросенок совсем выздоровел, и чернота вся пропала. А ветеринар, пришедший на другой день (опять по ее вызову), чрезвычайно дивился, будучи не в силах найти научного объяснения случившемуся. А для бедной женщины было без всякого научного объяснения понятно, что совершилось чудо — не иначе, как по молитвам святых преподобных старцев Оптинских».

Монахиня мать Афанасия жила в поселке Оптино, в доме № 8, где одну половину занимали паломники, а вторую монахи. Вот в бывшей монашеской половине и жила мать Афанасия. Последнее время она несколько лет работала сторожем в магазине, который находился в поселке. Эта матушка имела живую веру ко всем Оптинским старцам, начиная с о. Леонида и кончая о. Нектарием, который умер в 1928 году. Она никогда не начина-

ла своего рабочего дня без благословения этих святых старцев. Бывало, пойдет на могилку к о. Амвросию и всех старцев призовет в молитве на помощь себе, и чтобы она у них ни попросила в молитве, всегда получала милость от них. Пойдет за ягодами и попросит, чтобы бидончик набрать ягод, — непременно столько и наберет. А другие рядом собирают и уходят ни с чем. В поселке, в их доме, однажды травили каких-то насекомых и остаток отравы выбросили на помойку. А куры всегда любители там копаться — наклевались и у многих отравились и подохли. А мать Афанасия пошла на могилки к старцам, помолилась и взяла с могилок песочку, осыпала им своих курочек, и все они поправились и остались живы.

Поместим здесь один рассказ, который пропущен был в своем месте — о чудесном случае прозорливости о. Анатолия (Потапова). Это рассказ одной шамординской монахини. Однажды вечером, — говорила она, — перед службой в Оптину Пустынь прибыл известный строительный подрядчик из г. Козельска. Помолился он со всеми в храме, а потом подошел к батюшке иеросхимонаху Анатолию (Потапову) за благословением на обратный путь. Батюшка отъезд в этот вечер не благословил, на все уговоры и просьбы, дескать работы много, рабочие должны придти, крупный подряд получен — кротко отвечал: «Ну что ж, придут и уйдут. А вы на утреню пойдите, потом на Литургии помолитесь. А уж потом и в путь благословлю». Делать нечего, без благословения не уехать. Остался. А на следующий день после Литургии вернулся домой. Прошло несколько лет. Вдруг зовут его вместе со священником к умирающему работнику. «Священника — это понятно, но я-то на что?» — удивлялся козельский подрядчик. Но, по желанию умирающего, исповедь началась в его присутствии с вопроса: «Хозяин, вы помните тот вечер, когда из Оптиной не вернулись? Так вот мы с братом вас ждали,

караулили у оврага, хотели убить. Так прошу у вас прощения и каюсь пред Господом. Простите меня!» После этого признания козельский подрядчик вознес хвалу Господу и отправился к отцу Анатолию в Оптину Пустынь.

Иеромонах Михаил, насельник Иоанно-Предтеченского Скита, записал со слов Елены Михайловны Кесаревой 1 сентября 1995 года следущее: «Моя мама до революции духовно окормлялась у оптинского старца Анатолия (Потапова). За год до своей блаженнойкончины, он благословил маму выйти замуж за моего отца, Морозова Владимира Ивановича, дал свое благословение — икону и свой фотопортрет. Мама держала его фотографию в Новом Завете и каждый вечер к нему молитвенно обращалась. Нас было девять детей, и одного назвали в честь батюшки Анатолием. Однажды мама сказала: «Мне сегодня явился батюшка Анатолий и сказал, чтобы я готовилась, обещал за меня и за вас молиться, и сказал еще, чтобы я ничего не боялась». Это было 28 августа 1976 года, почти 20 лет назад. Мама пошла в Козельский храм Благовещения, причастилась и пришла домой, в деревню Евстюшково Козельского района. Когда вечером я приехала к маме в гости, мама сподобилась мирной христианской кончины, — умирала она в полном сознании, благословила всех нас, деток своих, и говорила: «Мне очень и очень хорошо».

Монахиня Варсонофия (Черепкова) из Сергиева Посада передавала: «Однажды, когда Оптинский монастырь был уже закрыт, памятники и часовни над могилами разрушены, и сами могилки сравнены с землей так, что нельзя было определить их расположение, тогда одной из шамординских монахинь, которые бывали в монастыре и по незнанию ходили по могилкам старцев, явился во сне старец Анатолий (Потапов) и сказал: «Хоть вы не ходите по нашим могилкам».

Архимандрит Венедикт записал 3 сентября 1995 года со слов протоиерея Геннадия Нефедова следующее: «Это было еще до открытия Оптиной Пустыни — где-то в 1979-м году. О. Геннадий, очень почитающий Оптинских старцев, попросил одного из своих знакомых, который занимался живописью, написать портреты старцев Оптинских. Живописец начал свою работу с портрета преподобного Амвросия Оптинского. Однажды, когда он уже заканчивал свой труд, и сидя у портрета делал последние поправки, вдруг ощутил в мастерской необыкновенно сильное благоухание. Это поразило живописца; он никак не мог объяснить для себя причину происшедшего, В трепете и недоумении он выбежал из мастерской и, отыскав о. Геннадия, рассказал ему о только что происшедшем. О. Геннадий, беседуя с живописцем, рассказал ему подробнее о преподобном Амвросии, и этот живописец проникся к старцу Оптинскому большою любовью и почтением, и стал еще более церковным человеком.

«Хибарка» св. преподобного Амвросия Оптинского

Бывший эконом Оптиной Пустыни игумен Мелхиседек записал: «В 1986 году назрела необходимость выселения жильцов из «хибарки» преподобного Амвросия, что находится в Предтеченском Скиту Оптиной Пустыни. Две семьи удалось без особых проблем переселить в Козельск, купив им за счет монастыря необходимые дома. Но с третьей семьей возникла сложность. Восстанавливающаяся Оптина была в крайней нужде, и жильцы день ото дня требовали за «хибарку» Преподобного всё больше и больше денег.

Наконец монастырь с большим трудом собрал требуемую сумму и передал ее хозяину, — деньги были мелкие и требовалось много времени, чтобы все их пересчитать. Наконец хозяин бросил счет денег и, поверив монаху, принесшему их, дал расписку. На следующий день в монастырском дворе увидели взволнованного хозяина «хибарки». Мы подумали, что, наверное, он идет опять требовать денег. Однако, подойдя к о. эконому, он предложил пройти с ним в кабинет для «важного разговора» и сообщил следующее. В ту ночь, когда с ним был решен вопрос о деньгах для переселения, ему во сне явились несколько старцев-священников и один из них, в котором он сразу узнал старца Амвросия, строго сказал ему: «Константин! Пересчитай пачки!» Больше ничего он не видел и не слышал. Этот сон представился ему настолько реально, что они немедленно, даже до конца не давая себе отчета в происходящем, вместе с женой стали ночью пересчитывать пачки с деньгами. И лишь под утро им стал ясен смысл сонного видения. Когда они пересмотрели все деньги, то оказалось, что монастырь по ошибке выдал им сверх оговоренной суммы лишних сто шестьдесят рублей. А явление священников во сне они приняли как знак того, что лишние рубли необходимо все же вернуть восстанавливающемуся монастырю. Передавая эконому деньги, хозяин

сказал: «Вот, батюшка, ваши деньги. Они мне не нужны, сам Амвросий велел отдать».

Иеромонах Михаил записал рассказ Елены Михайловны Косаревой: «Об Оптинских старцах я знала давно, за много лет до открытия монастыря в Оптиной Пустыни. И больше всех прониклась к великому старцу Нектарию. Вот и помог мне однажды любимый мой старец, и случай этот буду помнить я всю жизнь. Был конец Рождественского поста. Я была под Москвой, не могла выехать, так как заболела моя невестка. Врач «скорой помощи» поставил ей диагноз: крупозное воспаление легких. Пришлось лечить. Невестку-то я вылечила, а сама простудилась, заболела, но в Москву приехала 5 января, а разболелась так, что а Оптину уже ехать не собиралась. Почти с самого открытия монастыря на праздники я украшала храм, и на Рождество Христово, конечно, тоже бы с радостью выполнила это послушание и — разболелась. Расстроилась, что не могу доехать. И вдруг звонит мне в 9 часов утра из Житомира моя духовная сестрица, а я ей жалуюсь, что заболела. Она мне говорит: «Поезжай в Оптину — там выздоровеешь». Я и поехала. Надо сказать, что в Оптину лучше ехать с утра, тем более зимой — темнеет рано. В Калугу приехала — уже темнеть начинало; доехала до перекрестка в Козельске —темно; думаю: «Хоть бы попутка какая взяла». Молилась и Господу, и Святителю Николаю, и Оптинским старцам. Сжалился надо мной один солдатик, на «газике» довез меня до самой Жиздры. Зима в тот год — 1989 — была тёплой, лёд на реке — тонкий и слегка снежком запорошен. Ну, я сгоряча с места в карьер — сразу на реку по пологому бережку спустилась, прошла треть реки и случайно посмотрела в сторону, и... о ужас! — увидела две большие полыньи, Я от страха оцепенела — ноги не идут, в голове мысли проносятся, как остолбенела — так и стою. И вдруг взмолилась: «Святый старче Нектарий! перене-

си!» — и так осторожненько пошла. Прошла метра три и, почти у самого берега, услышала за собой грохот до небес... Оглянулась — а за мной весь лёд до противоположного берега обрушился, и только вода в реке темнеет. Не чуя под собой ног, домчалась я до монастыря. От напряжения, болезни и всего пережитого у меня даже кровь из носа пошла, но потом всё быстро прошло. Спустя некоторое время, после молитвы благодарственной, я поняла; какая беда могла со мною случиться, но милостью Божиею и за молитвы великого старца Нектария я чудесным образом была избавлена от возможной смерти».

Раба Божия «грешная Таисия» (как она подписалась), так изложила бывшее с нею чудесное событие: «По великой милости Божией я, грешная раба Божия Таисия, получила исцеление по молитвам великого старца отца Амвросия. Случилась со мной болезнь на позвоночнике — воспалился жировик и увеличился до больших размеров. Вспомнила про масло, которое получила от лампады у мощей преподобного Амвросия. Я помолилась, прося: «Батюшка, отче Амвросий, помоги мне, к врачам не хочу обращаться, вознеси свои святые молитвы ко Господу нашему Иисусу Христу, да поможет мне Господь твоими молитвами и твоим предстательством». Помолившись, на другой день я почувствовала облегчение, а к вечеру следующего дня совсем не стало опухоли жировика. Только помазала трижды и не могла правой, а левой рукой, произнеся слова молитвы: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Благодарю Господа за Его великую милость ко мне грешной и недостойной, и святого старца — дорогого батюшку Амвросия (записано 15.09.1989).

Следующий рассказ оставлен, очевидно, намеренно, без подписи. «В Оптину я приехала в начале 1990 года, — пишет некая раба Божия. — Мне было 34 года. Семь лет я ежедневно употребляла сильнодействующие наркоти-

ки — привыкание к которым наступает с первого укола — и находилась в том критическом состоянии, когда организм жить без наркотиков не может, но и не принимает их уже. Я была на грани физической смерти, о духовном состоянии вспоминать страшно. Я тогда еще ничего не знала об Оптинских старцах. Когда меня пригласили в Оптину, то я поехала с равнодушным сердцем и мыслью — не всё ли равно где умирать. С первого же дня я почувствовала, что Оптина — место какое-то особое. В Оптиной не было мелочей. За согрешением следовало явное наказание. Люди в Оптиной преображались на глазах, менялись их судьбы. Но это была как бы внешняя сторона жизни. Живя в Оптиной я стала читать духовные книги. Сначала я узнала о Паисии Величковском, затем об Оптинских старцах. Постепенно Оптина стала открываться для меня с другой стороны. Я почувствовала, что душа Оптиной — это старцы, их дух. Старцы стали дли меня живыми.

Однажды мне приснился такой сон: иду я в толпе людей и слышу разговоры, что где-то живет духоносный старец, и каждый хочет получить у него благословение. И я иду вместе со всеми. Подхожу к хибарке и вижу светлое ласковое лицо старца, который всем улыбается и всех благословляет. Подошла и я, поклонилась, а он мне говорит: «Долго же мне ждать тебя пришлось, пойдем со мной», — и проснулась и поняла, что моя дальнейшая судьба будет связана с Оптиной, с монастырем. А через несколько дней я увидела на фотографии того старца, к которому подходила под благословение во сне. Это был батюшка Амвросий. Четыре года я прожила в Оптиной Пустыни, где произошло мое чудесное исцеление от страшного недуга наркомании, с которым не могут справиться никакие врачи, а теперь уже два года живу в женском монастыре. В миру, думаю, я протянула бы не больше года».

Иеромонах Михаил записал еще один рассказ Елены Михайловны Косаревой. Вот эта запись: «В 1965 году я работала в столовой ПТУ № 29, располагавшегося на территории монастыря Оптина Пустынь. У нас работала уборщицей Мария Белякович, и она рассказывала следующее. В 1915 году я вместе со своим женихом приехала в Оптину к старцу Нектарию, брать благословение на брак и мы привезли венчальные иконы и полотенце. Когда мы вошли к старцу, то он сказал, что воли Божией на наш брак нет. Когда я заплакала и призналась, что уже беременна и другого пути у меня нет, то старец Нектарий сказал мне: «Разверни венчальное полотенце». Я развернула и к ужасу своему увидела, что оно наполовину черное. «Вот видишь, — сказал старец, — жизнь твоя с ним будет до половины, он умрет первым и будет у тебя пять детей. Но это не твой муж». Мы с мужем не поверили и решили поступить по-своему. Повенчались и жили. У нас, действительно, родилась пять детей и, когда пятому ребенку было полтора месяца, мертвого мужа к дому в телеге привезла наша лошадь. Я убивалась: голод, как остаться с детьми, да еще с малыми, и хотела детей отравить, а сама утопиться. Ночью мне во сне явился старец и сказал: «Не унывай, всё будет хорошо. Замуж больше не выходи, молись Богу, а детей вырастишь». Что и случилось. Детки мои все вышли в люди. Два сына военных, а дочери хорошо живут замужем».

Одна раба Божия писала: «Я была еще неверующая, но стала ходить в храм. Думала: есть ли Бог, что есть истина... думала о смысле жизни, о смерти. И вот однажды, во сне, я увидела собор старцев, и я им все эти вопросы задаю: что есть жизнь и смерть, где истина? — И вижу, что они все показывают рукою на восток и говорят: «Там жизнь; там истина!» И другой был сон: я стою в храме, со слезами обращаюсь к иконе Божией Матери. И только приехав (в 1991 году) в Оптину, я и

очами и сердцем узнала и тот храм (Введенский собор), в котором я молилась, и икону Казанской Божией Матери, перед которой я плакала, и, главное, — узнала на иконе «Собор Оптинских старцев» тот собор старцев, которых я видела во сне — в таком же расположении, как на иконе» (Ольга Караваева).

Насельник Оптиной Пустыни иеродиакон Елеазар 7 июня 2000 года записал: «Несколько лет назад группа из насельников Оптиной Пустыни и несколько благочестивых мирян поехали отслужить панихиду по тогда еще не прославленному Церковью о. Никону (Беляеву) в связи с 60-летием со дня его кончины. В Пинеге, у его могилки один из насельников Оптиной Пустыни помянул в молитве к преподобному и своих сродников. И вот, ровно через год, в день кончины о. Никона, внезапно приезжает мать этого насельника (вместе с другими его родными братьями) с желанием креститься и принять Православие. Она, конечно, не знала о таком совпадении, и все были очень удивлены случившимся).

Здесь важно отметить то, что она до этого твердо защищала веру своих предков-старообрядцев, и попытки ее сына — оптинского монаха — убедить ее в превосходстве Православия всегда встречали бурное сопротивление. Это обращение было явно чудесным».

Монахиня Варсонофия сообщает: «В 1992 году я собиралась поступать в число сестер Шамординской обители. Незадолго до того, как окончательно объявить своим родным об этом решении, я читала дневник старца Никона Оптинского. Наконец, наступил день, когда я сказала маме, что уезжаю в монастырь. Неожиданно для меня она стала безутешно плакать и просить, чтобы я не оставляла ее, а уж если уйду в монастырь, то только после ее смерти. Никакие уговоры и просьбы не помогали. Мама почти три часа горько плакала, и мною стало овладевать отчаяние. И вдруг, сама того не ожидая, я произ-

несла: «Мама, ну помнишь, мы с тобой недавно читали, как старец Варсонофий сказал: никто да не думает, что пришел в монастырь сам. Это его Бог привел». Сразу же после этих слов мама успокоилась, вытерла слёзы и спокойно сказала: «Ну, я тебя благословляю в монастырь». Приписываю этот чудесный случай молитвенной помощи старца Варсонофия, который в монастыре не оставил меня. А в монашеском постриге мне нарекли имя Варсонофии в честь преподобного старца Оптинского».

Оптинский монах Марк рассказал 4 июня 2000 года: «В 1993 г., 7, 8 и 9 мая по старому стилю производилось открытие мощей старцев Моисея и Антония по благословению Святейшего Патриарха. Помимо прочего, были найдены кованые гвозди от гробов старцев. У одного из паломников был сильный насморк, который он называл инфлюенцией и очень мучился от этого недуга. Он просил дать ему гвоздь от гроба старца Антония. Кто-то из старших благословил взять, и от этого гвоздя паломник получил совершенное исцеление. Затем он сообщил, что другой паломник, проживающий в гостинице, также страдал от аллергического насморка и также получил исцеление от этого гвоздя. 1 сентября 1995 года был записан рассказ Валентины Владимировны Цепко (из г. Волгограда): «Супруги Сидоровы, Виктор и Вера разошлись во мнениях по поводу того, отмечать ли им 8 марта, пришедшееся в 1993 году на понедельник 2-й седмицы Великого Поста. Мнения разделились. Хотя Вера не была церковным человеком, но после их венчания с Виктором осенью 1992 года, начала интересоваться у сослуживицы как проводить праздники, что делать в пост и т.п. Поэтому она, считая праздник этот делом не богоугодным, идти в гости отказалась. Виктор, напротив, жаждал праздника и пошел к друзьям без супруги. По дороге лихие люди нанесли ему удар тяжелым предметом по голове, раздели, разули и бросили в бес-

сознательном состоянии. Время было холодное. Виктор обморозил ноги так, что они почернели, сильно пострадали и руки. Врачи, осмотрев больного, сделали заключение о необходимости срочной ампутации ног. Операция была назначена на пятницу 12 марта. Вера, по специальности фармаколог, с очевидностью специалиста знала, что состояние мужа безнадежно, но тем не менее, чтобы отложить срок операции, она, предложив врачу попробовать подобранное ею лекарство ввести капельно, тем временем сама обратилась с молитвой к Богу, уповая лишь на Него. А я на следующий день собралась ехать в Оптину Пустынь. Вера рассказала мне о своем горе и попросила меня заказать в монастыре молебен преподобному Амвросию Оптинскому и помолиться на могилках старцев о здравии тяжко болящего Виктора. Приехав домой, я увидела, что Виктор начал ходить, а через неделю он уже совершенно нормально ходил сам

Могилки новомучеников оптинских

и был выписан из больницы. Врач оказался прав, говоря, что Виктору не помогут никакие лекарства. И действительно лекарства ему не помогли. Но, он стал ходить только благодаря святым молитвам великого угодника Божия преподобного Амвросия Оптинского и всех старцев Оптинских».

В день Святой Пасхи 1993 года произошло событие, потрясшее весь православный мир: трое иноков — один иеромонах и двое рясофорных — были убиты сатанистом во время Пасхального звона при помощи меча, на котором нацарапана была цифра 666. Убийство было зверское, жесточайшее... Приезжающие ныне в Оптину Пустынь паломники хорошо знают могилы этих трех мучеников, убиенных за Господа нашего Иисуса Христа. Уже зафиксировано немало чудотворений, происшедших здесь, у могил, по молитвам к этим мученикам, но и не только здесь, — мученики отцы Василий, Трофим и Ферапонт — скорые помощники для призывающих их в бедах и болезнях, скорбях и разных трудных обстоятельствах. Нынешняя Оптина укреплена и кровью мучеников. Ниже мы приводим чудеса, совершавшиеся Господом по их молитвам.

«Через день после погребения было явлено чудо, — пишет инокиня Е.П. — на могилах новомучеников стали мироточить все три креста. Я видела это сама. Было сильное благоухание, а капельки текли, казалось, из трещинок, но на деле выступали из крестов прямо так. Все приходили помазываться. Помазалась и я, начав с той поры молиться уже не только о. Трофиму, но всем троим. Вот один из случаев помощи новомучеников. 29 августа 1995 года наша матушка игуменья благословила меня съездить в Оптину, строго-настрого наказав, чтобы я вернулась в тот же день. В Оптиной я задержалась... спохватилась уже в семь вечера. Помолилась я на могилках Оптинских старцев и новомучеников, попросила их помочь мне добраться до Шамордина. Раба Бо-

жья Фотинья вызвалась меня проводить. Идем мы в сумерках через лес, кругом безлюдье, как вдруг вышли из кустов трое мужчин с гитарой и стали к нам приставать... Мы с Фотиньей очень испугались и договорились шепотом молиться: она оптинским старцам, а я – новомученикам. Призывали их поименно. Сзади вдруг стало тихо. Смотрим, а эти трое как сквозь землю провалились. Стали мы в радости благодарить старцев и новомучеников, а тут нас нагнала машина из Оптиной и довезла до деревни Прыски. Полдороги проехали, но до Шамордина еще шагать и шагать, а стемнело уже. Стали снова молиться убиенным братьям, — вдруг навстречу нам едет машина и тормозит возле нас: «Куда подвезти? Садитесь». Шофер ехал совсем в другую сторону, но будто специально на трассу выехал, чтобы, развернувшись, отвезти нас в монастырь. «За кого молиться? — спрашиваем шофера, — Скажите ваше имя». А он улыбается: «Василий Блаженный». Это имя отца Василия в монашеском постриге, и мы поняли, кто нам помог».

Нина Андреевна, мать о. Трофима, рассказала отцу М, следующую историю: «Сестра о. Трофима приехала в Оптину Пустынь и какое-то время жила здесь, У нее возникла необходимость купить платок и что-нибудь на ноги (у нее была обувь, неудобная для храма). Пришла она на могилку и в простоте говорит: «Братик, я пойду в магазин купить платок и тапочки». Пришла она в магазин и стала выбирать платок, нашла по своему вкусу какой-то пёстренький и хотела его взять. И вдруг явственно услыхала голос о. Трофима: «Нет, этот не бери. Возьми вон тот». И она видит однотонный скромный платок и, потрясенная, покупает его. Потом она купила и тапочки и пошла в храм уже в церковном виде».

Иеромонах И., которому о. Василий подарил привезенный ему из Иерусалима крест, рассказал, что в том же 1993 году, 9 августа, — за пять дней до праздника

Изнесения Честных древ Животворящего Креста Господня, мы обратили внимание, что на кресте о. Василия в моей келлии довольно обильно выступило миро — три или четыре капли на теле Господа с левой стороны, чуть ниже ребер. Благоухания не было, но капли выступали очень крупные, как капли дождя. Миро не высыхало больше двух недель... Это, я думаю, чудо, которым Господь подтвердил, что забрал к Себе праведника».

Прихожанка храма Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве Е. сообщает: «В августе 1993 года, во время посещения Оптиной Пустыни я взяла камешек с могилы иеромонаха Василия. В феврале 1997 года я заметила, что камешек мироточит, иногда слышится легкое благоухание. Большую часть времени камешек остается сухим, а периодически появляются блестящие пятнышки от 1 до 7 мм в диаметрае. Жидкость, выступающая на поверхности, по консистенции более вязкая, чем вода, но менее вязкая, чем масло".

Пишет одна раба Божия: «Я, Нина Бейчук, 58 лет, из города Байрам-Али (Туркмения), приехав в Оптину Пустынь, тяжело заболела. Температура к ночи поднялась выше сорока, я вся горела огнем. С вечера я исповедалась у схиигумена Илия, помолилась Господу, Божией Матери и преподобному Амвросию, побывала на могилках убиенных иеромонаха Василия и иноков Трофима и Ферапонта. Вижу в тонком сне, что пришли ко мне и молятся о моем здравии преподобный Амвросий, батюшка Илий и какие-то три монаха... Что самое удивительное, я вижу их нераздельными, словно сросшимися; они стоят, слившись друг с другом в плечах... Вскоре я крепко заснула. Проснувшись, я почувствовала себя совершенно здоровой. Произошло это в ночь с 4 на 5 октября 1993 года».

«Я, Депутатова М.Н., проживаю в Москве, 1912 года рождения. У меня были онемевшие пальцы на руках, — бескровные, ничего не чувствовавшие, и от них было

плохо с сердцем. Я потерла их земелькой с могилки о. Василия Оптинского и исцелилась, и пряла шерсть в монастыре после этого. Вернулась чувствительность. Руки стали слушаться, — это чудо. Благодарю Господа и Его святого мученика иеромонаха Василия. Я знала его при жизни его в монастыре».

«24 октября 1998 года, — пишет жительница города Козельска Л.В.Т., — на Собор Оптинских старцев я пошла после Литургии на могилки новомучеников. К могилкам подошел паломник и, как-то странно и неловко прижимая к себе бумагу, попросил меня набрать в эту бумагу земли с могил новомучеиинков. «Разве вы сами не можете?» — удивилась я. Но тут взглянула на его руки, и мне стадо стыдно: кисти его рук были бледно-восковые и, как у мертвеца, совершенно обескровленные. Он не мог владеть ими. Я, конечно, тут же стала набирать ему земельки с могилок и говорю: «Да вы хоть приложите руки к могилкам». Наклонился он над могилкой о. Василия, водит руками по земле. Вдруг засмеялся и сел на лавочку возле могилки о. Василия, показывая мне порозовевшие пальцы: «Смотрите, — говорит, — руки живые, а врачи хотели мне их отнять». Чудо исцеления произошло буквально у меня на глазах... Чтобы засвидетельствовать свое исцеление, паломник А.Н.А. после возвращения из Оптиной сходил к врачу, а вскоре мы получили от него письмо с вложенной в него медицинской справной. «24 октября 1998 года, — писал исцеленный, — я стал размышлять, что угодники Божии новомученики иеромонах Василий, инок Трофим, инок Ферапонт святые. И решил набрать земли с их могилок... И положил руку на могилку о. Василия и стал молиться ему о помощи. В течение пяти минут я почувствовал, что кисть руки потеплела, а в последующие десять минут пальцы порозовели и кровообращение восстановилось, В тот же день я работал в монастыре на

послушании — возил на тачке дрова от разобранного сарая, Работал голыми руками, но руки не замерзали. О своем исцелении я рассказал послушнику В., показав имевшиеся у меня при себе документы из Калужской больницы о моем заболевании».

«После убийства на Пасху мне, по благословению старца, — рассказывает инок М. — достался окровавленный кожаный пояс инока Ферапонта. Однажды в Москве о. Георгий (Полозов), настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», что на Речном Вокзале, попросил меня дать им на время пояс новомученика, объяснив, что они попали в трудное положение. При храме была православная гимназия, но помещения для нее не было и старцы благословили им строить гимназию. Но у храма, во-первых, не было денег, а главное — им не выделяли земли под строительство. И когда они стали хлопотать о разрешении на строительсьво гимназии, то восстали такие антиправославные силы, что во всех инстанциях, и даже самых высоких, они получили категорический отказ. Конечно, они много молились, а уже в безвыходной ситуации решили обратиться за помощью к новомученику Ферапонту Оптинскому. Мне рассказывали, что, когда они внесли в алтарь пояс новомученика, то сразу почувствовали исходящую от него благодать. Стали они молиться новомученику Ферапонту о помощи, и свершилось чудо — храм выстроил прекрасную двухэтажную гимназию».

Сестра о. Трофима Наталья рассказывает: «Мама отдала мне молитвослов о. Трофима, и я по нему молюсь. Но утром у меня в голове только муж и дети, а вечером, когда дети уснут, я читаю сначала правило, а потом молюсь своими словами Божией Матери и о. Трофиму. Прошу я Трофима не только за себя, и всё удивляюсь, как же быстро он приходит на помощь. Вот был такой случай. Пришел к нам знакомый попросить денег в долг,

сел на кухне и заплакал, потому что кругом безработица, на работу нигде не берут, а он лишь занимает у всех в долг, не в силах прокормить семью. Стала я вечером молить о. Трофима: «Помоги человеку ради Христа!» А на следующий день знакомый приходит к нам радостный и говорит, что его взяли на такое хорошее место, о каком он и не мечтал».

Вот рассказ иконописца Т.М.: «Городские автобусы до Оптиной не ходят и уехать из монастыря порой трудно. Но в Оптиной уже привыкли, что стоит сходить на могилки новомучеников и попросить их помочь, как тут же неведомым образом появлялся транспорт. Работал тогда в Оптиной на послушании столяр из Москвы С.М., и где-то через полгода понадобилось ему ехать домой. Денег на дорогу у него не было, и отец эконом пообещал его отправить в Москву с монастырской машиной. Собрал он чемодан и с неделю наверно ходил ежедневно к воротам, а уехать не мог: то мест в машине нет, то были места, но машина почему-то ушла без него... Он расстроился и говорит: «Это что ж такое? Не могу уехать и всё!» — «С., — говорим мы ему: — сходи на могилки новомучеников. Они же всем помогают»... Смотрим, пошел. Помолился там и пошел в переплетную мастерскую к знакомым чай пить. Только сел, а дверь распахивается, и о. М. говорит: «Ты чего тут рассиживаешь? Весь монастырь обыскали, — там у ворот машина ждет тебя».

Паломница Д.С. пишет: «Закупили мы в городе всё необходимое для оптинской златошвейной мастерской, Груз получился тяжелый, а ни одна машина нас до Оптиной не везет. Помолились мы о помощи новомученикам отцам Василию, Трофиму, Ферапонту и тут же возле нас затормозила машина, а водитель сам распахнул дверь, приглашая садиться. Но таких случаев с транспортом по молитвам новомучеников в Оптиной такое множество, что я даже не знаю, а удобно ли мне об этом рассказывать».

Иеромонах В. сообщил: «В Варлаамо-Хутынском монастыре Господь свел меня с иеродиаконом Димитрием из Псковской епархии, рассказавшим следующее. Он сильно заболел и так задыхался, что не мог спать лёжа, а только сидя. Тогда их батюшка предложил помолиться об исцелении оптинским новомученикам и отслужил панихиду по отцам Василию, Трофиму и Ферапонту. Вечером отслужили панихиду, а наутро иеродиакон Димитрий был здоров. Когда у них на приходе одну рабу Божию разбил паралич, батюшка снова отслужил панихиду оптинским новомученикам. После панихиды больная смогла уже шевелиться, хотя до этого была недвижима».

«Когда в Оптиной Пустыни умерла одна старенькая схимонахиня, — рассказывает М. А. — мы с сестрами договорились читать по очереди у гроба Псалтирь. Составили список, но сестер поставили на послушание и, оказалось, что в дневные часы читать Псалтирь некому. Пошла я к могилке о. Василия и, помолившись, прошу: «Батюшка Василий, пошли человека читать Псалтирь», Вдруг вижу — к могилке спешит В.И, и говорит: «Вернулась сейчас в келлию с послушания и вдруг слышу, будто кто-то зовет к могилке о.Василия. Что случилось?» А я ее спрашиваю: «Псалтирь читать будешь?» — «Буду». — «Слава Богу, — говорю, — послал о. Василий человека!»

Сотрудник московского Сретенского монастыря сообщил следующий чудесный случай: «Возвращались мы из командировки из Печор, когда неподалеку от Великих Лук наш ЗИЛ остановился и никак не хотел ехать. Причину поломки нашли быстро, К нашему удивлению на новеньком ЗИЛе оказался порванным ремень... Помощи ждать неоткуда... Стали останавливать машины, просить помочь. Но чем? Откуда, например у «Жигуленка» зиловский ремень?.. Так прошел не один час. Становилось темно, да тут еще дождь пошел. Ситуация была до того безвыходной, что я пнул в сердцах по колесу и у меня

вырвалось: «Ну, давай, Василий, помогай!» И вот вижу, катит с пригорка прямо к нам ЗИЛ. Я глазам не верю, а водитель тормозит и спрашивает: «Что, загораем? Помощь нужна?» — «Еще как!» — «А в чём проблема?» — спрашивает он снова, а я молча показываю порванный ремень. А шофер смеется: «Ну, повезло тебе, парень! Полезай в кузов». Залезаю в кузов. И что вижу? Стоит в пустом кузове один-единственный ящик, полный новеньких зиловских ремней. Будто для нас их везли... В общем, ехали мы и потом всю дорогу благодарили Бога и такого скорого помощника, каким оказался о. Василий».

Директор православной гимназии города Козельска Г.Л.Б. рассказывает: «Помню, ехала из Сосенского на работу в Козельск. Вдруг автобус сломался в пути. Минут двадцать стояли, а автобус всё не заводился. Смотрю на часы и вижу, что опаздываю к началу занятий. Взмолилась о помощи о. Василию, и тут же рядом затормозила машина и довезла меня прямо к крыльцу школы, к началу занятий. Но таких случаев было много, и я даже не знаю, как тут что-то особо выделять. А когда открывали нашу православную гимназию, то каждый шаг или даже шажочек начинался с того, что идешь первым делом к могиле о. Василия и к мощам преподобного Амвросия и поклоны им с молитвой кладешь... Сколько раз за эти годы я обращалась за помощью к о. Василию и получала ее — этого не перечтешь. Духовник нашей гимназии о. Павел, бывало, скажет, улыбаясь: «Ну, у нашего директора на все нужды один глас: «О. Василий! Помогите». Скажет так, да и добавит: «А ведь действительно, — о. Василий нам всё дает».

Инокиня И. вспоминает такой случай: «Рабочих рук в монастыре на уборке не хватает. И вот, уже после смерти о. Трофима, на картошку смогли послать лишь четверых — меня, одну болящую сестру и двух стареньких паломниц. Тракторист в этот день накопал нам

очень много рядков, а выкопанную картошку нельзя оставлять в поле, чтобы не попала под заморозок. Но разве вчетвером столько убрать? Мы падали от усталости... Я стала что есть силы молить о. Трофима помочь нам.. И вдруг, откуда ни возьмись, выходят на поле сестры, человек десять. Я даже глазам своим сперва не поверила... У нас в монастыре обычай перед работой мы всегда молимся о помощи новомученику о. Трофиму. И он всегда так быстро и ощутимо помогает нам!

В городе Ерцево (Архангельской области), куда ездили оптинские монахи для духовного окормления людей, о. Василий забыл свою епитрахиль. Когда произошло убийство тричисленных новомучеников, одна женщина в Ерцеве, услышав страшную весть, тяжело заболела. И вот, когда с молитвой священиомученику о. Василию на болящую возложили его епитрахиль, — она выздоровела.

Инженер из Киева А.П. пишет: «Сижу я на лавочке возле могилки о.Василий и читаю сидя «Отче наш». Вдруг слышу голос о. Василия: «Встань!» И я не обратила на это внимания и продолжала молиться сидя. Но вот что удивительно; никогда после этого я уже не могла читать молитву «Отче наш» сидя. Некая сила поднимала меня».

Это, конечно, не все чудеса, бывшие по предстательству новомучеников отцов Василия, Ферапонта, Трофима перед Богом. Они не прекращаются. Происходят они не только в самой Оптиной, на могилках убиенных новомучеников, но и по всей России, где православные люди обращаются к ним за помощью. Они — скорые и щедрые помощники, так как знают о трудной жизни бедных людей. Сразу после убиения, когда приводили в порядок звонницу, люди бережно собрали стесанные с помоста пропитанные святой кровью щепочки, а также землю и песок, впитавшие кровь. Теперь эти святыни разошлись по монастырям, храмам и частным домам.

Мы видим, что господни чудеса по молитвам новомучеников-оптинцев происходят постоянно и одновременно с теми чудесами, которые совершает Господь по молитвам преподобных отцов и старцев Оптинских. Трое убиенных в 1993 году монахов еще не прославлены Церковью но вера народа в их святость, народное почитание их, возникшее сразу после их убиения, растет и уже окрепло настолько, что как бы опережает их грядущее прославление. Они в нашем представлении стоят несомненно рядом со старцами Львом, Макарием, Амвросием и другими со всем их сонмом. Но вернее, пожалуй, что и старцы, и новомученики находятся прежде всего в большом сообществе всех оптинских монахов прошлого и настоящего времени, тех, что на небесах, и тех, кто ныне еще подвизается в обители.

Продолжая повествование о происходивших по молитвам оптинских подвижников чудесах, расскажем о пяти случаях, связанных с именем старца Варсонофия. Послушник Дмитрий Ульянов 2 сентября 1995 года рассказал: «По приезде моем в монастырь у меня сильно болела спина были сильные головные боли. Работая в миру грузчиком, я получил диафрагмальную грыжу. Здоровье было слабое. Стоять на долгих монастырских службах было мне невмоготу, от мучительных болей хотелось лечь на пол и забыться. И вот, по милости Божией, в 1993 году приехал я в Оптину. А по послушанию заливал масло в лампадки на могилах старцев. Имея особенную веру и любовь к старцу Варсонофию, я взял масло от лампадки с его могилы и густо намазал им на ночь свой больной живот. Через некоторое время боль прошла, я почувствовал, как мой желудок и кишечник, прежде подбитые под ребра, становятся на место, и я ощутил себя исцеленным, здоровым человеком. На службе я стоял уже легко, даже не присаживаясь. Сколько после этого я поднимал тяжестей, — и по милости Бо-

жией, по молитвам великого старца, уже без всякого вреда для здоровья. Об этом случае я всегда рассказывал своим друзьям и вот через три года свидетельствую об этом письменно».

Послушник Троице-Сергиевой Лавры Андрей Михайлов сообщил: «В Академии я писал кандидатскую работу по пастырскому богословию «Пастырство оптинского старца схиархимандрита Варсонофия (Плиханкова)». Мною было подано прошение на имя наместника о принятии в число братии Троице-Сергиевой Лавры. Этот вопрос долго и непросто решался. К моей глубокой радости и удивлению я был принят в число братии решением Духовного Собора монастыря 14 апреля 1995 года, именно в день блаженней кончины старца Варсонофия».

Иконописец Лариса Шеховцова рассказала следующее: «Я имела большое желание потрудиться в Оптиной Пустыни, известной своими великими старцами. В 1989 году монастырь только начинал восстанавливаться. Условий для работы и жилья не было. Купить дом рядом с монастырем по доступной цене было практически невозможно. Оставалось надеяться только на помощь Божию и предстательство старцев оптинских. Отслужив молебен у мощей старца Амвросия и панихиду на могилах старцев, я начала поиски. В тот же день в деревне Стенино я нашла подходящий дом. Но купить его оказалось не так-то просто. Решение о продаже этого дома у хозяйки менялось каждую неделю. Она, то соглашалась, то опять передумывала продавать дом. Так продолжалось три месяца. Приехав в очередной раз, я вновь получила отказ и с грустью пошла в монастырь. Встретив священника, нажаловалась, что с покупкой дома у меня ничего не получается. И вдруг он мне говорит: «Сегодня день кончины старца Варсонофия, иди на его могилку, проси помощи и благословения, а после этого попробуй еще раз поговорить с хозяйкой». Я тут

же побежала к могилке старца. Встав у креста, начала молиться старцу Варсонофию, просить его предстательства и помощи. Когда я стала прикладываться к кресту, почувствовала сильное благоухание, исходящее от креста. Оно было настолько сильным, что я поняла это как ответ на мое прошение. Подкрепленная чудесным явлением, я тут же отправилась к хозяйке дома. Удивительно: она как будто забыла, что недавно отказала мне. Уговаривать ее не пришлось. Она сама позвала свидетелей, и тут же, в присутствии ее дочери, была составлена купчая, а вскоре оформлены и все документы».

Вот рассказывает раба Божия Фотиния: «Как-то я очень тяжело заболела, была почти при смерти, Утешалась только тем, что, не отрывая глаз, смотрела на всех старцев Оптинских, то есть на их фотографии на стене, особенно обращаясь к старцу Варсонофию. После этого я заснула, спала очень долго, а проснувшись поняла, что совершенно выздоровела. Еще я просила старца Варсонофия и всех старцев о моем двоюродном брате, который в то время был в детском доме. Мама моя тоже сильно его жалела, но по семейным обстоятельствам никак не могла его забрать оттуда. А я не могла без слез вспоминать о нем и просила просто: «Батюшка Варсонофий, помоги сиротинушке», — он ведь даже не крещеный. Так прошел год, и вдруг я узнаю от мамы, что она решила его, несмотря ни на что, забрать из детдома. Рассказывает: «Так жаль его стало, так совестно, плакать стала, не досыпать, а тут и деньги Бог послал, поехала и забрала». И вот он уже живет в семье пятый год. И даже в этом году все они приезжали в Оптину, и брат мой здесь был крещен. Также и в семье у мамы стало получше, отчим стал потише, после того, как мы с мамой помолились на могилках старцев и батюшке Варсонофию».

Одна паломница пишет: «Во время Рождественского поста 1994 года вечером я задремала. Вижу, что я нахо-

жусь в храме, идет служба. И вот среди прихожан стали говорить, что идет батюшка, и все побежали за благословением. Я тоже пошла, и вижу — от притвора большая крутая лестница, наверху стоит монах в клобуке, небольших очках, в глазах — море доброты, Встали я у этой лестницы и не знаю, как мне подняться, — больно крутая. И вижу, этот старец опустился на колено и руку мне подает, а я к нему потянулась. Тут я вышла из дремоты, но лицо его очень мне запомнилось, хотя и не видела никогда. Через три дня поехала я в иконнную лавку книги духовные покупать. Много набрала и среди них вдруг увидела на обложке знакомое лицо. С обложки на меня смотрел тот монах, которого я видела, в том же облачении. Книга называлась: «Келейные записки Оптинского старца Варсонофия». Прочитав эту книгу, я поняла, как близок мне по духу этот старец, и решила срочно ехать в Оптину Пустынь. Это была моя первая поездка. Со мной была моя сестра. Стоял сильным мороз: 32, воздух был морозный, колючий. После причастия в Скиту началось в моей душе искушение. Слезы лились сами по себе, всё стало раздражать, изнутри стал подниматься гнев. Я была поражена своим противоречивым чувством. На акафисте преподобному Амвросию я просила у батюшки утешения и помощи в утверждении веры. И вот мы пошли искать могилу старца Варсонофия. Как только стали к ней подходить, такое благоухание почувствовали и вместе с ним — огромное чувство радости и любви Божией. Вся смута из души моей ушла, и сердце наполнилось такой любовью, что невозможно описать. С тех пор я часто бываю в Оптиной Пустыни. Молюсь у могилы своего любимого старца и по его молитвам все мои проблемы быстро решаются. По молитвам Оптинских старцев приумножается любовь в сердцах людей и утверждается вера Православная.

Монахиня Анастасия рассказала 23 мая 1995 года: «Летом 1994 года, в конце Петровского поста, сестры Калужской общины в честь Казанской иконы Божией Матери вместе с воскресной школой Никольского храма г. Калуги были в паломнической поездке в Оптиной Пустыни. В этот день там служили соборно Сербский митрополит Амфилохий и архиепископ Калужский и Боровский Климент. По монастырю паломников водил послушник Алексий, которого благословили рассказать группе о монастырских святынях. У могилок Оптинских старцев Алексий рассказал о святой жизни подвижников и чудесах, совершавшихся по их молитвам. Когда сестры прикладывались ко кресту на могилке иеросхимонаха Льва, они почувствовали, что крест благоухал. Одна из сестер (послушница Елена Добановская) сорвала с могилки старца листок декоративной травки, с верой приложила ко кресту и положила в карман. Вечером, вернувшись из поездки, сестра достала листочек и обнаружила, что от него исходило благоухание, похожее на запах розового масла. Она показала листочек сестрам, священнику — все чувствовали запах и радовались такому чуду. Подумали было, что может в кармане что-то лежало, так пахнущее, но проверили — в кармане ничего не было и запаха такого не чувствовалось. Сестры помолились и положили листочек в прозрачную коробку к иконе, как святыню. Долгое время после этого запах сохранялся, потом стал ослабевать и почти исчез. Потом благоухание появлялось время от времени с новой силой. Прошел год. Последний раз листок сильно благоухал накануне Лазаревой субботы. Запах стал ослабевать после Светлой седмицы. Этот листок до сего времени хранится в обители».

Послушница Шамординского монастыря Галина пишет: «Около 15 лет я страдала от последствий сильной травмы левой руки. Плохо сгибались пальцы, рука боле-

ла, слабела. В последнее время я уже не могла держать в левой руке книгу, — рука обессиливала. Становилось всё труднее работать на послушании. Я стала молиться Оптинским старцам: «Ну хоть кто-нибудь, помогите!» Вскоре после этого мы с сестрами поехали в Оптину, чтобы приложиться к святым мощам, Дорогой я усердно молилась старцам, По приезде в Оптину, мы, прежде чем войти в храм, пошли на могилки старцев. В этот момент я с особой верой и усердием обратилась к старцам, и, перед тем как приложиться к крестам, положила больную руку на ближайшую могилку. В тот же момент я почувствовала как в руке от плеча прошел как бы электрический ток, рука согрелась, перестала болеть, а занемевшие пальцы стали свободно двигаться. С чувством невыразимой радости и благодарности я стала искать надпись на могилке, чтобы узнать имя моего исцелителя. На кресте было написано: «Лев Наголкин». По святым молитвам старца рука больше не болела».

Как рассказал о. Афиноген (Полесский), иеромонах, в 1994 году, — у него было всегда теплое чувство любая и почтения к старцу иеромонаху Никону (Беляеву) Оптинскому. Он хорошо осведомлен о всей жизни этого старца и хранит в памяти многие его духовные наставления. Однажды иеромонах Афиноген, переходя через проезжую дорогу, был поглощен какими-то мыслями и совсем не слышал шума и сигналов приближающегося на довольно большой скорости автомобиля. От катастрофы и смерти отделяли его уже доли секунды. И в эти мгновения он успел мысленно воскликнуть: «Преподобие отче Никоне, спаси мя!» И моментально вышеестеетвенная сила несколько уклонила его в сторону ровно настолько, что автомобиль, задев его одежды и даже тело, пронесся мимо. Кажется нетрудно представить себе, что переживал в те минуты о. Афиноген. Он еще более проникся любовью и благодарностью к своему избавителю от смерти, которого

он чтит как исповедника и мученика Христова за веру, как истинного подвижника, истинного монаха и духоносного старца.

Раба Божия Нина Николаевна Минченкова в августе 1994 года рассказала: «В 1991 году после больших постигших меня скорбей я впала в сильнейшее уныние и отчаяние. В таком тяжелом состоянии я пересматривала всю свою жизнь и спрашивала себя: «Что же сделано мною не так? За что меня всё это постигает? И как жить дальше?» И вот однажды вижу я во сне: монах, около пятидесяти лет, обращаясь ко мне сказал: «Что ты перебираешь свою жизнь? Не отчаивайся, ибо на всё воля Божия! Не унывай и не нервничай! Я послан, чтобы успокоить тебя, и я молюсь за тебя». — «Кто же это?» — мелькнула у меня мысль. На эту мысль мою монах ответил: «Через 2–3 года узнаешь». Где-то более чем через два о половиной года, в 1994 году, я приехала в Оптину Пустынь. В Шамординском женском монастыре, что близ Оптиной, был в то время престольный праздник, и я туда поехала. И вдруг там, в трапезной, я увидела на стене портрет того монаха, который явился мне во сне. От сестер я узнала, что это был старец оптинский иеромонах Никон, скончавшийся в ссылке на Севере в г. Пинеге. Таким образом, исполнились слова того монаха, явившегося мне во сне, утешившего меня в скорби и убедившего всё предать на благое произволение Божие — это был старец оптинский Никон. С того времени я всегда чту старца Никона и с теплым сердцем, как могу, обращаюсь к нему с молитвами».

Шамординская насельница раба Божия Фотиния пишет: «Еще живя в миру и не зная, кто такие монахи, я прочитала о старцах Нектарии и Никоне, просила их помочь мне управить мой путь ко спасению. В сердце загорелось желание служить Господу в монастыре, но с работы меня не отпускали, Как-то очень уставшая помо-

лилась я и заснула, но сон был легкий такой. Заходит монах, тихо так, перебирает что-то в руках (я тогда не знала, что это четки). Также не знала, что на голове у него клобук, подумала, что необычное одеяние какое-то, и этот монах произносит: «Угощение подано», — тихо и очень серьёзно. Я открываю глаза — никого нет, но слышен еще скрип половиц, Было это как раз в день памяти о. Никона, 8 июля (но может быть и 7-го, не совсем точно помню). И вот сразу, в несколько дней, я смогла уволиться с работы, и семейные обстоятельства так сложились, что я смогла уехать в монастырь. И только со временем поняла смысл той фразы: «Угощение подано». Как посыпались на меня скорби и страдания, тогда я и поняла, что это за «угощение» и чем «угощает» милосердный Господь рабов Своих, чтобы привести их к спасению».

В 1995 году живущая близ Оптиной Пустыни раба Божия Фотиния Хомич получила письмо от сестер Киевского Свято-Флоровского монастыря, в котором они просили отслужить молебен перед св. мощами преподобного Амвросия о здравии болящей Евдокии. У Евдокии была обнаружена злокачественная опухоль головного мозга и ей предстояла сложная операция. Ее родной сестре по имени Татьяна явился во сне старец Амвросий, назвал свое имя и сказал, что будет молиться о выздоровлении ее сестры. В верующей семье Евдокии не знали о преподобном Амвросии и об Оптиной Пустыни, и Татьяна обратилась к сестрам Свято-Флоровского монастыря с просьбой помочь узнать об этом Святом. Сестры написали нам письмо с просьбой отслужить молебен, что мы и исполнили. Через некоторое время мы получили письмо с благодарностью святому и сообщением, что операция прошла удачно, и Евдокия выздоравливает».

Писатель В. В. А., сотрудничавший с издательским отделом Оптиной Пустыни, издавшим несколько его книг на оптинские темы, рассказал, что в 1995 году во

время работы над очередной книгой наколол себе средний палец правой руки, который к утру распух и стал болеть. А у него привычка давняя — этим именно пальцем, одним, печатать на машинке тексты. Незадолго до этого один его знакомый также наколол палец, а потом его в больнице пришлось резать, ставить дренаж для оттока гноя, и, конечно, работоспособность была потеряна на несколько месяцев... В.В.А. стал в тот же день с горячей верой и усердием молиться преподобному старцу оптинскому Амвросию об исцелении пальца. Бог свидетель! На другой день опухоль пропала, следов травмы как не бывало. Можно было приступить к работе на машинке... Поблагодарив молитвенно Бога и великого оптинского старца, писатель так и сделал. Исцеление было несомненно чудесным.

Одна паломница из города Тулы в августе 1995 года рассказала: «Мой сын Владислав очень плохо учился — не имел способностей. Он с трудом закончил 8 классов, потом никак не мог приобрести профессию, никуда не мог устроиться на работу. Хотелось ему на завод, — взяли, но скоро уволили как ни к чему не способного. Да и дома что-либо сделать всё как-то не мог. Я, как мать, расстраивалась, глядя на это, а он и сам сильно скорбел, чувствуя свои недостатки. Вздохнет, бывало: «Господи, хоть бы чему-нибудь научиться!» И вот решил он съездить в Оптину, просто посмотреть, так как я часто ездила туда, Поехал со мной и остался там трудником. Целый год работал на кочегарке, и всё это время ходил на могилки старцев и просил их, чтоб как-нибудь научиться ему какому-либо ремеслу. И вот вдруг пробудилось у него желание заняться резьбой по дереву, — вырезал икону преподобного Амвросия и довольно хорошо. А после этого стал и писать иконы, да так удачно, что профессионалы этого дела его работы одобрили. Я не могла не видеть, что эти его неожиданные успехи воз-

никли благодаря молитвенной помощи святых оптинских старцев».

Паломник Алексей Трофимов пишет: «будучи в Оптиной Пустыни в июне–июле 1995 года, я нес послушание в трапезной. Проходящие там послушание читали в то время неусыпаемую Псалтирь в Казанском храме в течение часа, В первый раз, когда я должен был читать, произошло следующее событие, которое я иначе не могу объяснить как чудо. До сего времени я вообще не умел читать по-церковнославянски и попытки мои были столь неудачны, что все на это обращали внимание и советовали учиться. Прежде того, как я начал читать, я подошел и приложился к крестам над местом погребений старцев с просьбой о помощи. В начале чтение не получалось, что вызвало у меня большое сокрушение. Но минут через двадцать какое-то благодатное чувство объяло меня всего, и покатились слёзы, и я сразу стал читать – удивительно гладко и благозвучно, как бы даже нараспев, что и сохранилось впоследствии. Такой перемене в чтении удивились все знавшие меня братья. Силу благодатной помощи мне в этом деле я всецело приписываю старцам Моисею, Антонию, Исаакию (Антимонову) и Ксенофонту, к которым я обращался как к святым я твердо уповал на их молитвенное предстательство перед Господом».

«После обретения мощей Оптинского старца схиархимандрита Исаакия (Антимонова) и проповеди о. Наместника о старце я прониклась глубоким чувством веры и надежды его помощи в моих духовных нуждах и, обращаясь к нему, часто скоро бывала услышана, — писала 12 сентября 1995 года Елена Коровина, — От его мощей исходила теплота, явно ощущалась его невидимая поддержка и благоволение ко мне, грешной. В воскресенье, в день его перезахоронения, я была на ранней Литургии в Скиту, в Введенский собор пришла поздно и к мощам старца Исаакия приложиться не успела. Было очевид-

но — возможности приложиться больше не будет, так как старцев схиархимандрита Моисея и схиигумена Антония перезахоронили в Казанском храме сразу же после завершения литии. Я очень скорбела по этому поводу и почему-то не могла успокоиться, хотя и сознавала, что в этом надо видеть волю Божию. Но желание приложиться последний раз было очень сильное. Я стала просить старца Исаакия о помощи: «Батюшка Исаакий, соверши чудо! Мне так хочется приложиться к твоим мощам!» Так я простояла всю панихиду в Казанском храме и в конце успокоилась. Когда по окончании панихиды о. наместник обратился ко всем присутствующим: «А теперь, братья и сестры, в последний раз все приложимся к мощам дорогого нам оптинского старца Исаакия!» — для меня это явилось полной неожиданностью. И я восприняла это как молитвенное предстательство старца. Ведь молящихся в этот день было очень много, и все могли приложиться в Введенском соборе в течение нескольких часов и не один раз. Неизъяснимое чувство благодарности к старцу Исаакию, необыкновенная радость — как на Пасху: «Христос Воскресе!» — и любовь ко всем — такое благодатное чувство охватило меня».

Вот рассказ послушницы Марии Онисимовой (12.09.1995 года): «Как-то осенью о. наместник архимандрит Венедикт благословил меня пошить для братии Оптиной Пустыни на зимний сезон 1995 года теплые безрукавки, чтобы не простужались, так как братия молодая, а они больше всех простужаются, — потому что не следят за собой, как обычно следят пожилые люди. Работа эта у меня не получалась —то и дело ломалась швейная машина. Мне хотелось сшить, чтобы меньше было внутренних швов и чтобы получилось быстро и хорошо, так как зимнее время и нужда братии требовали. А технологию, как это сделать, я никак не могла уразуметь. Даже уже потеряла надежду и уже хотела

или уехать из монастыря, иди проситься на другое послушание. Но милосердый Господь вразумил меня дивным образом. Я читала житие старца Илариона и из него узнала, что старец в молодости был портным в городе Саратове. Я пошла на его могилку и, как могла, со слезами просила батюшку вразумить меня, грешную, как мне справиться с послушанием и дело исполнить хорошо. После могилки я пришла в пошивочную мастерскую, и вдруг у меня так всё начало получаться, что я даже поверить не могла. Вроде и машина та же, и материал тот же.

Одна паломница, будучи в Оптиной Пустыни, пошла на могилку старца Макария. Помолившись она «Сказала, что мне трудно ходить по святым местам, так как у меня сильно болит нога. Тогда мне пришло желание взять земельки из-под креста и потереть ею больную ногу. Я так и сделала. Взяла земельки под крестом и потерла ею с великой верой во имя Отца и Сына и Святаго Духа свою ногу. Потом пошла искать пристанище на ночь. Утром я проснулась, пошла умываться и тут заметила, что моя нога стала белая и ровная, как будто бы никогда и не была больна. Я очень обрадовалась и пошла в церковь на раннюю службу (был праздник равноапостольной Ольги). Я взяла кулёчек, чтобы после службы еще взять земельки с собой. Окончилась служба, я пошла на могилки попрощаться с любимыми старцами. Я целовала крест на могилке св. Макария, благодарила его за исцеление ноги и взяла немного земли с собой. Но она мне не пригодилась, так как нога больше не болела, Я поехала потом к преподобному Тихону Калужскому на источник. А затем ездила к преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу и к преподобному Сергию Радонежскому. Была на могилке старицы Матроны. Благодарю Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодника Божия старца Макария Оптинского, за молитвы которо-

го я получила исцеление. Прошу поклониться от меня святому старцу Макарию».

Письмо от группы сестер Шамординского монастыря: «Летом 1997 года, вскоре после празднования Казанской иконы Божией Матери, в нашем монастыре произошел следующий чудесный случай. Поздно вечером к нам приехала группа паломников из Мариуполя. Около 12 часов ночи паломники пришли в храм к началу полунощницы. Неожиданно для сестер паломники стали с громкими возгласами и со слезами падать на колени перед аналойной иконой старца Амвросия и благоговейно прикладываться к ней. На наши расспросы они рассказали следующее. Эти паломники ехали с Украины в Оптину Пустынь для поклонения мощам старцев и везли с собой многочисленные пожертвования. Ехали они по этому маршруту впервые, и дорога от Калуги до Оптиной была им совершенно незнакома, а день уже склонялся к вечеру. Наконец, совсем стемнело, и водитель предложил всем начать молиться о благополучном исходе путешествия, так как все опасались заблудиться. Вскоре после этого они заметили на дороге небольшого старичка в светлом одеянии, который шел по дороге в том же направлении, что и этот автобус. Старичок заметил их, остановился и стал «голосовать». Автобус остановился, и старец вошел в салон. «Дедушка, куда тебе?» — «В Оптину». — «Вот и мы туда же едем, да вот дороги не знаем и боимся заблудиться». На это старец отвечал, что лучше им сейчас ехать не в Оптину, на ночь-то глядя, а в Шамордино, которое чуть ближе. «Там вас и примут и накормят». Паломники согласились на это. Между тем, автобус уже доехал до поворота на Шамордино. Старец попросил остановиться, сошел и, показав рукою на наш монастырь, сказал: «Вам туда», — а сам пошел дальше по дороге в Оптину. Некоторые из паломников заинтересовались, куда же пойдет старец, но оказалось, что он как-то сразу исчез, и больше

его никто не видел. Автобус доехал до Шамордина. Паломников, как и говорил им старец, и встретили, и накормили. И они решили вместо отдыха пойти на ночную службу. Войдя же в храм, увидели на аналое икону преподобного старца Амвросия Оптинского, узнав в нем того старца, которые всего лишь час с небольшим тому назад показал им дорогу в Шамордино. Преподобне отче Амвросие, моли Бога о нас!»

Насельник Оптиной Пустыни иеромонах Паисий пишет 1 июня 2000 года: «Хочу рассказать о случившемся со мною три года назад. Я приехал в Оптину Пустынь с решимостью оставить мир и поселиться в монастыре. На второй или третий день моего пребывания в обители я, после дневного послушания, пришел на службу в Казанский храм. В течение дня я чувствовал некоторую тоску по дому и родным. В храме же за короткий срок тоска настолько усилилась, что мне стало просто невыносимо. Стоять на службе я не мог, внутри у меня началась целая буря переживаний, мыслей, чувств. Воспоминались родители, родственники, родной край. А монастырь — и всё, что в нем — представлялся каким-то чужим. Стали приходить настойчивые мысли, что здесь мне не место, что надо уходить отсюда и даже бежать. Состояние мое было таким, что я готов был действительно бежать не оглядываясь, лишь бы избавиться от навалившейся тоски. Но в мир возвращаться не хотелось, и это меня сдерживало. От тяжести переживаний у меня покатились слёзы, я стоял и плакал. Понимал, что надо молиться, но внутри всё противилось. Пробовал сказать: «Господи, помоги! Матерь Божия, спаси!» — но и на такую молитву сил не хватило. Казалось, у меня и воля была скована и не хотела слушаться, только где-то внутри, в глубине, была мысль или желание, что надо бороться, надо остаться. И тут я вспомнил, что в храме есть мощи старцев Моисея и Антония, начальников монастыря и Скита. Они принимают

в обитель, им надо молиться... И я взмолился: «Преподобные батюшки Антоние и Моисее, помогите! оставьте в монастыре!» — и другими подобными словами. Я горячо, со слезами просил старцев о помощи. Сильно просил. И через некоторое время такой молитвы как будто груз с меня спал, что-то изменилось и исчезло. Сильнейшей тоски не стало, появились силы молиться и говорить. Осталось лишь волнение от пережитого. Я подошел к исповедующему иеромонаху, но не сразу смог объяснить свою нужду, потому что даже говорить, как обычно, у меня не получалось! я лишь всхлипывал и утирал слёзы. Когда же успокоился, то объяснил случившееся и попросил молитв. Из храма я вышел успокоенным и утешенным. С тех пор прошло три года, но ничего подобного по силе борьбы и переживаний со мною более не случалось. Благодарю за молитвенную помощь преподобных Антония и Моисея Оптинских».

Раба Божия Фотиния Хомич 2 июня 2000 вода сообщила: «В 1993 году я, Хомич Фотиния, проживающая недалеко от монастыря Оптина Пустынь в поселке Оптино упала на своем крыльце и повредила ребро.

Врач поставил диагноз — трещина ребра. Боли были постоянные и сильные, никакое положение тела не приносило облегчения, тяжело было дышать. В медицинский практике никакого лечения подобных травм не предусмотрено, нужно только ждать, пока ребро срастется.

Пришлось делать обезболивающие уколы. Это всё произошло незадолго до дня памяти оптинского старца Анатолия (Потапова), в августе месяце. Накануне самого дни памяти старца сын принес мне масло из лампады с могилы святого. Была отслужена лития на могиле о. Анатолия после часа дня братие соборне. Мне помазали маслом больное место, и я заснула. Боль утихла настолько, что я как бы забыла о случившемся и утром пошла на Литургию в монастырь. После Литургии я вдруг вспом-

нила о своей болезни и поняла, что получила исцеление и уже на панихиде благодарила старца за его помощь. Ведь врач говорил, что такая травма может заживать до полугода. Затем в 1998 году, уже после прославления старцев, у меня случилась такая же боль в том же месте. Обострение остеохондроза было связано со старой травмой. Это было в августе месяце. После помазания маслом от гробницы старца Анатолия из Владимирского храма было облегчение, а после празднования дня памяти старца боль прошла совсем».

Вот пишет одна раба Божия: «Сразу после праздника Крещения Господня я, раба Божия Раиса, поехала по делам монастыря из Оптиной Пустыни в г.Челябинск, где я в то время проживала, привезя с собой бутылочку со святым маслом от лампад, что у всех гробниц Оптинских старцев. Через два дня по приезде я готовила обед. Со мной на кухне были мой сын Вячеслав и раба Божия Нина. И тут случилось искушение, кастрюля с крутым кипятком опрокинулась в моих руках, и он весь вылился на мою ногу. Я страшно закричала от боли. Нина в ужасе убежала. Сын оторопел и не знал что делать. Тут же на кухне возле меня была полочка с иконами и святынями. Я схватила пузырек только что привезенного освященного масла и стала призывать батюшку Амвросия и всех старцев: «Помогите мне!» Сын считал, что положение безвыходное и думал, как вызвать врача, и какие тяжелые надо ожидать последствия, Я вылила весь пузырек до последней капли на обваренную ногу и обмотала ее попавшим под руку полотенцем. Буквально через несколько мгновений я почувствовала, что боль стала проходить. Я растерялась, и сказала об этом сыну. Ни он, ни я не могли в это поверить. Позвали Нину. Мне хотелось посмотреть, что происходит с ногой. Я стала разматывать тряпку и поразилась тем, что увидела: багровая, почти фиолетовая краснота стала спускаться

вниз как ртуть в термометре. Причем, ни волдырей, ни облезания кожи не было. Это было явное чудо! Вся краснота ушла, а вместе с ней и боль, остались как бы на память на ступне возле пальцев три маленьких багровых пятнышка. А сын и сегодня вспоминает, как спустя лишь 4–5 минут мы все трое сидели весело за чаем, как ни в чем не бывало, а я при этом пребывала в каком-то необычном состоянии. Все мы были пронизаны сознанием происшедшего чуда, подобного тем, о которых раньше читали только в книгах. Ныне мы с сыном живем в Оптиной и можем всё при необходимости подтвердить».

«О чудесах старцев Оптинских Льва и Никона могу рассказать нижеследующее, — пишет насельница Шамординского монастыря инокиня Тавифа. — Летом 1997 года я получила благословение от старца на поступление в Шамординский монастырь. Но домашние и семейные обстоятельства препятствовали моему уходу от мира, и я опасалась, что трудности невозможно будет преодолеть еще многие годы. В это время я постоянно перечитывала жития старцев оптинских, и особенное благоговейное чувство вызывали жития старцев Льва и Никона. К ним-то я и решила обращаться с особой молитвой и просить их помощи в деле скорейшего устроения моей монастырской жизни. Старец Лев, согласно его жизнеописанию, стал оптинским послушником лет в 28–29, Мне на тот момент было 28, и я просила старца, чтобы и мне в момент моего прихода в монастырь было не больше 29 лет. Старец же Никон был, как и я, родом из Москвы; а его церковный путь в этом городе прошел через храм Ризположения на Донской улице и Всех Скорбящих Радосте на Ордынке, с которыми была тесно связана и моя церковная жизнь. Я надеялась, что это не случайно и просила старца, так рано оставившего мир, помочь и мне не задержаться в нем, К моему изумлению и радости меньше чем через 5 месяцев я уже собирала вещи для переезда в

Шамордино. Отъезд планировался мною на 3 января 1998 года (по н. ст.). Но буквально в последний момент отъезд был отложен на 5 января. Это казалось тогда мне совершенно незначащей мелочью.

Началась моя монастырская жизнь, и я потихоньку стала забывать о моих настойчивых просьбах к старцам Льву и Никону, и даже не очень верила, что была ими услышана, и они принимали участие в устроении моей жизни. Но, старцы не оставили меня. Как-то вечером ко мне пришла сестра из монастырской канцелярии и сказала, что мне нужно написать прошение о приеме в монастырь, Я с радостью выполнила это и спросила, какое нужно поставить число. «Завтрашнее, 5 марта». Естественно, я сразу стала искать по календарю, память какого святого приходится на этот день. Что я могу сказать о тех чувствах, которые охватили меня, когда я увидела, что 5 марта (н. ст.) празднуется намять св. Льва Катанского, и это день Ангела старца Льва!

По прошествии некоторого времени после этого события, я (в который раз) перечитывала житие старца Никона. Внимательно остановившись на описании его приезда в Оптину, я стала переводить указанные в жизнеописании даты со старого стиля на новый. Результаты исследований привели меня не только в состояние удивления, но даже и некоторого страха: согласно жизнеописанию, старец Никон выехал из Москвы 4 января (н. ст) (на св. Анастасию Узорошительницу) и прибыл в Оптину 5 января 1908 года. Ровно через 90 лет, день в день, молитвами преподобного старца Никона Господь привел меня в Шамордино! В заключение могу добавить, что сороковой день моего иноческого пострига пришелся на день памяти старца Никона (8 июля н. ст.). Дивен Бог во смятых Своих!

Инокиня той же пустыни м. Нектария пишет: «В 1990–1992 годах я впервые познакомилась с житиями

старцев Оптинских, еще не прославленных тогда в лике святых. Особенно близким и дорогим стал мне старец Нектарий. И я всегда, когда подавала на проскомидию записку о упокоении своих сродников, первым писала имя иеросхимонаха Нектария, наивно думая при этом, что старец в моих молитвах, наверное, не очень нуждается, но если он сам во святых, то не оставит меня без своего молитвенного внимания, В 1994 году я поступила в Шамординский монастырь. Думая тогда о будущем (если сподобит Господь) постриге, я просила Его, чтобы, если возможно, получить мне имя старца Нектария, если когда-нибудь прославят батюшку. Но постепенно, за монастырскими заботами, я стала менее усердно молиться об этом. А потом и вовсе оставила мысль о своем будущем иноческом имени, положившись в этом на волю Божию. В 1999 году в иноческом постриге я получила имя Нектарии в честь преподобного старца Нектария Оптинского».

Один раб Божий пишет: «Я, Файзуллин Вячеслав, работаю звонарем в храме «Воскресение словущее» на Ваганьковском кладбище в Москве, Я строил иконную лавку рядом с храмом. Когда крыл крышу железом, нога соскользнула, и я упал с высоты двух с половиной метров правым боком на ограду, сломал два ребра. После лечения ребра болели долго, на изменения погоды боли обострялись, мог поднимать только полведра воды. Поехал в Оптину Пустынь паломником и попал на открытие мощей Амвросия Оптинского. После службы все прикладывались к мощам через открытое в гробнице окошечко. Когда я сунул голову в окошечко, из любопытства понюхал — чем пахнет. Из гробницы дул чистый холодный воздух и пахло хвоей. После того, как я приложился ко лбу старца Амвросия, по мне с ног до головы прошла обжигающая холодно-горячая волна, дышать вдруг стало легко и боли исчезли. Выйдя из хра-

ма, я попробовал наклониться, — болей не было. Попробовал поднимать всякие тяжести, — и тут не было болей. И с тех пор у меня ничего не болит.

Раба Божия Галина из города Перми пишет: «В ночь с 4 на 5 января 1999 года я получила исцеление по молитвам Оптинских старцев. За день до отъезда в Оптину Пустынь кожа на моих руках так сильно потрескалась, что из многочисленных ран струилась кровь, руки опухли. С Божьей помощью, превозмогая боль, я потихоньку собралась в путь. С собой взяла икону «Собор Оптинских старцев», канонизированных 26 июля 1996 года, и св. масло, что брала в Оптиной в августе 1996 года. Ночью, когда мои попутчики в вагоне улеглись спать, я достала икону преподобных Оптинских старцев и св. масло. Трижды перекрестившись, приложилась к иконе и помазала руки святым маслом. Утром мои руки имели иной вид: многочисленные раны зарубцевались, опухоль спала, ноющая боль прекратилась. Свидетельницами болезни и исцеления моего были следовавшие со мною в Оптину Пустынь мама священника Санникова Любовь и моя дочь Анна. Так и на сей раз Господь явил Свою милость ко мне грешной, по молитвам и предстательству Оптинеких старцев подал чудесное исцеление (24.03.1999)».

Насельник Оптиной Пустыни игумен Антоний сообщил: «В Оптину Пустынь в течение нескольких лет из Москвы приезжал раб Божий Димитрий, чтобы помолиться здесь у святых мощей старцев и чтобы потрудиться с братией на монастырском подсобном хозяйстве. Во время одного из своих приездов в Оптину Димитрий поведал мне свою большую скорбь. Живут они с супругой своей вот уже восемь лет, а детей не имеют. От этого жизнь их становится какой-то безрадостной. Зная великую силу молитв святых оптинских старцев, я на исповеди посоветовал Димитрию, чтобы он с супругой приехал

в Оптину Пустынь и чтобы они вместе помолились у святых мощей старцев, попостились бы, поисповедовались и причастились Святых Христовых Таин. Димитрий с супругой исполнили мой совет. По милости Божией и по молитвам святых старцев через год у них родился сын, а сейчас ему уже полтора года» (1.06.2000).

Вот пишет оптинский иеромонах Даниил (2.06.2000 года): «Хочу описать даже не чудо, а некое благодатное утешительное знамение, бывшее мне от наших Оптинских старцев. В 1996 году после продолжительной и мучительной болезни умерла моя мама Лидия, Была она человеком нецерковным и только в последние месяцы жизни, уже на одре болезни, соборовалась, исповедовалась и причащалась, Знаменательно то, что умерла она 12 августа, в день памяти оптинского старца Анатолия (Потапова), — 9-й день пришелся на день памяти другого старца преподобного Антония (Путилова), а 40-й день — на день памяти старца Макария (Иванова). И во время отпевания, и на панихидах в 9-й и 40-и дни было особое благодатное, почти пасхальное чувство, не только у меня, но и у многих присутствовавших. Во время в день памяти преподобного Макария на кладбище, на небе, сплошь покрытом тучами, вдруг выглянуло солнце. Верю, что старцы оптинские, как при жизни, так и сейчас явно утешают и вселяют надежду всякому, и что своими молитвами они ходатайствуют о спасении рабы Божией Лидии».

Рассказ рабы Божией Татьяны завершает приведенным нами большой но все-таки далеко не полный перечень чудес, совершавшихся во молитвам Оптинских отцов и старцев. «Ожидая начала Великого Поста, — пишет она, — я пребывала в большом унынии, болезнь и смерть свекрови и свекра и разные мирские заботы не давали мне возможности побывать и помолиться на монастырском подворье. Я очень хотела навсегда оставить мир-

ские дела, но дети требовали материнского участия. Я настолько отчаялась, что потеряла к жизни всякий интерес и готова была с ней расстаться, лишь бы скорее к Богу. Я понимала, что мое уныние, отчаяние и ждание смерти – страшный грех, но надеялась на Всемилостивого Бога.

Когда дети были в школе, я решила исполнить задуманное, В состоянии помрачения шагнула к балкону, а вдруг вижу, что дорогу мне преградил высокий, худой красивый старец с высоким лбом, длинными белыми волосами и такой же бородой. Одежда на нем была белая, голова не покрыта. Я села на диван, а старец продолжал стоять, ласково и с участием смотря на меня. Когда я пришла в себя от изумления, он сказал: «Приезжай ко мне в Оптину, всё уладится, и ты успокоишься». Я спросила: «Как доехать туда?» Он ответила «Город Козельск, река Жиздра, ныне Калужская область». Я опять спросила: «А к кому сказать я приехала?» Старец ответил: «Скажи, к батюшке Варсонофию».

Позже я себя уверила, что мне это всё привиделось от помрачения ума, и даже не запомнила имени, очень трудного, как мне тогда показалоеь. Про Оптину Пустынь я слышала и раньше, но ехать в незнакомое место не решилась.

Через несколько дней меня жестоко избили, и только через 12 часов меня в бессознательном состоянии с закрытой травмой живота доставили в хирургическое отделение центральной городской больницы. Как потом я узнала, сначала мне делали внутривенные наркоз и лаппороскопию (обзор брюшной полости). Обнаружили множественные разрывы селезенки, перитонит, вызванный большим и длительным излитием крови в брюшную полость. Я умирала. И опять на помощь явился старец, который сказал: «Моли Бога нашего Господа Иисуса Христа, чтобы не дал умереть без покаяния», — а

сам старец стал благоговейно молиться, произнося^ «Господи, помилуй! Господи помилуй! Господи, помилуй!» Больше я ничего не помнила, только когда очнулась, батюшка сказал: «Теперь готовься к новой, иной жизни!» Это было в ночь с 5 на 6 марта 2000 года.

Я долго была без сознания, в бреду, с очень высоком температурой и низким гемоглобином. Неделю я провела в реанимации. Но вдруг, с началом Великого Поста, 13 марта температура спала, я пришла в сознание, попросила вынуть трубки из живота (так называемый дренаж) и сказала, что хорошо себя чувствую. В этот же день я встала, а на Прощеное воскресенье уже ходила и всем сердцем чувствовала, что за молитвы старца, имя которого я даже не запомнила в точности. Господь помиловал меня. Позже мне сказали, что в начале операции я беспрерывно повторяла: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!» — до тех пор, пока меня не интубировали (перевели на искусственое дыхание) и дали более сильный наркоз. Операция была сложной, мне удалили селезенку, другие органы были травмированы. Мне говорили, что я вернулась с того света. А я знала, что «тем светом» за все нераскаянные грехи для меня был ад.

Я очень быстро выздоровела и не чувствовала никаких последствий операции, только воспоминания телесных мук и шов во весь живот в виде буквы «Г» напоминали мне о чуде моего спасения за молитвы батюшки из Оптиной Пустыни.

По адресу, который дал мне старец, я приехала в Оптину Пустынь 27 апреля в четверг на Страстной седмице, мне дали послушание убираться во Владимирском храме. Я пришла в храм и долго ждала, вглядываясь в заходящих монахов, но моего батюшки среди них не было. Я подумала, что пришла поздно, и батюшка уже ушел, тогда я стала прикладываться к мощам и на

второй раке обнаружила имя моего заступника, тут же, в свечной лавке, найдя в книгах фотографии преподобного Варсонофия, я не узнала его: молодой, в облачении, в очках... Но когда я увидела другую фотографию, где старец сидит в белой одежде и с непокрытой головой, радости моей не было предела. Мой батюшка, мой спаситель — святой, преподобный старец Варсонофий!

Кому же я поведаю о своих бедах, кто даст мне добрый совет, кто наставит на путь истинный? — Теперь я знаю и верю — великий угодник Божий, преподобный Варсонофий Оптинский молится за меня и не оставит меня».

КОНЕЦ И БОГУ СЛАВА!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. М., 1892.

2. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб., 1899. Т. 2. Кн. 1., т. 7, кн. 1, т. 7, кн. 2.

3. Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911.

4. Слова преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1890. Т. 2.

5. Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1905. Т. 1, т. 4.

6. Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ч. III. Письма к монашествующим. М., 1995.

7. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1875.

8. Чулкова Н. Г. «Некрополь Оптиной Пустыни». Рукопись.

9. Летопись Скита Оптиной Пустыни. Рукопись.

10. Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Репринтное воспроизведение издания 1917 г. Оптина Пустынь, 1994.

11. «Неизвестная Оптина». СПб., 1998.

12. Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Репринтное воспроизведение издания 1882 года. Оптина Пустынь, 1992.

13. Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. Репринтное воспроизведение издания 1870 года. Оптина Пустынь, 1992.

14. Письма к разным лицам игумена Антония. Репринтное воспроизведение издания 1869 года. Оптина Пустынь, 1991.

15. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1997.

16. Собрание писем блаженныя памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Отделение первое. Письма к монахам. Репринтное воспроизведение издания 1862 года. СПб., 1994 .

17. Собрание писем Оптинского старца Амвросия к монашествующим. Вып. II. Сергиев Посад, 1909.

18. Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Оптина Пустынь, 1993. С. 229.

19. Старец Захария, схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры. Житие, подвиги и чудеса. М., 1993.

20. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Репринтное воспроизведение издания 1900 года. Оптина Пустынь, 1999.

21. Житие Оптинского старца Иосифа. Введенская Оптина Пустынь, 1893.

22. Житие Оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996.

23. Цветочки Оптиной Пустыни», М., «Паломник», 1995.

24. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Репринтное воспроизведение издания 1905 года. Оптина Пустынь, 1995.

25. Житие и поучения Оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1994.

26. Житие Оптинского старца Варсонофия. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1995.

27. Митрополит Вениамин. Божьи люди. М. 1997.

28. Житие Оптинского старца Анатолия Потапова. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1995.

29. Житие иеромонаха Никона. Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1996.

30. «Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители» Рукопись. Новый оптинский архив.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1400

